

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

100 лет
НА БЛАГО ОТЕЧЕСТВА

100 лет
университетскому образованию
и науке в Беларуси

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА БЕЛАРУСИ

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ БЕЛОРУССКОЙ
НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
(1919–2001)

МИНСК
БГУ
2021

УДК 378.4(476-25)(092) + 001(476)(091)(092)"1919/2001"
ББК 74.484.7(4Бей)д + 72.3(4Бей)д
И73

Серия основана в 2017 г.

А в т о р ы:

**А. Д. Король, И. Г. Бочило, А. В. Бурачонок, А. В. Войтович,
Т. Д. Гернович, О. И. Ершова, С. А. Захаркевич, В. А. Кохнович,
Д. Г. Ларионов, С. Л. Луговцова, В. С. Макаревич,
А. Н. Максимчик, Э. Л. Малиновская, О. И. Малюгин,
Т. А. Новогородский, В. А. Подолинский, А. А. Торканевский,
В. А. Федосик, М. Ф. Шумейко, О. А. Яновский**

Под общей редакцией А. Д. Короля

Научный редактор О. А. Яновский

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я:

А. Д. Король (отв. ред.), Д. Г. Медведев, О. А. Яновский,
Н. Н. Герасимович, А. Г. Кохановский

Р е ц е н з е н т ы:

академик НАН Беларуси, доктор исторических наук,
доктор архитектуры *А. И. Локотко*;
член-корреспондент НАН Беларуси, доктор химических наук *Д. В. Свиридов*;
доктор исторических наук *Н. Н. Мезга*

Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской нау-
И73 **ки и высшего образования (1919–2001) / А. Д. Король [и др.] ; под общ. ред.**
А. Д. Короля ; науч. ред. О. А. Яновский. – Минск : БГУ, 2021. – 319 с. : ил. –
(Белорусский государственный университет: 100 лет на благо Отечества).
ISBN 978-985-881-039-9.

Четвертая книга серии продолжает рассказ о выдающихся ученых, преподавателях и руководителях различных учебных и научных подразделений Белорусского государственного университета. Расширены хронологические рамки – как и прежде, представлены очерки об университетских интеллектуалах 1920–70-х гг., далее повествование ведется до начала 2000-х гг. Читатель в 27 историях жизни найдет основные вехи биографий, но в первую очередь – рассказ о весомом вкладе «людей БГУ» в становление и развитие науки и образования Беларуси, других сфер – народного хозяйства, культуры, политики и пр.

УДК 378.4(476-25)(092) + 001(476)(091)(092)"1919/2001"
ББК 74.484.7(4Бей)д + 72.3(4Бей)д

ISBN 978-985-881-039-9

© БГУ, 2021

*Создателям
системы высшего образования
и науки Беларуси посвящается...*

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Сегодня в исследовательских работах по истории образования и науки прослеживается тенденция неразрывной связи судеб ученых, интеллектуальных направлений и исторических эпох. Активно формируются научные сообщества по изучению интеллектуальных исследований, интеллектуальной истории, истории через личность. В основе этих работ лежит просопографический метод, когда через личности политических и социальных лидеров эпохи всесторонне раскрывается исторический процесс. Конечно, данный подход не «магистральный путь» и не универсальное средство к постижению истории во всех ее проявлениях. Но этот метод наши историки в преддверии 100-летнего юбилея Белорусского государственного университета целенаправленно избрали для создания исторических портретов выдающихся интеллектуалов первого университета Беларуси, изучения их жизненного пути, объективного воссоздания обстоятельств научного и педагогического творчества, раскрытия их духовного мира с учетом воздействия внешних факторов.

Наиболее ярко заявленный метод отражен в очерках пяти книг «Интеллектуальная элита Беларуси. Основополжности белорусской науки и высшего образования». Представляемая читателю

четвертая книга продолжает рассказ о выдающихся ученых практически всех научных направлений БГУ с 1919 по 2001 г. Через портреты 27 физиков и историков, экономистов и медиков, филологов и биологов, географов и журналистов, философов и математиков, химиков и юристов, педагогов и руководителей различных подразделений университета показан путь БГУ к международному признанию и вхождению в число лучших университетов мира, а также многогранная роль университета в становлении экономики, политики, культуры нашей страны.

Авторы при работе над творческими биографиями ученых использовали разные источники, обращались к архивным материалам, воссоздавали объективные факты через встречи и беседы с родными и сослуживцами своих героев.

Формат издания не позволяет представить всю палитру сведений и авторских оценок увековеченных в этой серии более 100 имен педагогов, ученых и исследователей. Сожаление вызывает также ограниченность объема серии и невозможность рассказать о множестве сотен великих и заслуженных представителей интеллектуальной элиты Беларуси.

Очень надеюсь, что данный издательский проект будет поддержан и продолжен последователями. Перед нами стоит всеобщая задача – не забыть имен тех,

кому университет обязан своим становлением, эпохальными достижениями во всех сферах многофункциональной и многовекторной деятельности, приобретением научно-образовательного первенства и вхождением в мировое интеллектуальное пространство. Важно укрепить историческую память об основоположниках белорусского образования

и науки, заложивших фундаментальные основы для развития нации и страны, определивших вектор и источник единства нашего общества и его объединяющего начала.

**Ректор БГУ
доктор педагогических наук, профессор
Андрей Дмитриевич Король**

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА БЕЛАРУСИ

В очередной, четвертой, книге «Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования» (всего задумано подготовить к 100-летию Белорусского государственного университета серию из пяти подобных книг) авторы продолжили рассказ о выдающихся представителях профессорско-преподавательского коллектива первого университета нашей страны. В ранее изданных трех книгах редакционная коллегия серии представила стратегию замысла: рассматривать биографии незаурядных ученых в контексте как их непосредственного воздействия на формирование важнейших направлений научных исследований и методик преподавания в БГУ, так и участия в развитии научно-образовательной сферы Беларуси в целом и всего ее народно-хозяйственного комплекса. В основу подготовки очерков авторы положили просопографический метод исследования, когда представители университетской корпорации и весь университет в целом рассматриваются в качестве органической части общей системы социально-политических, экономических и культурных процессов, развивавшихся в Беларуси на протяжении 1919–2021 гг.

Хронологически в четвертой книге рассказ ведется о тех, кто жил и работал в Беларуси и БГУ с момента создания университета и до начала XXI ст.

В очередной раз авторы обращаются к биографиям первых университетских интеллектуалов (им посвящен раздел «Из плеяды первых...»), затем во втором разделе «Стоявшие у истоков новых научных направлений» рассмотрен жизненный и творческий путь еще 14 ученых на этапе сложных, но судьбоносных для университета 1940–70-х гг., а очерки третьего раздела «Таланты, творившие на рубеже двух веков в истории Беларуси» позволяют читателю через жизнеописания их героев включиться в постижение некоторых страниц истории БГУ уже на изломе тысячелетий. Разумеется, такое деление условно, так как большинство биографий наполнено сюжетами и фактами, в той или иной степени сопряженными с деятельностью БГУ на протяжении 80 лет.

Четвертая книга серии подготовлена обновленным коллективом авторов. Тем не менее удалось в полной мере выдержать прежний строго научный уровень излагаемой информации в сочетании с литературным стилем подачи текста. Весь научный аппарат умышленно изъят, чтобы не отвлекать читателя от сопереживания при осмыслении коллизий судеб тех, кого мы все должны не только помнить, но и чтить за их вклад в интеллектуальную сферу Беларуси. Остались без изменений и археографические принципы, которыми авторы руководствовались в уже изданных книгах.

Каждый приводимый факт основывается на верифицированных источниках, среди которых доминируют архивные материалы. Авторский коллектив считает необходимым высказать огромную благодарность прежде всего коллегам-архивистам различных архивов Беларуси (работникам архива БГУ, сотрудникам Национального архива Республики Беларусь, Центрального научного архива НАН Беларуси, Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства, Музея истории медицины Беларуси и др.) и России (Архива Российской академии наук, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга и др.), которые в реальном или виртуальном режиме оказывали неоценимую помощь в поиске и обработке порой уникальных документов не только из личных фондов, но и официальных, где сохраняются материалы по истории БГУ, высшей школы и научных учреждений Беларуси. Авторы многое почерпнули и во время личных встреч с родными и коллегами тех, о ком они писали в своих очерках. Не остались без внимания опубликованные материалы, отслежены и использованы разнообразные интернет-ресурсы.

Важно подчеркнуть проявленную всеми авторами заинтересованность в поисках как можно более полного и в какой-то степени уникального материала (текстового и визуального) о своих героях. Каждый автор был вправе делать различные акценты в представлении жизни, педагогической деятельности, исследовательских пристрастий тех, о ком писал очерк. Кто-то почти детально представил фундаментальные и прикладные результаты научной деятельности университетского интеллектуала, кто-то значительное место уделил рассказу о совершенствовании

учебно-методического мастерства педагога, а в ряде случаев внимание читателя обращено на незаурядные организаторские качества героев очерков – как руководителей кафедр, лабораторий и факультетов, так и представителей администрации университета. Историкам пришлось вникать в смысловую и терминологическую специфику естественно-научных и гуманитарных областей знаний, которые представляли те, о ком ведется рассказ в очерках. В ряде случаев неоценимую помощь в расшифровке некоторых профессиональных нюансов оказали наши коллеги по БГУ – математики, физики, биологи, химики, философы, филологи, экономисты, географы и др.

Не осталось без должного внимания рассмотрение деятельности почти всех 27 представленных в книге интеллектуалов на различных участках их работы за пределами университета. Особое место отведено военным страницам их биографий – борьбе с фашистской агрессией на фронтах Великой Отечественной войны, в партизанских отрядах, работе в тылу, участию в восстановлении университета и всей страны после Победы. В целом же стояла задача кратко, но максимально гармонично рассмотреть весь творческий путь интеллектуалов, хотя, разумеется, особое внимание обращено на период их работы в стенах БГУ и на факты несомненного влияния Белорусского государственного университета на профессиональные качества и общую культуру человека, чья судьба была сопряжена с деятельностью БГУ хотя бы даже на некоторый период. Можно с уверенностью утверждать, что в большинстве случаев БГУ для них был альма-матер на всю жизнь!

**Олег Антонович Яновский,
Михаил Федорович Шумейко**

ИЗ ПЛЕЯДЫ ПЕРВЫХ...

**Один из первых
белорусских ученых-альгологов**

**Доцент, первый декан
биологического факультета БГУ**

Ольга Дмитриевна АКИМОВА

01.07.1883 – 04.07.1969

Ольга Дмитриевна Акимова – белорусский ученый-биолог и педагог. Нельзя переоценить ее роль в становлении и развитии биологической науки и подготовке в Беларуси многих поколений биологов – исследователей и педагогов. Почти столетия она проработала в высшей школе, исследовала альгофлору водоемов. В 1918–1920-х гг. принимала активное участие в создании системы советского школьного образования, работала учителем, затем школьным инструктором Витебского губернского отдела народного образования, связала свою жизнь с формирующейся системой высшей школы Беларуси: преподавала в Витебском педагогическом институте, потом в Белорусском государственном университете. Вошла в историю БГУ как первый декан нового – биологического – факультета (руководила им в 1931–1932 и 1943–1948 гг.). Более того, стала первой женщиной-деканом в истории университета. Ольга Дмитриевна восстанавливала образовательные и научные традиции биофака на станции Сходня под Москвой, летом и осенью 1944 г. занималась организацией переезда факультета в освобожденный Минск, налаживанием работы коллег и учебы студентов в первые послевоенные годы. Этот ее труд в 1953 г. был оценен высокой государственной наградой – орденом Ленина.

О. Д. Акимова – одна из первых ученых-альгологов Беларуси, проводила гидробиологические исследования рек Свислочи, Западной Двины и Припяти. Круг ее научных интересов включал изучение видового и количественного состава, биомассы фитопланктона водоемов БССР.

Ольга Дмитриевна Акимова родилась в с. Туржец Туровлянской волости Полоцкого уезда Витебской губернии. В анкетах, заполненных в советское время, она не указывала своих родителей. Можно предположить, что они принадлежали к духовному сословию, а это в СССР считалось пятном в биографии. О том, что отец, вероятно, был священником, свидетельствует учеба девушки в Полоцком женском духовном училище в Витебске, в котором обучались дети православных священнослужителей. В конце XIX в. в училище расширили перечень преподаваемых предметов, оно приравнялось к средним учебным заведениям, выпускницы которых могли претендовать на звание домашней учительницы и учителя начальной школы. В духовных училищах много внимания уделялось нравственному и трудовому воспитанию. Девочек приучали к скромности, вежливости, опрятности, бережливости, учили шить, готовить, убирать. Прошедших курс обучения в духовном училище воспитанниц отличали твердые моральные принципы, хорошие манеры, полезные практические навыки и, конечно, образованность.

Ольга Акимова окончила Полоцкое женское духовное училище в 1900 г. с наградой второй степени. В 1901–1906 гг.

работала учительницей церковно-приходской школы: вначале – в д. Камли Городокского уезда Витебской губернии, затем – в г. Витебске. Среди сверстниц девушка выделялась стремлением к знаниям, поэтому естественным стало решение о необходимости продолжить образование. Ольгу Дмитриевну наиболее интересовали естественные науки. Их постижение она начала в 1906/07 учебном году в Высшей вольной школе Лесгафта в Санкт-Петербурге. Затем с 1 сентября 1907 г. по 18 декабря 1912 г. училась на Высших женских естественно-научных курсах М. А. Лохвицкой-Скалон. Эти курсы обеспечивали высокое качество образования за счет хорошей материальной базы и привлечения университетских преподавателей. Лекции по гистологии читал профессор Петербургского медицинского института А. С. Догель, зоологии – профессор Санкт-Петербургского университета В. М. Шимкевич, физике – профессор Политехнического института В. В. Скобелцын, минералогии – приват-доцент Санкт-Петербургского университета Г. Г. Петц, физиологии и анатомии – приват-доцент Санкт-Петербургского университета, физиолог Императорской академии наук Ф. Е. Тур, химии – магистр фармации, лектор Санкт-Петербургского женского медицинского института А. С. Гинзберг, ботанике – ассистент профессора Женского медицинского института В. М. Арциховский. Высшие женские курсы относились к разряду высших учебных заведений Министерства народного просвещения. Их слушательницы обладали такими же правами, как и слушательницы самых популярных в Российской империи Высших женских Бестужевских курсов. С 1910 г. их выпускницы получили право преподавать в средних учебных заведениях для девочек любого типа.

О. Д. Акимова училась на педагогическом отделении курсов, где готовили преподавательниц естествознания и гео-

Здание Полоцкого женского духовного училища в г. Витебске. Конец XIX в.

Группа слушательниц Высших женских естественно-научных курсов
М. А. Лохвицкой-Скалон в день 10-летнего юбилея

графии. В свидетельстве об их окончании указано, что она прошла полный четырехгодичный цикл обучения, включавший такие предметы, как математика, физика, неорганическая и органическая химия, физическая химия, минералогия, анатомия человека, историческая и динамическая геология, ботаника, физиология животных, цитология и гистология, зоология сравнительной анатомии, математическая и физическая география, антропогеография, география растений, география животных, страноведение, методика географии, методика естествознания, педагогика, психология. Во время испытаний Ольга Дмитриевна показала отличные и хорошие успехи. Свидетельство удостоверяло право преподавать во всех женских гимназиях и прогимназиях, во всех классах средних женских учебных заведений Ведомства императрицы Марии.

В декабре 1912 г. О. Д. Акимова вернулась в Витебск и, ожидая вакантной

должности в правительственном учебном заведении, давала частные уроки. С 18 апреля по 1 июля 1913 г. работала учительницей естествознания и географии в Койдановском высшем начальном училище Ковенской губернии, а 1 июля 1913 г. получила назначение на должность учительницы естествознания и географии в Полоцкое 2-е высшее начальное училище. Здесь работала до 1 августа 1916 г. В белорусских губерниях из-за роста количества начальных школ расширялась подготовка учительских кадров. В 1916 г. открылась Бобруйская женская учительская семинария, куда и перешла Ольга Дмитриевна. До 1 августа 1919 г. она преподавала в семинарии естествознание и географию. После оккупации Бобруйска польскими войсками в 1919 г. учебное заведение закрылось.

Ольга Дмитриевна решила переехать к своей тетке в Витебск. Проблем с поиском работы не возникло. В этот период в Витебской губернии, входившей в со-

став РСФСР, развернулось строительство советской системы народного образования: прежние типы школ реформировались в единую трудовую школу с двумя ступенями; создавались новые профессиональные учебные заведения. Педагогов с таким образованием и опытом работы, как у О. Д. Акимовой, не хватало. Она устроилась в Витебский губернский отдел народного образования на должность школьного инструктора, а уже в сентябре 1919 г. перешла на в 11-ю школу II ступени г. Витебска учителем естествознания.

Вскоре в Витебске открылось высшее учебное заведение для подготовки педагогических кадров – Институт народного образования (ИНО), преобразованный в 1923 г. в Высший педагогический институт. Он состоял из трех отделений, в том числе биолого-географического. Педагогический коллектив института формировался из представителей научно-педагогической интеллигенции Российской империи, которые перешли на сторону советской власти. В Витебский ИНО О. Д. Акимову пригласили в 1920 г. на скромную должность лаборанта, но с правом преподавания биологии. По совместительству она преподавала естествознание в промышленно-экономическом техникуме и в опытно-показательной школе г. Витебска. Ольга Дмитриевна стала одной из первых женщин-преподавателей в вузах советской Беларуси. Она представляла когорту педагогов, получивших фундаментальную подготовку на занятиях у выдающихся профессоров дореволюционной российской научной школы.

В марте 1924 г. Витебская губерния вошла в состав БССР. В республике началась оптимизация сети высших и средних профессиональных учебных заведений, исходя из потребностей в кадрах и экономических возможностей их подготовки. 19 апреля 1924 г. было принято решение о консервации Витебского педагогического института. Изъявившие

желание преподаватели и студенты с нового учебного года могли перейти в БГУ.

В сентябре 1924 г. О. Д. Акимова приступила к работе на отделении естествознания педагогического факультета БГУ в должности ассистента по кафедре ботаники. Ведущим специалистом этой кафедры в 1924–1928 гг. был известный ученый-альголог профессор Н. М. Гайдук. С его именем связано создание белорусской альгологической школы. Под руководством этого ученого в БССР начали формироваться научные школы в области ботаники. Преподаватели естественнонаучного отделения педфака БГУ приступили к изучению состава и систематики флоры. Альгология – наука о водорослях, один из разделов ботаники, который изучает морфологию, анатомию, биохимию, физиологию, генетику, экологию, географическое распространение водорослей. Водоросли ассимилируют солнечную энергию, накапливая ее в форме органических соединений в процессе фотосинтеза, при этом выделяют кислород, необходимый для дыхания и самих водорослей, и всех остальных обитателей водоема. Синтезированная органика служит источником энергии гетеротрофным организмам – бактериям, животным и т. д. Свойства фитопланктонного звена экосистемы определяет ее состояние. Численность, биомасса, таксономический состав, физиологическая активность фитопланктона позволяют сделать выводы о благополучии водоема или о его кризисном состоянии. Для БССР в 1920–30-х гг. данное направление исследований стало актуальным. Увлекло оно и О. Д. Акимову, которая начала изучать видовой и количественный состав, биомассу фитопланктона водоемов в окрестностях Минска. Итоги своей работы она изложила в 1929 г. в статье «Серобактерии окрестностей Минска» и в 1930 г. в «Трудах Академии наук БССР».

В 1928 г. Ольга Дмитриевна решила вернуться в Витебск, куда ее настойчи-

во звал заведующий кафедрой ботаники Витебского ветеринарного института Л. Д. Никольский – коллега по педагогической работе в 1919–1924 гг. Она обратилась в Правление БГУ с просьбой о переводе в Витебский ветеринарный институт на кафедру ботаники, но получила отказ. Руководство университета разрешило только совмещение: полгода работы в БГУ и полгода – в Ветеринарном институте. Подобное совмещение работы в БГУ с работой доцентом кафедры ботаники в Витебском ветеринарном институте пришлось на 1928–1930 гг. Живя фактически на два города, Ольга Дмитриевна не оставляла научную работу. Летом 1928 г. она приступила к изучению миклофлоры р. Западной Двины на участке Велиж – Ула. Исследование имело значение для разрешения практических вопросов развития народного хозяйства, его результаты нашли отражение в «Ученых записках БГУ».

29 сентября 1929 г. Правление БГУ, после прохождения О. Д. Акимовой необходимых процедур, утвердило ее на должность доцента по кафедре ботаники. Основное внимание она уделяла преподавательской деятельности. Педагогическая профессия была ее призванием, сознательным выбором. Более чем двадцатилетний период работы в сфере образования позволил Ольге Дмитриевне на высоком уровне овладеть методикой преподавания естествознания. Она читала дисциплины биологического цикла: ботанику, физиологию растений, геоботанику и др. Ответственное отношение к своим обязанностям, умение работать со студентами явились основанием для назначения 16 августа 1931 г. О. Д. Акимовой на должность декана открывшегося в БГУ биологического факультета. Так в пока еще недолгой истории университета Ольга Дмитриевна стала первой женщиной-деканом.

Переход в 1930-е гг. к всеобщему семилетнему образованию, а затем – к все-

Сотрудники кафедры систематики растений в оранжерее БГУ. Конец 1930-х гг.

общему полному среднему образованию в городах потребовал расширения подготовки учителей-предметников. В 1933 г. в Витебске возобновилась деятельность Высшего педагогического института, при нем в 1935 г. открылся двухгодичный учительский институт. Здесь готовили учителей для средней школы, в том числе биологов, географов и химиков. В 1935 г. в пединституте открылась кафедра ботаники во главе с профессором Л. Н. Никоновым. Учебное заведение остро нуждалось в преподавателях специальных дисциплин. И в 1938 г. О. Д. Акимова вернулась в институт, в котором 18 лет назад началась ее деятельность в системе высшего образования. В 1938–1941 гг. она работала в должности доцента кафедры ботаники Витебского педагогического института.

В начале июля 1941 г. Ольга Дмитриевна вместе с частью преподавателей и студентов института эвакуировалась в Челябинскую область РСФСР. Из-за отсутствия учебно-материальной базы и финансовых средств возобновить работу института в эвакуации не удалось. Некоторых преподавателей, в том числе профессора Н. И. Никоно-

О. Д. Акимова (вторая слева в первом ряду) среди студентов 5-го курса биофака и коллег-преподавателей

ва и доцента О. Д. Акимову, пригласили на работу в БГУ, возобновившем свою деятельность в 1943 г. на ст. Сходня под Москвой. Осенью 1943 г. на биологическом факультете приступили к обучению 25 человек. Учебный процесс проходил в трудных условиях тыла, сочетался с работой по заготовке дров, расчистке железнодорожных путей, отоплению помещений и пр. Организацией деятельности факультета по всем направлениям занималась О. Д. Акимова – его декан.

Летом 1944 г. студенты и преподаватели БГУ вернулись из Подмоскovie в освобожденный Минск. Ольгу Дмитриевну вновь назначили деканом биологического факультета. Ее главной задачей стала организация работы по восстановлению биологического факультета, что включало в себя решение кадровых и материально-технических проблем. Во время войны учебные корпуса БГУ были разрушены, фашисты разграбили или уничтожили учебно-лабораторную базу,

книжный фонд и др. Остро ощущался дефицит научно-педагогических кадров.

Биологический факультет расположился в маленьком двухэтажном доме по улице Витебской. Занятия чередовались с работой по разборке руин, оказанию посильной помощи строителям в возведении университетских корпусов. Уже в 1944 г. началось восстановление и пополнение коллекций зоологического музея факультета. Часть экспонатов, которые сохранились, удалось реставрировать, они заняли достойное место в экспозиции. Отдельные экземпляры музея безвозмездно передали частные лица. Существенную помощь оказали зоологические музеи университетов и институтов советских республик. Жизнь факультета постепенно налаживалась: в 1946 г. на кафедре ботаники организовали фондový гербарий, в 1947 г. заработала Нарочанская биологическая станция БГУ – база летней студенческой полевой практики по ботанике и зоологии и одновременно

стационар для проведения теоретических и прикладных научных исследований.

К 1947 г. в полном объеме была восстановлена деятельность 5 кафедр биологического факультета, на которых работал 21 человек, в том числе 6 профессоров. Кафедру морфологии и систематики растений с 1943 по 1946 г. возглавлял профессор Л. Н. Никонов, уделявший много внимания развитию ботанического сада, организации ботанического кабинета, учебно-методической работе. В 1946–1948 гг. его сменил доцент З. Н. Денисов. В 1944 г. возобновила работу кафедра физиологии растений и микробиологии во главе с профессором Т. Н. Годневым. Кафедру зоологии беспозвоночных до 1946 г. возглавлял профессор Л. А. Зенкевич, а в 1947–1948 гг. – профессор Г. Г. Винберг. Кафедрой зоологии позвоночных руководили: в 1944–1948 гг. – профессор М. Е. Максун, затем – профессор М. Е. Макушок. В 1947 г. открылась кафедра дарвинизма и генетики, для заведования которой пригласили академика АН БССР, профессора А. Р. Жебрака. На факультете расширялась сфера научных исследований. Кафедры зоологии беспозвоночных и физиологии растений и микробиологии под руководством профессора Г. Г. Винберга начали гидробиологическое изучение водоемов БССР. В 1946–1947 гг. сотрудники БГУ получили данные по биологической характеристике 15 озер Нарочанской группы и 9 озер Браславской группы. В «Ученых записках БГУ» опубликовали и результаты исследований миклофлоры р. Западной Двины в районе Витебска, проведенных О. Д. Акимовой.

В 1947–1948 гг. педагогической и научно-исследовательской деятельности биологического факультета был нанесен урон в ходе развернувшейся в СССР борьбы двух направлений в биологии: сторонников академика Т. Д. Лысенко, объявившего «мичуринскую биологию» единственно верной научной теорией,

Студенты биофака. 1946 г.

Лабораторные занятия по зоологии позвоночных со студентами 2-го курса биофака проводят доцент Н. И. Сержанин и аспирант Г. В. Гладкий

и представителей классической биологии. Сторонники Лысенко, заручившись поддержкой высшего партийного руководства страны, политизировали и идеологизировали научную дискуссию, задействовали административный и партийный ресурсы в борьбе со своими оппонентами.

В 1947 г. в СССР началась пропагандистская кампания по «борьбе за освобождение от низкопоклонства и раболепия перед Западом, перед капиталистической культурой». Главным объектом нападок

Академик Т. Д. Лысенко

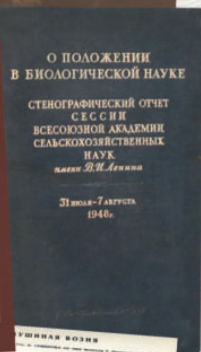
в БССР стал А. Р. Жебрак – известный ученый-биолог в области генетики, избранный в мае 1947 г. президентом АН БССР.

В 1948 г. сторонники Т. Д. Лысенко перешли в наступление. С 31 июля по 7 августа продолжалась сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ), на которой академик прочитал доклад «О положении в биологической науке». Выступая, он громил учения Вейсмана и Моргана и подверг жесточайшей критике взгляды крупных советских генетиков. Его сторонники, составлявшие большинство участников сессии, заявили о наличии диаметрально противоположных направлений в генетике, назвав одно из них «прогрессивным, материалистическим, мичуринским», а другое – «реакционно-идеалистическим, вейсманистским». Начался разгром классической генетики, неodarвинистского направления в биологии. В биологической науке установилась монополия сторонников «мичуринской биологии», которые без зазрения совести расправлялись со своими научными противниками.

ЦК КП(б)Б по указанию ЦК ВКП(б) в августе 1948 г. провел проверку состояния работы в научных и учебных заведениях, издательствах, занимавшихся

вопросами биологической, сельскохозяйственной и медицинской науки в БССР, и потребовал от Президиума АН БССР рассмотреть положение с биологической наукой в республике. Расширенное заседание Президиума АН БССР, с участием преподавателей, научных и практических работников, состоялось 3 сентября 1948 г. В своем докладе новый президент Академии наук Н. И. Гращенков заявил, что в республике не дали отпор пропаганде «реакционной идеалистической теории Вейсмана – Моргана», а ряд ученых решительно не разоблачили А. Р. Жебрака. Профессора БГУ Г. Г. Винберга обвинили в том, что он в своих работах «поддерживает реакционно-буржуазную менделевско-моргановскую школу, а роль великого биолога нашего времени, преобразователя природы – И. В. Мичурина сводит к роли простого садовода»; что он – «формальный» биолог антилысенковских взглядов, соавтор учебника по общей биологии, которым запретили пользоваться после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Ученый совет Института биологии АН БССР обратился к ученому совету БГУ с просьбой рассмотреть вопрос о позиции профессора Г. Г. Винберга в биологической науке в свете решений сессии ВАСХНИЛ по докладу Т. Д. Лысенко.

14 сентября 1948 г. ЦК КП(б)Б принял постановление «О мероприятиях по внедрению мичуринской биологии в БССР». В постановлении отмечалось, что большинство ученых-биологов в своих исследованиях «исходило из учения Мичурина – Лысенко», но отдельные работники научных учреждений и вузов БССР (Жебрак, Винберг, Вакар и др.) были его противниками. Главным представителем реакционного направления в биологической науке в БССР признали А. Р. Жебрака, который якобы «хотел сколотить антимиучуринский кулак в БССР». Некоторых ученых, работавших в АН БССР и вузах БССР, объявили

О. Д. Акимова за работой.
Конец 1940-х – начало 1950-х гг.

«воинствующими вейсманистами-морганистами», которые якобы пытались пропагандировать эту реакционную теорию с кафедр вузов, протаскивали ее в своих исследовательских работах, «противодействуя развитию мичуринского направления в биологии». Они должны были уступить свои должности сторонникам мичуринской биологии.

Данная политическая кампания ударила и по О. Д. Акимовой. Ее обвинили в том, что на биологическом факультете царила «идейная беспринципность», а декан «стояла в стороне от этих принципиальных споров», «брала под опеку морганистов и их пропаганду в стенах университета». Новым деканом биологического факультета назначили С. В. Калишевича. Профессора Г. Г. Винберга отстранили от заведования кафедрой зоологии беспозвоночных как «активного проповедника вейсманизма-морганизма». До 1950 г. Георгий Георгиевич работал «профессором-лаборантом», но затем его восстановили в прежней должности.

На биологическом факультете создали новую объединенную кафедру зооло-

гии во главе с профессором М. Е. Макушком. Кафедру физиологии животных и человека возглавил академик АН БССР Н. И. Гращенков, почвоведения и основ растениеводства – академик АН БССР И. С. Лупинович, систематики растений – Н. А. Дорожкин. А. Р. Жебрака сняли с должности заведующего кафедрой дарвинизма и генетики, а для «укрепления» кафедры на преподавательскую работу направили ученицу Т. Д. Лысенко кандидата биологических наук М. З. Пеккер и доцента И. Н. Сержанина.

На основании приказа министра высшего образования СССР «О состоянии преподавания биологических дисциплин в университетах и о мерах по укреплению биологических факультетов квалифицированными кадрами биологов-мичуринцев» от 23 августа 1948 г. в вузах создавались комиссии, которые должны были пересмотреть учебные программы по всем учебным дисциплинам биологического цикла, изменить тематику кандидатских работ аспирантов и т. д. Приказ требовал от ректоров университетов обеспечить коренную перестройку учебной и научно-исследовательской работы в целях вооружения студентов и научных работников «передовым прогрессивным мичуринским учением и решительного искоренения реакционного идеалистического вейсманистского (менделистско-морганистского) направления». Как вспоминал академик Л. М. Суцения, поступивший в 1948 г. на биологический факультет БГУ, студентам предстояло учиться в ситуации с «опальной» биологией и набиравшей силу «лысенковщиной».

Таким образом, на пятом десятке лет профессиональной деятельности О. Д. Акимовой пришлось пережить и этот непростой период. Ее освобождение от должности декана было связано с «общим закручиванием гаек» в биологической науке. Ольга Дмитриевна продолжала работать на биологическом фа-

культете в должности доцента до 1956 г. В этот период сотрудники и студенты факультета проводили комплексные исследования водоемов Беларуси. В 1949–1950 гг. были обследованы пойменные водоемы среднего течения р. Припяти и озера Червонное; полесские озера Олтуш, Орехово, Луково, Сомино, Вулька, Бобровицкое, Черное, Белое. Эти исследования имели важное значение для решения вопросов, возникавших при зарегулировании стока и освоении заболоченных земель Белорусского Полесья. О. Д. Акимова в составе комплексной комиссии по изучению водоемов Полесья исследовала фитопланктон пойменных водоемов и притоков р. Припяти.

Уже в скором времени справедливость все же восторжествовала: за деятельность по организации восстановления биологического факультета Ольга Дмитриевна в 1953 г. была награждена орденом Ленина. Великолепный педагог, незаурядный ученый, организатор высшей школы Ольга Дмитриевна Акимова прожила долгую жизнь, на которую выпали тяжкие испытания: три революции, две мировые войны. Возможно, это мешало создать свою семью. Была беспартийной, в революционном движении не участвовала. Всю свою жизнь посвятила преподавательской и научной работе.

Ольга Дмитриевна Акимова вошла в историю белорусской науки и образования как неординарная личность. Главными ее качествами можно назвать трудолюбие и целеустремленность. Эта волевая женщина всего добивалась своим трудом, пройдя путь от учительницы церковно-приходской школы до декана биологического факультета БГУ. В условиях гендерного неравенства в дореволюционной России девушка из глухой белорусской провинции сумела получить

О. Д. Акимова (крайняя слева)
среди ведущих ученых БГУ. 1951 г.

высшее профессиональное образование, что дало ей возможность после революционного октября 1917 г. влиться в первое поколение женщин – преподавателей советской высшей школы. Они, наравне с коллегами-мужчинами, передавали студентам лучшие традиции дореволюционной академической среды.

В истории белорусского образования О. Д. Акимова останется как педагог высшей школы, воспитавший сотни преподавателей естествознания, внесший большой вклад в организацию и развитие биологического образования в БССР. Заметен и ее научный вклад как ученого-биолога – одного из первых исследователей альгофлоры водоемов нашей страны. Она являлась членом секции альгологии Всесоюзного ботанического общества. Имя Ольги Дмитриевны Акимовой включено в биографо-библиографический словарь «Русские ботаники» 1947 г.

**Ольга Игоревна Ершова,
Виталий Сергеевич Макарович**

**Выдающийся ученый-медик,
организатор терапевтического
образования в Беларуси,
действительный член АН БССР**

**Доктор медицинских наук,
профессор БГУ, директор
госпитальной терапевтической
клиники университета**

Федор Оскарович ГАУСМАН

01.11.1868 – ???.1944

Выдающийся ученый, талантливый медик-клиницист, сторонник инновационных подходов в обучении Федор Оскарович Гаусман стоял у истоков создания в Беларуси высшей школы профессиональной подготовки терапевтов. Разработав на основе многочисленных исследований кардинально новый метод пальпации, он совершил настоящий прорыв в области физической диагностики кишечника.

Во время работы в Белорусском государственном университете ученый внедрил новейшие методы исследования и диагностики больных, что позволило медикам качественно улучшить лечение заболеваний брюшной полости, легких и печени. Профессор Ф. О. Гаусман имел репутацию высококвалифицированного специалиста по внутренним болезням не только в Советском Союзе, но и в Германии. Он неоднократно выступал с лекциями в зарубежных научных и образовательных учреждениях, участвовал в крупнейших медицинских симпозиумах по профилю возглавляемой им кафедры.

Ученый-медик и практикующий врач известен и как общественный деятель: был членом Всесоюзного общества терапевтов, Научно-медицинского консультативного совета БССР. Достижения Федора Оскаровича отмечены высокими званиями: он заслуженный деятель науки БССР (1931), действительный член Белорусской академии наук (1933), профессор (1940).

Федор Оскарович Гаусман родился 1 ноября 1868 г. в д. Бровск Волковысского уезда Гродненской губернии в семье балтийских немцев – этнического немецкоязычного меньшинства, которое еще в первой половине XVIII в. вместе с территорией современной Эстонии и частично Латвии было включено в состав Российской империи. Вероятно, предков Федора Оскаровича, как и многих представителей немецкого этноса, привела на территорию Беларуси их хозяйственная деятельность – занятия лесоразработками. Отчасти это подтверждает тот факт, что отец будущего светила медицины Оскар Гаусман, окончивший в 1861 г. Санкт-Петербургский лесной и межевой институт, служил в одном из лесничеств Беловежской пушчи. Для балтийских немцев было характерно сохранение тесных связей между собой, даже если их разделяло огромное расстояние. Вероятно, поэтому Ф. О. Гаусман отправился за знаниями на территорию проживания его родного этноса. Среднее образование он получал в Феллине (ныне – г. Вильянди в Эстонии), затем в Ревеле (ныне – г. Таллин). В 1888 г., окончив Ревельскую гимназию, он поступил на медицинский факультет Императорского Дерптского университета (современный Тартуский университет в Эстонии).

На протяжении трех лет Федор Оскарович пользовался стипендиями Министерства внутренних дел Российской империи, благодаря чему с него не взималась плата за образование. Во время обучения в одном из старейших университетов России студент постигал основы медицинской науки у светил российского здравоохранения: на лекциях ректора А. А. Шмидта (крупный специалист в области гематологии), профессоров А. Раубера (известный анатом и гистолог), Р. Э. Коберта (немецкий историк медицины, фармаколог и токсиколог), В. Г. Цеге-фон-Мантейфеля (одним из

первых в России разработал вопрос об операциях резекции желудка), Э. Крепелина (основоположник современной нозологической концепции в психиатрии и классификации психических заболеваний) и др.

Федор Оскарович специализировался по кафедре внутренних болезней, которую возглавлял Г. Унфервихт – один из крупнейших клиницистов Дерптского университета. После получения высшего образования в 1894 г. Ф. О. Гаусман еще год работал старшим лаборантом в патологоанатомическом и судебно-медицинском институтах Императорского Юрьевского университета (так стал именоваться Дерптский университет с 1893 г.).

Будучи студентом, Ф. О. Гаусман всерьез готовился к академической карьере в стенах альма-матер, однако безуспешная попытка сдать экзамен на степень доктора медицины в 1895 г. кардинально изменила его намерение. Как и многие его товарищи, постигавшие основы терапии у Г. Унфервихта, он не смог пройти испытания по данной дисциплине у профессора С. М. Васильева, назначенного по протекции великого князя Сергея Александровича деканом медицинского факультета в 1893 г. Восприняв это как проявление террора со стороны нового

Фасад здания Императорского Юрьевского университета. Начало XX в.

Федор Оскарович Гаусман

руководства, Федор Оскарович в 1895 г. покинул стены университета, начав новый этап своего профессионального пути, связанный со службой в качестве военного врача в Варшавском военном округе. В это время он практиковался как терапевт, хирург, офтальмолог и венеролог. Однако пять насыщенных лет такой жизни дали понять, что военная служба не стала призванием. В начале XX в. молодой врач вернулся на гражданскую службу. Поиски истинного предназначения привели его в Германскую империю, где он был принят сверхштатным ассистентом в госпиталь им. Кайзерины Августы. Работая под руководством известного немецкого гастроэнтеролога и физиолога профессора Карла Антона Эвальда в крупном берлинском центре по лечению болезней органов пищеварения, Федор Оскарович определился с будущим направлением своей профессиональной деятельности, избрав терапевтическую медицину. В Берлине начинающий практикующий врач посещал многочисленные лекции по различным клиническим дисциплинам, детально изучая заболевания пищеварительного тракта. Именно в это время Федор Оскарович подтвердил противоречащую взглядам его работодателя К. Эвальда теорию французского клинициста Франца Гленара, тем самым заложив основу для собственного учения о пальпации, которое впоследствии принесло ему европейское признание.

В Берлине Ф. О. Гаусман познакомился с трудами профессора Киевского университета Василия Парменовича Образцова – выдающегося терапевта, известного новатора в области методов диагностики сердечно-сосудистой и пищеварительной систем. Описанная им методика, которая подтверждала теорию Ф. Гленара, в то время еще не нашла широкого признания и распространения. В том, что В. П. Образцов прав, Федор Оскарович смог убедиться, используя

материалы клиники К. Эвальда, что не понравилось последнему и привело к ухудшению отношений.

Проблема пальпации оставалась узловой в научной деятельности Ф. О. Гаусмана и после его вынужденного возвращения в Российскую империю в конце 1902 г. Обосновавшись в Орле и начав там частную практику, он одновременно с оказанием помощи больным разрабатывал важные методы для диагностики болезней кишечника, используя оборудованную домашнюю лабораторию. Как и Василий Парменович, применяя скользкую пальпацию, Федор Оскарович, добавив к ней собственно разработанную глубокую топографическую пальпацию, доказал, что с помощью этого метода можно провести практически полную диагностику кишечника (позже метод получил название «Пальпация по Образцову – Гаусману»). Уже в 1904 г. Ф. О. Гаусман поделился результатами своих исследований с В. П. Образцовым, получив от него полное одобрение. Василий Парменович, видя в нем на тот момент единственного в Европе человека, шедшего по тому же пути, что и он, настоятельно советовал приступить к публикации результатов.

Описанные Ф. О. Гаусманом методы нашли отражение в опубликованной им в 1910 г. в Берлине книге *Die methodische Intestinalpalpation* (в 1912 г. в Москве вышел ее расширенный вариант под названием «Основы методического прощупывания желудочно-кишечного тракта»), которая получила признание в Европе. За эти шесть лет, пока идеи нашли воплощение на бумаге, Федор Оскарович успел побывать на фронтах русско-японской войны (в Маньчжурии), а по ее окончании обосновался в Туле, где с 1909 г. работал в должности прозектора и заведующего химико-бактериологической лабораторией в губернской земской больнице. Кроме исполнения своих прямых обязанностей и чтения лекций по пато-

логической анатомии в фельдшерской школе он продолжал разрабатывать на больничном материале пальпаторную диагностику опухолей. Однако все чаще упоминавшееся в медицинских кругах Германской империи имя «Теодора Гаусмана» не позволяло ученому спокойно исполнять свои обязанности.

Стремясь постигнуть новые горизонты профессии и поделиться результатами своих научных изысканий с европейским врачебным сообществом, Ф. О. Гаусман в 1911–1914 гг. неоднократно принимал от коллег приглашения поработать в известных немецких клиниках. Так, с 1911 по 1913 г. он состоял штатным ассистентом в терапевтической клинике профессора Ф. Марциуса в Ростоке. Поскольку в то время в Германской империи в клиниках не было предусмотрено наличие специальной должности рентгенолога и эта работа возлагалась на ассистентов, Федору Оскаровичу пришлось серьезно заняться рентгенологией. Детальное знакомство с методами диагностики и лечения заболеваний с помощью рентгеновских лучей позволило ему расширить свои познания в пальпации. По этой научной проблеме Ф. О. Гаусман неоднократно выступал на специализированных симпозиумах в Германии, в том числе на съезде терапевтов в Висбадене в 1911 г., где продемонстрировал немецким клиницистам эффективность «пальпации по Образцову – Гаусману».

В 1913–1914 гг. Федор Оскарович по приглашению известного немецкого терапевта профессора Ф. Крауса переехал в Берлин. За время работы во Второй клинике Шарите при активной поддержке ее директора медик из России, значительно расширив, подготовил второе издание своей монографии. В Германии в 1912 г. Ф. О. Гаусмана постигло приятное известие о присвоении ему, по представлению профессора В. П. Образцова, *honoris causa* – степени доктора наук, которая присуждается без защиты диссертации

Титульная страница книги
Ф. О. Гаусмана. 1910 г.

на основании значительных заслуг соискателя перед наукой. Это открывало для новоиспеченного доктора наук самые широкие возможности на территории Российской империи, куда Федор Оскарович вернулся накануне Первой мировой войны. Он подал заявление об избрании его приват-доцентом медицинского факультета Императорского Московского университета. Однако события августа 1914 г. не позволили приступить к работе.

В годы Первой мировой войны Ф. О. Гаусман, будучи военным врачом, оказывал помощь населению в военных госпиталях Москвы. Вместе с тем он не переставал трудиться и на научном поприще. Помимо дальнейшего углубления в основную область своих научных интересов Федор Оскарович занялся проблемой клиники, профилактики и гематологии цинги – широко распространенной в то время болезни, которая, по устоявшемуся мнению медиков, имела инфекционный характер. Ф. О. Гаусман же пришел к выводу, что причиной этой болезни являлось недополучение орга-

низмом нужных веществ. Результаты своих изысканий в этой области он подробно изложил в трех научных работах, которые были опубликованы на протяжении 1917–1918 гг. В годы Первой мировой войны Ф. О. Гаусманом были заложены основы по разработке более совершенных методов перкуссий, дающие возможность установить конфигурацию и форму сердца без помощи рентгеновского аппарата. Эти методы были описаны им и изданы в 1925 г. в работе *Die leise kleinflächige Kuppenrandperkussion und die Simultanperkussion (Vorläufige Mitteilung)*.

Фактически после подписания Брестского мирного договора, предусматривавшего выход Советской России из Первой мировой войны, Федор Оскарович формально вернулся к гражданской жизни (окончательно с воинской службы он ушел в 1921 г.). В мае 1918 г., после четырех лет ожидания, он все-таки приступил к работе в должности приват-доцента в терапевтической клинике

1-го Московского университета, старейшего и крупнейшего центра по подготовке медицинских кадров на территории бывшей Российской империи. Одновременно с 1921 г. Ф. О. Гаусман являлся консультантом Государственного венерологического института в Москве, где читал врачам курс по висцеральному сифилису, продолжая изучать данную патологию на материалах, накопленных институтом.

Московский период деятельности Федора Оскаровича закончился в 1924 г., когда он выдвинул свою кандидатуру для замещения вакантной должности профессора по кафедре терапевтической клиники медицинского факультета Белорусского государственного университета. Кроме него на этот пост претендовали А. С. Лебедев (Пермь), К. В. Лунин (Смоленск), К. М. Руткевич (Киев), Э. Эдельман (Вена). Однако, после того как в мае 1924 г. заявление Ф. О. Гаусмана было передано в терапевтическую комиссию,

Ф. О. Гаусман (третий слева во втором ряду) с преподавателями и студентами медфака БГУ. Середина 1920-х гг.

уже через месяц Правление БГУ обратилось в Главпрофбюро БССР с предложением утвердить именно Ф. О. Гаусмана в должности профессора медицинского факультета БГУ по кафедре госпитальной терапевтической клиники. В итоге 5 сентября 1924 г. поступил положительный ответ.

С октября 1924 г. начался новый период научно-педагогической деятельности профессора Ф. О. Гаусмана. В связи с появлением специалиста, чье имя было широко известно в странах Западной Европы, даже выдающемуся ученому, талантливому медику-клиницисту, бывшему декану медфака БГУ профессору С. М. Мелких пришлось уступить свою должность директора госпитальной клиники. Несколько лет два великих медика продолжали работать в стенах одного лечебного учреждения, пока в 1927 г. не была основана еще одна терапевтическая клиника. С этого момента Сергей Михеевич стал директором Первой, а Федор Оскарович – Второй терапевтической клиники медицинского факультета БГУ.

С приходом в клинику Ф. О. Гаусмана, сопровождавшимся внедрением новейших в то время методик обследования и выявления заболеваний внутренних органов, были привнесены новые веяния в образовательный процесс медицинского факультета БГУ. По мнению Федора Оскаровича, каким бы непревзойденным мастерством и талантом ни обладал лектор, студентам нередко было сложно усвоить материал, лишь слушая преподавателя два часа. Поэтому новый заведующий предложил оригинальную методику проведения лекций, отвечающую потребностям подготовки врачей. Лекционные занятия превращались как бы в практические, поскольку, по мнению профессора, госпитальная клиника являлась «переходным мостом к практической жизни, где зачастую обстановка требует выбора метода, кратчайшим путем ведущего к цели». Он с успехом доносил

до будущих терапевтов, что во врачебной практике не существует трафаретов, каждый больной уникален. На лекциях студенты при четком руководстве профессора и заведующего клиникой самостоятельно опрашивали больных и собирали анамнез, получая от Федора Оскаровича пояснения, сопровождавшиеся демонстрацией лабораторных и терапевтических приемов. Так студенты знакомились с пациентами на стадии, когда диагностическое наблюдение только начиналось. Подобный подход, по мнению профессора Ф. О. Гаусмана, в педагогическом отношении более целесообразен, чем принятый во многих университетских клиниках прием представлять больных по итогам законченного их клинического исследования.

После знакомства пациенты передавались для курирования студентам, осуществлялось дальнейшее наблюдение и проведение в жизнь намеченного во время первых занятий диагностического и терапевтического планов. Федор Оскарович неоднократно обращал внимание на то, что течение и симптоматология болезней далеко не всегда идут так, как об этом говорится в учебниках, и нетипичные случаи на практике встречаются чаще, чем типичные. Время от времени курирующие студенты представляли больных на лекциях, выступая с отчетом о наблюдениях и исследованиях, отвечали на вопросы профессора. Окончательный отчет готовился перед выпиской или, при неблагоприятном исходе, после смерти больного. Федор Оскарович отмечал, что «аудитория таким образом перед глазами видит, так сказать, генезис диагноза, терапию и привыкание к мысли, что для диагноза нужно проделать сложную умственную работу».

Представленная методика преподавания профессора Ф. О. Гаусмана, при его стремлении к использованию научной методологии во время осмотра больных, объективном обосновании диагнозов,

Ф. О. Гаусман (в центре в первом ряду) с преподавателями и студентами медфака БГУ. Вторая половина 1920-х гг.

встретила полное одобрение со стороны студентов. Она побуждала обучающихся активно участвовать в лекционной работе и поддерживала их внимание во время занятий, обеспечивала тесный контакт между студентами и преподавателем.

Условия для внедрения Ф. О. Гаусманом его методики преподавания были непростыми. В середине октября 1924 г. в здании 1-й Советской больницы, где размещалась госпитальная клиника, отсутствовали отопление, водопровод и канализация, сама клиника не была обеспечена необходимыми учебными помещениями, занятия часто проводились в коридорах лечебного учреждения. Также отсутствовал и необходимый персонал (первый ассистент – доктор Х. И. Монозон – приступил к обязанностям спустя две недели после начала занятий), в связи с чем подготовкой больных к лекции занимался непосредственно заведующий клиникой. Однако и в этом случае возникали проблемы, так как из-за повышенного количества людей с инфекционны-

ми заболеваниями для терапевтических больных в 1-й Советской больнице не хватало мест, поэтому на лекциях рассматривались пациенты с «мнимыми заразными болезнями». Со временем не без активного участия Федора Оскаровича и других выдающихся клиницистов медицинского факультета БГУ большинство из этих проблем решились. Но оставалась серьезная преграда для успешного, плодотворного функционирования учебной клиники – отсутствие оборудования. Для усовершенствования материально-технической базы возглавляемого структурного подразделения, изучения зарубежного опыта организации медицинского обслуживания и образования Ф. О. Гаусман неоднократно совершал зарубежные командировки в Германию, Австрию, Чехословакию, что само по себе было непросто в условиях нарастающей конфронтации между социалистическим и капиталистическим мирами.

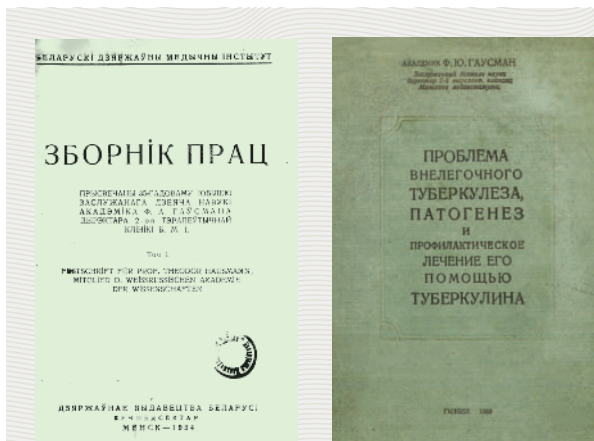
Во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. Федор Оскарович

неоднократно принимал приглашения своих коллег из Бад-Киссингена, Берлина, Карлсбада, Кенигсберга, Франкфурта и других немецких городов для чтения лекций на международных курсах повышения квалификации врачей и участия в медицинских симпозиумах. Все это позволяло ему познакомиться с новейшими методами терапии, с новыми подходами в организации учебных клиник и новшествами в системе высшего медицинского образования. В 1930 г., по окончании очередной командировки, Ф. О. Гаусман представил наркому здравоохранения БССР С. Я. Цинциперу уникальный проект плана по созданию терапевтической университетской клиники. В соответствии с идеей Ф. О. Гаусмана она должна была представлять собой современное даже по европейским меркам учреждение с новейшими типами коммуникаций (внутренняя телефонная линия, связанная с системой световой сигнализации, и т. д.), оснащенное по последнему слову техники, в том числе и рентгеновскими аппаратами, и имеющее помещения для специальных терапевтических процедур. Несмотря на тот факт, что это был дальновидный план, он со стадии проекта так и не сдвинулся.

Для обмена опытом Федор Оскарович посещал не только страны Западной Европы, но и другие советские республики. Его неоднократно приглашали для чтения лекций в университеты Советского Союза, на научные медицинские симпозиумы и конгрессы. В частности, в 1925/26 учебном году он принимал участие во Всеукраинском съезде терапевтов в Харькове и IX Всесоюзном съезде терапевтов в Москве, где был избран членом совета Всесоюзного общества терапевтов. Участие в научных симпозиумах, которые проводились за пределами БССР, давало возможность почерпнуть опыт коллег и привнести что-то новое в организацию образовательного процесса на медицинском факультете БГУ.

Кроме того, эти командировки содействовали апробации результатов научных изысканий, позволяли поделиться ими с коллегами не только из других союзных республик, но и зарубежных государств. А поделиться было чем.

После избрания Ф. О. Гаусмана заведующим кафедрой госпитальной терапии БГУ начался новый плодотворный этап не только в педагогической, но и в научной деятельности. Во второй половине 1920-х гг. им было налажено изучение болевых феноменов брюшной полости, что по сути являлось продолжением исследований в области пальпаторной диагностики. В 1931 г. Федор Оскарович по предложению швейцарского биохимика и физиолога Эмиля Абдергальдена подготовил для серии *Handbuch der biologischen Arbeitsmethoden* монографию *Methodologie des Tastens*, в которой отразил итоги многолетних изысканий в области пальпации, смог доказать, что индивидуальная тактильная чувствительность кончиков пальцев для успеха пальпации не особенно важна, поскольку энергия прощупывания зависит только от определенных движений руки. Эти фак-

Слева – обложка сборника трудов к 35-летию юбилею научно-практической деятельности Ф. О. Гаусмана (1934); справа – обложка монографии (1939)

ты дали толчок для новых исследований в сфере диагностики болезней органов брюшной полости.

В центре внимания профессора Ф. О. Гаусмана находились не только физические методы обследования больных. Совместно с коллективом клиники медицинского факультета БГУ, а затем и Белорусского медицинского института (БМИ) Федор Оскарович активно занимался изучением патогенеза туберкулеза, проводя комплексные клинические, экспериментальные, биохимические и бактериологические исследова-

ния. Благодаря достигнутым результатам врачам клиники в ряде случаев удавалось обнаружить скрытую форму туберкулеза у пациентов, у которых изначально не подозревали этого заболевания, поскольку они лечились от совершенно иных болезней. Полученные результаты исследования Ф. О. Гаусман обобщил в 1939 г. в монографии «Проблемы внелегочного туберкулеза, патогенез и профилактическое лечение его с помощью туберкулина». Как продолжение исследований заведующий вместе с коллективом клиники изучал жилищные условия больных туберкулезом, отметив прямую связь распространения этого заболевания с антигигиеническим содержанием и теснотой жилищных помещений, скученностью в них жильцов.

Федор Оскарович внес огромный вклад и в развитие других разделов терапии: впервые описал подвижность слепой кишки и симптом холецистита (болезненность при толчкообразной пальпации в правом подреберье на вдохе), известный как симптом Гаусмана; разработал методы прослеживания глотательных шумов, определения начинающегося стеноза привратника и диагностики скрытых заболеваний почечных лоханок, методику исследования желчи. Он изучил роль желудка и его патологии в регуляции физиологических и патологических процессов в печени (гепатоспленит, гастрогенный гепатит), исследовал поражения внутренних органов при склероме. На основании многочисленных наблюдений дал описание болезни Аддисона, острого ревматизма и др.

Сфера научных интересов профессора привлекала не только практикующих, но и будущих врачей. Об этом свидетельствовала деятельность студенческого научного кружка при кафедре госпитальной терапевтической клиники БГУ. Им руководил лично Ф. О. Гаусман. Основными формами работы в то время были углубленное изучение клинических

Ф. О. Гаусман (в центре в первом ряду)
с врачами госпитальной терапевтической
клиники БМИ. 1935–1937 гг.

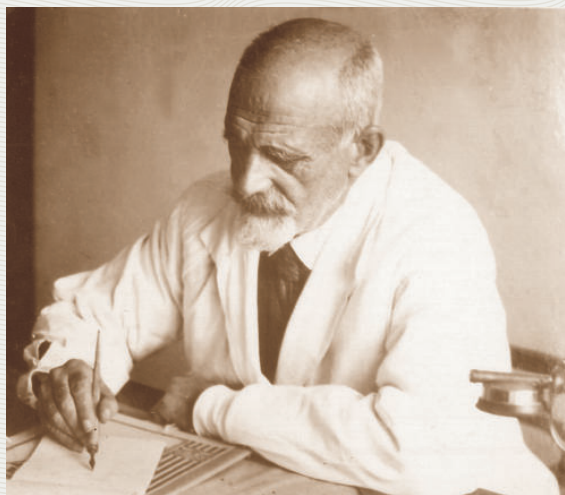

Ф. О. Гаусман (второй слева в первом
ряду) со студентами 3-го курса БМИ. 1936 г.

дисциплин путем написания обзоров, рефератов или результатов клинического обследования и лечения больных с последующим их обсуждением на заседаниях научного кружка. Некоторые студенты занимались и экспериментальными исследованиями.

Весь межвоенный период Федор Оскарович не прекращал работать на благо белорусского здравоохранения. Помимо активной научно-педагогической деятельности в терапевтической клинике медицинского факультета БГУ, а затем БМИ он стоял у истоков одной из трех первых исследовательских организаций медицинской тематики в составе АН БССР – Медицинского научно-исследовательского кабинета. Одновременно с заведованием клиникой Ф. О. Гаусман возглавлял это академическое подразделение с момента его основания в 1936 г. и вплоть до 1941 г. С 1939 г. он, наряду с другими ведущими учеными, читал лекции для врачей из Западной Беларуси (после ее воссоединения с БССР), знакомя их со структурой, задачами и принципами советской медицины.

Достижения выдающегося педагога и ученого были высоко оценены в республике: 10 июля 1931 г. ЦИК БССР присвоил Федору Оскаровичу почетное звание заслуженного деятеля науки, 22 мая 1933 г. он был избран действительным членом Белорусской академии наук, а в начале 1940 г. ему официально было присвоено звание профессора. В апреле 1932 г. по решению партийных, советских и научных органов БССР торжественно отмечался тридцатипятилетний юбилей научно-практической деятельности Ф. О. Гаусмана. В это время в республике было не так много представителей академического медицинского сообщества, в честь которых организовывались мероприятия подобных масштабов. В чествовании юбиляра и издании посвященного этому событию сборника научных трудов приняли участие известные ученые-

Профессор Ф. О. Гаусман
за рабочим столом. 1930-е гг.

медики Беларуси, России, Германии, Австрии, Соединенных Штатов Америки. Все это свидетельствовало о международном признании заслуг Федора Оскаровича перед медициной. Однако события Великой Отечественной войны коренным образом изменили жизнь выдающегося клинициста, фактически перечеркнув на определенное время все его заслуги перед обществом и государством.

Ввиду стремительного нападения войск нацистской Германии на СССР советскому руководству не удалось осуществить своевременную эвакуацию учреждений науки и образования из западной и центральной частей БССР. Федор Оскарович оказался в числе тех видных белорусских ученых, которые вынуждены были приспособливаться к жизни в оккупированном Минске. Оставшись без средств к существованию и без надежды на то, что его эвакуируют, Ф. О. Гаусман для обеспечения минимального дохода для своей семьи устроился на работу в больницу, организованную в Минске немцами. Однако преклонный возраст и бедственное положение, в котором ока-

зались Федор Оскарович и его супруга Мария, вынудили его использовать свое балто-немецкое происхождение при обращении к оккупационным властям с просьбой о предоставлении ему пенсии или более прибыльной работы, а также о возможности переселения в Германию как этническому немцу, проживавшему за границей Рейха (Volksdeutsche). Однако несмотря на то, что Ф. О. Гаусман в 1942 г. на несколько месяцев покинул оккупированный Минск для лечения в Берлине (ученый договорился о подготовке труда, описывающего лечение туберкулеза), его планам по переезду в Германию не суждено было сбыться. В 1943 г., после многочисленных прошений, ему удалось вместе с супругой перебраться к ее родственникам в Прагу. Умер Ф. О. Гаусман в Инсбруке (Австрия) в 1944 г. после перенесенной операции на желчном пузыре.

Уже после окончания Великой Отечественной войны, в ноябре 1947 г., решением сессии Общего собрания Акаде-

мии наук БССР Ф. О. Гаусмана лишили звания академика по причине того, что он «перешел на службу к врагу и тем самым тяжело опорочил звание советского гражданина и, следовательно, высокое звание нашей Академии». При вынесении подобного решения конкретных фактов его сотрудничества с оккупантами, в отличие от рассматривавшихся на той же сессии поступков академика Г. И. Ануфриева и члена-корреспондента М. В. Докукина, приведено не было. Не без ходатайств учеников Ф. О. Гаусмана и его бывших коллег в период хрущевской оттепели выдающийся ученый-медик был реабилитирован с учетом его заслуг перед советским здравоохранением. За весь период научно-педагогической деятельности им подготовлено 210 научных трудов, в том числе 5 монографий, которыми был совершен прорыв не только в советской, но и в зарубежной медицине.

Александр Вячеславович Бурачонок

**Выдающийся ученый-медик,
основоположник физиологических
исследований в Беларуси**

**Доктор медицинских наук,
профессор БГУ, заведующий
кафедрой физиологии**

**Лев Павлович
РОЗАНОВ**

25.04.1888 – 01.12.1959

Лев Павлович Розанов – выдающийся ученый-медик, талантливый педагог, реформатор высшего медицинского образования, которого по праву считают основоположником физиологического направления в Беларуси. Он стоял у истоков создания успешно действующих сегодня в республике кафедры физиологии человека и животных Белорусского государственного университета и кафедры нормальной физиологии Белорусского государственного медицинского университета.

За 15 лет научно-педагогической деятельности в Беларуси Л. П. Розанов подготовил и издал свыше 20 трудов на белорусском, русском и немецком языках по вопросам изменения веса, роста, морфологических сдвигов в органах животных, физиологии пищеварения, деятельности желудочных и поджелудочной желез, роли желчи в переваривании белков панкреатическим соком. Впервые в отечественной науке он применил электрометрическую методику определения водородного показателя биологических жидкостей. В 1932 г. на белорусском языке опубликовал первый в республике учебник по физиологии для студентов-медиков.

Лев Павлович вел широкую общественную деятельность. Он был инициатором проведения I съезда физиологов Беларуси (1928), который дал мощный импульс развитию белорусской научно-педагогической школы физиологов.

Лев Павлович Розанов родился 25 апреля 1888 г. в Москве. Интерес к медицинской науке проявился у него уже в детском возрасте. И это неудивительно, поскольку с самых ранних лет для него авторитетом и примером во всем был отец Павел Григорьевич, известный в московских кругах врач-эпидемиолог, занимавшийся изучением холеры и чумы. Среднее образование Лев Павлович получил в 6-й московской гимназии, после окончания которой в 1906 г. поступил на медицинский факультет Императорского Московского университета. После получения степени лекаря в 1911 г. новоиспеченный выпускник был зачислен врачом-экстерном в университетскую терапевтическую клинику, где одновременно с подготовкой к сдаче докторантских экзаменов принимал участие в научных исследованиях. Особый интерес у Льва Павловича вызывала физиолого-химическая экспериментальная работа. Проводя опыты, он изучал процессы обмена веществ, пищеварения, внутренней секреции, практиковался в распознавании этиологической сущности заболеваний посредством выявления антител в сыворотке крови. Демонстрируя недюжинные исследовательские способности в кли-

нике, Лев Павлович заслужил уважение и авторитет среди коллег. Уже в конце 1912 г. его избрали действительным членом Московского терапевтического общества.

Освоив базовые методы исследования, применявшиеся в терапевтической клинике Московского университета, Л. П. Розанов перешел к практической работе: в январе 1914 г. устроился ассистентом в Яузскую городскую больницу г. Москвы. Он поставил цель овладеть хирургическими методами, которые, по мнению Льва Павловича, были крайне необходимы для постижения физиологии. В этом лечебном заведении он повторно прослушал курс по оперативной хирургии, который читал выдающийся российский врач Ф. И. Березкин. Под его же руководством Л. П. Розанов работал с больными в палатах и операционных, оттачивая на практике полученные теоретические знания. В мае 1914 г. Лев Павлович перешел на должность штатного ординатора хирургического отделения больницы при Покровской общине сестер милосердия, где проработал вплоть до конца 1917 г., проведя в общей сложности около 1000 операций.

Единственный сын в семье, Лев Павлович в начале Первой мировой войны не был мобилизован на фронт, однако в качестве ратника второго ополчения выполнял воинскую повинность, оказывая помощь раненым. В годы войны заведовал двумя небольшими госпиталями Московской городской управы, чуть позже еще одним – на 125 кроватей для тяжелобольных. За оказание хирургической помощи раненым был удостоен знака Красного Креста.

Годы Первой мировой войны были ознаменованы и приятными событиями в жизни Льва Павловича – он вступил в брак с юной Олимпиадой Ивановной, в мае 1917 г. у молодой семейной четы родился сын Максим. После произошедшей в Петрограде революции и смены

Вид на клинический городок
Императорского Московского университета.
Начало XX в.

власти, в ноябре 1917 г., Л. П. Розанов был отправлен в качестве военного врача в распоряжение Киевского окружного военно-санитарного управления. Однако из-за наступления немецких войск на территорию Украины в феврале 1918 г. Лев Павлович вернулся в Москву. Но его пребывание здесь оказалось недолгим. Как отмечал Л. П. Розанов в автобиографии, «в то время в Москве не было ни продуктов, ни дров». Жить в таких условиях с младенцем на руках не представлялось возможным.

По этой причине вся семья Розановых переехала в с. Кохма Иваново-Вознесенской губернии, где Лев Павлович возглавил хирургическое и акушерское отделения местной больницы. Одновременно он работал старшим ассистентом по кафедре физиологии животных в Иваново-Вознесенском (бывшем Рижском) политехническом институте. Задействованный на сельскохозяйственном факультете, Л. П. Розанов постоянно пересекался с преподавателями других естественных дисциплин. Погружаясь в смежные отрасли научных знаний, Лев Павлович отчасти пересмотрел свои приоритеты в постижении глубин физиологии. В результате, как он отмечал, «грандиозность задач и достижений естествознания, не тронутого прикладными целями медицины, явилась воочию». Он ассистировал на практических занятиях известному профессору Б. А. Лаврову, вел физиологическую и физиолого-химическую практику, ставил лекционные опыты, читал курс анатомии домашних животных. Здесь же медик познакомился с трудами Петроградской физиологической школы академика Ивана Петровича Павлова, посвященными исследованию условных рефлексов.

Вдохновившись изученными материалами, Лев Павлович начал изыскивать возможность командировки в Петроград в Институт экспериментальной медицины. Серьезным препятствием для это-

Л. П. Розанов – студент медфака Московского университета. 1911 г.

го стала воинская служба, которую он продолжал нести в качестве ординатора хирургического отделения Иваново-Вознесенского военного госпиталя. И только после назначения в 1920 г. Л. П. Розанова профессором по кафедре анатомии человека Иваново-Вознесенского педагогического института он смог полностью влиться в ряды гражданского населения. Во многом это была заслуга Бориса Александровича Лаврова, который, ходатайствуя за Льва Павловича, отмечал, что «выгоднее не прибавить одного посредственного врача к тем тысячам, которыми располагает Военно-санитарное ведомство, а прибавить одного молодого, хорошо подготовленного ученого к тем немногим единицам, которыми располагает русская физиология».

Л. П. Розанов дважды был на стажировке у академика И. П. Павлова – летом 1921 и 1922 гг., имея возможность основательно ознакомиться со многими его методами, главным образом в области физиологии пищеварительного канала и больших полушарий головного мозга. Практикант произвел неизгладимое впе-

чатление на Ивана Петровича, который отмечал, что Лев Павлович за время пребывания в Институте экспериментальной медицины в Петрограде «успел сделать очень важное исследование об особенном отношении желчи к белковому ферменту панкреатического сока и почти закончил интересные опыты о действии крови, как пищевого материала, на деятельность пепсиновых желез». По итогам прохождения стажировки Л. П. Розанов получил от академика И. П. Павлова рекомендации, благодаря которым в 1922 г. был принят на должность профессора по кафедре физиологии и физиологической химии Смоленского университета.

В это время в Минске шла активная работа по организации образовательного процесса на 2-м и 3-м курсах медицинского факультета Белорусского государственного университета. Для решения данной задачи Правлением БГУ велись переговоры со многими видными учеными – в основном из соседних советских республик. Необходимо было обеспечить квалифицированными кадрами кафедры фармации, фармакогнозии и фармакологии, общей хирургической патологии, физики, врачебной диагностики, патологической анатомии, органической химии, а также физиологии. Для замещения последней и пригласили Л. П. Розанова. Между тем выбор остаться в Смоленске или переехать в Минск был сделан в пользу столицы советской Беларуси. По мнению Льва Павловича, в то время медицинский факультет БГУ представлял собой более крупный научный центр.

Уже 15 августа 1922 г. на заседании Правления Белорусского государственного университета было рассмотрено заявление Л. П. Розанова об избрании его заведующим кафедрой физиологии медицинского факультета, на что было вынесено положительное решение 11 мая 1923 г.

С момента основания кафедры физиологии ее сотрудники осуществляли

преподавание дисциплин не только на медицинском, но и на педагогическом факультете. Даже в отчетах о деятельности университета кафедра проходила по этим двум структурным подразделениям. Находясь в составе отделения естествознания, совместно с кафедрами ботаники и зоологии кафедра физиологии стала фундаментальной для биологической подготовки специалистов в БГУ. Забегая вперед, следует отметить, что после выделения медицинского факультета в качестве отдельного института в 1930 г. Лев Павлович фактически заведовал двумя кафедрами – кафедрой физиологии в Белорусском государственном университете (ныне – кафедра физиологии человека и животных биологического факультета БГУ) и кафедрой нормальной физиологии в Белорусском медицинском институте, которая и сегодня функционирует в Белорусском государственном медицинском университете.

С первых дней работы в БГУ Л. П. Розанов со всей ответственностью приступил к внедрению новых обучающих технологий. Он постоянно следил за издававшимися научными трудами по врачебному делу, как расширяя свои познания, так и привнося новое в образовательный процесс. Во многом этому способствовало его уверенное владение немецким и французским языками, отчасти – английским. Будучи в курсе современного развития не только советской, но и западноевропейской медицинской науки, профессор старался познакомить своих коллег и студентов с новейшими достижениями в области физиологии и смежных наук. Несмотря на то что большинство часов, отведенных на преподаваемые им дисциплины, были переведены в практические занятия, все же Л. П. Розанов не упускал возможности провести перед аудиторией демонстрацию наглядных содержательных опытов. По глубокому убеждению Льва Павловича, физиология являлась экспериментальной наукой и от-

давать много времени на «словесность» при ее преподавании было нельзя.

В лекциях, которые читал Л. П. Розанов на медицинском и педагогическом факультетах БГУ, демонстрировалась высокая эрудиция педагога, талант лектора и мастерство врача. Он не просто освещал программные вопросы, но и пробуждал у слушателей интерес к физиологии и медицине. На занятиях у Льва Павловича студенты получили уникальную возможность познакомиться с классическими опытами академика И. П. Павлова. Нередко вместе со студентами на его лекциях присутствовали преподаватели других кафедр, практикующие врачи, педагоги, школьники не только из Минска, но и других городов Беларуси. Профессор никогда не препятствовал приходу «гостей» в его аудиторию, поскольку был убежден, что таким образом пропаганда знаний достигнет в республике еще большего размаха. Для успешного выполнения этой задачи Лев Павлович и сотрудники его кафедры неоднократно выступали с научными докладами и демонстрацией опытов на заседаниях Научного общества врачей в Минске.

Работая на медицинском факультете БГУ, Л. П. Розанов не только делал все возможное для налаживания образовательного процесса и подготовки будущих специалистов в сфере здравоохранения, но и привносил своими научными исследованиями новое в развитие советской медицины. Владея в совершенстве техникой павловских операций, Лев Павлович смог обучить данной методике и своих сотрудников. Для этого использовались фистульные животные, которые появились на кафедре в течение месяца с момента начала ее деятельности. Для демонстрации опытов и в целях проведения научных исследований была подготовлена специальная группа собак с фистулами поджелудочной железы, слюнными, желудочными и другими фистулами. Лев Павлович совместно с коллегами и учениками проводил экспериментальные исследования, касающиеся изменения роста, веса, морфологических сдвигов в органах животных в разных условиях. В первые годы деятельности кафедры основные усилия были сосредоточены на изучении физиологии пищеварения, деятельности желудочных и поджелу-

Служебное удостоверение Л. П. Розанова – профессора кафедры физиологии человека БГУ. 30 мая 1924 г.

дочной желез, роли желчи в переваривании белков панкреатическим соком. Активная экспериментальная деятельность приносила свои плоды. Так, уже в 1922/23 учебном году результаты первых научных изысканий недавно сформированного коллектива физиологов были изложены в трудах «О влиянии желчи на перевариваемость белков панкреатическим соком» и «Действие крови как пищевого материала на деятельность пепсиновых желез», изданных под авторством Л. П. Розанова.

За годы работы в Белорусском государственном университете и Белорусском медицинском институте сотрудники кафедры физиологии под руководством Льва Павловича достигли существенных успехов в определении значения витаминов в обмене веществ и развитии животных, выявлении влияния тиреоидина на функцию коры головного мозга, в изучении вопросов локализации мозговых функций.

Для расширения научно-исследовательской деятельности в области физиологии с 1927 г. Л. П. Розанов работал в Институте белорусской культуры. При использовании оригинальной методики, разработанной на кафедре физиологии медицинского факультета БГУ, в стенах института, а затем Белорусской академии наук проводились эксперименты на свиньях, находившихся в разных условиях содержания, для изучения процесса газообмена. С 1931 г. Лев Павлович продолжил свою деятельность в созданном на базе кафедр ботаники, зоологии, физиологии и экспериментальной биологии Институте биологических наук БАН.

На протяжении всего времени, когда Лев Павлович являлся заведующим кафедрой, результаты научных исследований активно внедрялись в образовательный процесс. Уже в 1923 г. было издано «Руководство по анатомии и физиологии человека: для студентов педагогических факультетов и рабфаков», а в 1925 г. – «Условные рефлекс: конспект лекций,

читанных на педагогическом факультете Белорусского государственного университета» – первые в Беларуси учебные пособия для высших учебных заведений.

В 1932 г. под авторством Л. П. Розанова был издан «Кароткі курс фізіялогіі» – первый учебник по физиологии на белорусском языке, который помимо основного своего предназначения внес весомый вклад в разработку национальной медицинской терминологии. Хотя Лев Павлович и не был белорусом по происхождению, но очень трепетно и с большим уважением относился к языку народа, который так тепло его принял на своей земле в начале 1920-х гг. Еще будучи профессором медицинского факультета БГУ, он и его коллега по кафедре кожных и венерических болезней Вильям Юлианович Мранговиус с сентября 1928 г. осуществляли все преподавание в стенах университета исключительно на белорусском языке. Отметим, что профессор В. Ю. Мранговиус – автор первого белорусскоязычного пособия для высших медицинских учебных заведений «Скурныя і венерычныя хваробы (у табліцах)», который был издан в 1930 г. С ориентацией на него и соблюдением предписаний Народного комиссариата здравоохранения БССР в 1931–1937 гг. были напечатаны белорусскоязычные учебники по клинической хирургии профессора С. М. Рубашова, оперативной хирургии профессора М. П. Соколовского, детской хирургии профессора А. Е. Мангейма, акушерству и гинекологии профессора М. Л. Выдрина, венерическим заболеваниям профессора А. Е. Прокопчука и др.

К научно-исследовательской деятельности кафедры физиологии активно привлекались студенты медицинского факультета. Вскоре после учреждения кафедры при ней был сформирован студенческий научный кружок, руководил которым Лев Павлович. На заседаниях кружка, сопровождавшихся экспериментальными опытами и демонстрациями

1

10/1/2014

10/1/2014

WISCONSIN
DEPARTMENT OF
UNIVERSITY OF

University of California

12. MCHOK

Проф. Л. П. Розанаў.

Да фізіолёгіі дражджавога
бушавання.

1. Агага дэсьдэддэ ашопшита часу адноста фэймолейгэ распыду хукуу
у канорини і ывучунина бушаванына. II. Улыгу розных фактара, гадоу-
ным чалам прохутаа организм жыва. на ывара СО: дражджани.

[illegible]

Sperry metapony doxmy Duxmy

Sonderdruck aus der Biochemischen Zeitschrift.
Bd. 160, Heft 4/6, 1925.

автор

29/12/1925

Neue Beiträge zur Frage über den Einfluß des Thyreoidins
auf die alkoholische Gärung. II.

Von

(Aus dem physiologischen Institut der Staatsuniversität Minsk.)
(Eingegangen am 1. Mai 1925.)

Bei der näheren Untersuchung des Einflusses des Thyroindins auf die anaerobe Atmung der Hefe (1) ergaben sich einige Schwierigkeiten, deren Ursache in der Unlöslichkeit des Thyroindins bestand. In gleicher Weise wurde auch die Genußigkeit der von mir unternommenen Versuche über die Wirkung des Thyroindins auf den Fermentationsprozeß der Koglythrinde eines Hefes aus dem Thymus des Thyroindins (2) durch die Unlöslichkeit des Thyroindins in Wasser behindert. Um die Wirkung des Thyroindins zu untersuchen, ist es nach der Methode der Bedingungswechselwirkung (3) erforderlich, das Thyroindin in einer Lösung zu suspendieren, die sich in einem bestimmten Zeitpunkte die höchste Konzentration zu erwarten ist. Über die in einem Hefenmedium erzielten Resultate werde ich in einer anderen Abhandlung berichten; an dieser Stelle teile ich nur die von mir mit Hefe erhaltenen Ergebnisse mit.

Es war mir als notwendig, ein Lösungsmittel für das Thyroindin zu finden, um die Möglichkeit einer Einwirkung desselben auf Hefe zu erreichen.

Schon *Baumann* (4) hat

Schon *Baumann* und *Ross* (2) wiesen darauf hin, daß das Thyrocin (*N. E. Welsch*) (3) die Verdauungsfermente widersteht. Ferner empfahl *Thyrocin* durch Verflüchtigung der Schilddrüsen mit Hilfe des kohlensäurehaltigen Wassers zu erhalten; fast alles wird gelöst, das Thyrocin jedoch nicht (90 Proz.) und in Alkalien auflöslich. Was das Thyrocin anders macht, als Wasser, kaltes und kochendes, ist: kaltes, warmes und siedendes, n/10 NaOH, Ammoniak, Äthylalkohol, Glycerin, Amylalkohol, Chloroform, Blütersum, siedendes Naphthalin.

Ba 15623

БССР
(імен)
ЛЕНІНА

Проф. Л. П. Розанау.

Аб прамысловым значэньні вырабу цыстыну.

[illegible]

Розшилені кератин, лізуючий його багачішою цистинам і тирозинам, змаююцця, і кидно відомо фізіологично, всіма каштоуном і сподобам, як, наприклад, жидітця при харчаванні нягкш каштоуном і лізат кератину (лізуюццю з рагавої клеєю). На Neuberg's кіслю і гідродислідом, швєд у становіцця азотистої субстанції) можа нямає падпавлічєє рост швєд і лізат кератину (лізуюццю цистинам і тирозинам). Атримляв швєд досвід простя. Выхад жидітця і тирозину Neuberg's кіслю большым, як 84%, з рагавої матерії (паволоє Holled каля 6,5% жидітця цистинам, у кірлові бидлат і атримля цистинам застоюцця з лізінкіслю, якя можає выдїляєцця Гаткін чинам, мы можє атримля доволі значучо, колькєсь каштоуном і чинам (грик). Чинам для харчавання чисты каштє у Нимєцїє 14 марак яго вєсьмє швєд, причым выкрєстє чинам мы здолеє атримля тату у сучасны мождє створююцця. Фізіологичны чинам жидітця, якя, як я, цистинам, якя мы будємо атримляєцця швєд дослєдєд з харчаваньєм я павлю тут чинам атримляєцця самі.

Я падаю тут частку навейшай сусветнай літаратуры аб пытанні, якое нас цікавіць, галоўным чынам, літаратуру аб цыстыне, каб чытаць.

9

КАРОТКІ КУРС
ОЛЁГІІ ЧАЛАВЕКА

ДЛЯ СТУДЕНТА У МЕДИЧНОГО ВУЗУ,
ПРОМОДАНУТА 1 ДАКТАРОУ

Н. К. Д. З.

КАТЕДРА
Исторической Linguистики
Белорусского Универс.
Минского Института

15

ДЗЯРЖАўНАЕ Выхавацтва БЕЛАРУСІ
МІНСК 1933

новых методов исследования, учащиеся имели возможность еще глубже постичь все тонкости физиологических знаний. Многие из студентов, принимавших активное участие в работе кружка, впоследствии стали выдающимися учеными Беларуси.

Деятельность возглавляемой Л. П. Розановой кафедры заложила основу для формирования в республике научно-педагогической школы физиологов. Ее представители считают, что в организационном плане она получила оформление в 1928 г., когда по инициативе Льва Павловича был проведен I Всебелорусский съезд физиологов. А уже в 1932 г. в Минске была организована городская конференция физиологов, биохимиков и фармакологов, в ее работе приняли участие видные ученые не только из Беларуси, но и других советских республик: академик А. В. Палладин, профессор Д. С. Воронцов, профессор П. О. Макаров, профессор Н. А. Юденич и многие другие. Данное научное мероприятие сыграло большую роль в установлении связей с учеными других городов и положительно повлияло на развитие физиологии в Беларуси.

Налаживанию сотрудничества белорусских физиологов с коллегами из других советских республик способствовало представительство медицинского факультета БГУ на всесоюзных врачебных съездах. На них можно было не только познакомиться с достижениями советской медицины, но и продемонстрировать результаты собственных научных изысканий. И, конечно же, Лев Павлович старался не упускать такой возможности. Так, с 24 по 29 мая 1926 г. он и сотрудники его кафедры принимали участие в работе Всесоюзного съезда физиологов в Ленинграде, с 27 декабря 1927 г. по 2 января 1928 г. – Всесоюзного съезда рефлексологов в Ленинграде, с 25 мая по 5 июня 1928 г. – Всесоюзного съезда физиологов, биохимиков, фармакологов в Москве и т. д.

Имя Льва Павловича Розанова было известно не только в Советском Союзе. Он поддерживал тесный контакт с коллегами из Германии, где регулярно публиковались результаты его исследований. В 1928 г. он перевел с немецкого на русский язык известное европейское издание *Methoden der Physiologie des Dustauschs von Materie und Energie* («Методика физиологии обмена материи и энергии»). За свои заслуги в октябре 1927 г. он был избран членом немецкого химического общества (*Deutsche Chemische Gesellschaft*) в Берлине. Произошло это после его плодотворной, насыщенной встречами и консультациями командировки в эту страну. За три месяца Лев Павлович успел посетить возглавляемый известным биохимиком и физиологом Эмилем Абдергальденом Институт физиологии Галле-Виттенбергского университета, где не только познакомился с новейшими исследованиями по профилю своей кафедры, но и проверил данные формул, полученных в физиологической лаборатории БГУ. Побывал Л. П. Розанов и в Институте физиологии Кильского университета, где встретился с известным немецким физиологом Рудольфом Хёбером и на практике ознакомился с сущностью эмульсионной теории возбуждения. Изучив методы исследования, применяемые в названных учреждениях, Лев Павлович впоследствии скорректировал научную направленность своей кафедры, придав ей физико-химический и биохимический уклон. В Кильском университете он встретился с профессором Шадэ, исследователем водородного показателя (рН) в тканях живых людей. Его настолько увлекли эти испытания, что он не смог не привезти в лабораторию медицинского факультета установку для проведения такого рода исследований. С ее помощью Л. П. Розанов впервые в Беларуси применил электрометрическую методику определения рН биологических жидкостей, изменений

электропроводности живых тканей в разных условиях. Это, безусловно, повысило имидж кафедры и ее заведующего. Через два года после командировки в Германию Л. П. Розанов был приглашен известным американским физиологом, профессором Гарвардской медицинской школы Уолтером Брэдфордом Кенноном для участия в работе XIII Международного физиологического конгресса, проходившего с 19 по 23 августа 1929 г. в Бостоне.

Такого рода поездки с научными целями свидетельствовали о международном признании деятельности Льва Павловича и возглавляемой им кафедры. Во время многочисленных командировок Л. П. Розанов не только перенимал опыт коллег и делился белорусскими достижениями в области физиологии, но и старался укрепить материально-техническую базу университета, приобретая советское и зарубежное оборудование как для возглавляемой им, так и для других кафедр медицинского факультета.

27 января 1935 г. Л. П. Розанову была присуждена ученая степень доктора биологических наук. Этот год стал кульминационным не только в плане достижения желаемой научной вершины, но и в педагогической карьере Льва Павловича. Находясь у истоков кафедры физиологии, Л. П. Розанов на протяжении тринадцатилетнего периода принимал активное участие в учебно-методической работе медицинского факультета, а затем и института, являясь бессменным председателем предметной комиссии. С 1 сентября 1935 г. он оставил должность заведующего кафедрой физиологии, уступив ее приглашенному из Перми профессору И. А. Ветохину. Лев Павлович сосредоточил свои усилия на научной деятельности, продолжая активно трудиться в качестве заведующего лабораторией

физиологии Института биологических наук АН БССР. Однако менее чем через два года минский период деятельности Льва Павловича закончился. За время своей работы в Минске ученый-медик не только опубликовал свыше 20 научных трудов и учебных пособий на белорусском, русском и немецком языках, но и заложил в Беларуси основу для подготовки кадров в области физиологии.

Дальнейшая судьба Л. П. Розанова связана с Ленинградом. Уже 1 апреля 1937 г. он был принят на должность научного сотрудника отдела физиологии высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова Всесоюзного института экспериментальной деятельности. Здесь Лев Павлович застал Великую Отечественную войну и всю тяжесть невзгод, которые были вынуждены перенести ленинградцы. К 1942 г. у Л. П. Розанова развилась тяжелая форма дистрофии. Учитывая его заслуги перед отечественной медициной и то состояние, в котором он находился, 7 октября 1942 г. семью Розановых эвакуировали из блокадного Ленинграда в Иваново. Уже к концу этого года, когда Лев Павлович немного пришел в себя, его назначили профессором по курсу паразитологии, затем временным заведующим кафедрой фармакологии Ивановского сельскохозяйственного института. После окончания Великой Отечественной войны он вернулся в Ленинград и устроился на работу в Государственный институт физической культуры им. П. Ф. Лесгафта, затем в Научно-исследовательский институт физиотерапии и курортологии, где проработал до выхода на пенсию в 1955 г.

Умер Лев Павлович Розанов 1 декабря 1959 г. в Ленинграде.

Александр Вячеславович Бурачонок

**Выдающийся организатор,
теоретик и практик библиотечного
дела в Беларуси и СССР,
библиограф**

**Создатель и директор
библиотеки БГУ, руководитель
Государственной и Академической
фундаментальных библиотек
Беларуси**

Иосиф Бенцианович СИМАНОВСКИЙ

24.04.1892 – 08.10.1967

Один из первых заведующих библиотекой БГУ и первый директор Белорусской государственной библиотеки в 1910–1911 гг. учился в знаменитой парижской Сорбонне. В 1914 г. закончил Бернский университет по специальности «литературовед по новейшей западноевропейской литературе». За четыре десятилетия, которые Иосиф Бенцианович возглавлял ведущую государственную библиотеку республики, он внес огромный вклад в становление и развитие библиотечно-библиографического дела в Беларуси. Благодаря его высокому профессионализму и организаторским способностям Государственная библиотека БССР им. В. И. Ленина, ныне Национальная библиотека Беларуси, встала вровень с ведущими национальными библиотеками мира.

По инициативе И. Б. Симановского был открыт библиотечный факультет в Минском педагогическом институте им. А. М. Горького, где он в 1944–1957 гг. преподавал библиотековедческие дисциплины, заведовал кафедрой библиотековедения. После войны в должности директора Государственной библиотеки БССР Иосиф Бенцианович поддерживал связи с университетской библиотекой. Он автор ряда работ библиотечно-библиографического характера, переводил на белорусский язык произведения Г. Гейне, А. Мицкевича, на русский – Э. Верхарна. Среди его наград – орден Трудового Красного Знамени БССР (1932), медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1957 г. удостоен звания «Заслуженный деятель культуры БССР».

Сын бобруйского кустаря-смолокура Иосиф Бенцианович Симановский не был ни профессором-педагогом, ни выдающимся ученым, создавшим научную школу и оставившим после себя учеников и многочисленные труды. С скромный библиотечарь-библиограф, без труда которого однако не появились бы ни научные школы, ни выдающиеся работы в разных областях науки, не дошли бы до современного исследователя многочисленные исторические источники, которые передавали ему на хранение ученые, писатели, поэты, художники, политические и общественные деятели. В этом смысле деятельность И. Б. Симановского схожа с трудом его коллеги, заместителя директора Российской публичной библиотеки А. И. Браудо (1864–1924), сохранившего после октября 1917 г. личный архив и книги лидера кадетской партии П. Н. Милюкова, а в начале 1920-х гг. – книжные собрания Публичной библиотеки, на которые, опираясь на заключенный в марте 1921 г. мирный договор с советской Россией и Украиной, необоснованно претендовала Польша. Правда, в отличие от Браудо, члена масонской ложи, активного политического и общественного деятеля, Иосиф Бенцианович был далек от политических амбиций (лишь однажды, в 1935–1938 гг., являлся членом Минского горсовета). Его стихией была библиография. Именно в ней он преуспел, оставив о себе не только добрую память и благодарность коллег – библиотечарей и библиографов, но и до сих пор актуальные труды по библиографии, включая изданную за два года до смерти книгу «Белорусская советская библиография».

Труд И. Б. Симановского по достоинству оценило государство и общество. Его имя наряду с именами известных белорусских деятелей значится в списке награжденных 5 ноября 1932 г. республиканским орденом Трудового Красного Знамени. Награждение было приурочено к 15-летию Октябрьской революции

и 10-летию Белорусской государственной библиотеки. В заполненном И. Б. Симановским 9 мая 1944 г. личном листке по учету кадров в подпункте «За что» графы «Награды и поощрения после Октябрьской революции» он писал: «За работу по организации и руководству Государственной библиотекой и Библиографического института БССР им. В. И. Ленина». В 1957 г. был удостоен почетного звания заслуженного деятеля культуры БССР. Поздравивший его с этой наградой 13 января 1958 г. бывший подчиненный, работавший с 1924 г. библиотечарем и секретарем Белорусской книжной палаты при Белорусской государственной и университетской библиотеке, будущий выдающийся белорусский историк Н. Н. Улащик (1906–1986) писал: «Я прочитал, что Вам дали звание заслуженного деятеля культуры. Мало кто заслуживает это звание, как Вы. Поздравляю от всего сердца». Заметим, что Николай Николаевич вплоть до смерти коллеги поддерживал с ним деловые и дружеские отношения. Его можно считать своего рода биографом Иосифа Бенциановича, особенно в части, касающейся периода их совместной работы в Книжной палате. Интересные воспоминания об И. Б. Симановском написала в конце 1960-х гг. заведующая отделом белорусской литературы и библиографии Государственной библиотеки БССР в 1920–30-е гг. Ю. И. Бибило. Статья о Симановском – библиографе и библиотечаре напечатана в издании «Книговедение. Энциклопедический словарь» за 1982 г. В журнале «Советская библиография» опубликована статья к 40-летию профессиональной деятельности Иосифа Бенциановича (1962. № 2), а также статья к 75-летию со дня его рождения (1967. № 2).

«Наш великий современник», как называл академика Д. С. Лихачева учитель пишущего эти строки, историк, академик Российской академии образования С. О. Шмидт, ввел в научный оборот вы-

ражение «экология культуры», подразумеваемая под ним сеть образовательных, культурно-просветительских, научных учреждений: школ, вузов, библиотек, музеев, архивов, театров и т. п. Он отметил, что уровень развития экологии культуры напрямую зависит от наличия и состояния подобных учреждений. Этого не могли не понимать и инициаторы создания первого университета в Беларуси, придавая особую роль библиотеке. Так, выступая 15 декабря 1917 г. с докладом об открытии БГУ на заседании Всебелорусского съезда, академик РАН Е. Ф. Карский уделил особое внимание университетской библиотеке как обязательному условию нормального функционирования создаваемого в Беларуси высшего учебного заведения. Он, в частности, говорил: «Лучше всего, при главном университетском здании должно быть выстроено помещение и для библиотеки, которая в Минске может быть не только университетской, но и публичной...» Другой инициатор создания в Минске университета, историк М. В. Довнар-Запольский, также считал формирование библиотеки важнейшей предпосылкой открытия университета. На образовательную роль книги указывал и бывший в 1921 г. заведующим Главпрофобром Наркомпроса РСФСР О. Ю. Шмидт, причастный к созданию БГУ: «Быть может, нигде, как в нашей “некультурной” стране, так целю не осуществляется образовательная роль книги... Книга – хороший плуг, медленно, но верно поднимающий пласт за пластом». Эти предложения выдающихся ученых были реализованы через четыре года, когда в здании бывшей гимназии К. О. Фальковича (ныне на этом месте, где стоял «Дом № 1 БГУ», исторический факультет университета), разместилась университетская библиотека. Еще через год, осенью 1922 г., в подтверждение слов академика она стала публичной, получив название «Белорусская государственная и университетская библиотека».

Совершенно справедливо Фундаментальная библиотека БГУ отмечает свое основание, как и университет, 30 октября 1921 г., хотя функционировать она начала гораздо раньше. Уже 26 июля 1920 г. решением Комиссии по созданию БГУ на должность заведующего библиотекой была назначена бывшая народоволка, одна из основательниц первой в Беларуси социал-демократической организации, участница подготовки и проведения в 1898 г. в Минске I съезда РСДРП, член политической партии Бунд, переводчица на русский язык первого тома «Капитала» К. Маркса Е. А. Гурвич (1861–1934). Вот только эту должность она занимала недолго – до отъезда 1 ноября 1921 г. в Москву на работу в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. В Минске же ее назначение состоялось 13 июля 1921 г., когда на заседании Временного правления БГУ под председательством утвержденного пятью днями ранее ректора В. И. Пичеты при обсуждении вопроса «О заведении библиотекой» было решено: «Е. А. Гурвич – восстановить в должности заведующей библиотекой, а ее помощниками назначить [И. Л.] Дыло и [И. Б.] Симановского».

Выбор И. Б. Симановского в качестве одного из руководителей университетской библиотеки не случаен, учитывая не только его уникальное для советской Беларуси гуманитарное образование (в 1910–1911 гг. учился в Сорбонне, в 1914 г. закончил литературное отделение Бернского университета), но и практическую деятельность (с июля 1918 г. заведовал городской, затем уездной библиотекой в родном Бобруйске, по совместительству с 1919 г. работал заведующим Политпросветом Наробраза ССРБ, в 1920–1921 гг. – заведующим отделением Госиздата, преподавал на рабфаке Красноармейского университета, существовавшего при политотделе 16-й, бывшей Белорусско-Литовской, армии). По воспоминаниям старшего

сына Иосифа Бенциановича, Александра, отца из Бобруйска в Минск вызвал В. И. Пичета. Этот факт подтверждается официальным письмом, переданным А. И. Симановским в «Ленинку» после смерти отца (наряду с личным архивом первого ее директора). К сожалению, архив, насчитывающий свыше 16 тыс. листов, до сих пор мало доступен для исследователей. Из других источников важна статья «Библиотека Бел[орусского] Гос[ударственного] Унив[ерситета]», опубликованная в первом номере «Трудов Белорусского Государственного Университета в Минске» (1922). Статья не подписана, но не вызывает сомнений, что написана она И. Б. Симановским, занявшим после отъезда Гурвич должность заведующего библиотекой. В ней отмечалось, что работа по организации библиотеки началась с июня 1921 г. и к 1 апреля 1922 г. «ее первоначальная стадия, охватывающая оборудование библиотеки, комплектование основного книжного состава, его оформление, инвентаризацию и элементарное описание, может считаться законченной». Автор указал на основные источники комплектования библиотеки (40 тыс. томов, собранных Наркомпросом республики, свыше 20 тыс. томов библиотеки бывшей духовной семинарии и др.), он отметил «щедрое дары», полученные от Российской академии наук, Археографической комиссии, правительственных архивов, а также закупленные части личных библиотек О. Л. Дыло, профессора Петербургской духовной академии П. Н. Жуковича, бывшего попечителя Виленского учебного округа И. П. Корнилова, академика Е. Ф. Карского, этнографа Н. А. Янчука и др. «Временно, – говорилось в статье, – библиотека размещается в здании Рабочего факультета (1-й дом университета). К 1 мая библиотека переходит в отведенное для нее отдельное здание, бывший “Юбилейный дом”». Речь шла о двухэтажном здании

по ул. Захарьевской, 26 (ныне пр. Независимости, 26), в котором с 1908 г. размещался Минский церковный историко-археологический музей и другие учреждения. С постройкой в 1932 г. нового специального библиотечного здания по проекту архитектора Г. Л. Лаврова по улице Красноармейской Иосиф Бенцианович переехал с семьей сюда, заняв небольшую двухкомнатную квартиру на втором этаже, дверь из которой выходила прямо в его служебный кабинет.

В изданном к 10-летию Октябрьской революции сборнике о БГУ в очерке В. И. Пичеты «Беларускі дзяржаўны універсітэт напярэдадні 10-годдзя Кастрычнікавай рэвалюцыі» автор пишет об И. Б. Симановском как о специалисте, «які ў працягу 5 год з вялікай энэргіяй арганізаваў бібліятэку». И это не было преувеличением. А. И. Симановский вспоминал: «Папа проводил на работе все время. Обедать он дома, но я не наблюдал за тем, как его мама кормила, просто даже не помню, как это происходило. Помню, что уходил из квартиры рано и возвращался, когда уже было темно».

Иосиф Бенцианович был в курсе всех происходивших в республике событий, выступал в качестве своеобразного «связующего звена», а нередко и «доверенного лица» между библиотекой и высшим научным учреждением республики – Институтом белорусской культуры (ИБК). На такую его роль указывает, например, письмо председателя ИБК С. М. Некрашевича к академику Е. Ф. Карскому от 28 июля 1922 г. В нем автор, чувствуя себя «недостаточно подготовленным для преподавания белорусского языка на медицинском факультете БГУ», обращался к академику за помощью, а также просил выслать третий том его книги «Белорусы». «Если вышла в свет Ваша книга, ч. 3 благоволиите переслать чрез нашего библиотекаря Симановского. Чрез него прошу также переслать и Ваш совет по моей первой просьбе. Все вышедшие

Президенту Академии Наук
БССР
академику К.В.Горбу

Заявление

связи с вызовом Совнаркомом в Минск
первой наездной отрядом в Минск
нашего разрешения на деканство
командировку сроком на 1 января 1944
На время моего отсутствия прошу назначить
заместителем по библиотеке тов. Голубовича, Г.Р.

3/III 1944

И.Симанов

Личный листок по учету кадров

1. Фамилия Симановский
2. Имя Иосиф отчество Бенционович
3. Пол м. 3. Год рождения 1892 4. Место рождения:
по существующему адм. делению г. Бобруйск
Витебская область, БССР
5. по существующему адм. делению г. Бобруйск
Витебская губ.
6. Национальность еврей 6. Соц. происхождение:
а) бывш. сословие (звание) родителей интеллигенция
б) основное занятие родителей до Октябрьской революции
Кустарь-швейцар, после Октябрьской революции
инженер-электр. Основная профессия (занятие) в настоящее время
для членов ВКП(б) — к моменту вступления в партию инженер-электр.
7. Соц. положение рабочий 8. Соц. положение инженер-электр.
организацией принят в члены ВКП(б) инженер-электр. 9. Место работы, стаж работы по этой профессии
— 10. Какое
11. Партия член 12. Стаж пребывания в ВЛКСМ с — по — 13. Состав
по какое время) нет 14. Составил ли ранее
и причины исключения или выбыл
15. Был ли исключен в проведении линии партии и участвовал
16. Членом какого профсоюза состоит и с какого года с 1931
Образование высшее высшая раб. школы

Полное наименование учебного заведения (вуза, техникума, училища, школы и проч.) и его местонахождение	Название факультета или отсечения	Дата (и место) поступления
<u>Средняя Терницкая школа</u>	<u>Литератур.</u>	<u>1910</u>
<u>Лицей Франков</u>	<u>Философ.</u>	<u>1911</u>
<u>Университет Берн</u>	<u>Физмат.</u>	<u>1911</u>
<u>Швейцарск.</u>	<u>Физмат.</u>	<u>1911</u>

18. Ученая степень (звание) ученый секрет. (действ. член)
и изобретения 2а (перечень научных трудов и изобретений
необходимо дать в приложении).

Дата (мес. год)	В какой стране (указать город)	Получение
1910	Франция, Анжис	Кандидат наук
1911	Швейцария, Берн	Кандидат наук
1928	Германия, Кельн	Кандидат наук

Место для
фотокарточки

СЛУЖЕБНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

СИМАНОВСКИЙ Иосиф Бенционович 1892 года рождения, по на-
циональности еврей, беспартийный. Работает в Академии Наук БССР
с апреля месяца 1943 года в должности Директора фундаментальной
Библиотеки Академии Наук БССР. Одновременно работает Директором
Гос.Библиотеки БССР им. Ленина.

В период Отечественной войны с начала ее и до 1943 года тов.
Симановский работал преподавателем и сотрудником библиотеки
в г. Сталинграде и Саратове.

За время своей научной деятельности Симановский И.Б. напы-
сел ряд научных работ в области библиотекосведения.

В Академии Наук БССР тов. Симановский проявил себя хорошо
знающим свое дело специалистом.

За успешную работу по организации Гос.Библиотеки БССР имен.
В.И.Ленина — Симановский награжден орденом Трудового Красного
Знамени и медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной
войне 1941-1945 г.г. Дисциплинирован и исполнительен.

ВИСЕ-ПРЕЗИДЕНТ
АКАДЕМИИ НАУК БССР
УЧЕНЫМ СЕКРЕТАРЬ
ПРЕЗИДИУМА АН БССР

/Действительный член
АН БССР И.Б. КОДАС/
/Канд. библиотечных наук
АН БССР Л.И. ДИДРИХС И.Б./

Верно: Иосиф Горбу
кадров БССР Симанов

подчеркнутой
директора Библиотечн
и мановского Б.И., рабо-
фундаментальной Библиотечн
освободить с 15 января 1944

на (действ. член
АН БССР
М.С. Маценбург)

кадров
БССР

до последнего времени белорусские книги будут Вам переданы Симановским; находящиеся в печати будут немедленно высланы по напечатанию». Сам И. Б. Симановский, как выпускник Виленской гимназии, знал греческий и латынь, в совершенстве владел не только немецким и французским (слабо – английским), но и белорусским языком и считал, что в библиотеке нужно говорить только на нем. Н. Н. Улащик вспоминал, что когда в республике началась белорусизация и все учреждения переходили на белорусский язык, «Сіманоўскі неяк між іншым пачаў пісаць і гаварыць па-беларуску, прычым не памятую, каб ён звяртаўся да нас (у той час у бібліятэцы працавалі паэт С. П. Шушкевіч, філолаг І. І. Юрашкевіч) з пытаннямі, як належыць пісаць тое ці іншае слова: ён ведаў гэта і без кансультацый».

Как считал Иосиф Бенцианович, важнейшая задача объединенной библиотеки – комплектование книжного фонда. В 1922 г. фонд составлял всего 60 тыс. экземпляров. Для пополнения библиотеки было организовано текущее комплектование, в основу которого положен обязательный экземпляр произведений печати БССР и СССР (их библиотека стала получать с 1922 г.). Важное значение имело и комплектование библиотеки дореволюционными изданиями, в особенности по белорусоведческой тематике. И. Б. Симановский использовал любую возможность для приобретения таких книг. Большую часть дореволюционных изданий составили частные коллекции и собрания, приобретенные библиотекой в те годы. В числе самых ценных и интересных – библиотеки Е. Ф. Карского и умершего 2 декабря 1921 г. профессора БГУ, известного этнографа Н. А. Янчука (по белорусоведению, этнографии и литературе), академика Я. К. Грота (по славяноведению), «витебского летописца» А. П. Сапунова (по белорусской истории), библиотеки Полоцкой иезуитской

академии, Минской духовной семинарии, Московской хоральной синагоги и др.

Как вспоминала Ю. И. Бибило, Иосиф Бенцианович много внимания уделял комплектованию возглавляемого ею белорусского отдела библиотеки. «Ён быў трапным паляўнічым на цікавыя і каштоўныя кнігі, – писала она. – Пасля яго наведвання Віцебска і знаёмства з А. Сапуновым аддзел атрымаў “Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 г.”, “Апокрісіс” Хрыстафора Філалета (1599 г.) на старабеларускай мове, накіраваны супраць уніі. Папоўніліся нашы фонды і працамі самога А. Сапунова: тамы “Витебской старины”, зборнікі “Полоцко-Витебской старины” і інш., а таксама каштоўнымі выданнямі па гісторыі Віцебска і Полацка. <...> Мы ганарымся таксама тым, што мелі некалькі кніг (6–7?) “Бібліі” Ф. Скарыны. Памятую, гэтыя асобныя кніжкі прынёс у аддзел І. Б. Сіманоўскі і аддаў у мае рукі. Дзе ён набыў іх – не захавалася ў памяці. <...> Захоўваліся №№ “Мужыцкай праўды”... Прыхавалі мы і “Sonety krymskie” А. Міцкевіча з яго аўтографам... На жаль, ад гэтага збору нічога не засталася, не захаваліся кнігі з дарагімі аўтографамі Я. Купалы, Я. Коласа і інш.».

К сожалению, многие инициативы И. Б. Симановского и всецело поддерживавшего его ректора университета В. И. Пичеты остались нереализованными. В частности, не нашло поддержки предложение ректора, приуроченное к 400-летию белорусского книгопечатания (1925), о передаче Беларуси из книгохранилищ СССР дублетных экземпляров старопечатных белорусских книг, в первую очередь изданий Ф. Скорины. Не поступило в библиотеку, хотя и осталось в Витебске, пребывавшем, как известно, до 1924 г. в составе РСФСР, богатое книжное собрание закрытого в 1922 г. местного отделения Московского археологического института (несмотря на принятое 15 августа 1922 г. постановление

Главпрофобра РСФСР о его передаче в БГУ). Командированный в Витебск в октябре 1922 г. для исполнения этого решения профессор БГУ В. Н. Перцев вернулся в Минск с пустыми руками: витебские власти отказались исполнить решение, передав библиотеку местному Институту народного образования. В составленном отчете о результатах поездки Владимир Николаевич отмечал, что «библиотека не имеет никаких инвентарных книг, и описи составляются только в настоящее время уже при передаче книг Институту народного образования... Бывший заведующий Витебским отделением Археологического института (Б. Р. Брежго. – *Авт.*) определил численность книг в 20 тыс. экз., другие лица, работавшие в библиотеке, – в 30–35 тыс. томов. Из них описано пока только 2 тыс. томов». По словам историка, большую часть библиотеки составляли старопечатные книги, книги иезуитских коллегий на латинском и польском языках, рукописи, имевшие отношение преимущественно к «Западному краю» и Беларуси.

Небезынтересна позиция Е. Ф. Карского, который, так же как и руководство БГУ, поддержал передачу витебской библиотеки в Минск. Именно ему Отделение исторических наук и филологии Российской академии наук, куда 11 октября 1922 г. обратился Б. Р. Брежго с просьбой принять имущество, включая и библиотеку закрытого отделения Московского археологического института (МАИ), поручило дать заключение на этот счет. На заседании Отделения 8 ноября 1922 г. было зачитано заключение академика, в котором он писал: «Автор доклада правильно полагает, что нельзя лишать витебский край его археологических ценностей, устранять “хотя и маленький” научный материал из-под рук людей, интересующихся наукой. Он хотел бы, чтобы Академия, оставляя эту коллекцию в Витебске, взяла ее в свое ведение и хлопотала для 4 лиц содержание и паек,

кроме того, еще некоторую сумму на отопление, освещение и др. хозяйственные расходы по музею. Но в настоящее время, ввиду всяких сокращений, Академия вынуждена ограничивать и свой личный состав и очень стеснена в средствах на содержание своих музеев. Если на месте нельзя изыскать средства на содержание своего музея, имеющего отношение к Белоруссии, то Белорусский государственный университет в Минске, несомненно, обладает таковыми и, конечно, может содержать в надлежащем виде небольшую витебскую коллекцию. При университете и научная ценность коллекции поднимется, так как найдутся компетентные лица для ее изучения». Отделение поддержало мнение Е. Ф. Карского, сообщив об этом Б. Р. Брежго и указав тому, что в случае надобности Академия согласна связаться по этому делу с БГУ. Однако, несмотря на авторитет Академии наук, библиотека Витебского отделения МАИ так и не была передана в Минск. Точно так же ни с чем вернулся и В. И. Пичета из Киева, куда он ездил в декабре 1924 г. «за атрыманнем бібліятэкі б. графа Хрэптовіча».

Важными источниками пополнения библиотеки, которые активно использовал И. Б. Симановский, были международные контакты. К 1928 г. возглавляемое им учреждение установило партнерские связи с библиотеками из более чем 20 стран Европы и Америки, что способствовало увеличению библиотечного фонда. К 14 мая 1926 г., когда в соответствии с постановлением СНК БССР «О реорганизации Белорусской государственной и университетской библиотеки» бывшая до этого структурным подразделением БГУ библиотека выво-дилась из состава университета и становилась самостоятельной административной единицей, ее фонд увеличился в 5 раз и достиг 300 тыс. экземпляров. Иосиф Бенцианович использовал зарубежные поездки профессоров и преподавателей БГУ, чтобы и с их помощью приобретать

книги. Так, в ноябре 1923 г. Правление университета на своем заседании просило собиравшегося за границу ректора приобрести книги и выделило ему на эти цели 187 долл. США. Через два года, в ноябре 1925 г., Владимир Иванович Пичета информировал коллег, что во время заграничной командировки в Польшу им были приобретены научные издания, достигнута договоренность об обмене периодическими изданиями с библиотекой Краковской академии наук, Научным обществом им. Т. Шевченко во Львове, Историческим обществом при Львовском университете и др. В письме к находившемуся в Праге ректору (от 15 июня 1927 г.) И. Б. Симановский сообщал о переводе 250 долл. США в Прагу и Варшаву для приобретения нужных университету книг и писал: «Будет очень обидно, если из-за простого недоразумения Библиотека не сможет использовать Вашу поездку и Вашу готовность ей помочь в пополнении нужными ей изданиями». Он сообщал также адреса пражских библиотек, куда Белорусская книжная палата выслала для обмена большие партии книг, и высказывал готовность в случае их согласия на сотрудничество

продолжить высылку интересовавших чешских коллег белорусских изданий.

Наряду с комплектованием библиотеки книгами И. Б. Симановский развернул активную работу по библиографическому их описанию. Благодаря этому библиотека стала центром библиографической деятельности в республике. Текущая библиография велась Белорусской книжной палатой, созданной при библиотеке на правах ее отдела в соответствии с постановлением СНК БССР от 25 июня 1924 г. Секретарем Палаты стал студент социально-исторического отделения педфака БГУ, впоследствии известный белорусский историк, этнограф, археограф Н. Н. Улащик. Он в статье-воспоминаниях «З мінулага Беларускай дзяржаўнай бібліятэкі і Кніжнай палаты» (Польмя. 1990. № 1) подробно описал и саму жизнь библиотеки и охарактеризовал ее руководителя. Улащик писал: «У 1922 г. урад прыняў пастанову аб стварэнні Беларускай дзяржаўнай і універсітэцкай бібліятэкі. У 1924 г. пры бібліятэцы была адчынена Кніжная палата. Дырэктарам бібліятэкі і палаты прызначылі І. Б. Сімановскага. Пад бібліятэку аддалі так званы Юбілейны дом на былой Захараўскай... Юбілейны дом пабудавалі ў 1913 г. у сувязі са святкаваннем трохсотгоддзя Дому Раманавых – таму ён і мае выгляд рускага баярскага дома XVI–XVII стст. <...> Праз некаторы час бібліятэцы аддалі яшчэ адзін будынак – былой кансісторыі на рагу цяперашніх Ленінскага праспекта і Чырвонаармейскай... На трэцім, верхнім паверсе, знаходзілася чытальная зала, кватэра дырэктара і яго кабінет, на другім – канцылярыя, Кніжная палата, яўрэйскі аддзел, архіў Кніжнай палаты і кнігасховішча старадрукаў. На першым была пераплётная майстэрня і частка кнігасховішча».

Далее Николай Николаевич характеризует И. Б. Симановского: «Узначальваў усю дзейнасць як бібліятэкі, так і Кніж-

Группа сотрудников Государственной библиотеки БССР. В центре – директор И. Б. Симановский. Стоит второй слева Н. Н. Улащик. Конец 1920-х гг.

най палаты І. Б. Сіманоўскі. Седзячы ў 1923 г. у чытальнай зале, я бачыў, як на хорах часта з'яўляўся заклапочаны чалавек: ён браў адну ці некалькі кніг з паліцы або ставіў назад на паліцу. У чалавека былі доўгія кучаравыя рудыя валасы, на галаве – капялюш. Апануты ён быў у заношаную ватоўку да каленяў. Пазней я даведаўся, што гэта дырэктар. (У 1923 г. добра апранутых у Мінску было мала – хіба што рэктар універсітэта і яшчэ некалькі прафесараў.)

Стаўшы працаўніком бібліятэкі, я сустракаўся з дырэктарам штодня на працягу больш чым пяці гадоў. Прыходзячы на работу ў 9, а некаторы час у 8 гадзін, я заўсёды заставаў Сіманоўскага на рабоце. <...> І будучы студэнтам, і пасля я часам заходзіў у бібліятэку каля поўначы (бібліятэка працавала да 12 гадзін ночы) ці проста праходзіў паўз яе і здаецца, ніколі не здаралася, каб у кабінёце дырэктара не было святла. Усё яго жыццё, усе думкі былі звязаны з бібліятэкай настолькі, што ён ніколі не хадзіў у тэатр і пэўна, у кіно. <...> Жывучы адной бібліятэкай, Сіманоўскі, аднак, не быў нейкім абстрактным дзеячам. Наадварот, гэта быў чалавек вельмі практычны і нават жорсткі. Супрацоўнікі бібліятэкі яго баяліся, баяліся нават і наведвальнікі, якія прыходзілі па розных справах.

Відаў у Улашкіе перспектывнага ісследователя, Іосиф Бенціановіч пытаўся «сманіць» яго в книжное дело: «Летам ці ўвосень 1929 г. Сіманоўскі сказаў мне: “Кіньце вы сваю гісторыю, ніякай перспектывы тут у вас няма. Пераходзьце да кнігазнаўства. Вось набліжаецца дзесяцігоддзе бібліятэкі, нам трэба будзе выдаць да гэтай даты кнігу”». Молодой историк не изменил своей «неперспективной» историографии, но поддерживал контакты с И. Б. Симановским, выполняя различные его поручения по формированию фондов библиотеки (в частности, книгами и рукописями из личного

архива и библиотеки умершего в 1947 г. В. И. Пичеты).

Признанием авторитета И. Б. Симановского – библиографа и библиотекаря стала его командировка в августе 1928 г. в немецкий Кёльн с целью организации советского павильона на проходившей там Международной выставке печати. Эту выставку посетил и В. И. Пичета, участвовавший в Неделе русских историков в Берлине (июль 1928 г.) и поделившийся своими впечатлениями от выставки на страницах газеты «Савецкая Беларусь». В советском павильоне ректора в первую очередь интересовал белорусский отдел, который он с трудом нашёл с помощью одного из членов выставочного комитета. «Беларускі друк, – отмечал Пичета, – быў прадстаўлены вельмі слаба: 10–12 кніжак – і толькі. Куды дзяваліся ўсе экспанаты – я ня ведаю. <...> Я лічу неабходным, каб дасланы былі новыя экспанаты з тым, каб беларускі друк быў прадстаўлены поўнасьцю. Месяцы – жнівень, верасень і палова кастрычніка – гэта будучыя месяцы, у якія будзе найбольшая наведваемасць выстаўкі, і будзе вельмі шкода, калі ўсе наведваючыя выстаўку азнаёмяцца з беларускім друкам толькі на падставе тых выпадкова выстаўленых кніжак, якія знаходзяцца ў Кёльне». Вероятно, Іосифу Бенціановічу і было поручено устранить недочёты в организации белорусского отдела советского павильона, на которые указывал В. И. Пичета.

Возглавляя одну из важнейших институций хранения социальной памяти белорусского народа – Белорусскую государственную библиотеку, И. Б. Симановский активно сотрудничал с коллегами – руководителями архивов и музеев – при решении вопросов о распределении между ними документальных памятников. Эти вопросы, к сожалению, приобрели политическую окраску в связи с событиями в Ленинграде (октябрь 1929 г.), получившими название «Ака-

демическое дело» или «Дело академика С. Ф. Платонова». Суть в том, что при смене руководства библиотеки Академии наук в ней были обнаружены неучтенные документы (в частности, акт об отречении Николая II), носившие политический характер, что было интерпретировано властями как «антисоветская деятельность». Последствия этого затронули научное сообщество всего СССР, включая и БССР. 9 декабря 1929 г. в целях распределения функций между Центрархивом, Государственной библиотекой и музеями республики Наркомпрос БССР создал комиссию под председательством заведующего Центрархивом А. Р. Иодко, включив в нее на правах членов И. Б. Симановского и научного сотрудника Белорусского государственного музея А. В. Бурдейко (директор В. Ю. Ластовский к этому времени фактически был отстранен от руководства музеем). Комиссия должна была пересмотреть архивные, музейные и библиотечные фонды для распределения их по соответствующим учреждениям, исходя из того, что «архіўныя матэрыялы павінны быць перададзены бібліятэкамі і музеямі Цэнтрархіву, а экспазіцыйна-архіўныя музейныя і бібліятэчныя фонды павінны заставацца у музеях і бібліятэках

пры згодзе на гэта Цэнтрархіву і пры ўмове ўзяцця іх на вучот». Не позднее 10 января 1930 г. комиссия должна была завершить работу и представить свои соображения в Главнауку на утверждение. Иосиф Бенцианович принял участие во всех проходивших в течение декабря 1929 г. – начала января 1930 г. заседаниях комиссии, в результате было разработано Положение о распределении функций между органами Центрального архивного управления, Белорусской государственной библиотеки и белорусскими государственными музеями и распределении между ними архивных, библиотечных и музейных материалов. Несмотря на явно выраженную политическую окраску этой акции (взять под контроль архивных органов, подчинявшихся ЦИК БССР, хранившиеся в библиотеках и музеях системы Наркомпроса республики документальные материалы), она имела и определенное позитивное значение в плане установления более тесного сотрудничества между родственными институтами, устранения ведомственных противоречий на этапе приема на хранение документальных памятников. Участие И. Б. Симановского в этом мероприятии имело большое практическое значение для его последующей деятельности, связанной с комплектованием рукописного отдела библиотеки документами и материалами деятелей науки, литературы и искусства, что заметно проявилось на примере личного архива и библиотеки умершего в 1947 г. бывшего первого ректора БГУ академика В. И. Пичеты.

Важное место в профессиональной деятельности И. Б. Симановского занимало участие в работе Инбелкульта (затем Белорусской академии наук), продолжавшееся два с половиной десятилетия. Началось оно с 1925 г., когда на общем собрании ИБК, состоявшемся 21 февраля 1925 г., он по предложению председателя С. М. Некрашевича был избран наряду с другими лицами («праца якіх была б ка-

Орден Трудового Красного Знамени БССР, которым был награжден И. Б. Симановский в ноябре 1932 г.

рысна ў секцыях і камісіях ІБК») в состав членов-сотрудников высшего научного учреждения республики. В течение трех лет (1925–1927) И. Б. Симановский возглавлял библиографическую комиссию ИБК. Особенно активно его сотрудничество с Академией наук проявилось в годы войны и первое послевоенное пятилетие, когда он с апреля 1943 по январь 1950 г. возглавлял Фундаментальную библиотеку АН БССР.

1937 год не обошел стороной и Иосифа Бенциановича. Об этом вспоминала Ю. И. Бибило: «Горыч развітання ўвосень 1937 года з блізкай сэрцу працай. Адхілілі ад пасады І. Сіманоўскага, я атрымала адстаўку як “несправившаяся” з работай... Цяжкі і трагічны гэта быў час».

Начало войны застало И. Б. Симановского в должности директора Государственной научной медицинской библиотеки БССР, которую он занимал с 1938 г. Эвакуированный в Сталинград, он в течение июля – ноября 1941 г. работал сотрудником библиотеки и преподавателем местного медицинского института. В ноябре 1941 г. Иосиф Бенцианович с женой и четырехлетним сыном от второго брака эвакуировался в Саратов, где до июля 1942 г. работал старшим научным сотрудником Научной библиотеки Саратовского государственного университета (заметим, что в 1930-е гг. заведующим отделом редких, ценных и рукописных книг этой библиотеки являлся В. Ю. Ластовский, высланный в Саратов на пять лет по делу о «Саюзе вызвалення Беларусі»). В августе 1942 г. И. Б. Симановский уже был в Москве и включился в работу Библиотечного института им. В. М. Молотова в качестве старшего научного сотрудника и доцента. В марте 1943 г. он обратился с заявлением на имя президента АН БССР К. В. Горева с просьбой о зачислении его старшим научным сотрудником «по белорусской библиографии и научным руководителем – директором Библиотеки Академии

наук». В соответствии с резолюцией президента его зачислили на эти должности с 15 марта 1943 г. с окладом 1500 руб. в месяц как имеющего ученое звание ученого специалиста.

Иосиф Бенцианович не мог не понимать, какая сложнейшая и ответственнойшая задача стояла перед ним: предстояло по сути заново создать академическую библиотеку, ибо по доходившей до него из оккупированной столицы республики информации довоенных библиотек (академической, государственной, университетской и др.), к созданию которых он имел непосредственное отношение, более не существовало. В доказательство можно сослаться на справку белорусского писателя Г. Мурашко, агента спецгруппы НКГБ БССР, которую он подготовил в январе – марте 1944 г., находясь в партизанском отряде. Описывая потери, понесенные в годы войны библиотеками республики, автор отмечал: «Но самый чувствительный вред гор. Минску и всей Белоруссии нанесен фашистскими маркобесами в Государственной библиотеке им. Ленина, состоявшей в сети международного книгообмена и являвшейся одной из крупнейших библиотек не только Советского Союза, но и всего мира, в Художественной галерее и БГУ. Государственную библиотеку им. Ленина также не обошли с постоем фашистские полчища, в подвалах которой они устроили себе склад и холодильник. С этой целью немецко-фашистские громилы выбросили книги на двор (позади библиотеки) и жгли их регулярно огромными кучами. Книги же, оставшиеся в библиотеке, портились от сырости, потому что библиотека совершенно не отапливалась, за исключением тех комнат, где помещались немцы...»

Далее Г. Мурашко сообщал, что систематический грабег Государственной библиотеки учинил Генеральный комиссариат – сначала во главе с Г. Лозе, а потом с В. Кубе и «шефом» культурных

учреждений этого же комиссариата Курцем. По их распоряжению в Берлин регулярно вывозились библиографические редкости, собрание рукописных и первопечатных книг, вся редкая и вообще литература по истории Беларуси. Более или менее уцелели в первые месяцы войны книжные фонды академической библиотеки с подбором литературы по истории. В ней был собран ряд ценных личных библиотек ученых. Но уже скоро фашисты принялись уничтожать и эту библиотеку. Даже на минских базарах распродавались разворованные книжные раритеты за одну марку.

Буквально в день освобождения Минска, 3 июля 1944 г., И. Б. Симановский обратился с заявлением на имя президента Академии наук БССР К. В. Горева, в котором писал: «В связи с вызовом Совнаркома в Гомель и вероятной поездкой оттуда в Минск прошу Вашего разрешения на указанную командировку сроком по 1 августа 1944 г.». 8 августа он выехал в Минск, где почти месяц изучал ситуацию. В итоге 14 сентября 1944 г. СНК БССР принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению Государственной библиотеки и Библиографического института БССР им. В. И. Ленина», в котором говорилось: «Обязать Наркомпрос БССР (т. Уралову) и дирекцию Государственной библиотеки (т. Симановского) обеспечить возобновление работы Государственной библиотеки к 1 ноября 1944 г. К этому сроку открыть общий и специальный читальные залы, кабинет белорусской литературы и библиографии, возобновить обслуживание библиотек БССР по МБА и организовать к открытию Государственной библиотеки большую книжную выставку “Великая Отечественная война в печати СССР”».

Согласно приказу по АН БССР от 10 октября 1944 г. И. Б. Симановский прибыл в Минск на постоянную работу директором Фундаментальной библиотеки АН БССР и с 1 ноября приступил

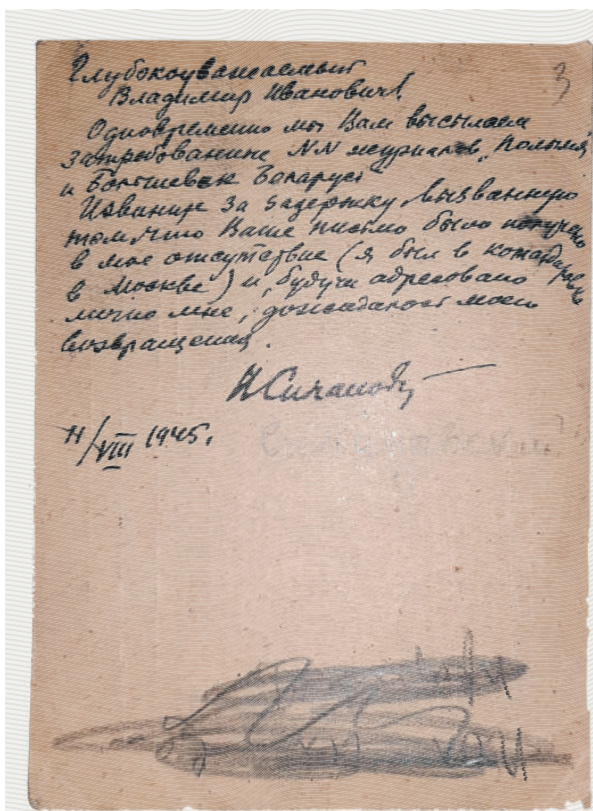
к исполнению своих обязанностей. Уже 23 ноября его командировали в Москву и Ленинград «по делам комплектования библиотеки сроком с 25 ноября по 20 декабря 1944 г.». Вместе с ним в Москву для отбора книг, выделенных АН БССР Всесоюзной академией, был командирован и его сотрудник Б. А. Сенько, в годы оккупации находившийся в Минске и участвовавший в спасении выброшенного немцами из здания Президиума Академии наук перевезенного сюда в конце 1939 г. из Вильно Исторического архива и из Несвижа – фамильного архива князей Радзивиллов. Подобные выезды, связанные с пополнением академической библиотеки, И. Б. Симановский регулярно предпринимал во все время своего руководства. В частности, в мае 1946 г. он выезжал в Москву «по делам комплектования библиотеки иностранной литературой».

Очевидную самоотверженность, которую проявлял в это сложное время Иосиф Бенцианович, отразила его служебная характеристика, подписанная вице-президентом АН БССР Якубом Коласом и ученым секретарем Президиума АН БССР И. Н. Луцицким (впоследствии профессор БГУ). Она не датирована, но можно предположить, что текст составлен между 1945 и 1950 гг. Приведем выдержки этой характеристики:

«Симановский Иосиф Бенцианович, 1892 г. р., по национальности еврей, беспартийный. Работает в АН БССР с апреля месяца 1943 г. в должности директора Фундаментальной библиотеки АН БССР. Одновременно работает директором Государственной библиотеки БССР им. В. И. Ленина. В период Отечественной войны с начала ее и до 1943 г. тов. Симановский работал преподавателем и сотрудником библиотеки в г. Сталинграде и Саратове. За время своей научной деятельности Симановский И. Б. написал ряд научных работ в области библиотекосведения. В АН БССР тов. Сима-

новский проявил себя хорошо знающим свое дело специалистом. За успешную работу по организации Государственной библиотеки БССР им. Ленина Симановский награжден орденом Трудового Красного Знамени [БССР] и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Дисциплинирован и исполнительен».

Возможно, характеристика излишне суховатая, тем не менее обращает на себя внимание ключевая фраза: «...проявил себя хорошо знающим свое дело специалистом». И. Б. Симановский, действительно, и был таковым. Однако случались в столь напряженной и ответственной работе сбои, хотя их причины имели вполне объективный характер. Так, 4 сентября 1950 г. по докладу Иосифа Бенциановича «О состоянии и мерах по улучшению работы Государственной библиотеки» было принято постановление коллегии Комитета по делам культурно-просветительских учреждений при Совете Министров БССР, определившее меры по улучшению работы библиотеки. В нем наряду с констатацией положительных результатов (библиотека по количеству книг достигла довоенного уровня, провела значительную работу по проверке книжных фондов и каталогизации и др.) отмечались и серьезные недостатки. В их числе – слабая помощь областным библиотекам в методическом плане, невысокий уровень издаваемого библиотекой бюллетеня, недолжная сохранность книжного фонда, недостаточная укомплектованность кадрами (из 72 работников библиотеки лишь у 8 было специальное образование, а 15 человек вообще не имели документов об образовании). Указывалось, что помещение библиотеки не приведено в «культурный вид», в нем нет уюта и чистоты, витрины и стенды для книжных выставок производят «убогое впечатление». И. Б. Симановскому было предложено устранить эти недостатки. Через пять лет Министерство культуры

Текст открытки И. Б. Симановского, посланной им 11 августа 1945 г. В. И. Пичете

Московский адрес В. И. Пичеты, по которому И. Б. Симановский отправил свою открытку 11 августа 1945 г.

В читальном зале библиотеки БГУ. 1949 г.

вновь заслушало его доклад и снова констатировало наличие недочетов в работе библиотеки. Разумеется, в условиях послевоенной разрухи, ограниченного финансирования трудно было ожидать от руководства библиотеки, каким бы компетентным оно ни было, быстрого решения всех проблем. Иосиф Бенцианович определял в первую очередь приоритетные проблемы, а таковыми, по его мнению, были кадровые.

28 февраля 1958 г. И. Б. Симановский обратился с письмом к заместителю министра культуры республики М. А. Минковичу с предложением организовать при библиотеке годичные библиотечные курсы для подготовки и повышения квалификации работников научных библиотек. Одновременно Иосиф Бенцианович просил жившего в Москве Н. Н. Улащик подыскать специалистов, согласных работать в главной библиотеке республики. Об этом свидетельствует письмо, посланное ему Николаем Николаевичем в 1959 г.: «Пытался исполнять Ваши поручения, т. е. найти деятелей, которые бы работали на ниве белорусской культуры. Разговаривал, хотя и бегло, со всеми теми

лицами, о которых упоминал в разговоре с Вами. Ответ, в общем, везде одинаков: на варягов надеяться нельзя. Подготовить людей здесь мог один В. И. Пичета, как подготовка работников Института славяноведения».

Инициированные И. Б. Симановским кадровые вопросы Н. Н. Улащик обсуждал и с сотрудницей библиотеки Ю. И. Бибило в письме от 21 марта 1962 г. Письмо появилось после разговора с крупнейшим российским историком середины XX в., председателем археографической комиссии АН СССР академиком М. Н. Тихомировым, крайне раздраженным «варварским» (слова ученого) отношением в Беларуси к археологическим и документальным памятникам (например, взрыв церкви XII в. в Витебске, разрушение в Минске замчища, отсутствие специалистов, умеющих вести поиск и описание древних рукописей, и т. п.) и изменившим в связи с этим свое решение передать в Минск ряд документальных памятников белорусского происхождения из своей коллекции. «Будзьце ласкавы, – писал Улащик, – не адкладаючы, напішыце мне пра ўсё гэта.

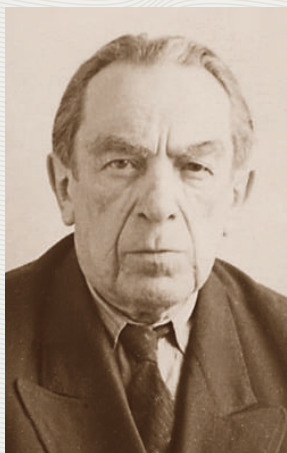
Пэўна, трэба пагаварыць з Сіманаўскім. Покуль што нічога пра гэта не гаварэце, каб не зрабілі якога-небудзь нетактычнага запытання. Ён гэтага надта не любіць».

Вот только к этому времени Иосиф Бенцианович уже был отправлен на «почетную» пенсию, о чем 17 октября 1961 г. И. Л. Дыло писал из Саратова Ю. И. Бибилу: «Пра “ганаровую” адстаўку Сіманаўскага я даведаўся як з Вашага апошняга ліста, так і праз вестку пра гэта ў лісце да мяне Алега Саннікава. Неяк стала на душы сумна: хоць праводзіны яго былі і публічныя і з адзначэннем яго заслуг па арганізацыі Дзяржаўнай бібліятэкі, аднак аслабанілі ад працы, якой ён аддаваў усяго сябе...»

Возвращаясь к отношениям И. Б. Симановского с В. И. Пичетой через призму оценки вклада первого в сохранение научного наследия второго, отметим, что Иосиф Бенцианович был крайне заинтересован в том, чтобы как можно больше рукописей и книг из личного архива и библиотеки ученого поступили в возглавляемую им библиотеку. Он внимательно следил за обработкой личного архива академика, разбором его библиотеки, которые вела вдова историка, предлагал ей свою помощь. Так, 23 мая 1957 г. Иосиф Бенцианович писал: «Многоуважаемая Александра Петровна! По сообщению тов. Улащика Н. Н. у Вас имеются книги, которые могли бы представить интерес для ГБЛ им. Ленина и которые на тех или иных условиях Вы хотели бы передать в Госбиблиотеку». Далее он просил выслать список книг или предлагал направить в Москву заведующего отделом комплектования библиотеки с тем, чтобы тот лично ознакомился с библиотекой Пичеты. В результате библиотекой были приобретены многие книги из собрания Владимира Ивановича, а также рукописи его работы «История Белоруссии» (в 2 т.), подписанной к печати в октябре 1940 г., но неизданной первой части «Нарысаў па гісторыі Беларусі» и др. В настоящее вре-

И. Б. Симановский среди сотрудников Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. 1962 г.

И. Б. Симановский. 1964 г.

мя все это хранится в Национальной библиотеке Беларуси и ждет своего издателя.

Продолжая практику международного книгообмена, главная библиотека республики к концу 1950-х гг. установила связи с рядом научных библиотек стран народной демократии (Народовая библиотека в Варшаве, Славянская библиотека в Праге, Словацкая национальная библиотека, Государственная библиотека Болгарии им. В. Коларова, Библиотека университета им. Кошута в Дебрецене и др.). Несмотря на большую занятость

организационными вопросами, руководитель библиотеки находил время и для научно-методической деятельности, внося существенный вклад в развитие библиографоведения. Имя И. Б. Симановского – одного из ведущих библиографов Беларуси – по праву занимает достойное место на страницах изданного в 2017 г. учебного пособия «Бібліяграфазнаўства. Гісторыя», авторы которого пишут: «У распрацоўцы асобных пытанняў тэорыі і метадыкі беларускай бібліяграфіі важнейшая роля належала супрацоўнікам Дзяржаўнай бібліятэкі БССР, асабліва І. Б. Сіманаўскаму. У яго артыкулах і дакладах на бібліяграфічных з’ездах і нарадах, якія праводзіліся ў СССР, шмат увагі надавалася арганізацыі дзяржаўнай і рэкамендацыйнай бібліяграфіі, пытан-

ням бібліяграфічнага абслугоўвання. І. Б. Сіманаўскі лічыў, што дзяржаўныя бібліятэкі павінны быць цэнтрамі бібліяграфічнай работы, ствараць бібліяграфічную прадукцыю розных відаў, развіваць абслугоўванне, забяспечваць падрыхтоўку адпаведных кадраў і весці навуковыя даследаванні».

Память об одном из создателей и первом директоре Государственной библиотеки Беларуси хранят его преемники, работающие в Национальной библиотеке Беларуси. Помнят об И. Б. Симановском и в ведущем вузе страны – Белорусском государственном университете, Фундаментальная библиотека которого обязана ему своим становлением.

Михаил Федорович Шумейко

**Государственный деятель,
один из организаторов
высшей школы Беларуси,
незаурядный ученый-физик**

**Профессор БГУ, декан и директор
университетских физико-
математического факультета
и Физико-математического института**

Евгений Константинович УСПЕНСКИЙ

18.10.1891 – 29.10.1937

Творческая и административная карьера Евгения Константиновича Успенского в полной мере сопряжена с развитием интеллектуальной сферы Беларуси 1920–30-х гг. Профессор БГУ, белорусский ученый-физик и государственный деятель, заместитель декана, впоследствии декан педагогического факультета, первый декан физико-математического факультета БГУ, директор Физико-математического института БГУ, активный деятель Института белорусской культуры, затем Белорусской академии наук – далеко не полный перечень этапов его жизненного пути.

В первые послереволюционные годы активно участвовал в становлении новой, советской системы народного образования в Бобруйске и Глуске. Член РКП(б) с 1921 г., ряд лет работал в Наркомпросе Беларуси.

Ученый разрабатывал наиболее актуальные физические проблемы своего времени: общую теорию относительности, квантовую теорию, устройство ядра. И в качестве учебных курсов эти темы доносил до студентов БГУ. Евгений Константинович – один из инициаторов приглашения из Германии на работу в БГУ известного европейского математика Якова Громера – ученика Альберта Эйнштейна. Университетский профессор активно популяризировал знания о физике и первым начал преподавать в Беларуси физику на белорусском языке.

Евгений Константинович Успенский родился 18 октября 1891 г. (по старому стилю) в г. Вильно в семье белорусов Константина Дмитриевича Успенского и Софии Петровны Образцовой. В анкете, заполненной в 1934 г., в графе «Социальное происхождение родителей» Евгений Константинович отметил, что его отец был из «штаб-офицерских детей», а мать – из семьи «потомственных почетных граждан». А в одной из более ранних анкет, уже определяя свое социальное положение, указал: «Из служащих». Что интересно, в этой же анкете 1934 г. Евгений Константинович не побоялся указать, что он, так же как и мать, из «потомственных почетных граждан».

Отец Константин Дмитриевич работал с 1888 по 1910 г. счетоводом Виленской контрольной палаты, а с 1910 г. – конторщиком управления Полесской железной дороги. Скончался в ноябре 1916 г. в Гомеле. София Петровна занималась домашним хозяйством, в послевоенные годы жила в семье сына и умерла в 1929 г. в Минске.

Среднее образование Евгений получил в Вильно, где учился в 1-й городской гимназии. Окончил ее он в 1910 г., а на следующий год поступил на физико-математический факультет Императорского

Московского университета. После завершения полного курса обучения в 1915 г. получил университетский диплом первой ступени по специальности «теоретическая физика». Дипломированный педагог свободно владел русским и белорусским языками, а украинским, польским, немецким и французским – на уровне понимания устной речи и чтения текстов.

Трудовую деятельность Евгений Константинович начал в августе 1915 г. в должности учителя физики и математики частной гимназии И. Р. Годыцкого-Цвирко в г. Бобруйске, где проработал до 1 сентября 1917 г. Военной службы в царских войсках, как и в Красной армии, удалось избежать: в первом случае имел отсрочку как выпускник университета, во втором – по причине слабого здоровья (в 1923 г. даже был вовсе снят с воинского учета).

И в последующие годы педагог с высшим университетским образованием продолжал трудиться в Бобруйске: в 1917–1920 гг., в том числе и во время немецкой и польской оккупации, был преподавателем физики и математики Бобруйской мужской гимназии, школы II ступени, Бобруйского политехникума. Одновременно с педагогической деятельностью Е. К. Успенский занимал пост председателя Совета народного образования при Бобруйском исполкоме. В ноябре 1920 г. его перевели в Глуск, где по июнь 1921 г. пришлось руководить, по сути, всей системой власти в регионе: не только заведовать школой II ступени, но и состоять членом Глусского райисполкома, быть заместителем председателя исполкома и даже некоторое время исполнять обязанности председателя.

По возвращении в Бобруйск летом 1921 г. Евгений Константинович был назначен заведовать отделом в Бобруйском управлении образования – возглавил районный Политпросвет, но находил время для преподавания физико-математических дисциплин в Бобруйском педагогическом

Гимназия И. Р. Годыцкого-Цвирко
в Бобруйске

ческом техникуме, читал лекции в лектории Красноармейского университета.

В 1917 г. пять месяцев (с апреля по август) Е. К. Успенский состоял в меньшевистской РСДРП (объединенной) партии. О его роли в революционных событиях на территории Беларуси источники не сообщают, да и сам Евгений Константинович в одной из анкет отмечал, что в октябрьских событиях не участвовал. На вопрос же, участвовал ли в революционном движении до 1917 г., отвечал, что «принял участие в студенческих кружках», имея в виду время своего обучения в Московском университете (участвовал и в работе Виленского землячества при Московском университете), но репрессиям за эту деятельность не подвергался. В период польской оккупации выступил в качестве одного из организаторов Белорусского национального комитета, был инициатором первых в Бобруйске учительских курсов. В ряды РКП(б) Е. К. Успенский вступил в январе 1921 г. (в Бобруйске или в Глуске). С первого дня существования профсоюза работников просвещения в 1918 г. стал его членом.

Неудивительно, что столь активный чиновник от только начинающейся складываться белорусской советской системы образования, а к тому же большевик, был замечен в Минске. В сентябре 1922 г. по инициативе В. М. Игнатовского состоялся его перевод в Наркомпрос ССРБ — на должность заведующего Главным политико-просветительным комитетом (Главполитпросвет). Этот комитет Е. К. Успенский возглавлял два года. Несмотря на массу новых должностных обязанностей на важном государственном посту, Евгений Константинович сразу (с 1 октября 1922 г.) продолжил педагогическую практику, был принят в качестве преподавателя физики на рабочий факультет БГУ. В мае 1923 г. состоялся его перевод на должность ассистента по кафедре физики педагогического факультета университета, а в 1926 г. — доцента по той же

кафедре. Скорее всего, Е. К. Успенского «бросили» на укрепление БГУ большевистскими кадрами, поскольку продолжительное время процент коммунистов среди профессорско-преподавательского состава был крайне низок. Неудивительно, что в характеристиках профессорско-преподавательского состава, которые прозвучали в письме БГУ, направленном в ЦК КПБ 25 июня 1923 г., о нем сказано кратко: «Член РКП».

Учебная нагрузка Евгения Константиновича на педфаке БГУ была разнообразной: вел такие курсы, как «Общая физика», «История физики», «Квантовая теория», «Электромагнитная теория света», «Теоретическая механика» и ряд других, включая семинарий «Строение материи». В университете физик с опытом административной деятельности был востребован и как организатор важнейших составляющих молодого белорусского университета. 16 мая 1924 г. его назначили заместителем декана факультета и заведующим физико-математическим и природоведческим отделениями. То есть он вошел в новый состав правления педагогического факультета, который был утвержден коллегией Наркомпроса ССРБ. В целом миссия Е. К. Успенского

Итоги первой физико-математической конференции.

(Беседа с зам. декана Педфака БГУ, т. Успенским).

— В конференции приняло участие 100 преподавателей физики и математики — в подавляющем большинстве, конечно. Были представлены все округа.

Конференция работала 5 дней. Заседания ее начинались в 10 часов утра и всегда заканчивались до полуночи — настолько оживленно проходил обмен мнениями по докладам. И, наоборот, этот обмен мнениями дал очень много участникам конференции, обогатил их педагогическими знаниями и опытом. К вечеру дня заслушала 21 доклад, как на темы чисто научные, раскрывшие современное состояние физики, астрономии и т. д., так и на темы методического характера, касавшиеся вопросов преподавания физики и математики в школе. Для заседания конференции были посвящены чествованию памяти великих математиков Лоренца и Копеляна. Выставки при конференции, о которых уже сообщалось в «Знаке».

Успешно посещались как школьные работники Мавска, так и приезжали с мест.

Конференция приняла ряд резолюций, касавшихся постановки преподавания физики и математики в школе. Резолюции эти построены в виде пожеланий, обращенных к Наркомпросу, и нет сомнения, что при разработке школьных программ Наркомпрос этот ценный материал воспользуется.

В общем, надо констатировать, что задачи поставленные перед конференцией — освежение знаний преподавателей техникумов и средних школ, обмен педагогическим опытом, укрепление связей между университетом и средними школами — выполнены полностью и вполне успешно. Конференция эта является первым звеном в той цепи научно-методических конференций, которая духовно свяжет среднюю школу Белоруссии с белорусскими государственными университетами.

Интервью Е. К. Успенского
в республиканской газете

Евгений Константинович Успенский

в БГУ была еще более многосторонней: он проводил и партийную линию в стенах не только университета, но и других учреждений образования и культуры. Так, в 1923/24 учебном году возглавлял комиссию по «чистке» аппарата Наркомата просвещения, БГУ и Госбиблиотеки, комиссию по «чистке» студенчества.

В марте 1925 г. на заседании деканата педфака Евгений Константинович предложил организовать со следующего учебного года кафедры и назначить на каждую из них «соответствующего профессора». Предложение было принято, и самому инициатору структурных изменений в организации учебного процесса вместе с деканом Н. М. Никольским Правление БГУ поручило разработать план реорганизации. 13 июня 1925 г. состоялись перевыборы декана и правления педагогического факультета. В результате голосования 28 голосами из 34 деканом был избран Н. М. Никольский, а его заместителем – Е. К. Успенский, за которого проголосовали 23 человека. После этих выборов за Евгением Константиновичем было закреплено руководство двумя из четырех отделений факультета – естественно-научно-агрономическим и физико-математическим.

Еще через год, 19 мая 1926 г., на пленуме предметных комиссий факультета состоялись очередные перевыборы декана. После персонального голосования деканом избрали М. Н. Пиотуховича, его заместителем вновь Евгения Константиновича. Оба набрали по 65 голосов из 73 участвовавших в голосовании. Впрочем, вопрос о новом декане, который должен был сменить на этом посту Н. М. Никольского, обсуждался продолжительное время на заседаниях партийной фракции Правления БГУ. Так, еще 6 февраля 1926 г. мнения партийцев университета разделились – одни высказывались за кандидатуру беспартийного М. Н. Пиотуховича, другие – за коммуниста Е. К. Успенского. В итоге большин-

ством голосов кандидатом в деканы определили М. Н. Пиотуховича, а Е. К. Успенского решили продвигать на должность заведующего физико-математическим отделением и одновременно заместителя декана. К рассмотрению этого вопроса партийная фракция вернулась в апреле 1926 г., но ее решение лишь подтвердило итоги прежнего голосования. Так что результаты выборов на майском пленуме предметных комиссий были предопределены партийными установками в университетской кадровой политике.

Летом 1926 г. в БГУ готовился первый выпуск студентов педагогического факультета. Е. К. Успенскому было поручено написать не только характеристики выпускников по естественно-научному и физико-математическому отделениям, но и статью в прессу. С этими задачами он справился блестяще: республика узнала о новой победе на «фронте высшего образования».

Со стабилизацией положения университета и увеличением финансирования в середине 1920-х гг. стало возможным больше внимания уделить оснащению физических лабораторий современным оборудованием. В «Расчете сумм, необходимых для завершения научно-учебного оборудования Педфака на ближайшее пятилетие», подписанном Е. К. Успенским 21 мая 1926 г., на закупку приборов для Физического института предусматривалось 299 тыс. руб., тогда как на оснащение кабинетов социально-исторического цикла – от 1500 до 2400 руб. на 5 лет, а на музей первобытной культуры и религии – 5400 руб.

Выполняя в 1920-е гг. обязанности заместителя декана, Е. К. Успенский много усилий прилагал к созданию условий для проведения белорусизации преподавания на факультете. Он сам читал физику на белорусском языке, неоднократно выступал на заседаниях деканата с вопросами о необходимости перехода всех на белорусский язык, в чем встречал все-

3-й курс физмата БГУ (Е. К. Успенский – шестой слева во втором ряду снизу). 1926 г.

мерную поддержку ректора В. И. Пичеты. Поэтому естественно, что в декабре 1927 г. столь активного и убежденного заместителя декана Правление БГУ включило в состав комиссии по проверке национальной политики на педагогическом факультете.

Много времени и сил у Евгения Константиновича в 1920-е гг. отнимала административная работа в системе народного образования в масштабе республики. И сложно сказать, что было для него более важным в тот период – то ли работа в качестве заместителя декана педфака, то ли эта. После двух лет руководства Главполитпросветом он в 1924 г. возглавил Главное управление профессионально-технического образования (Главпрофобр) Наркомпроса БССР. Управление курировало не только профтехобразование в республике, но и единственный университет в стране – БГУ. Уже 30 мая 1924 г. Евгений Константинович сделал доклад на коллегии Наркомпроса о необходимости создания сети педагогического, индустриально-экономического, медицин-

ского и художественного образования. В числе прочего им было предложено слить Витебский институт народного образования (ИНО) с педфаком БГУ, исходя из того, что содержать два схожих вуза экономика республики пока не в состоянии. Это решение было поддержано, и часть студентов и преподавателей Витебского ИНО в скором времени перевели в Минск, а институт закрыли. И в последующем Е. К. Успенский неоднократно выступал на заседаниях коллегии по вопросам развития профессионального и высшего образования в республике. В том же 1924 г. он был избран действительным членом Инбелкульта. Многие общественно-политические кампании тех лет не обходились без участия столь активного государственного и университетского деятеля (например, осенью 1924 г. он принял участие в организации товарищества «Прэч непісьменнасць»).

Личная жизнь Евгения Константиновича приобрела устойчивость уже в последние годы учебы в Московском университете. В 1914 г. он женился на

Всебелорусская физико-математическая конференция
(Е. К. Успенский – пятый справа во втором ряду снизу). 1929 г.

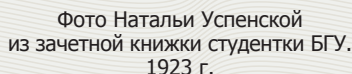
Ксении Михайловне Арбузовой, работавшей тогда кассиром в Вильно у нотариуса Гамбурцова. Она происходила из семьи профессионального военного – ее отец Михаил Елизарьевич был капитаном 105-го пехотного Оренбургского полка. Мать Александра Вячеславовна заведовала в Вильно библиотекой в русской женской прогимназии Веры Прозоровой. В июле 1916 г. в молодой семье родился сын Владимир. В последующие годы Ксения Михайловна работала в отделе охраны труда в Бобруйске (1918–1919), делопроизводителем в Глуске (1920–1921), заведовала детским приемником-распределителем в Бобруйске (1921–1922). Проживая с мужем в Минске, вначале, судя по документам, вела домашнее хозяйство, а с 1931 г. руководила библиотекой Дома ученых.

Сестра Е. К. Успенского Наталья в 1923 г. поступила на этнолого-педагогическое отделение педфака БГУ, позже, в 1935 г., студентом университета

стал и его сын Владимир – он учился на физико-математическом факультете. До поступления в БГУ Владимир учился в минской семилетней школе № 4, затем – в Белорусском техникуме электросвязи, откуда и получил направление в университет. Во время учебы в техникуме прошел высшую военную допризывную подготовку и являлся командиром взвода в запасе.

Что касается родственников за границей (традиционный пункт советских анкет), то Евгений Константинович указывал в этом пункте анкеты сестру своей жены, которая в 1918 г. выехала в Вильно с его тещей. Мать супруги Александра Вячеславовна умерла в 1920 г. в Сувалках, а вот о судьбе сестры жены, имя которой он не называл, ни сам Е. К. Успенский, ни его супруга не имели никаких сведений. В Минске семья Успенских проживала в доме по улице Советской. Как у ответственного работника, у Евгения Константиновича в квартире даже

Разумеется, во всех командировках Евгений Константинович стремился найти время для повышения своего профессионального уровня как физика-педагога и физика-ученого. Важной вехой в его творческой биографии стала научная командировка в июне – июле 1928 г. в Германию. Там ученый БГУ принял участие в конференции по теоретической физике в Берлинском университете. Он слушал выступления всемирно известных ученых: А. Эйнштейна, М. План-

Анкета абитуриента БГУ
Владимира Успенского. 1935 г.

ка, Э. Шредингера и др. Через короткое время именно Евгений Константинович выступил инициатором приглашения в БГУ ассистента всемирно знаменитого Альберта Эйнштейна профессора Якова Громера. Приглашение ему приехать на работу в Минск Правление БГУ отправило осенью 1928 г. Вот как известный математик писал об этом приглашении в своем заявлении, направленном в Правление БГУ 3 июля 1928 г.: «Ссылаясь на переговоры с проф. Гайдуковым и профессором Успенским в Берлине, прошу предоставить мне кафедру по математике при Белорусском государственном университете».

Весной 1929 г. решался вопрос о направлении преподавателей БГУ в зарубежные командировки на 1929/30 учебный год. В списке кандидатов на поездку был и Е. К. Успенский, которого планировалось командировать в Германию на четыре месяца (одна из наиболее продолжительных по срокам поездок). Однако командировка по неизвестным причинам не состоялась. Видимо, сказалась чересчур большая загруженность административной работой. Например, несмотря на массу обязанностей, которые приходилось выполнять в стенах БГУ и Инбелкульта, Е. К. Успенский находил время и для организации других учебных заведений республики, и для работы в них. Так, в 1928 г. он исполнял обязанности заведующего учебной частью Минского вечернего рабочего университета.

Когда осенью 1929 г. встал вопрос о перевыборах деканов, то на заседании коммунистической фракции БГУ 4 октября были намечены все кандидатуры – деканов, их заместителей, заведующих отделениями. Решение комфракции воплотилось в жизнь 15 октября 1929 г. Е. К. Успенский стал новым деканом педагогического факультета, приняв руководство в очень сложной внутренней и внешней ситуации: повсеместно (и в СССР в целом, и в БССР в том числе)

происходила коренная ломка структуры и принципов функционирования советской высшей школы. Этот процесс затронул весь БГУ. Зимой 1929/30 учебного года (а более точно, в феврале 1930 г.) состоялось последнее заседание деканата, после чего управление педагогическим факультетом стало осуществляться через приказы декана. Был сокращен срок обучения – по физико-математическому отделению до семи семестров, по остальным – до шести. Еще ранее, в ноябре 1928 г., развернулись более жесткие «чистки» студенчества факультета (в первую очередь – «за сокрытие социального происхождения»), не стихавшие на протяжении следующих лет.

От Е. К. Успенского как члена партии руководство и университета, и республики ждало неукоснительного исполнения решений, проявления инициативы. Вот только властные ожидания не всегда оправдывались. В 1930 г. Евгений Константинович получил строгий выговор от контрольной комиссии Минской парторганизации за «недостаточно решительное проведение большевистской линии на Педагогическом факультете БГУ». Скорее всего, партийный выговор стал основанием для снятия его с должности декана педфака решением Наркомпроса БССР от 25 декабря 1930 г.

Серьезные перемены в профессиональной карьере Евгения Константиновича произошли в 1931 г. Они были связаны с коренной реорганизацией университета. После создания на базе педагогического факультета самостоятельного института, а в БГУ – физико-математического факультета Е. К. Успенский был назначен его первым деканом. С сентября 1931 г. он возглавил в качестве заведующего и кафедру физики, а уже 8 октября был утвержден проректором по научно-исследовательской работе. Пост проректора БГУ Евгений Константинович занимал до 1 февраля 1933 г., когда был освобожден от должности в связи

с сокращением штата. Работа на этих значимых административных поприщах была дополнена новым академическим статусом: 18 октября 1931 г. приказом Наркомпроса он был утвержден в должности профессора БГУ. В декабре этого года профессор-физик уже указан в качестве директора Физико-математического института. Таким образом, Евгений Константинович сосредоточил в своих руках все руководство в области физического образования и науки в университете. Одновременно Е. К. Успенский, как и многие бывшие сотрудники Института белорусской культуры, после образования на его основе Белорусской академии наук продолжил научную работу в БАН. С 12 января 1931 г. он зачислен научным специалистом по академической кафедре физики, а также назначен заместителем директора по естествознанию Института аспирантов при БАН.

В первый год работы в БГУ в новом качестве учебная нагрузка у Евгения Константиновича была одной из самых высоких по университету – 590 часов по основной ставке (к слову, среднемесячная зарплата декана и заведующего кафедрой составила в том году 432 руб.). На физико-математическом факультете Е. К. Успенский читал как курсы, уже апробированные во время работы на педфаке («Общая физика», курс по электричеству и др.), так и ряд новых, отражавших новейшие успехи в области физической науки: «Теория электронов», «Методология физики», «Теория относительности». Профессор вел семинарий по теоретической физике для аспирантов факультета, где рассматривались такие темы, как молекулярно-кинетическая теория, термодинамика, теория относительности, квантовая механика и др.

В 1931 г. Е. К. Успенский был удостоен грамоты Наркомпроса БССР. К 15-летию Октябрьской революции в ноябре 1932 г. ему приказом ректора была объявлена благодарность «за хорошую подготовку

к научному году, за проведенную работу по укомплектованию БГУ, за своевременное начало занятий в текущем академическом году, за активную работу по реализации постановления ЦИК СССР о высшей школе». Эти весьма скромные награды отразили несомненно высокую активность и эффективность работы Успенского-ученого и Успенского-администратора. В первой половине 1930-х гг. он являлся одним из наиболее видных управленцев в системе высшей школы республики, известным педагогом. Евгений Константинович принимал участие в работе ряда важных комиссий: прежде всего – был членом Квалификационной комиссии при Наркомпросе БССР, рассматривавшей дела о присвоении ученых степеней преподавателям белорусских вузов. Без его участия не обходились университетские приемная и выпускная кампании: он являлся членом приемной комиссии БГУ, председателем экзаменационной комиссии по физико-математическому факультету, членом приемной комиссии по набору аспирантов и др.

Как несомненную заслугу Е. К. Успенского следует признать его активную позицию при обсуждении в Наркомпросе вопроса об увеличении сроков обучения в университете – с трехлетнего (после реорганизации вуза в 1931 г.) вначале до четырех лет, а позднее, с набора 1933 г., – до пяти.

В первой половине 1930-х гг. Евгений Константинович продолжал принимать активное участие в научных мероприятиях как в БССР, так и в городах СССР. В 1933 г., например, был делегатом Всесоюзной конференции по проблеме ядра атомов в Ленинграде. В январе 1934 г. в БГУ было проведено два крупных научных мероприятия: Всебелорусская научно-методическая конференция по физико-математическим наукам и научная сессия, посвященная 10-летию со дня смерти Ленина. Решение о проведении Всебелорусской конференции было

принято на совещании ректора и деканов факультетов 16 ноября 1933 г. В состав комиссии по подготовке конференции вошел и Е. К. Успенский. В декабре на заседании ректората ответственность за «методологическую выдержанность» тезисов докладов была возложена на кафедры физики и математики, а ответственным за техническую сторону конференции (афиши, пригласительные билеты и пр.) назначили Евгения Константиновича. Научная сессия, посвященная 10-летию со дня смерти Ленина, на которую пригласили представителей Наркомата просвещения, ЦК КПБ(б), Мингорисполкома, БАН, всех вузов республики, состоялась 24 января 1934 г. На этой сессии Е. К. Успенский сделал доклад «Ленин и кризис современной физики», созвучный темам других докладчиков (так, академик Ц. Л. Бурстин выступал с темой «Ленин и кризис математики»).

Научные темы кафедры физики физмата БГУ, которую в 1930-е гг. возглавлял Е. К. Успенский, следовали актуальным физическим проблемам того времени: «Эволюция понятий в современной физике», «Телевидение», «Использование коротких электроволн» и др. Научные интересы самого Евгения Константиновича были сконцентрированы на актуальных направлениях развития мировой физической науки 1920–30-х гг. В круг его увлечений входила общая теория относительности, передовое течение в те годы. Он перевел с немецкого более 30 работ А. Эйнштейна по теории относительности, читал специальные курсы для студентов БГУ (вначале на педагогическом факультете, затем на физико-математическом). Другим направлением научных интересов ученого была квантовая теория. По сделанным Е. К. Успенским докладам в стенах БГУ видно, что он был знаком с современными и актуальными теориями зарубежных ученых. Например, в 1928 г. прочел доклад в Научном обществе БГУ о волновой теории Шрёдингера,

сформулированной всего за два года до этого и быстро ставшей общепризнанной.

И наконец, внимание Евгения Константиновича было приковано к изучению строения атома. Несколько докладов, прочитанных им, посвящены как раз этому направлению в физике. Так, в 1933 г. он выступил с рядом сообщений («Нейтрон и позитрон», «Теория позитрона», «Об экспериментальном подтверждении существования позитрона») о новейших открытиях, доказавших существование недавно открытых частиц.

В целом Евгений Константинович активно популяризировал физическую науку в республике. Не считая научных выступлений – в стенах БГУ и БАН, где за несколько лет, начиная с 1926 г., он сделал более 30 докладов, – университетский ученый-физик регулярно выступал и перед менее подготовленной аудиторией. Тему «Строение материи» он озвучил перед участниками Белорусского слета учителей-ударников, а «Штурм Арктики и стратосферы» – перед партийным и профсоюзным активом Минска. Научно-популярные лекции профессор читал и студентам разных факультетов БГУ, лекцию «Современное учение об атоме» – слушателям Университета культуры высшего командного состава Красной армии в Минске. Пик выступлений такого рода пришелся на 1933–1934 гг.

В скором времени общественно-политическая атмосфера, которая в БССР становилась все более угнетающей еще с конца 1920-х гг., стеснилась и над головой декана физико-математического факультета БГУ. В особенности она осложнилась к середине 1930-х гг. Правда, еще в 1933 г. Евгений Константинович успешно прошел квалификационную проверку в Академии наук. Однако в академической характеристике прозвучали резкие, критические нотки: ученый описан как специалист, имеющий «недостаточную математическую подготовку», необходимую для оригинальных и глу-

боких исследований в области физики. Отмечалось, что труды Е. К. Успенского носят «научно-обзорный характер», подчеркивалось слабое участие в деятельности Физико-математического института в связи с перегрузкой педагогической и организационно-общественной работой.

Далее события развивались стремительно. В октябре 1935 г. Е. К. Успенский был исключен из рядов ВКП(б) за «притупление классовой бдительности и отрыв от партийной жизни». Хотя еще 6 августа 1935 г. приказом наркома просвещения БССР А. Чернушевича Евгению Константиновичу, как и шести другим профессорам университета, была установлена персональная ставка в размере 700 руб. на 1935/36 учебный год. Сразу после исключения из партии, 28 октября 1935 г., он написал заявление на имя ректора БГУ с просьбой освободить его от должности декана физико-математического факультета, чтобы «дать мне возможность работать по моей специальности – физика». Заявление было удовлетворено.

После года работы в должности «просто» профессора БГУ 23 августа 1936 г. Е. К. Успенский приказом Наркомпроса БССР был переведен в Гомельский педагогический институт на должность профессора физики и заведующего кафедрой физики. Начался последний этап в жизни ученого и педагога. Нельзя сказать, что Гомель был совершенно незнаком Евгению Константиновичу. Например, в 1934 г. он сделал в вузах этого города два доклада – «Ленин и кризис физики» (в Гомельском лесотехническом институте) и «Эволюция учения об атоме и ядре» (в Гомельском педагогическом институте). Однако укрыться в провинциальном городе от приближающихся репрессий Е. К. Успенский не сумел.

Гомельский пединститут

Арестовали Евгения Константиновича 20 июня 1937 г. в Минске, 28 октября того же года внесудебным органом НКВД его приговорили к высшей мере наказания как «активного члена контрреволюционной национал-фашистской шпионско-террористической организации». Приговор был приведен в исполнение ночью 29 октября 1937 г., когда в Минске были расстреляны более 100 самых ярких представителей белорусской интеллектуальной элиты. Возможно, прах профессора БГУ покоится в урочище Куропаты.

Реабилитировали Евгения Константиновича Успенского решением Военной коллегии Верховного Суда СССР 25 июля 1957 г.

Олег Иванович Малюгин

**Пионер изучения фауны Беларуси
и основатель белорусской
зоологической научной школы**

**Создатель и руководитель
кафедры зоологии, профессор БГУ**

Анатолий Владимирович ФЕДЮШИН

28.04.1891 – 10.03.1972

Сименем Анатолия Владимировича Федюшина, выдающегося ученого в области зоологии, охотоведения и охраны природы, в Беларуси связано систематическое, планомерное изучение животного мира, в том числе охотничье-промысловых зверей белорусского региона, основание зоогеографии, выполнение объемного исследования орнитофауны и проведение ее инвентаризации.

Двенадцать лет работы в стенах Белорусского государственного университета стали наиболее плодотворным периодом его деятельности. Здесь он состоялся как крупный орнитолог, зоолог, исследователь фауны позвоночных Беларуси, специалист в области охотничьего хозяйства и охраны природы. Анатолий Владимирович входил в число первых сотрудников и являлся непосредственным организатором БГУ, создателем кафедры зоологии, сектора зоологии Инбелкульта, зоологических музеев в БГУ и Академии наук БССР. При его участии осуществлялись первые природоохранные мероприятия в Беларуси, в частности учреждение первого в СССР бобрового заповедника. Несмотря на вынужденный переезд из БССР в Омск, он продолжил работу над трудом всей жизни, который был издан в 1967 г. под названием «Птицы Белоруссии».

В Омском сельскохозяйственном институте А. В. Федюшин развернул широкую экспедиционную деятельность по изучению животного мира разных районов Западной Сибири, проблем сельскохозяйственной зоологии. Автор более 250 научных работ, подготовил не одно поколение ученых и педагогов.

В 2021 г. отмечается 130-летний юбилей со дня рождения известного белорусского советского зоолога профессора Анатолия Владимировича Федюшина, 100-летний юбилей основанной им кафедры зоологии и Зоологического музея университета. Биография ученого представляет яркий пример бескорыстного, самоотверженного и беззаветного служения делу науки. Несмотря на тяжелейшие испытания, выпавшие на его жизненном пути, его волевой характер и целеустремленность в научном плане поражают и служат ярчайшим примером для других. От студенческой скамьи до последних лет жизни в Омске А. В. Федюшин трепетно прорабатывал и создавал свой капитальный труд «Птицы Белоруссии» (1967). Окрылявшая его орнитология давала сил, вдохновляла.

Анатолий Владимирович родился в Слуцке Минской губернии в семье уездного землемера. 7 августа 1891 г. родители крестили его в Слуцкой соборной Успенско-Николаевской церкви. Впоследствии при заполнении документов А. В. Федюшин указывал в них 1890 год рождения, а в графе «Национальность» в большинстве случаев писал «Белорус, родной язык русский».

О семье и родителях будущего ученого сохранилось не так много сведений. Воспитывался он под влиянием двух христианских конфессий: отец Владимир Петрович (1843–1923) был православного вероисповедания, а мать Вильгельмина Алоизовна (1862–1915) – римско-католического. Помимо основной службы отец являлся гласным Слуцкого уездного земского собрания, а свободное время любил проводить на охоте. Мать занималась домашними делами и воспитанием детей. По социальному происхождению Вильгельмина Алоизовна (в девичестве Столыгво) была дворянкой. Ее отец Алоизий-Максимилиан Семенович служил повытчиком (делопроизводителем) Слуцкого уездного суда. В 1900 г.

род Столыгво был утвержден в дворянстве и внесен в первую часть дворянской родословной книги. 22 февраля 1880 г. 37-летний вдовец Владимир Петрович и 18-летняя Вильгельмина Алоизовна обвенчались в уездном православном Николаевском соборе. В их собственном доме в Слуцке на улице Подвальной воспитывалось семь детей: Жорж (от первого брака отца), Анатолий, Павел, Виктор, Владимир, Ольга и Лидия. Судьбы детей сложились по-разному, но они замысловато переплетались и оказывали влияние на А. В. Федюшина.

Владимир Петрович
Федюшин (1843–1923)

Вильгельмина Алоизовна
Федюшина (1862–1915)

Анатолий Владимирович Федюшин

Владимир Петрович старался передать свои знания детям и нередко брал Анатолия с собой на охоту. Под его влиянием мальчик с детства был хорошо осведомлен о представителях фауны, населявших местные леса и болота. Возможно, уже в те годы окружающая природа, звери и особенно птицы определили будущее призвание Анатолия Владимировича, открыли неизведанный и удивительный мир царства животных.

В августе 1899 г. девятилетний Анатолий поступил в Слуцкую мужскую гимназию, в которой окончил полный восьмилетний курс обучения, получив следующие отметки по предметам: Закон Божий – 4, русский язык и словесность – 4, философская пропедевтика – 4, латинский язык – 3, математика – 3, математическая география – 4, физика – 5, история – 3, география – 3, французский язык – 3, немецкий язык – 3, законоведение – 5. О годах учебы Анатолия в Слуцке известно, что в 1905 г. он был «временно уволен» из гимназии за участие в гимназической забастовке, которая проходила в феврале под влиянием забастовок рабочих. Учащиеся составили петицию с требованием проведения реформ. Однако общественно-политическая деятельность не увлекла парня и не сбила с намеченного курса.

Здание Слуцкой мужской гимназии

После окончания гимназии А. В. Федюшин принял решение продолжить образование и переехал в Москву, где 8 июля 1909 г. подал прошение на имя ректора Императорского Московского университета с просьбой зачислить на естественное отделение физико-математического факультета. Вместе с ним на факультете в это же время учились известные в будущем химик-органик А. П. Терентьев, физик С. Т. Конобеевский, биолог Г. В. Эпштейн, зоолог Б. С. Матвеев и др. Со 2-го курса Анатолий Владимирович начал изучение орнитологической фауны Минской губернии, куда был командирован Зоологическим музеем университета. В 1912 г. молодой исследователь опубликовал в журнале «Орнитологический вестник» первую работу «О некоторых птицах Минской губернии». Из текста статьи видно, что наблюдения о времени гнездования, прилета и отлета птиц он проводил с 1907 г. За академические успехи в учебе студент с 1912 г. стал получать именную стипендию профессора Н. В. Воронцовского. Несмотря на стипендию (часть денег он отсылал родителям), столичная жизнь в Москве была полна лишений. Чтобы хоть как-то обеспечить сносное пропитание на остававшиеся скудные деньги, Анатолий Владимирович иногда поигрывал на ипподроме. И ему везло. Как вспоминает его внучка Людмила Евгеньевна Ившина, «однажды он заметил одного “знающего жучка” и старался ставить на тех же лошадей, что и тот».

Учителями А. В. Федюшина в университете были ведущие зоологи того времени: М. А. Мензбир, Г. А. Кожевников, Б. И. Житков, А. Н. Северцов, Н. Д. Зелинский, С. И. Огнёв и др. Каждый из них внес весомую лепту в формирование будущего ученого. Со многими он долгие годы поддерживал дружеские связи и вел переписку. В студенческом деле А. В. Федюшина имеются удостоверения от 1 и 2 апреля 1913 г., из которых

А. В. Федюшин (крайний справа во втором ряду) с отцом, матерью, братьями и сестрами.
Слуцк, 8 сентября 1913 г.

следует, что он «прошел в течение двух семестров в Зоологическом музее практические занятия для специалистов зоологов» и проработал весенний семестр по гистологии в Институте сравнительной анатомии Московского университета. В дипломе об окончании университета от 9 марта 1915 г. указывалось, что осенью 1914 г. А. В. Федюшин согласно своему прошению был допущен к испытаниям в физико-математической комиссии, которые успешно выдержал, получив следующие оценки: «...по органической химии – удовлетворительно, по геологии с палеонтологией – весьма удовлетворительно, по физиологии растений – удовлетворительно, по зоологии беспозвоночных – удовлетворительно, по физиологии животных – удовлетворительно, по физической географии с метеорологией – удовлетворительно». На заседании комиссии университета 15 октября 1914 г. был удостоен диплома второй степени.

После окончания университета по своему ходатайству молодой специалист переехал в Пинск, где с 22 августа 1913 г. устроился преподавателем географии и физики в реальное училище, а также по совместительству учителем географии в частной семиклассной женской гимназии Е. И. Лобзовской-Шапиро. Выбор места работы не был случаен, поскольку Анатолий Владимирович намеревался продолжить изучение птиц Полесья, начатое им в студенческую пору. До него исследования белорусской авифауны в Пинском и Бобруйском уездах проводились русским зоологом В. Н. Шнитниковым в 1899–1906 гг., по их результатам была опубликована работа «Птицы Минской губернии» (1913) с описанием 224 видов.

В Пинске А. В. Федюшин в свободное от работы время продолжал сборы представителей фауны Белорусского Полесья, часть из которых (более 600 экз.) пере-

дал в Зоологический музей Московского университета. В автобиографии Анатолий Владимирович отмечал: «Таким образом, изучение Минского края производилось мною как в студенческие годы, так и по окончании университета, причем мною были посещены все уезды и наиболее интересные участки края частью пешком и на лошадях, частью на лодке». Другая часть собранных орнитологических коллекций хранилась в Пинске и Слуцке. К слову, среди первых экспонатов Зоологического музея БГУ были 16 чучел птиц, собранных А. В. Федюшиным в пинский период его деятельности, которые во время германской оккупации хранились и чудом уцелели в Слуцке. В 1914 г. молодой ученый напечатал окончание своей первой статьи в «Орнитологическом вестнике». Как перспективного преподавателя Анатолия Владимировича в апреле 1915 г. командировали от Виленского учебного округа на I Всероссийский съезд преподавателей географии, который проходил в здании Московского университета на Моховой улице. На съезде присутствовало более тысячи географов со всей Российской империи. Обсуждался вопрос о необходимости существенных преобразований

в преподавании географии в средней школе и повышении статуса географической науки. По возвращении к месту службы А. В. Федюшин сделал доклад о принятых решениях съезда.

Во время работы в Пинске Анатолий Федюшин познакомился с будущей женой – Лидией Ивановной Покровской, дочерью преподавателя Пинского духовного училища. Она родилась 15 апреля 1887 г., окончила Паричское женское училище духовного ведомства, после чего преподавала историю в Пинской женской гимназии. Обвенчаться в Пинске пара не успела в связи с началом Первой мировой войны: театр военных действий летом 1915 г. перекинулся на территорию Беларуси. 20 августа 1915 г. директор Пинского реального училища вручил Анатолию Владимировичу уведомление о вынужденной эвакуации учреждения из Пинска в г. Ржев. О продолжении исследования орнитофауны Полесья не могло идти речи. Молодожены вместе со своими родителями эвакуировались в Уфу. Во время переезда тяжело заболела и умерла мать Анатолия Владимировича, ее похоронили в Туле. 3 октября 1916 г., незадолго до призыва на военную службу, молодая пара обвенчалась в Уфимской Никольской церкви.

В декабре 1916 г. 26-летний А. В. Федюшин начал службу в должности канонира (рядового артиллерии), затем бомбардира в 3-м Сибирском тяжелом артиллерийском дивизионе. Весной 1917 г. дивизион был включен в состав Юго-Западного фронта. После февральских событий 1917 г. Анатолия Владимировича избрали в дивизионный комитет и поручили заведование походной библиотекой. Несмотря на занимаемую должность, он принимал участие и в боевых действиях. Так, в конце марта 1917 г. дивизион находился на западном берегу р. Стоход на Червищенском плацдарме. Германские войска, воспользовавшись весенним разливом реки, нанесли мощ-

Здание Зоологического музея
Московского государственного университета
на Большой Никитской улице

ный удар по плацдарму и захватили его. Во время обстрела, который велся в том числе и химическими снарядами, А. В. Федюшин был отравлен газами и чудом остался жив. В период июньского наступления того же года был ранен в ногу под Луцком, затем сражался под Тарнополем. Анатолий Владимирович в автобиографии отмечал, что в июле 1917 г., после ранения и отравления газом «приказом Керенского был произведен в прапорщики, помимо всякой моей воли и желания». Последние месяцы службы (сентябрь – декабрь 1917 г.) находился в резерве корпуса на позиции в г. Збараж и м. Волочиск (современная Тернопольская область Украины). На основании приказа по военному ведомству от 20 декабря 1917 г. младший офицер 3-го Сибирского полевого отделения тяжелого артиллерийского дивизиона А. В. Федюшин, как преподаватель, был освобожден от военной службы. Не теряя времени, он направился в Уфу, где находилась семья.

Однако пребывание в гражданском статусе продлилось недолго. В июле 1918 г. Уфа была занята частями выступившего против большевистской власти Чехословацкого корпуса и перешла под контроль структур Комитета членов Учредительного собрания. Отставной офицер был мобилизован в войска Народной армии, затем перешел на службу в белую армию вице-адмирала А. В. Колчака. Анатолия Владимировича, как не имевшего военного образования, назначили казначеем 4-й Уфимской стрелковой артиллерийской бригады. Даже в сложившейся ситуации он оставался верным науке, о чем впоследствии писал: «Занимая тыловую должность... во время скитаний по Западной Сибири, я не упускал случая познакомиться с новой фауной и собирал птиц». В своей нестроевой должности и чине прапорщика он прослужил до конца 1919 г. Вместе с ним в составе войск Восточного фронта в звании подпоручика служил и брат Павел.

Коллекции Зоологического музея БГУ
1920–30-х гг.

Во время красноярской наступательной операции 5-й армии Восточного фронта РККА против колчаковских войск в декабре 1919 – январе 1920 г. А. В. Федюшин, находясь в г. Ачинске (Енисейская губерния), в составе двух дивизий белых был окружен и попал в плен. После разбирательств был освобожден и остался в Ачинске, перейдя на гражданскую работу в городском отделе образования. С марта 1920 г. Анатолий Владимирович был зачислен преподавателем-лектором педагогических курсов по подготовке учителей школ II ступени. Вел занятия по зоологии, биологии, анатомии человека, эволюционному учению. В общей сложности прочитал около 300 лекций. Параллельно с педагогической работой А. В. Федюшин был назначен заведующим музеем местного края, который он же и организовал в 1919 г. Несмотря на неблагоприятную военно-политическую ситуацию в регионе, развернул научно-экспедиционную работу, организовав весной 1920 г. поездку в целях изучения фауны в верховьях рек Черного и Белого Июсов в Кузнецком Алатау. Собранный ценный материал после обработки был передан в местный музей.

Анатолий Владимирович Федюшин

Def. Kometen: 9. 8. 1924. Gegen
german. u. 2. Messung.
 $L = 605$ ex? Komet = 48 m.
 $H_p = 400$. Ho. sehr dunkel. sehr.
V.
Kometen (Kometen)

[illegible]

Владимир Владимирович Афанасьев
поступившему в Моск. Университет в 1909 году

ОДУНА
БЕЛОРУ
Ч. I.
Конспект книги
читания проф. А. В. Руд.
в 1922-23 гг. в Б. С.

Выпускное Лишьведчанне

Рэспубліка Беларусь

Беларускі Выпускны Універсітэт мае гонар прысудзіць грамадзяніну(цы) Т. А. Аляксееву Аляксандру Аляксеевічу 1987 года на Беларускім Выпускным універсітэце, у тым, што ён (яна) атрымаў у 1987 г. у Беларускім Выпускным універсітэце, накіраванага на атрымліванне спецыяльнай адукацыі, спецыяльнасці фізіка-тэхнічны інжынер па тэхнічнай адукацыі, так і прысудзіць дыплом

па наступным дысцыплінам:

1. Беларуская мова	16. Авантюрны і фантастычны мастацтва
2. Гістарычнае мастацтва	17. Праблемны мастацтва
3. Падарожжа і праф. мова	18. Фантастычны мастацтва
4. Падарожжа і праф. мова	19. Авантюрны мастацтва
5. Падарожжа і праф. мова	20. Мастацтва і праф. мова
6. Фізіка	21. Мастацтва і праф. мова
7. Інжынерны мастацтва	22. Мастацтва і праф. мова
8. Беларуская мова	23. Мастацтва і праф. мова
9. Беларуская мова	24. Мастацтва і праф. мова
10. Беларуская мова	25. Мастацтва і праф. мова
11. Беларуская мова	26. Мастацтва і праф. мова
12. Беларуская мова	27. Мастацтва і праф. мова
13. Беларуская мова	28. Мастацтва і праф. мова
14. Беларуская мова	29. Мастацтва і праф. мова
15. Беларуская мова	30. Мастацтва і праф. мова

Апроч таго, грамадзянін(цы) Т. А. Аляксееву Аляксандру Аляксеевічу 1987 года прысудзіць дыплом па спецыяльнасці фізіка-тэхнічны інжынер па тэхнічнай адукацыі

1. Беларуская мова

2. Гістарычнае мастацтва

3. Падарожжа і праф. мова

4. Падарожжа і праф. мова

5. Падарожжа і праф. мова

6. Фізіка

7. Інжынерны мастацтва

8. Беларуская мова

9. Беларуская мова

10. Беларуская мова

11. Беларуская мова

12. Беларуская мова

13. Беларуская мова

14. Беларуская мова

15. Беларуская мова

16. Авантюрны і фантастычны мастацтва

17. Праблемны мастацтва

18. Фантастычны мастацтва

19. Авантюрны мастацтва

20. Мастацтва і праф. мова

21. Мастацтва і праф. мова

22. Мастацтва і праф. мова

23. Мастацтва і праф. мова

24. Мастацтва і праф. мова

25. Мастацтва і праф. мова

26. Мастацтва і праф. мова

27. Мастацтва і праф. мова

28. Мастацтва і праф. мова

29. Мастацтва і праф. мова

30. Мастацтва і праф. мова

Універсітэцкі выкладчыцкі савет Беларускага Выпускнага ўніверсітэту прысудзіў дыплом Т. А. Аляксееву Аляксандру Аляксеевічу 1987 года па спецыяльнасці фізіка-тэхнічны інжынер па тэхнічнай адукацыі.

Гэты часопіс дысцыплінны па спецыяльнасці і аб'ёме адукацыі прысудзіць дыплом Т. А. Аляксееву Аляксандру Аляксеевічу 1987 года па спецыяльнасці фізіка-тэхнічны інжынер па тэхнічнай адукацыі.

Мена, выдана Беларускім 1987 года.

Рэспубліка Беларусь

Членский билет № 564

Фамилия Редюшин
Имя Анатолій
Отчество Владимирович
Год избрания 1926

В сентябре 1920 г. Анатолий Владимирович уже в третий раз был подвергнут военной мобилизации, но теперь в Красную армию, где прослужил до середины марта 1921 г. в качестве агитатора-организатора при Ачинском гарнизонном политпросвете военкомата. После демобилизации вернулся на работу лектором в Ачинский отдел народного образования.

27 мая 1921 г. А. В. Федюшин по телеграфному требованию Наркомпроса РСФСР был освобожден от занимаемой должности и выехал в Москву в распоряжение Наркомпроса. Планировалось, что его назначат на должность ассистента преподавателя зоологии в Ставропольский сельскохозяйственный институт. Однако административный отдел Наркомпроса РСФСР по рекомендации Наркомпроса ССРБ направил его в распоряжение Временного правления организуемого Белорусского государственного университета, где имелось вакантное место по кафедре зоологии медицинского факультета. Анатолий Владимирович такому решению был очень рад: «Это более отвечало моим планам в смысле возможности закончить давно начатый труд», – отмечал он в автобиографии. В Москве чета Федюшиных поселилась в доходном доме В. Н. Никифорова, который располагался по адресу: пер. Сивцев Вражек, д. 12, кв. 9.

30 июня 1921 г. Анатолий Владимирович написал прошение Временному правлению БГУ: «Прошу о предоставлении мне должности преподавателя зоологии в Минском университете, поручив сбор орнитологической коллекции на время оставшейся половины лета в районе Минск.[ого] Полесья, с тем, что собранная коллекция поступит в учреждаемый при минском университете зоологический музей. Одновременно прошу ходатайства о выдаче мне соответств.[ующих] разрешений на право научной охоты, приобретения нужных при-

пасов и аванса на покупку нескольких необходимых книг по орнитологии, имеющих на местном рынке». На состоявшемся в этот же день заседании Правления было принято решение о зачислении А. В. Федюшина с 1 июля в число сотрудников Временного правления БГУ, поручив ему организацию сбора орнитологической коллекции для нужд БГУ. Для этой цели он получил командировочный аванс под отчет перед Правлением БГУ в размере 300 000 руб. и паек «в размере 11 ф.[унтов] муки, пол. ф. сахару, четверти ф. соли и 1 коробки спичек с 1.7 по 15.07. с.г.». Правление также постановило представить А. В. Федюшина на замещение должности преподавателя зоологии при БГУ, запросив предварительно отзыв о его научной деятельности у директора Зоологического музея МГУ профессора Г. А. Кожевникова. Одновременно было рассмотрено заявление, в котором Анатолий Владимирович выступил с предложением передачи для организуемого музея БГУ собранной им во время экспедиции 1920 г. коллекции наиболее редких птиц и шкурок особого подвидов *orientalis* куропатки и красной утки, турпана и байкальской флоры. Коллекционный материал находился в багаже, который затерялся в пути. Предложение было принято, перед Рабоче-крестьянской инспекцией Правление БГУ возбудило ходатайство о розыске багажа.

12 июля 1921 г. на заседании Временного правления БГУ Анатолий Владимирович был зачислен научным сотрудником университета с поручением собирания коллекций для Зоологического музея.

Короткое пребывание в Москве до отъезда в Минск 23 июля 1921 г. было омрачено для А. В. Федюшина неприятной историей: он подвергся нападению и был серьезно ранен в шею. Благодаря дворнику-татарину, истекающий кровью, он смог спрятаться от бандитов в дворничьей. Причиной нападения послужило то, что из-за отсутствия широкого вы-

бора одежды Анатолий Владимирович в повседневной жизни ходил в офицерской белогвардейской форме без опознавательных знаков, которая и стала для настроенных по-большевистски людей поводом усомниться в его идеологической благонадежности. От переживаний за мужа Лидия Ивановна, которая была беременна, потеряла ребенка.

По приезде в Минск А. В. Федюшин с головой окунулся в широкий круг проблем, которые требовали безотлагательного решения в кратчайшие сроки. Ему необходимо было оборудовать кафедру зоологии, приобрести зоологический материал, оптическую технику, реактивы, посуду, препаровочный инструмент. Уже 2 августа 1921 г. Анатолий Владимирович с женой получили за подписью Председателя ЦИК и СНК ССРБ А. Г. Червякова мандат, который гласил, что они «командируются в пределы всей Белорусской Республики, сроком по 15 октября сего года, для сбора зоологических коллекций для нужд Университета». Местом дислокации было определено с. Заболотье Любанского района. За короткий промежуток времени Федюшины собрали коллекции позвоночных (около 250 экз., в том числе 198 экз. птиц), важнейших членистоногих, моллюсков, червей. Эти материалы легли в основу университетского Зоологического музея и стали первыми учебными коллекциями кафедры.

1 октября 1921 г. преподавателя А. В. Федюшина на заседании Правления БГУ утвердили в должности заведующего зоологическим кабинетом. В конце этого же месяца он был назначен секретарем создававшегося медицинского факультета, затем (до назначения профессора С. М. Мелких) временно исполнял обязанности декана факультета. В статье «Три месяца жизни медицинского факультета БГУ» Анатолий Владимирович, резюмируя проведенную титаническую организационную работу на факультете, отмечал: «Достаточно

вспомнить, что занятия на медицинском факультете были начаты при наличии единственной аудитории и помещения анатомического института, при полном отсутствии научно-вспомогательных учреждений, кроме анатомического театра, оборудование которого велось с лета. Не было ни одной лаборатории, не было аудиторий, приспособленных для чтения демонстративных и экспериментальных курсов. Организационную работу пришлось вести, не останавливая занятий, часто без достаточных средств для этой работы».

Первый 1921/22 учебный год был трудным как для факультета, так и для созданной кафедры зоологии. Весь 1922 г. Анатолий Владимирович был занят организационными вопросами и штатным составом. На кафедре оставалась вакантная должность препаратора. С февраля по июль 1922 г. его функции выполнял Владимир Израилевич Барский, который в 1908 г. окончил Киевский университет в звании аптекарского помощника, затем фармацевтический и химический институты при Лозанском университете в 1914–1918 гг., а с 1921 г. работал заведующим лабораторией и отделением клинических анализов Центральной клинико-бактериологической лаборатории при Наркомздраве ССРБ. Но, несмотря на все заслуги и знания, Анатолий Владимирович подал заявление об увольнении В. И. Барского как не соответствующего указанному званию. Вместо него с 1 декабря 1922 г. был назначен студент естественно-исторического отделения педагогического факультета БГУ Николай Владимирович Добротворский, который, в отличие от своего предшественника, имел опыт работы по изготовлению чучел. До поступления в БГУ он работал в Стародубской мастерской наглядных учебных пособий при Гомельском губернском отделе образования. С 1 июля 1922 г. личный состав кафедры пополнился ассистентом Евгением Михайло-

вичем Зубковичем – выпускником Санкт-Петербургского университета – и двумя служителями лаборатории.

За академический год А. В. Федюшин успел прочесть на медфаке курс общей биологии и зоологии беспозвоночных. Чтение лекций сопровождалось демонстрированием таблиц и рисунков. В итоговом университетском отчете отмечалось, что «практические работы велись в весеннем семестре с 10 группами студентов. Отсутствие покровных стекол, многих реактивов и лабораторного материала в значительной степени затрудняло выполнение работ в полном объеме, что и вынудило часть практических работ перенести на второй курс». В сложившейся ситуации Анатолий Владимирович высказывал идеи и принимал практические шаги по улучшению педагогического процесса. Правление БГУ почти всегда шло ему навстречу, оказывая всестороннюю поддержку. Так, согласно его заявлению об отпуске средств на расходы «по изготовлению биологической коллекции», Правление на своем заседании 25 апреля 1922 г. постановило «отпустить аванс на 60 млн рублей». Месяцем ранее А. В. Федюшин выступил с инициативой учреждения гидробиологической станции на озерах Князь и Белое в Мозырском уезде. В докладной записке по этому вопросу он наглядно продемонстрировал перспективы изучения планктона в вопросе создания рационального рыбного хозяйства, что отвечало бы интересам как университета, так и государственных органов. Ученый подчеркивал: «...основание биологической станции в Белоруссии... несомненно привлекло бы сюда ценных специалистов по разным отраслям биологии, что в конечном результате сыграло бы известную роль в деле развития нашего университета и его научной продуктивности, а также в деле изучения и улучшения краевых богатств и отдельных отраслей народного хозяйства». 14 марта 1922 г. на заседании

Правления университета было принято решение «признать крайне необходимым скорейшее открытие в Белоруссии гидробиологической станции. <...> Препроводить в Наркомзем копию доклада проф. Федюшина с просьбой дать свое заключение по вопросу о создании гидробиологической станции на озере Князь, и равно о предоставлении Университету озера Князь и Белое для эксплуатации». Несмотря на то что к этому вопросу неоднократно возвращались, станция так и не была организована.

29 июня 1922 г. на заседании Правления БГУ Анатолий Владимирович, как секретарь медфака, сделал доклад о необходимых мероприятиях для открытия второго и третьего курсов факультета. Согласно протоколу было решено: «Командировать преподавателя А. В. Федюшина в Москву для приобретения материалов, необходимых для оборудования зоологической лаборатории и кабинета с оплатой проезда его в оба конца». 12 июля его заявление об ассигновании 80 млн руб. на закупку необходимого оборудования было положительно рассмотрено Правлением. Интересно, что по мере приближения даты командировки в Москву выделяемые суммы постоянно росли. Уже 25 июля 1922 г. в протоколе заседания Правления БГУ было принято решение о выдаче 500 млн руб. для приобретения материалов – как для лабораторных занятий, так и для сбора коллекций (специализированная посуда, ящики, энтомологические булавки, препаровальные инструменты).

В результате педагогический процесс был существенно улучшен, но он требовал постоянной материальной подпитки. На заседании Совета БГУ 10 декабря 1922 г. декан медфака профессор М. П. Соколовский отметил: «Зоологическая лаборатория, находящаяся в заведывании преподавателя А. В. Федюшина, работает прекрасно. Благодаря стараниям и предусмотритель-

ности А. В. Федюшина в течение летнего периода заготовлен большой материал для учебных лабораторных работ». При кафедре ученый-практик в учебных целях создал методический кабинет с показательным живым уголком. В вольерах содержались крупные хищные птицы (беркут, орлан-белохвост). За успешную организацию зоологического кабинета кафедры Анатолию Владимировичу в 1923 г. от Правления БГУ была объявлена благодарность, а в 1932 г. по случаю празднования 15-й годовщины Октябрьской революции он был премирован – бюстом Ленина!

Помимо медфака А. В. Федюшин с 1922 г. вел занятия на педагогическом факультете, читал курсы «Введение в изучение зоологии и сравнительной анатомии», «Зоология беспозвоночных» и цикл лекций по прикладной зоологии и коллекционированию животных для музея. Вместе с Е. М. Зубковичем на двух факультетах вел практические занятия. Всего в 1922/23 учебном году в зоологической лаборатории работало более 500 студентов. С группой учащихся, изъявивших желание собирать материал для музея, Анатолий Владимирович провел курс препаровки животных и способов первоначального консервирования зоологических объектов. В протоколе заседания Правления БГУ от 31 августа 1922 г. по докладу ректора В. И. Пичеты указывалось, что А. В. Федюшина ввели и в состав преподавательского персонала рабочего факультета. Чтобы немного снизить учебную нагрузку, на заседании естественно-научной предметной комиссии педфака и медфака 26 августа 1924 г. А. В. Федюшин и профессора А. С. Щепотьев и П. А. Мавродиادي договорились о распределении между ними курсов по биологическим дисциплинам на этих факультетах. Дополнительно на А. В. Федюшина было возложено чтение курса методики естествознания совместно с практическим курсом методики экс-

курсий. По совместительству с 1924 по 1932 г. Анатолий Владимирович читал и курс биологии лесных зверей и птиц, охотоведение на лесном факультете Белорусского института сельского и лесного хозяйства им. Октябрьской революции в Минске, а затем в Горках в Сельскохозяйственной академии. С 30 января 1924 г. он преподавал зоологию в фельдшерско-акушерской школе при Белорусском медицинском техникуме.

Говоря о работе А. В. Федюшина со студентами, профессор Э. Р. Геллер, который в 1923–1927 гг. учился на естественном отделении педфака, отмечал: «Он пользовался большим авторитетом и любовью студенчества. Посещение лекций в тот период времени было необязательным. Обычно на лекции других профессоров приходили только “дежурные” студенты в порядке очереди. Аудитории же по зоологии позвоночных у Анатолия Владимировича были всегда переполнены. Его лекции были всегда насыщены интересными данными краеведческого характера, позаимствованные из многочисленных экспедиций по краю и новейшим данным науки. У него на лекциях проявлялся постоянный контакт с аудиторией и всегда сопровождался многочисленными вопросами, на которые слушатели получали исчерпывающие ответы».

Известный ученый С. В. Кириков также отмечал в своих воспоминаниях педагогический талант А. В. Федюшина. Он писал: «Слушая лекции А. В., мы чувствовали, как дороги ему те “меньшие наши братья”, о которых он рассказывал, и как интересен для него их образ жизни».

Сергей Васильевич подчеркивал: «Беззаветная преданность научным изысканиям была основным свойством характера А. В. Он родился биологом и никем другим быть не мог. Не менее характерным для него было горячее желание возбудить и поддержать стремление к научным изысканиям и у своих учеников, в том числе и на мне».

По мере развертывания политики белорусизации в БГУ Анатолий Владимирович быстро перешел на белорусский язык преподавания. К тому же он свободно владел польским языком, читал и переводил со словарем с немецкого, английского и французского. Для студентов он в 1928 г. опубликовал конспект лекций «Фауна Белоруссии» в двух частях, в многократно переиздававшемся учебнике для школ I и II ступени И. И. Трояновского «Курс природоведения» поместил ряд статей по фауне Беларуси.

Много сил и стараний Анатолий Владимирович вложил в организацию и развитие университетского Зоологического музея. К 1 сентября 1922 г. в нем было учтено 732 инвентарных номера (экспоната). Музей активно пополнялся из нескольких источников, одним из которых была передача национализированных частных собраний. Так, из Несвижского замка Радзивиллов в музей поступила коллекция охотничьих трофеев (чучела и рога копытных животных, чучело бурого медведя). Ленинградский Эрмитаж передал кафедре чучело беловежского зубра (один из трофеев царской охоты), которое хранилось в Зимнем дворце. Поступления в музей пополнялись за счет экспедиций и экскурсий, активно в работу включились и студенты. В апреле 1924 г. Центральный Белорусский союз охотников «пожертвовал» в музей четыре беличьи шкурки альбиносов. По инициативе А. В. Федюшина музей значительно расширил связи с отечественными и зарубежными естественно-историческими музеями по обмену научными коллекциями и отдельными экспонатами. В результате переписки удалось получить из Мексики и Индии некоторых экзотических животных Юго-Восточной Азии и Южной Америки. По требованию А. В. Федюшина были изготовлены специальные деревянные витрины, часть из которых до сих пор экспонируется в историческом отделе

Зоологического музея БГУ. В 1931 г. Е. К. Успенский в статье «Пэдагогічны факультэт БДУ» писал следующее: «Кафедра біолёгіі мае добра абсталяваны музей біолёгіі і зоолёгіі бязхрабтовых. Каштоўную частку музея складаюць калекцыі жукоў энтомолёга Плюшчыка-Плюшчэўскага, якія налічваюць больш 120.000 экзэмпляраў жукоў. <...> Для навучальных заняткаў са студэнтамі катэдра мае каля 25 мікраскопаў з усімі прыладамі навейшай констукцыі. Катэдра зоолёгіі арганізавала вялікі музей храбтовых і габінэт параўнаўчай анатоміі з калекцыяй паходжаньня і эвалюцыі жывых арганізмаў. У зоолёгічным музэі Пэдфаку знаходзяцца багацэйшыя калекцыі па орніталёгіі Беларусі. Гэтыя калекцыі налічваюць больш 5000 птушак Беларусі». К сожалению, в период Великой Отечественной войны полностью сохранить коллекции музея не удалось, часть из них была утеряна.

Стараниями и любовью А. В. Федюшина был создан и зоологический музей на базе Института белоруской культуры, куда ученого пригласили по совместительству на должность зоолога. Согласно постановлению Секретариата Инбелкульта от 15 сентября 1926 г. он был назначен заведующим музеем природы Инбелкульта с 31 октября с окладом в 130 руб. ежемесячно.

Разноплановая научно-педагогическая деятельность А. В. Федюшина не осталась без внимания со стороны руководства БГУ и Наркомпроса. 8 января 1927 г. решением Государственного ученого совета Наркомпроса БССР его утвердили в ученом звании профессора по кафедре зоологии. Обстоятельный отзыв о работе Анатолия Владимировича и научной деятельности по этому поводу был подготовлен профессором А. С. Щепотьевым, который с удивлением отмечал: «Исходя из точки зрения “исторической справедливости” пребывание Федюшина до сих пор – целых 5 лет – в БГУ в ка-

Преподаватели со студентами 3-го курса естественного отделения педагогического факультета БГУ. Минск, 12 апреля 1925 г.

честве преподавателя, а не профессора является в настоящее время несправедливым». И далее он писал: «В лице Федюшина мы имеем молодого, начинающего исследователя, который, несмотря на все пережитые им невзгоды, имеет в себе зачатки серьезного научного работника, не думающего о материальной выгоде, а думающего только о чистой науке – явление, к сожалению, редкое в наше время».

С первых месяцев работы в БГУ А. В. Федюшин уделял значительное внимание научно-исследовательской деятельности. С 1921 по 1930 г. участвовал в четырех всесоюзных съездах зоологов, анатомов и гистологов СССР, на которых делал доклады. Так, на втором съезде в Москве, который проходил с 4 по 10 мая 1925 г., он подготовил два выступления: «Основные черты орнитофауны Витебской губернии» и «О современном распространении бобра в Белоруссии». На третьем съезде (14–20 декабря 1927 г.) выступил с темой «Динамика и географическое распространение современной охотничьей фауны Белоруссии». С 7 по 11 февраля 1926 г. Анатолий Владимирович принимал активное участие в организации I Всебелорусского краевед-

ческого съезда. В 1927 г. Наркомпросом БССР был командирован на X Международный конгресс зоологов в Будапешт, однако из-за болезни дочери поехать не смог. В 1930 г. на I Всебелорусской сельскохозяйственной и промышленной выставке в Минске ученый продемонстрировал уникальную зоогеографическую карту БССР.

Анатолий Владимирович регулярно выступал с докладами на заседаниях естественно-исторической секции Научного общества при БГУ, на специальных совещаниях Наркомзема БССР по вопросам организации охотничьих хозяйств. С февраля по август 1932 г. он даже состоял членом и заместителем председателя Государственного комитета по делам охоты при уполномоченном наркомата внутренней торговли при СНК БССР. Докладывая перед государственным и партийным руководством, ученый старался продемонстрировать практическую пользу и взаимную выгоду от сотрудничества специализированных ведомств и наркоматов с научными учреждениями БГУ и Академии наук. Так, он делал акцент на необходимости организации пушного звероводства «как нового вида сельско-

го хозяйства, имеющего все шансы на успех в Белоруссии, в высшей степени хозяйстве рентабельном и необходимом, так как мировые запасы пушнины неимоверно быстро истощаются, а опыт Канады, а за ней Швеции и теперь Германии и даже Эстонии совершенно наглядно указывают на колоссальные успехи этого дела и на то, что если мы сегодня не спохватимся, то через 10–15 лет будем окончательно вытеснены с мировых пушных аукционов».

За годы работы в БГУ А. В. Федюшин регулярно публиковался в журналах «Труды Белорусского государственного университета», «Записки Белорусского государственного института сельского и лесного хозяйства», «Бюллетень Московского общества испытателей природы», «Запіскі аддзелу прыроды і гаспадаркі Інстытута беларускай культуры», «Матар’ялы да вывучэння фл’оры і фауны Беларусі», «Ежегодник зоологического музея АН СССР», «Наш край», «Паляўнічы Беларусі», «Советское строительство», «Асьвета», газетах «Савецкая краіна» и «Плуг».

Как высококлассного специалиста, Анатолия Владимировича приглашали в состав ряда научных обществ, комиссий и организаций. В 1926 г. по представлению академика М. А. Мензбира его избрали действительным членом Московского общества испытателей природы. На заседании коллегии Наркомпроса от 8 марта 1928 г. он вместе с искусствоведом Н. Н. Щекотихиным, археологом А. Н. Лявданским, фольклористом И. А. Сербовым, языковедом С. М. Некрашевичем, историком В. У. Ластовским вошел в состав комиссии по охране памятников старины и старосветчины. В 1929 г. А. В. Федюшина избрали действительным членом бюро звероводства при Высших курсах прикладной зоологии и фитопатологии в Ленинграде. С этого же времени он состоял членом Всесоюзного общества по земельному

устройству трудящихся евреев в СССР («ОЗЕТ») и «Саюза бязбожнікаў БССР». В 1929–1930 гг. являлся официальным рецензентом Методического комитета при Наркомпросе БССР. 5 августа 1933 г. был утвержден членом ученого совета Союзного научно-исследовательского института пушного хозяйства в Москве.

Научная составляющая титанической работы профессора Федюшина будет неполной без характеристики его активной экспедиционной деятельности, результаты которой не только ложились в основу научных публикаций и помещались в витрины Зоологического музея БГУ и Академии наук, но и имели практическую направленность. Загруженность по организационно-методическим вопросам кафедры не позволила ему в 1922 г. начать экспедиционную работу, но в последующие годы это упущение было наверстано. С 12 по 19 апреля 1923 г. Анатолий Владимирович вместе с Н. В. Добротворским совершили командировку в районы р. Днепра и Припяти для изучения пролетных путей птиц и пополнения основных коллекций зоологического кабинета. Летом 1923 г. они работали на Мурманской биологической станции Ленинградского общества естествоиспытателей, где изучали фауну птиц Кольского побережья и биоценозы литорали Баренцева моря. В результате собрали большой материал для университетского музея и лабораторного практикума, приобрели также у станции не менее 200 видов морских животных в количестве 1000 экз.

Летом 1924 г. на протяжении 88 дней А. В. Федюшин вместе со студентами-биологами изучал орнитофауну Витебщины (на границе с Псковской областью). В результате были получены важные данные по практически неизученной северной части БССР, взяты пробы планктона местных озер, собраны коллекции птиц (1034 экз.) и других позвоночных, моллюсков, насекомых.

А. В. Федюшин за работой.
Минск, 12 декабря 1927 г.

В 1924 и 1925 гг. по заданию Госплана БССР и Комиссии по изучению естественных производительных сил Анатолий Владимирович организовал и провел экспедиции в восточной части Полесья. С 14 по 24 сентября 1924 г. он совершил поездку на р. Днепр (для изучения осеннего пролета птиц) и Брагинку (для обследования уцелевшей колонии речного бобра). Удалось обнаружить 20 поселений бобров в верхнем течении Березины и по ее притокам. В кратчайшие сроки А. В. Федюшин подготовил обоснование о необходимости охраны пушного зверя и разработал проект первого в СССР государственного бобрового заповедника, который направил в Наркомзем БССР. 21 ноября 1924 г. Правление лесов Наркомзема обратилось в БГУ с просьбой делегировать А. В. Федюшина в комиссию по обследованию проектируемого государственного заповедника. 30 января 1925 г. постановлением СНК БССР был учрежден Государственный охотничий заповедник, цель которого заключалась в охране и размножении ценных диких животных и пернатой дичи, в особенности речных бобров. Этим постановлением запрещалось «...производство всякой охоты и во всякие времена года,

кроме случаев особого разрешения Наркомзема для научных целей». Прекращалась также рубка леса, кроме случаев необходимой уборки мертвых деревьев. Для налаживания действенной охраны территории, животного и растительного мира воспрещался сплав леса по рекам, а также предусматривалось «...выселение из пределов заповедника жителей тех хуторов и поселков, расположение которых является вредным и не отвечающим целям заповедника». В результате принятых мер охраны к 1940 г. численность бобров возросла до 1500 особей.

В целях более детального изучения экологии и биологии бобра, а также других представителей местной фауны А. В. Федюшин с 29 мая по 28 августа 1925 г. работал в Комаринском районе Гомельской области. Удалось получить сведения о распространении бобра в бассейнах р. Сожа и Днепра, собрать 700 экз. птиц, 92 – млекопитающих, 115 – рептилий и амфибий, 49 – рыб, около 400 экз. насекомых. Изучением бобра Анатолий Владимирович занимался до 1932 г. не только в естественных условиях, но и специальном питомнике, созданном при кафедре зоологии. По результатам многолетней работы им в 1935 г. был издан капитальный труд «Речной бобр, его история, жизнь и опыты по размножению».

Насыщенными в экспедиционном плане были и последующие годы: с 24 июня по 19 июля 1926 г. состоялась поездка на р. Припять и оз. Червонное; в 1928 г. – Гомельский и Оршанский округа по изучению фауны позвоночных; с 18 июня по 2 июля 1929 г. – в район водораздела р. Западной Двины и Днепра (Толочинский, Дубровенский и Оршанский районы); с 3 июля по 7 августа 1929 г. – восточные районы Гомельской области.

В 1926 г. А. В. Федюшин получил от университета шестимесячную научную командировку в Ленинград, где работал в орнитологическом отделении Зооло-

гического института (музея) Академии наук по систематике птиц у академика П. П. Сушкина. Также по ходатайству Анатолия Владимировича директор Зоологического музея Академии наук А. А. Бялыницкий-Бируля передал в Зоологический музей БГУ коллекцию разнообразных представителей экзотических животных и птиц, а в библиотеку музея – свыше 800 книг, статей и других изданий зоологического характера.

Последней экспедицией, которой руководил профессор Федюшин в Беларуси, было зоологическое исследование по изучению промысловой фауны Речицкого Полесья. Оно проводилось в 1930–1931 гг. по заданию треста «Полесмелиозем» кафедрой зоологии БГУ и Институтом биологии БАН. Его результаты предполагалось учитывать при планировании мелиорационных мероприятий в этой части Полесья. Экспедицией была обследована территория 17 лесничеств Гомельской области, составлены детальные карты поквартального распределения и численности всех видов охотничье-промысловых видов животных, подготовлен проект организации охотничьих хозяйств на исследованной территории.

При оценке экспедиционной деятельности А. В. Федюшина в Беларуси важно учитывать, что каждая из его поездок наталкивалась на серьезные препятствия. Уже с 1921 г. ученый был под постоянным присмотром Минского уездного военкомата, который обязал университет ежемесячно сообщать «всякие перемещения и перемены в учебном положении» бывшего белого офицера. Любой выезд из Минска для Анатолия Владимировича сопровождался процедурой снятия с учета в военкомате, а по возвращении в город – постановкой на учет. Ученый неоднократно обращался с просьбой в Правление БГУ посодействовать в снятии его со спецучета. Он отмечал, что «чувствовал себя весьма угнетенным мо-

рально и связанным в смысле свободы передвижений, так как обязан подпиской о невыезде». Каждый раз, когда А. В. Федюшину необходимо было выехать из Минска по делам экспедиционной работы, Правление университета вынуждено было вести переписку с Главным политическим управлением для получения такого разрешения. Позже ситуация усугубилась тем, что территория БССР была объявлена запретной зоной для проживания на ней бывших офицеров белой армии. ГПУ БССР предложило А. В. Федюшину два варианта: либо выехать из БССР, либо возбудить ходатайство о своем оставлении, но при этом оно должно было быть поддержано двумя членами Коммунистической партии. 8 декабря 1923 г. Анатолий Владимирович обратился с заявлением в Правление БГУ. В нем он подчеркивал: «С выселением меня из пределов Белоруссии прекратилась бы моя научная работа, связанная с территорией Белоруссии, начатая мною еще в студенческие годы и после войны снова привлекавшая сюда для продолжения ее». 11 декабря на заседании Правления по данному вопросу было принято следующее решение: «Ввиду крупных научных заслуг преподавателя А. В. Федюшина перед Белгосуниверситетом, его неутомимой большой работы по организации лаборатории и музея при кафедре зоологии, также весьма плодотворной и полезной работы по учебным занятиям со студентами просить Нарвоенкомат Белорусской ССР в лице т. Адамовича оставить А. В. Федюшина в Минске и тем сохранить его за Университетом».

13 декабря 1923 г. В. И. Пичета обратился с подобным ходатайством в Госполитуправление БССР: «А. В. Федюшин работает в Университете в должности Заведующего кафедрой зоологии со дня его основания. Существующие при этой кафедре лаборатория и музей созданы энергией А. В. Федюшина, его добросовестным отношением к принятым на

себя обязанностям, большим опытом, знаниям. Будучи уроженцем Белоруссии (Слуцк) А. В. Федюшин решил отдать все свои физические и интеллектуальные силы родному Университету и это свое решение проводит с любовью и бескорыстием в жизнь». В результате переписки между университетом и государственными структурами 24 января 1924 г. из Народного комиссариата по военным делам ректору БГУ поступила бумага, в которой отмечалось, что А. В. Федюшину «проживание в пределах БССР разрешено». Вместе с тем вопрос о снятии его со спецучета окончательно решен не был.

«Белая» тень военного прошлого университетского ученого постоянно преследовала в Беларуси, создавала благоприятную среду для рождения домыслов и перешептываний за спиной Анатолия Владимировича. Так, позже декан биологического факультета БГУ Ф. И. Дербенцов в служебной характеристике А. В. Федюшина указывал, что тот, по слухам, не был назначен, а являлся полковником и адъютантом Колчака. Также он отмечал, что Анатолий Владимирович «за час работы в БДУ личица представителем реакционной части профессуры, как выкладчик зоологической подборки себе «своих» людей. Да 1929 г. он держит на работе препаратора – начальника бывшего офицера Калчакаускай армии Аучиньскава. На сходах выступает редко. Своих поглядыв (варожых) адчинена не выказывает...». Такой «взгляд с прищуром» на Федюшина в итоге был одним из решающих факторов, повлиявших на его увольнение из БГУ и выезд из БССР. Вместе с тем из записки Дербенцова ректору БГУ И. Ф. Ермакову от 19 июня 1933 г. видно, что в случае увольнения профессора Федюшина из университета это будет восприниматься серьезной утратой. Декан биофака писал: «Праф. Федюшан жадае ехаць у Маскву дзеля устройства на работу, калі мы ня смо-

жам дабіцца адказа цвёрдага аб яго прэбыванні ў Мінску ён уездзе. Патрэбна тэрмінова што-то прадпрыняць».

Были и другие причины отъезда из Беларуси, которые нельзя сбрасывать со счетов. Так, 1 ноября 1932 г. А. В. Федюшин обратился к проректору по учебной части БГУ с просьбой увеличения заработной платы. На тот момент годовая нагрузка профессора составляла 230 часов по курсу зоологии позвоночных. В заявлении он указывал: «На руки я атрымўываю ў месяц 172 рублі, што не дае ужо магчымасці пражыць і вымушае мяне перайсці на працу ў іншыя установы, аставіўшы за сабою ў БДУ толькі лекцыі па сумяшчальнасці. Адначасова хадатайнічаю аб устанавленні штатнага аклада за арганізацыю і закладанне Зоол. музея, які патрабуе значнай працы для далейшага яго развіцця і ўтрымання ў парадку».

Возможности для перехода на другую работу были маловероятны. В начале 1930-х гг. в БССР было закрыто Белорусское бюро краеведения, распущены Белорусский союз охотников, краеведческие и охотничьи журналы. Оставаться в Белорусской академии наук также не представлялось возможным. В проекте постановления Президиума ЦКК КП(б)Б и коллегии НКРСИ от 4 апреля 1931 г. о результатах обследования БАН в соответствии с выполнением ею задач социалистического строительства и в связи с чисткой и проверкой ее аппарата по кафедре зоологии, где работал профессор Федюшин, отмечалось, что «праца кафедры была накіравана на зрыў сац. будаўніцтва, на дыскрэдытацыю палітыкі савецкай улады і камуністычнае партыі, на змазванне дасягненняў сав. будаўніцтва, на ўсхваленне б. Расіі і капіталістычнага Захаду. Пры нікчэмнай навуковай вартасці ўсіх прац яны сьвядома выконвалі сацыяльны заказ нацдэмаў. Кіраўніцтва і склад працаўнікоў яўна варожыя, б. калчакаўцы, нацдэмы.

Падрыхтоўка кадрў не разгорнута. Няпрыгодныя людзі набіраліся праз прагэцкю. Самакрытыка зажата. З савецкай грамадзкасцю сувязі няма».

Позднее в протоколе № 6 Президиума БАН от 21 февраля 1933 г. по проверке работников Академии за 1932 г. и их квалификации напротив фамилии Федюшин было написано: «За сознательный отрыв в своей работе от требований соцстроительства, за проведение в своих работах национал-демократизма, за срыв подготовки кадров в области зоологии, как скрытого классового врага снять с работы в Академии. Поставить перед ДВС вопрос о его научной годности». Как оценивал сложившуюся ситуацию сам Анатолий Владимирович, мы можем узнать из воспоминаний его ученика С. В. Кирикова: «Зимой я возвратился в Минск и стал писать отчет об экспедиционной работе. Когда он подходил к концу, А. В. сказал мне: “Жаль, что в 28-м году вы заболели и отказались поступать в аспирантуру на мою кафедру. А теперь я не могу вас пригласить. Для белорусской интеллигенции настали черные дни: застрелился президент Инбелкульта Игнатовский, пытался покончить самоубийством Янка Купала. Мне придется покинуть университет и Институт белорусской культуры и уехать из Белоруссии”».

Осознавая ухудшение общественно-политической обстановки в БССР, Анатолий Владимирович стал искать новое место работы, рассматривать поступавшие предложения. Еще 5 января 1930 г. на его имя пришла телеграмма из Сибирского краевого промыслового союза охотничьих, рыбацких и интегральных кооперативов с предложением о переходе на работу в Новосибирский базисный зверопитомник.

13 июля 1933 г. А. В. Федюшин получил телеграмму от директора Омского государственного сельскохозяйственного института с приглашением занять должность профессора зоологии. Ана-

толий Владимирович согласился, положительный отзыв о его научной работе был подготовлен известным советским зоологом Н. М. Кулагиным. 22 августа 1933 г. профессор обратился к ректору БГУ с письмом, в котором поставил в известность руководство о своем уходе из университета: «Вследствие желания моего изменить место службы и избрания меня профессором в другом вузе РСФСР, сообщаю, что по соглашению с деканом биологического факультета, курсы, какие значились по учебному плану к прочтению мною, будут выполнены в течение первого полугодия, после чего прошу Вашего согласия на мой переход в другой вуз с тем, однако, что за мной сохраняется до конца учебного 1933/1934 года (до 1/X.1934) занимаемая мною квартира и зарплата, поскольку годовая нагрузка мною будет выполнена, а перевоз семьи в зимнее время затруднен. В случае же Вашего несогласия на это, прошу разрешить мне уехать сейчас с тем, что я согласен буду приехать в Минск и закончить свои курсы в течение 2-го семестра, при условии оплаты мне стоимости проезда и предоставления жилой комнаты на время работы в БГУ и также оплаты труда из расчета годичного заработка, т. е. за весь год». Заявление было рассмотрено, и 9 сентября 1933 г. университет подал объявление в редакцию газеты «За коммунистическое просвещение» об объявлении конкурса на замещение вакантной должности профессора зоологии.

Омский период работы профессора А. В. Федюшина не менее насыщен в научно-исследовательском, экспедиционном и педагогическом плане. В автобиографии он отмечал: «В Омске мне также пришлось заново организовывать кафедру и лабораторию при Сельскохозяйственном институте, учебный музей... при этом – дважды, так как в 1941–1945 гг. лаборатория и музей были эвакуированы в другое помещение по военным обстоятельствам».

В 1934 г. по поручению Западно-Сибирского опорного птицеводческого пункта ВАСХНИЛ и Краевого земельного управления в Новосибирске Анатолий Владимирович организовал и провел экспедицию по изучению естественных водоемов Барабинской низменности как возможной базы для развития в регионе крупных птицеводческих хозяйств. Одновременно он стал заниматься изучением гельминтов водоплавающих птиц, поскольку это было тесно связано с задачей использования естественных водоемов в качестве источников птичьего корма. В 1935 г. его пригласили в состав членов-учредителей орнитологической секции им. академика М. А. Мензбира при Всесоюзном обществе охраны природы, а в 1938 г. избрали в члены маммологической секции Всероссийского общества им. академика Н. М. Кулагина при Комитете по заповедникам ВЦИК РСФСР.

В 1936–1937 гг. профессор Федюшин организовал и провел исследование по экологии и географии пастбищных клещей в очагах пироплазмозной эпизоотии лошадей в бывшем Тарском округе. Подготовил и опубликовал в 1948 г. самую крупную в СССР работу по экологии клеща. Ученый составил точную географическую карту распространения клеща, разработал метод «экологических индикаторов», позволяющий быстро и точно судить о возможности или невозможности обитания на конкретном пастбище клещей-переносчиков.

Помимо Омского государственного сельскохозяйственного института А. В. Федюшин в 1937 г. был избран по совместительству на должность профессора и заведующего кафедрой зоологии Омского ветеринарного института. По результатам проведенных научных исследований как в Минске, так и в Омске

А. В. Федюшин со студентами 2-го курса зоологического факультета Омского государственного сельскохозяйственного института. 27 мая 1935 г.

постановлением ВАК 17 января 1938 г. было принято решение об утверждении Анатолия Владимировича в ученой степени доктора биологических наук без защиты диссертации. Кроме курса по зоологии он начал читать курсы по дарвинизму и паразитологии.

В годы Великой Отечественной войны А. В. Федюшин продолжал научную и педагогическую работу. В 1942 г. его избрали членом бюро животноводческой секции ВАСХНИЛ. Вместе с коллективом Омского сельскохозяйственного института принимал участие в сборе средств на приобретение самолета, который от имени института передали Красной армии. В 1944 г. за успешную работу в области подготовки кадров и научную работу приказом наркома земледелия СССР Анатолия Владимировича наградили значком отличника социалистического сельского хозяйства. В 1945 и 1946 гг. Президиум Верховного Совета СССР наградил его двумя медалями «За доблестный и самоотверженный труд в Великую Отечественную войну».

После окончания войны для Анатолия Владимировича представилась возможность вернуться в БССР. 30 июля 1945 г. ему пришло письмо за подписью президента Академии наук БССР академика К. В. Горева с информированием о том, что была выдвинута его кандидатура в действительные члены АН БССР. В письме сообщалось: «В связи с тем, что по Вашей специальности выдвинуто кандидатов больше имеющихся вакантных мест, не исключена возможность, что часть кандидатов в действительные члены АН БССР, будет баллотироваться в члены-корреспонденты АН БССР». А. В. Федюшину предлагалось подтвердить свое согласие баллотироваться. При этом Президиум АН БССР поставил условие об обязательном переезде кандидата на постоянную работу в Минск в случае его избрания. Анатолий Владимирович увидел в этом прекрасную

возможность вернуться к своей незавершенной научной задумке по исследованиям в области орнитологии Беларуси и выслал в Минск необходимые документы. 10 июля 1946 г. директор Института социалистического сельского хозяйства АН БССР В. И. Штемпель в своем письме сообщил, что документы о выдвижении получены, но выборы новых действительных членов и членов-корреспондентов еще не состоялись. Директор Института писал: «Независимо от установления срока созыва Общего собрания АН БССР по проведению выборов Институт социалистического сельского хозяйства Академии наук БССР хотел бы видеть Вас, Анатолий Владимирович, в числе своих сотрудников уже сейчас. Как сообщил мне Президент Академии наук Белорусской ССР, действительный член АН БССР К. В. Горев, если Вы сможете сейчас переехать в Минск, Вам будет, несмотря на испытываемые трудности, предоставлена квартира из 4–5 комнат и, кроме того, на предстоящих выборах Ваша кандидатура в действительные члены Академии наук БССР будет поддержана Президиумом Академии наук БССР». По неустановленным до конца причинам избрания А. В. Федюшина в действительные члены АН БССР не произошло. В ноябре 1947 г. членом-корреспондентом по зоологии был избран М. Е. Макушок.

Незадолго до этого приказом Министерства высшего образования СССР от 18 апреля 1947 г. А. В. Федюшина утвердили в должности декана зоотехнического факультета Омского сельскохозяйственного института им. С. М. Кирова. В последующие годы Анатолий Владимирович продолжил плодотворно заниматься наукой и готовить научные и производственные кадры. В 1950 и 1951 гг. он руководил исследованием по изысканию эффективных мероприятий по борьбе с водяной крысой. С 1960 г. являлся членом комиссии по охране природы при Сибирском отделении АН СССР.

В течение последних лет профессор Федюшин работал над изучением озерных гидробионтов в целях использования их в качестве корма в птицеводстве. В 1961 г. его вклад в науку и образование был высоко оценен: указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 сентября ученого наградили орденом Ленина.

Выдающийся зоолог Анатолий Владимирович Федюшин умер от повторного инфаркта миокарда 10 марта 1972 г. Его похоронили вдалеке от малой родины – на Старо-Северном кладбище Омска. На памятнике, изготовленном скульптором В. Синиченко, символично помещены изображения птиц, которые взлетают над высокой травой берега реки. С уходом из жизни А. В. Федюшина его дело продолжили ученики, количество которых за 60 лет преподавательской деятельности Анатолия Владимировича исчисляется не одной тысячей специалистов различных отраслей: медики, лесничие, агрономы, ветеринарные врачи, охотоведы, зоотехники, географы, преподаватели биологии и др. По стопам отца пошла и единственная дочь Наталья. Она окончила 2-й Московский медицинский институт им. Н. И. Пирогова. В 1946 г. вернулась в Омск и была принята на работу в Омский медицинский институт на кафедру гистологии. Позже

защитила кандидатскую диссертацию по костному туберкулезу. С 1957 г. Наталья Анатольевна работала в Кемеровском государственном медицинском институте и в 1978–1984 гг. возглавляла кафедру патологической анатомии, организовала при ней патанатомический музей.

Созданные при участии А. В. Федюшина структурные подразделения БГУ, АН БССР, Березинский биосферный заповедник продолжают развиваться. В 1992 г. при Зоологическом музее Белорусского государственного университета на ассоциативной основе с Институтом зоологии Академии наук Беларуси был создан единый республиканский Центр зоологических коллекций им. А. В. Федюшина, который является крупнейшим собранием в Республике Беларусь и располагает общим коллекционным фондом в более 120 тыс. единиц хранения. Эта материальная часть научного наследия выдающегося зоолога гармонично дополняется более чем 80 научными работами, которые Анатолий Владимирович опубликовал в годы работы в Беларуси. Многие из них не утратили своего значения до настоящего времени и сохраняют высокий индекс научного цитирования.

Андрей Николаевич Максимчик

СТОЯВШИЕ У ИСТОКОВ НОВЫХ НАУЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ

**Выдающийся ученый
в области теории обыкновенных
дифференциальных уравнений,
создатель авторских методик
преподавания математики**

**Доктор физико-математических наук,
профессор, заведующий
кафедрой БГУ**

Юрий Станиславович БОГДАНОВ

08.12.1920 – 07.12.1987

Профессор Белорусского государственного университета, талантливый ученый-математик и педагог Юрий Станиславович Богданов сыграл важную роль в развитии белорусской математической науки и высшего образования, внес большой вклад в становление и развитие в Беларуси научной теории дифференциальных уравнений. В БГУ прошел путь от старшего преподавателя до профессора и заведующего кафедрой, был одним из организаторов факультета прикладной математики.

Научные интересы Юрия Станиславовича относились к области обыкновенных дифференциальных уравнений. Ученый получил ряд основополагающих результатов в современной асимптотической теории обыкновенных дифференциальных уравнений. Его научное наследие составляет более 100 опубликованных трудов.

Исследования Ю. С. Богданова получили развитие в работах его учеников, в числе которых более 40 кандидатов наук, пятеро защитили докторские диссертации. Незаурядный ученый свои обширные знания реализовывал в учебном процессе, в непосредственном общении с тысячами студентов. Много внимания уделял методическому обеспечению преподавания математических дисциплин в высшей школе. Его авторские учебные пособия по математическому анализу и дифференциальным уравнениям и сегодня не утратили своего значения.

Юрий Станиславович Богданов родился в г. Великие Луки Псковской области РСФСР. Отец Станислав Константинович и мать Мария Григорьевна были советскими служащими. После перевода отца на партийную работу семья переехала в г. Сычёвка Смоленской области, где в 1938 г. Юрий окончил среднюю школу. Учился он блестяще и получил аттестат с отличием, дававший право поступать в вуз без вступительных экзаменов. С детства увлекавшийся математикой юноша подал документы в Ленинградский государственный университет и был зачислен на первый курс математико-механического факультета.

С выбором учебного заведения Юрий не ошибся, так как учеба в ЛГУ давала возможность приобщиться к высокому духу науки и культуры. На факультете царила творческая атмосфера – преподаватели стремились вырастить ученых-исследователей, увлекая личным примером. В тот период на факультете преподавали выдающиеся математики: профессора С. Н. Бернштейн, Н. М. Гюнтер, В. И. Смирнов, Д. К. Фаддеев, Г. М. Фихтенгольц. С первого курса студент из российской провинции включился в научную работу под руководством профессора Л. В. Канторовича – будущего академика и нобелевского лауреата, стал одним из самых способных и активных его учеников, учился на отлично, возглавлял сектор научной работы в комитете комсомола факультета. Как студент, имевший отличную успеваемость и занимавшийся научной работой, с июня 1939 г. Юрий стал получать Сталинскую стипендию (500 руб.).

Ленинград – центр научной и культурной жизни СССР – предоставлял исключительные возможности для овладения богатствами культуры. Музеи, театры, кино, публичные лекции по истории искусств в Эрмитаже, выставки, новые книги – все это не проходило мимо целеустремленных студентов. Не случай-

но впоследствии Юрий Станиславович отличался интеллигентностью, высоким уровнем общей культуры и широтой интересов, свободно владел немецким языком, читал на английском, французском, итальянском и испанском языках.

Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война вынудила прервать учебу. Многие студенты ЛГУ добровольно вступили в ряды народного ополчения Ленинграда или ушли на фронт. Патриотические чувства студенческой молодежи один из студентов университета выразил в стихах:

Мы молоды, мы жить хотим,
И мы во имя этой жизни
Пойдем вперед и победим
И мирный труд вернем отчизне.

В конце июля 1941 г. в Василеостровском районе Ленинграда был сформирован 70-й партизанский батальон, ядром которого стали студенты ЛГУ во главе со студентом истфака В. И. Дорофеевым. Его бойцом стал и комсомолец Ю. С. Богданов. Фактически этот батальон являлся диверсионным подразделением, совершавшим рейды в тылу врага у линии фронта. Перед такими партизанскими формированиями ставилась задача нанести урон наступающим на Ленинград фашистским войскам и оказать помощь Красной армии в обороне города. Отряд В. И. Дорофеева совершил в августе 1941 – январе 1942 г. четыре рейда в тыл врага, в ходе которых выполнил боевые операции по уничтожению техники и живой силы противника, добыл разведданные для Красной армии. Действовали партизаны в исключительно трудных условиях – в прифронтовой полосе, до предела насыщенной войсками противника, без базы, без снабжения боеприпасами и продуктами. Все запасы бойцы носили на себе, спали под открытым небом.

В ходе боевых действий отряд понес большие потери. Во время выполнения

одного из спецзаданий в октябре 1941 г. Ю. С. Богданов получил тяжелое ранение и вынужденно оказался на оккупированной территории – на ст. Поповка Ленинградской области. Его выходили местные жители. Подлечившись, боец попытался перейти линию фронта через заминированную зону, вновь был ранен и схвачен фашистами. В марте 1942 г. Юрия Станиславовича вывезли в Германию на принудительные работы. Он находился в различных лагерях, из которых неоднократно пытался бежать. Одна из попыток увенчалась успехом. Ленинградский студент организовал подпольную антифашистскую группу из числа угнанных немцами советских граждан и военнослужащих, находившихся в плену. В начале 1945 г., после разоблачения и разгрома подпольной организации, Юрий Станиславович перешел через линию фронта на сторону американских войск. Он обратился в штаб одной из частей 9-й американской армии, заявив, что он русский и готов сражаться с фашистами. Знание местности и немецкого языка позволило ему помогать союзникам. После вступления американских войск в г. Йену Ю. С. Богданову присвоили чин лейтенанта американской армии и назначили заместителем военного коменданта города. В мае 1945 г. ему удалось собрать более 4 тыс. советских граждан, оказавшихся на территории Германии, и обеспечить их продуктами, одеждой и медицинской помощью. Американские офицеры очень ценили «своего» сослуживца-лейтенанта и предлагали ему после окончания войны содействие для выезда в США. Однако Юрий Станиславович решил вернуться в СССР в порядке репатриации. В отзыве штаба 9-й американской армии о Ю. С. Богданове, в частности, говорилось: «Его выдающаяся военная служба принята с благодарностью и штаб с сожалением отпускает его с занимаемого им настоящего поста». В мае 1945 г. молодого

офицера отправили из американской зоны оккупации Германии в советскую.

После прохождения проверки в сентябре 1945 г. Юрий Станиславович вернулся на родину и был восстановлен в ЛГУ студентом 4-го курса математико-механического факультета. Учился он, как и прежде, на отлично и занимался любимым делом – математическими исследованиями. В 1946 г. студенту Богданову назначили стипендию им. П. Л. Чебышева. В 1947 г. в «Докладах АН СССР» была опубликована его научная студенческая работа «О нормальных системах Ляпунова», которая привлекла внимание видных ученых-математиков. В апреле 1947 г. на заседании ученого совета ЛГУ заведующий кафедрой дифференциальных уравнений Н. П. Еругин при обсуждении успехов студентов университета сказал: «Юра Богданов докторскую вместо дипломной написал!»

Налаживалась и личная жизнь. После возвращения на родину Юрий женился на своей однокурснице Марии Павловне Антипиной, красивой, незаурядной девушке с сильным характером. С мужем ее сближали любовь и общая увлеченность математикой. Отец Марии Павел Викторович Антипин получил образование в Сумском кадетском корпусе, служил офицером в царской армии. После окончания Гражданской войны он вместе с супругой Анастасией Николаевной жил в Ленинграде, где в 1920 г. и родилась их дочь. Однако «непролетарское» происхождение и дореволюционное прошлое привели к тому, что семью Антипиных отправили в ссылку – в г. Вышний Волочек Тверской области. Там Павел Викторович преподавал математику в школе рабочей молодежи. С поступлением на математико-механический факультет ЛГУ Мария вернулась в Ленинград. Во время войны она оказалась в блокаде и позднее получила медаль «За оборону Ленинграда». Девушке повезло: ее вывезли из блокадного города в Свердловск, где она

работала на военном заводе. В 1946 г. родилась дочь Маша.

В 1947 г. в условиях начавшейся холодной войны между бывшими странами – союзниками по антифашистской коалиции в СССР развернули кампанию по борьбе с «безродными космополитами» и «низкопоклонством перед Западом». В числе жертв этой кампании оказались и бывшие репатрианты, к которым власть относилась с настороженностью и недоверием. Особое внимание обращалось на тех из них, кто находился в Германии в зоне оккупации союзников СССР по антифашистской коалиции. Начался тотальный поиск «врагов советского государства, изменников и шпионов». На лиц, побывавших в плену или на работах в Германии, собирали компрометирующие материалы. Особенно суровые меры наказания обрушились на советских репатриантов, освобожденных из плена войсками союзников. Их необоснованно обвиняли в шпионаже, именовали «агентурой англо-американских разведок». Кампания не обошла и Юрия Станиславовича – он был арестован 29 апреля 1947 г. В ходе следствия, длившегося почти год, ему приписывали «преступные связи с американскими разведывательными органами», попытку установления связей с рядом научно-промышленных предприятий Ленинграда в целях получения «шпионской информации». Предпринятые учеными-математиками ЛГУ шаги по защите Богданова успеха не имели. 31 марта 1948 г. он был осужден по статье 58-1 «б» УК РСФСР (измена Родине) на 25 лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовом лагере и поражением в правах на пять лет.

Ю. С. Богданов оказался в исправительном лагере для политических заключенных в Мордовской АССР. Среди заключенных было много представителей интеллигенции. Отбывавшим срок давали возможность переписываться с семьей, а после смерти Сталина в 1953 г.

разрешили свидания с родными. Находясь в течение семи лет в лагере, при малейшей возможности Юрий Станиславович продолжал математические исследования, написал в заключении не менее 24 научных работ. Понимая, что они не могут быть опубликованы под его именем, молодой ученый отказывался от авторских прав в пользу математико-механического факультета ЛГУ. Из лагеря рукописи поступали на научную экспертизу в МГУ и Ленинградское отделение Математического института им. В. А. Стеклова АН СССР (ЛОМИ). В одном из отзывов академик В. И. Смирнов писал, что автор данных работ заслуживает присвоения степени кандидата физико-математических наук. Не все тексты доходили до университета, многие оседали в «спецархивах». Неоднократно В. И. Смирнов обращался с ходатайством в «компетентные органы» о содействии освобождению Ю. С. Богданова – с учетом его необыкновенных научных способностей.

27 апреля 1955 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР отменила вынесенный Юрию Станиславовичу в 1948 г. приговор и отправила дело на рассмотрение. Дело пересмотрели и на основании ст. 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. Ю. С. Богданова 24 декабря 1955 г. освободили из-под стражи и восстановили в гражданских правах. При пересмотре дела большую роль сыграли положительные характеристики-отзывы и поручительства профессоров Н. П. Еругина и В. И. Смирнова. Однако освобождение талантливого математика по амнистии не означало его автоматической реабилитации, поскольку, как указывалось в следственном деле, «...он не захотел осветить свою немецкую деятельность...». В то время советское правительство, рассматривая вопросы о признании необоснованности политических репрессий по отношению к военнопленным и репа-

трированным лицам, ограничивалось полумерами. Их судьба на протяжении десятилетий замалчивалась, словно не существовало проблемы ликвидации последствий репрессий. Анкета по учету кадров, которую заполнял каждый советский работавший гражданин, включала пункт о том, находился ли человек в немецком плену или проживал на оккупированной территории. Это приводило к дискриминации прав военнопленных и репатриированных советских граждан, что подтверждается и фактами биографии Ю. С. Богданова.

Когда после освобождения Юрий Станиславович подал в ЛГУ заявление с просьбой допустить его к государственным экзаменам и защите дипломной работы, ему отказали. Резолюция исполняющего обязанности ректора гласила, что «...допущен быть не может, поскольку, во-первых, прошло более восьми лет, а во-вторых – не реабилитирован...». Заявителю предложили поступать на первый курс. Вернувшийся из заграничной командировки ректор А. Д. Александров отменил эту резолюцию и издал приказ о допуске Ю. С. Богданова к госэкзаменам и защите дипломной работы. После перевода Юрия Станиславовича на работу в БГУ ректор А. Н. Севченко, хорошо знакомый с его научными трудами, на ученом совете университета предложил присудить ему степень кандидата физико-математических наук без защиты – за конкретный вклад в математику. Однако члены совета забаллотировали предложение ректора. Более того, посыпались анонимки о «несоответствии». Позже дважды кандидатура Ю. С. Богданова выдвигалась для рассмотрения по избранию в члены-корреспонденты АН БССР: в 1967 г. – по инициативе ректора БГУ, позднее – академика Н. П. Еругина. Но так и не прошла. Официальная версия отказа – «не реабилитирован». Справедливость восторжествовала лишь в конце 1980-х гг. благодаря упорству и на-

стойчивости вдовы ученого: 6 февраля 1989 г. Ю. С. Богданова реабилитировали посмертно. В справке о реабилитации указывалось, что уголовное дело в отношении него было необоснованно и «прекращено за отсутствием в деянии Богданова состава преступления».

После освобождения из лагеря Юрий Станиславович воссоединился с женой и ребенком, которые проживали вместе с родителями Марии Павловны в Верхнем Волочке. С этого времени он стал уделять много внимания дочери, стремясь компенсировать долгие годы вынужденного отсутствия в ее жизни, занимался с Машей математикой, рисованием, музыкой, обучал иностранным языкам. Вместе они прочитали много книг. Мария Юрьевна пошла по стопам отца: окончила факультет прикладной математики БГУ, с 1978 по 2017 г. преподавала математику в Минском радиотехническом институте.

После амнистии Юрию Станиславовичу разрешили проживать в Ленинграде. В марте 1956 г. он в должности старшего

Ю. С. Богданов с собакой Леки.
1960-е гг.

Юрий Станиславович Богданов

лаборанта приступил к работе в Ленинградском отделении Математического института АН СССР, директором которого был в то время профессор Н. П. Еругин. В этом же году Ю. С. Богданов блестяще защитил дипломную работу и окончил с отличием ЛГУ, после чего перешел на должность младшего научного сотрудника отдела дифференциальных уравнений ЛОМИ. Юрий Станиславович начал составлять полную картотеку оригинальных научных статей по дифференциальным уравнениям за предшествовавшие 100 лет, продолжив эту работу и после переезда в БССР. В результате появилась картотека с алфавитным и предметным каталогами научных работ по данной теме за 150 лет. В «Докладах АН СССР» и других научных изданиях («Прикладная математика и механика», «Математический сборник», «Успехи математических наук», «Вестник ЛГУ. Серия: Математика,

механика и астрономия») публиковались статьи молодого исследователя по проблемам дифференциальных уравнений. Он трижды награждался руководством ЛОМИ денежной премией за высокие научно-производственные показатели с объявлением благодарности. В июле 1956 г. Юрий Станиславович участвовал в работе II Всесоюзного математического съезда в Москве.

В 1956 г. Н. П. Еругин, научный руководитель Ю. С. Богданова, переехал в Минск, стал академиком АН БССР, первым руководителем Института математики АН БССР, заведующим кафедрой дифференциальных уравнений БГУ. Он позвал за собой и талантливого ученика. Семья Богдановых решила переехать в БССР. Отец Юрия Станиславовича умер еще в 1939 г., а мать жила в Костроме с дочерью Ириной и ее семьей. 1 ноября 1958 г. Юрия Станиславовича в порядке перевода зачислили в штат БГУ на должность старшего преподавателя кафедры дифференциальных уравнений математического факультета. С этого момента его научная и педагогическая деятельность неразрывно связана с БГУ, работу в котором Юрий Станиславович не прекращал до последних дней своей жизни. В должности старшего преподавателя он читал лекции по математическому анализу на вечернем отделении и вариационному исчислению – на заочном отделении математического факультета, по высшей математике – на физическом факультете, руководил дипломными работами, вел спецкурсы «Качественная теория дифференциальных уравнений», «Нелокальная качественная теория», «Линейные дифференциальные системы».

После переезда в Минск семья Богдановых проживала в доме для сотрудников БГУ, переделанном из здания бывшей «холодной синагоги» на Немиге. Мария Павловна устроилась преподавать математику в Белорусский государственный политехнический институт, в котором

Ю. С. Богданов с супругой
Марией Павловной.
Верхний Волоочек, 1956 г.

работала до выхода на пенсию. В 1960 г. у супругов родился сын Юрий, который, как и его сестра, унаследовал от родителей любовь к математике. Он закончил факультет прикладной математики БГУ, преподавал в БНТУ.

10 июня 1960 г. Ю. С. Богданов на объединенном Совете институтов физико-математических и технических наук АН БССР защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук на тему «Характеристичные числа линейных дифференциальных систем». На заседании ученого совета БГУ 7 июня 1961 г. его избрали по конкурсу на должность доцента кафедры дифференциальных уравнений, а 14 ноября 1962 г. решением Высшей аттестационной комиссии Министерства высшего и среднего образования СССР ему присвоили ученое звание доцента по кафедре дифференциальных уравнений. Заслуги Юрия Станиславовича нашли признание и во всесоюзном масштабе: в 1964 г. он выступил с докладом «Асимптотические характеристики решений линейных дифференциальных систем» на IV Всесоюзном математическом съезде.

В 1964 г. на базе кафедр вычислительной математики и дифференциальных уравнений математического факультета создали кафедру общей математики, заведующим избрали Ю. С. Богданова. Образование кафедры было вызвано проникновением во все сферы достижений научно-технического прогресса, который во многом опирался на широкое использование математических знаний. Кафедра должна была обеспечить преподавание высшей математики не только на математическом, но и на других факультетах. Ю. С. Богданов продолжил читать лекции по высшей математике, вариационному исчислению, математическому анализу, спецкурсы. Фундамент преподавания курса высшей математики, заложенный в первые годы существования кафедры, сохранен в университете и сегодня.

Студенты мехмата БГУ слушают лекцию Ю. С. Богданова

Как заведующий кафедрой Юрий Станиславович большое внимание уделял методике преподавания курса высшей математики. Программа курса включала практически все разделы современной математики в существенно сокращенном виде, поэтому от преподавателя требовалось умение пояснять многие темы без изучения промежуточного материала. Ю. С. Богданов показал себя прекрасным лектором – каждое его занятие было мастерским по форме и содержанию. Простота и естественность его лекций, сочетавшиеся с глубоким научным содержанием, делали их популярными в аспирантской и студенческой среде. В 1964/65 учебном году Юрий Станиславович прочел лекции для студентов 1-го курса математического факультета по всем математическим дисциплинам: аналитической геометрии, высшей алгебре, математическому анализу, элементам математической логики, теории множеств. Большинство сотрудников кафедры были молодыми преподавателями, им еще предстояло освоить лекторское мастерство. Для них заведующий организовал методический семинар, который он считал основной формой совершенствования педагогиче-

Ю. С. Богданов на кафедре, среди коллег

ского мастерства. Вначале преподаватели готовили лекции по определенным темам курса, затем читали их перед коллегами на методическом семинаре с последующим обсуждением, которое начиналось с высказываний молодых преподавателей по важнейшим вопросам: «Что понравилось?», «Что нет?», «Как бы сделал я?». Юрий Станиславович никогда не навязывал своего мнения, обобщение и дополнения давались им очень корректно, «чтобы не погасить инициативу».

Со временем Ю. С. Богданов с семьей получил просторную благоустроенную квартиру в доме для сотрудников БГУ на бульваре Луначарского. Ему удалось собрать большую домашнюю библиотеку, насчитывавшую почти 9 тыс. томов, в том числе и значительное количество изданий на немецком языке. В библиотеке нашли свое место произведения любимого писателя математика – Ф. М. Достоевского.

В декабре 1966 г. Юрий Станиславович защитил в родном ЛГУ диссертацию на соискание ученой степени доктора фи-

зико-математических наук на тему «Исследование дифференциальных систем с помощью обобщенных характеристических чисел». Оппонентами на защите выступали выдающиеся математики: академики В. И. Смирнов и Н. Н. Красовский, профессор В. А. Плисс. Диссертационное исследование стало существенным вкладом в развитие ляпуновской асимптотической теории обыкновенных дифференциальных уравнений. Автор ввел в науку аналоги характеристических показателей для нелинейных систем, разработал универсальный метод исследования асимптотической устойчивости нелинейных систем. 20 мая 1967 г. ВАК СССР присудил Ю. С. Богданову ученую степень доктора физико-математических наук, а 26 января 1968 г. присвоил ученое звание профессора по кафедре общей математики. Совет БГУ 27 июня 1967 г. избрал Юрия Станиславовича на должность профессора.

В июне 1968 г. Ю. С. Богданов был избран заведующим кафедрой высшей математики и математической физики физического факультета. Кафедра обеспечивала учебный процесс по математическим дисциплинам на физическом факультете БГУ. Юрий Станиславович разработал курс математики для студентов-физиков. Математические дисциплины занимали более трети времени в учебных планах первых трех курсов физического факультета. На старших курсах группам студентов-физиков читались специальные разделы математики. Сотрудники кафедры уделяли большое внимание научному и методическому совершенствованию лекционных курсов и практических занятий и одновременно вели научно-исследовательскую работу по дифференциальным уравнениям, алгебре, теории функций, вычислительной математике. Основным направлением научной работы стала теория обыкновенных дифференциальных уравнений. Под руководством Ю. С. Богданова была создана группа

в составе сотрудников кафедры высшей математики и математической физики и кафедр математического факультета по разработке актуальных проблем асимптотической теории дифференциальных уравнений, получивших широкое признание. Члены группы входили в редколлегиях всесоюзного журнала «Дифференциальные уравнения», поддерживали контакт с Московским, Ленинградским и Киевским университетами, Московским физико-техническим институтом и другими ведущими научно-исследовательскими учреждениями страны.

В 1970 г. в БГУ открылся факультет прикладной математики, на котором кафедру высшей математики в 1973 г. возглавил Ю. С. Богданов. На этой кафедре Юрий Станиславович проработал до конца своих дней: до сентября 1982 г. в должности заведующего, затем профессора. Первоначально коллектив кафедры состоял из доцента В. Т. Воднева, старших преподавателей А. Ф. Наумовича, Л. П. Черенковой, В. М. Ширяева, ассистентов О. А. Кастрицы, А. А. Левакова, Н. Ф. Наумовича. Кафедра обеспечивала фундаментальную математическую подготовку студентов факультета прикладной математики.

Основным направлением научной работы кафедры являлась качественная теория обыкновенных дифференциальных уравнений. Под руководством Ю. С. Богданова проводились исследования в области асимптотической и качественной теории дифференциальных уравнений. Асимптотическая и общая теории обыкновенных дифференциальных, стохастических и алгебро-дифференциальных систем и сегодня остаются основными направлениями деятельности кафедры.

Много внимания заведующий и преподаватели кафедры уделяли исследованиям в области методики преподавания математики, участвовали в разработке учебных программ для факультетов

прикладной математики и учебных пособий для студентов. В 1979 г. Учебно-методическое управление по высшему образованию Минвуза СССР утвердило разработанную на кафедре высшей математики БГУ программу общего курса «Дифференциальные уравнения» по специальности 0647 «Прикладная математика» для университетов СССР. Взгляды Ю. С. Богданова на математику и методику ее преподавания нашли отражение в серии учебных пособий по математическому анализу и дифференциальным уравнениям. В 1974–1987 гг. он подготовил и издал шесть учебных пособий по математическому анализу и дифференциальным уравнениям для студентов вузов: «Лекции по математическому анализу» (в 2 ч. 1974–1978), «Лекции по дифференциальным уравнениям» (1977), «Дифференциальные уравнения» (1983), «Начала анализа функций двух переменных в наглядном изложении» (1987), «Начала анализа в задачах и упражнениях» (1988). Три последних были написаны в соавторстве с сотрудниками кафедры.

Ю. С. Богданов в рабочей обстановке

Юрий Станиславович Богданов

В 1978–1980 гг. преподаватели кафедры подготовили «Математический словарь средней школы» и справочник «Основные математические формулы» под редакцией Ю. С. Богданова. Два учебных пособия, написанные Юрием Станиславовичем в соавторстве с коллегами по кафедре, вышли из печати уже после его смерти: «Курс дифференциальных уравнений» (1996) и «Математический анализ» (2003). По учебным пособиям Ю. С. Богданова и сегодня учатся студенты факультета прикладной математики и информатики, физического факультета.

Математика была делом жизни Ю. С. Богданова. Он понимал ее как инструмент осознания и переустройства мира, как стремление обнаружить в хаосе бытия гармонию и порядок. Для ученого характерно глубокое проникновение в сущность рассматриваемых проблем и разнообразие научных интересов. Он получил ряд основополагающих результатов в современной асимптотической теории обыкновенных дифференциальных уравнений: была построена абстрактная теория норм Ляпунова; получен критерий Басова – Гробмана – Богданова правильности линейных систем; решена задача о существовании аппроксимирующей последовательности для правильных систем; доказана асимптотическая эквивалентность линейных систем кусочно-постоянным системам, коэффициенты которых принимают лишь два значения; введены аналоги преобразований Ляпунова и характеристических показателей для нелинейных систем (vd -преобразования и vd -числа). Юрий Станиславович указал признаки отсутствия замкнутых траекторий у двумерных систем в заданной области плоскости; изучил множество периодов семейства циклов, охватывающих друг друга; обосновал метод нахождения периодических решений систем дифференциальных уравнений; построил множество всех решений дифференциального уравнения,

содержащего лишь производную искомым функции.

Ю. С. Богданов участвовал в научно-исследовательской работе в рамках программы «Дифференциал» АН БССР и Минвуза БССР. Он руководил разделом «Асимптотическая теория дифференциальных уравнений», проводил исследования по теме «Асимптотические инварианты интегральных многообразий». Отличительной чертой его деятельности как ученого всегда выступало разнообразие научных интересов и приверженность идее единства математики. Один из ведущих специалистов по обыкновенным дифференциальным уравнениям, Ю. С. Богданов получил ряд важных результатов по алгебре и теории функций.

В области дифференциальных уравнений ученый в 1960–1987 гг. опубликовал более 30 статей в журналах «Дифференциальные уравнения», «Доклады АН БССР», «Вести АН БССР», «Вестник БГУ». С докладами выступил на девяти всесоюзных и межвузовских конференциях по теории дифференциальных уравнений; пяти республиканских конференциях математиков Беларуси; Международном конгрессе математиков (1966); четырех республиканских конференциях математиков в Литве, Казахстане, Украине; V Международной конференции по нелинейным колебаниям (1969). Монография Ю. С. Богданова «Исследование дифференциальных систем с помощью обобщенных характеристических чисел» была издана после его смерти, в 2001 г. Всего математик опубликовал свыше 100 научных работ и учебных пособий.

Ю. С. Богданов с момента основания всесоюзного журнала «Дифференциальные уравнения» являлся членом его редколлегии. Он был также заместителем главного редактора журнала «Вестник БГУ», членом редколлегии серии 1 «Физика, математика и механика» – редактировал раздел «Математика». Выступал референтом ряда советских и зарубежных

ных математических журналов, был научным консультантом издательства «Белорусская Советская Энциклопедия». Много времени и внимания Юрий Станиславович уделял научно-организационной и научно-методической работе. Он являлся членом президиума и членом секции университетов и педагогических институтов научно-методического совета по математике при учебно-методическом управлении Минвуза СССР, заместителем председателя секции математики научно-технического совета Минвуза БССР.

Большое значение Ю. С. Богданов придавал методическому обеспечению преподавания математических дисциплин. В разное время руководил работой методических семинаров для преподавателей. С 1965 г. Юрий Станиславович являлся руководителем республиканского семинара по обыкновенным дифференциальным уравнениям. В сентябре 1976 г. при кафедре высшей математики был организован городской научно-исследовательский семинар по обыкновенным дифференциальным уравнениям. Заведующий кафедрой стоял у истоков такого направления в методике, как профессиональная направленность преподавания математики в высшей школе на факультетах нематематического профиля. На протяжении многих лет он руководил республиканским методическим семинаром преподавателей математики на факультетах нематематического профиля. 10 декабря 1980 г. Ю. С. Богданова как председателя республиканского межвузовского методического объединения преподавателей математики наградили Почетной грамотой Минвуза БССР.

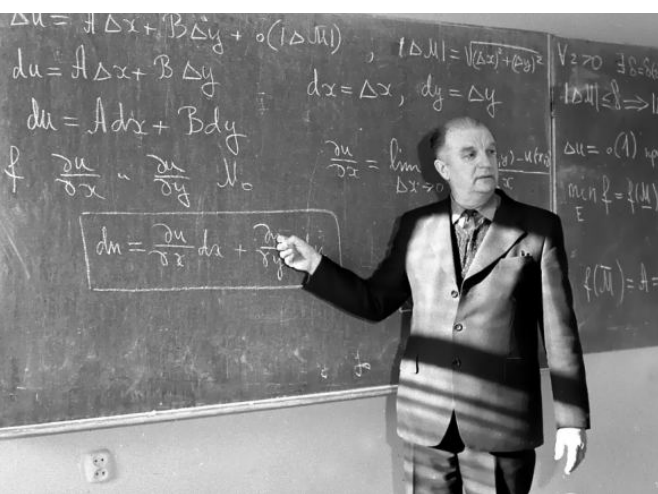
В 1970–80-х гг. регулярно проводились зональные совещания-семинары заведующих кафедрами и ведущих преподавателей математики вузов Белорусской, Латвийской, Литовской, Эстонской ССР и Калининградской области РСФСР для обмена опытом и распространения

Ю. С. Богданов выступает на республиканском межвузовском методическом объединении преподавателей математики

эффективных методик преподавания математических дисциплин в вузах. Ю. С. Богданов принимал участие в совещаниях-семинарах, он и его коллеги выступали с докладами, посвященными методическому обеспечению преподавания математических курсов в вузах БССР, методике преподавания дисциплин аналитического цикла, дисциплины «Обыкновенные дифференциальные уравнения». Взгляды Юрия Станиславовича на преподавание математики нашли отражение в учебных пособиях по математическому анализу и дифференциальным уравнениям и во многих работах методического характера. Для преподавателей математических дисциплин вузов профессор читал курс «Методика высшей математики» на факультете повышения квалификации БГУ.

Выдающегося ученого и преподавателя приглашали читать лекции в других вузах: Казахском государственном университете, Гродненском, Могилевском и Витебском пединститутах. Например, в Казахском государственном университете в начале 1974/75 учебного года Ю. С. Богданов читал лекции по специальным разделам теории дифференци-

Ю. С. Богданов читает лекцию

альных уравнений и вопросам преподавания математических дисциплин в вузе; проводил консультации для преподавателей и аспирантов; помогал школьным учителям осваивать новые программы по математике.

Большое внимание Ю. С. Богданов уделял работе с одаренной молодежью, привлечению в БГУ талантливых школьников из разных уголков Беларуси. Он один из организаторов профориентационной работы по поиску одаренных абитуриентов математической олимпиады для школьников в БССР. Многие победители олимпиады впоследствии поступили в БГУ. Один из них – выпускник средней школы из г. Слонима Ю. Б. Сыроид – стал учеником Ю. С. Богданова, защитил под его руководством кандидатскую диссертацию, остался преподавать в университете, подготовил несколько учебных пособий. Процессы обучения и воспитания Юрий Станиславович считал взаимосвязанными. Он придерживался следующего подхода: как можно больше требований к человеку и как можно больше уважения к нему. К студентам профессор относился очень доброжелательно, в каждом из них видел

личность, обращался по имени-отчеству. На экзамене ставил задачу не «двоечников ловить», а «искать отличников». Залог успеха в подготовке специалиста математик и педагог видел в том, чтобы студенты учились сами, а преподаватели им помогали. Он утверждал, что математика обладает большим воспитательным потенциалом: формирует чувство логики, многовариантность мышления, учит рассуждать строго и избирательно, учитывать все стороны явлений, вскрывать глубинные связи между различными процессами. По мнению Юрия Станиславовича, широкое распространение математического образования позволяет усилить эстетическое воздействие математики на широкую аудиторию. На факультете прикладной математики он создал студенческий кружок по математическому анализу, руководил студенческими научными работами, лучшие из которых публиковались в научных журналах. В 1973 г. на базе кафедры высшей математики прошел Всесоюзный конкурс на лучшую научно-исследовательскую работу студентов по разделу «Математические науки (в том числе прикладная математика)». Ю. С. Богданов возглавлял союзную программу по математическому анализу, инициировал командирование студентов в другие университеты. Студенты вспоминали своего учителя как замечательного лектора, конспектами занятий которого можно было пользоваться и после окончания обучения. Он излагал материал подробно и доступно, опуская для первокурсников некоторые сложные моменты, любил повторять: «Мы студентам на лекции должны говорить правду и только правду, но не обязательно всю».

Ю. С. Богданов внес значительный вклад в подготовку научных кадров в Беларуси, был членом двух советов по защите диссертаций, много внимания уделял работе с соискателями и аспирантами, подготовил 40 кандидатов и 5 докторов физико-математических наук, один

из которых – Н. А. Изобов – стал академиком НАН Беларуси. Ученики с глубоким уважением и благодарностью вспоминают своего наставника, каждый год собираясь на его могиле на Чижовском кладбище Минска.

Много сделал Ю. С. Богданов и для популяризации математической науки в республике. С 1976 г. был членом правления общества «Знание» БССР, с 1969 г. – председателем (с 1982 г. – заместителем председателя) Научно-методического совета по пропаганде физических, математических, астрономических знаний и космонавтики.

Ю. С. Богданов – человек непростой судьбы. Однако ни военные невзгоды, ни послевоенные репрессии не сломили его. Где бы ни работал, ни жил Юрий Станиславович, везде он оставлял добрую память о себе. За плодотворную работу руководство БГУ, Минвуз БССР и Республиканский комитет профсоюзов неоднократно награждали Богданова грамотами и почетными грамотами, объявляли благодарности. Ученый получил нагрудный знак «Отличник народного просвещения БССР». Он с любовью относился к Беларуси, в которой прожил почти 30 лет, где состоялась его научная карьера.

Родные, друзья и близкие, коллеги вспоминают Ю. С. Богданова как человека принципиального, с огромной внутренней силой и одновременно очень доброго, порядочного, скромного. В общении Юрий Станиславович был очень приятным человеком, умел расположить к себе. Он любил животных, в квартире всегда держал собак. После смерти породистой собаки Леки дома жили подобранные им брошенные псы. Ученого отличала интеллигентность и глубокая эрудиция. Казалось, нет такой области знаний, в которой он не разбирался бы. Из гуманитарных наук великолепно знал историю. Юрию Станиславовичу довелось быть близко знакомым с известным писателем В. Короткевичем, роман ко-

торого «Каласы пад сярпом тваім» ему очень нравился. Он очень ценил отдых на природе: прогулки по лесу, рыбалку. Научил любить лес, белорусскую природу своего сына Юрия.

С 1974 г. все свободное от работы и научных изысканий время Ю. С. Богданов посвящал внучке Насте и активно участвовал в ее воспитании (семья дочери Маши жила вместе с родителями): много читал вслух, играл, водил на прогулки. Девочка отвечала деду горячей любовью. По его примеру она увлеклась математикой, закончила факультет прикладной математики и информатики БГУ.

Тяжелым ударом для родных стал уход Юрия Станиславовича из жизни: 7 декабря 1987 г., после тяжелой болезни, не дожив одного дня до своего 67-летия, скончался этот незаурядный человек. В историю он вошел как выдающийся математик и педагог, внесший большой вклад в развитие математической науки, подготовку научных и преподавательских кадров в БССР. Идеи Ю. С. Богданова во многом определили черты и развитие современной асимптотической теории обыкновенных дифференциальных уравнений, одним из создателей которой он по праву считается. В память о выдающемся ученом-математике и педагоге в 1990 г., в честь 70-летия со дня рождения Ю. С. Богданова, была проведена первая международная математическая конференция «Богдановские чтения по обыкновенным дифференциальным уравнениям». С тех пор она организуется Министерством образования Республики Беларусь, БГУ и Институтом математики НАН Беларуси раз в пять лет.

Для своих учеников Юрий Станиславович Богданов – Ученый, Педагог, Воспитатель с большой буквы, «вся жизнь которого была и остается благороднейшим примером верного служения научной истине, справедливости и доброте».

Ольга Игоревна Ершова

Юрий Станиславович Богданов

**Основоположник белорусской
научной школы электрофизики
и исследований в области
оптической локации**

**Профессор БГУ, заведующий
кафедрой электрофизики,
член-корреспондент АН БССР**

Владимир Гаврилович ВАФИАДИ

10.01.1911 – 17.05.1986

Учение о свете – оптика – охватывает огромную совокупность разнообразных явлений от простого прямолинейного распространения света до более сложных – гало, радуга и др. В оптику (в широком смысле слова) входит изучение не только видимого света, но и невидимых лучей – инфракрасных, ультрафиолетовых, рентгеновых. Исследование природы света, его законов и свойств имеет большое значение при разработке различных приборов как для военных, так и для гражданских целей (дальномеры и высотомеры, телескопические системы, оптические прицелы, прожекторы, фотоаппараты, микроскопы, астрономические приборы и т. д.). До 1950-х гг. в БССР отсутствовали научные школы, занимавшиеся изучением этого научного направления. В 1962 г. по личному приглашению ректора БГУ А. Н. Севченко заведующим кафедрой электрофизики физического факультета университета стал доктор физико-математических наук Владимир Гаврилович Вафиади. Благодаря ему в БССР начались исследования в области оптической локации и разработка приборов по определению температур с помощью сканирующих пирометров в промышленности (биологии и медицине). В 1966 г. был избран членом-корреспондентом АН БССР. За 10 лет (1962–1972) руководства кафедрой В. Г. Вафиади сформировал белорусскую научную школу электрофизики, заложившую основы оптической локации, радиационной пирометрии, фотоэлектрической автоматики, которые успешно развиваются в БГУ и сегодня.

Владимир Гаврилович Вафиади родился в Москве 10 января 1911 г. Мать будущего ученого Наталья Павловна была дворянкой и происходила из обедневшего, но очень старого рода Дурасовых. Дед Владимира Гавриловича Павел Дурасов окончил Лесотехническую академию и работал лесничим в Вятской губернии. Его жена не была знатного происхождения, но обладала незаурядным музыкальным талантом, который передался их дочери Наталье.

Наталья Павловна получила музыкальное образование в Москве, закончила училище им. Гнесиных. В студенческие годы она, как и большинство молодых людей того времени, была увлечена новыми философскими идеями. В ее квартире часто собирались единомышленники, спорили и обсуждали запрещенную царскими цензорами литературу. Такие собрания не могли долго оставаться в тайне, и когда в дом нагрянула полиция, было найдено достаточно доказательств их «революционной деятельности». Наталья Павловна разделила бы участь политических заключенных, если бы не греческий купец Лев Вафиади. Он сказал, что запрещенная литература принесена им и хозяева дома ничего об этом не знали. Л. Вафиади был осужден и отправлен отбывать рекрутскую повинность. В благодарность за свое спасение после освобождения Вафиади Наталья Павловна приняла предложение руки и сердца и стала госпожой Вафиади. Семейная жизнь, которая проходила в Темрюке, не была счастливой. Муж-грек был очень ревнивым, устраивал скандалы и не раз гонялся за женой с ружьем. В браке родились два мальчика, но они умерли в младенчестве. Не желая мириться с такой судьбой, Наталья Павловна подала на развод. Так как развод инициировала жена, то, чтобы ей вернуть свою девичью фамилию, необходимо было получить разрешение Святейшего синода. Не желая обременять себя сложными бюрократиче-

скими процедурами, Наталья Павловна оставила фамилию мужа.

После развода Н. П. Вафиади уехала в Москву и, будучи талантливой пианисткой и педагогом, стала зарабатывать уроками музыки. Во время занятий в доме купца Гаврилы Шемшурина между хозяином дома и учительницей музыки завязался роман, результатом стало появление на свет младенца Владимира. Однако Г. Шемшурин отказался официально признать ребенка, поэтому Наталья Павловна разорвала с ним отношения и уехала в Петербург. В метрическом свидетельстве будущего академика было записано: Вафиади Владимир, а отчество не указано. После переезда в Петербург Наталья Павловна поступила в консерваторию и окончила ее, но диплома не получила. Как писал в своих воспоминаниях о матери Владимир Гаврилович, «диплома не получила, так как не смогла вставать рано, а экзамены проходили по утрам. Не от нее ли мой сын (Александр) унаследовал любовь поспать по выходным??».

Вначале мать с сыном жили на Лиговской улице, позже сняли квартиру на втором этаже дома Германа в Шувалово (в настоящее время район на севере Санкт-Петербурга). После окончания консерватории мать давала уроки музыки и работала концертмейстером в Русском музыкальном обществе. Домом в ее отсутствие управляла няня – полька Юзефа. Владимир Гаврилович нежно любил маму, в своих воспоминаниях посвятил ей много страниц, создав очень трогательный и теплый образ дорогого человека: «Память у матери была очень плохая, и, например, номера телефонов она могла запомнить только как музыкальную мелодию, в которой единица обозначалась как нота “до”, двойка “ре” и т. д. И перед тем, как подойти к телефону, она пела “мелодию номера”. Но пианисткой она была замечательной и не столько по технике, сколько по “душе” и по задушев-

ности передачи. И большое музыкальное чутье сочеталось с педагогическим талантом. <...> Меня она любила болезненно, и когда я подрос, каждая моя отлучка из дома представляла предмет беспокойства. Она была для меня самым дорогим в мире человеком».

Владимир Гаврилович имел необычайную память и сам отмечал, что первые отрывочные воспоминания о детстве у него сохранились с полутора лет. Он очень хорошо помнил момент объявления войны в 1914 г., как вечером семья наблюдала лучи прожекторов из Кронштадта. Благодаря детским воспоминаниям Владимир Гаврилович даже смог разыскать дом в Шувалово, в котором семья жила в начале Первой мировой войны. Он запомнил взрыв 14 апреля 1915 г. на Охтенском заводе взрывчатых веществ, в результате которого погиб 41 рабочий завода, пропало без вести 13 и было ранено 63. Этим взрывом завод был снесен с лица земли. В своих воспоминаниях Владимир Гаврилович писал: «...я стоял у окна и смотрел на лес, находившийся в направлении Петрограда. Вдруг из-за леса поднялось облако черного дыма, которое все поднималось и растекалось где-то очень высоко в форме гриба. Ныне я всегда вспоминаю его, когда вижу фотографии взрыва атомной бомбы».

В 1915–1916 гг. в связи с болезнью Натальи Павловны семья уехала в Евпаторию. Южный климат был благоприятен, болезнь отступила. В Евпаторию возвращались не раз, арендуя дачу вместе с семьей маминого брата Владимира Павловича. Владимир Гаврилович вспоминает: «...все дачи вокруг носили пышные названия: “Вилла Роза” и т. п. А дача, на которой мы жили, не имела названия. Я имел обычай распевать модную песенку “По улицам ходила большая крокодила...”. И вот жена Владимира Павловича, Анна Андреевна, которая хорошо рисовала, нарисовала вывеску с крокодилом

и надписью “Вилла зеленого крокодила”, чем вызвала фурор у соседних дачников». После отдыха семья отправилась к Владимиру Павловичу, который жил в Воронеже. У него была собственная химико-бактериологическая лаборатория. Вначале Наталья Павловна вместе со своей мамой, бабушкой Владимир Гавриловича, сняла меблированную квартиру в доме купца Федосеева, но в этом доме они прожили недолго и в итоге переехали на первый этаж дома Дурасовых на улице Садовой.

В это время Владимир Гаврилович заболел туберкулезом. Он вспоминал, как успокаивал его врач-фтизиатр Равич-Щербо, который жил напротив и занимался его лечением: «Вовочка, ты не бойся, мы тебя вылечим, доживешь до 70 лет, но полным никогда не будешь». Владимир Гаврилович не только выздоровел и дожил до 70 лет, но и смог покорить Эльбрус, совершив восхождение и неся на себе научную аппаратуру на высоту более 5000 метров над уровнем моря!

С началом Гражданской войны Наталья Павловна Вафияди, чтобы обеспечить семью, поступила на работу в качестве машинистки в транспортно-материальный отдел штаба 8-й Красной армии. По окончании Гражданской войны семья осталась жить в Воронеже. Наталья Павловна работала пианисткой в театре, маленький Владимир оставался дома и читал книги. Туберкулез не отступал, потому мальчик оставался на домашнем обучении. Чтобы он не отстал от школьной программы, приглашались репетиторы: два брата Паренаго – Петр Павлович и Аполлон Павлович. Аполлон Павлович ранее был в Варшаве директором техникума и преподавал все предметы, кроме чтения. Читать Владимир научился сам, еще в четырехлетнем возрасте. Французский язык преподавала мадемуазель Диманш, а немецкий – мадам Чернявская. Постепенно болезнь Владимира Гавриловича стала отступать, и он смог

В. Г. Вафиади
(фото из семейного архива)

пойти в 5-ю Советскую школу II ступени. Благодаря домашнему обучению Владимир успешно осваивал школьную программу и нередко превосходил сверстников. Вот только невзлюбил химию из-за разногласий с учительницей. Уже в 1938 г., когда была опубликована его статья «Спектры поглощения жиров в инфракрасной области» в журнале «Общая химия», он хотел послать учительнице химии отклик этой статьи, но передумал.

Учился Владимир Гаврилович хорошо, но вместо свидетельства об окончании школы получил только справку о том, что «прослушал курс школы». Он отказался сдавать на выпускных экзаменах обществоведение, так как считал, что пожилой рабочий, учитель по этому предмету, не очень культурен и не авторитет. Хотя учитель был очень добрым человеком, что уже в зрелом возрасте Владимир Гаврилович осознал и стыдился своего юношеского максимализма.

В школе Владимир Гаврилович увлекался радиолубительством и смог по описанию из журнала «Радиолубитель» сделать детекторный приемник, который на радость всех жителей двора принимал

радиостанции Москвы, Константинополя, Варшавы и других городов. Мама, увидев увлечение сына, познакомила его с балериной Л. Н. Боровской, муж которой, Эдуард Вильгельмович, был крупным специалистом по локомотивам, страстным радиолубителем и даже читал для радиолубителей лекции в городе. Это знакомство определило жизненный путь Владимира Гавриловича. После окончания школы он поехал в Ленинград и попытался поступить в чертежно-конструкторский техникум, но не был принят, так как не имел трудового стажа на заводе. Вернувшись в Воронеж, он поступил в заочную двухгодичную чертежно-конструкторскую школу Ленинградского отдела народного образования. Из-за длительной болезни прошел обучение экстерном, причем освоил двухгодичный курс за полгода и получил диплом чертежника-конструктора. Однако в Воронеже найти работу не удалось (Владимир Гаврилович отмечал, что на его очевидные конструкторские способности возможным работодателям было «начхать»). В это время работу можно было получить только через биржу труда. Лишь с помощью знакомых Натальи Павловны в 1930 г. В. Г. Вафиади был принят чертежником на машиностроительную станцию Воронежского института механизации и электрификации сельского хозяйства. Одновременно заочно Владимир Гаврилович учился на физическом факультете Института повышения квалификации кадров народного образования. Он вспоминал: «...работа была чудесной. Мне было поручено снимать точные чертежи с прилагаемых сельхозмашин до их испытания и после проведения испытаний. И коллектив станции был чудесный. Начальник был добрый, культурный, внимательный. Его жена сияла добротой. Помощник или заместитель его, Баневич, тоже был очаровательным человеком». Вскоре, когда при станции было образовано чертежно-проектное бюро, молодой

специалист был назначен его начальником. На машиноиспытательной станции Владимир Гаврилович проработал около полутора лет.

В Воронеже проявилась многогранность характера и устремлений В. Г. Вафиади. Он страстно увлекался шахматами и даже организовал шахматный турнир профсоюзов работников искусства. Захватила его и филателия, да так, что он был избран секретарем воронежского общества «Юный филателист». Но, наверное, самым любимым из всех увлечений был авиамоделизм. Владимир Гаврилович вспоминал: «...вся моя комната была обвешена бумажными планерами-моделями самолетов различных типов. Я пускал их с крыши нашего двухэтажного дома. Летали они хорошо, хотя и без мотора. Делали в воздухе почти все фигуры высшего пилотажа». Даже в зрелом возрасте он сохранил эту страсть к познанию окружающего мира и с большим увлечением собирал коллекцию бабочек.

Непреодолимой страстью В. Г. Вафиади оставались книги, ведь они расширяли познания, давали возможность к самосовершенствованию. Например, по книгам юноша освоил все стили плавания, научился приемам джиу-джитсу. Правда, как в своих воспоминаниях отмечал Владимир Гаврилович, он предпочитал спорт не как соревнование человека с человеком, а как соревнование человека с природой. И приводил пример: «Я даже участвовал в установлении своеобразного мирового рекорда – измерение содержания озона в воздухе, на высшей точке, на которую удалось поднять аппаратуру не средствами авиации, а на “своем горбу”».

Однако не увлечением, а настоящей мечтой жизни было получить высшее физическое образование и стать ученым-физиком. В 1931 г. В. Г. Вафиади вновь решил ехать в Ленинград, где работали известные советские физики, хотя на слуху у молодого человека «из глубинки» было только имя А. Ф. Иоффе, работав-

шего в Физико-техническом институте. Однако попасть к нему не удалось, зато Владимир Гаврилович получил рекомендательное письмо от начальника машиноиспытательной станции к профессору Александру Антоновичу Добиашу, работавшему в Воронежском (ранее Дерптском) университете, затем переехавшему в Ленинград. Профессор работал в Военно-медицинской академии и в Государственном оптическом институте (ГОИ) и принял воронежца на должность лаборанта в Оптический институт.

В Государственном оптическом институте А. А. Добиаш руководил сектором пирометрии. Это направление связано с процессом варки оптического стекла. Профессор был очень удивлен, когда узнал, что Вафиади, еще будучи в Воронеже, прочитал книгу по спектроскопии и знаком с монохроматором. И принял решение, что лаборант будет отвечать за направление работы, связанное со спектрометром. Владимир Гаврилович впоследствии очень тепло отзывался о своем наставнике, отмечая его не только глубокие познания, но и такт, доброжелательность («...идя по коридору института, он всегда здоровался, подавая руку младшим»). А. А. Добиаш читал лекции в Военно-медицинской академии и поручал своему лаборанту готовить демонстрации к лекциям. Владимир Гаврилович вспоминал: «Он был, пожалуй, непревзойденным мастером лекционных экспериментов. Особенно мне запомнилась подготовка демонстрации распределения узлов и пучностей вдоль катушки самоиндукции... Все шло благополучно, пока мы работали с замкнутым контуром, на который разряжалась лейденская банка. Затем Александр Антонович переключил контур на разомкнутый и опять своей вакуумной указкой продемонстрировал перераспределение напряжения. После этого я взялся за конец катушки и... получил страшный удар от лейденской банки, заряженной до 150 киловольт! Я, разуме-

ется, лишился сознания, и когда я очнулся, я лежал на спине, а надо мной стоял Александр Антонович, задумчиво жевал бороду и, очевидно, соображал, звать ли врачей или санитаров для выноса моего тела в морг. А быть может, просто соображал, почему меня так трянуло. Скорее – последнее, потому что, когда я пришел в себя, он изложил мне разницу между замкнутым контуром и разомкнутым, спросил, могу ли я ходить, и отпустил домой. И я целую неделю спал. Впоследствии мне часто приходилось попадать под напряжение (разумеется, более низкое) и всегда после удара хотелось спать... Позже я узнал, что мою работу в ВМА Александр Антонович оплачивал из своего кармана».

Владимир Гаврилович продолжил обучение на физическом факультете Ленинградского государственного университета, однако, как он сам писал, не совсем успешно: «Учение шло плохо, так как в ГОИ я получил интересную самостоятельную работу и вскоре начал публиковать результаты своих работ». В этот период Владимир Гаврилович сделал свое первое изобретение – пирометр с исчезающей неравномерно-накаленной нитью. В № 9 за 1933 г. журнала «Заводская лаборатория» была опубликована его первая научная статья в соавторстве с А. А. Добиашем, в которой описывался принцип действия прибора. Это изобретение для бесконтактного измерения температуры имело большое значение для промышленности. Однако вскоре профессора Добиаша не стало: в высоких генеральских сапогах он растер себе ногу, запустил болезнь и погиб от гангрены.

К этому времени из Англии вернулся Александр Алексеевич Лебедев. В 1930–1931 гг. он девять месяцев находился в Англии на стажировке в Фарадеевской лаборатории под руководством профессора У. Брэгга (The Davy Faraday Research Laboratory by Royal Institution

of Great Britain, London). Незадолго перед тем были опубликованы работы Дж. П. Томсона и А. Рида, показавшие существование дифракции электронов. А. А. Лебедевым была предложена оригинальная схема, подразумевавшая фокусировку на фотопластинке магнитным полем пучков электронов, дифрагированных в кристалле. Как впоследствии рассказывал сам Александр Алексеевич, когда однажды зашедшему в лабораторию Дж. Чедвику сообщили об этой затее, тот, немного подумав, заявил: «Ничего из этого не выйдет». Но через полгода в журнале Nature была опубликована статья А. А. Лебедева с описанием опыта с фокусировкой электронных пучков магнитной линзой с экспозицией в несколько секунд. В 1930-е гг., работая в Англии, в знаменитой Кэвендишской лаборатории, он впервые создал электронограф (прибор для структурного анализа материалов методом дифракции электронов) с фокусирующей электромагнитной линзой. Эта работа до сих пор цитируется в авторитетнейших физических журналах, а приоритет А. А. Лебедева никем не оспаривается.

В ГОИ в это время работало около 2000 человек. Все сотрудники были оптиками и конструкторами. Знавших радиотехнику было только 3 человека, и Владимир Гаврилович был одним из них. Чтобы развивать актуальное направление оптоэлектроники, А. А. Лебедев пригласил в институт специалистов, и число «радистов» стало расти. Основателем ГОИ был академик Дмитрий Сергеевич Рождественский – крупнейший ученый, человек высокой принципиальности, великолепный оратор. Все сотрудники ГОИ боготворили Дмитрия Сергеевича, поэтому известие о его самоубийстве стало ужасным потрясением. Он покончил с собой выстрелом из винтовки, к которой приспособил устройство, позволявшее произвести выстрел движением ноги. После смерти Д. С. Рождественского ру-

ководителем института был приглашен из Москвы академик Сергей Иванович Вавилов. Он сразу завоевал в институте всеобщие любовь и уважение.

В 1933 г. группа ленинградских ученых – физиков и биологов – организовала комплексную экспедицию на гору Эльбрус. По мысли инициаторов, экспедиция должна была объединить все научные проблемы, так или иначе связанные с необходимостью работы на большой высоте: исследование космических лучей, проблемы атмосферной оптики и актинометрии, изучение облаков, горного климата, различные вопросы высотной физиологии, исследование горной болезни, наблюдения за радиосвязью в горах и т. п.

Эльбрусская комплексная экспедиция АН СССР началась в 1934 г. Программа работ, составленная под руководством С. И. Вавилова и А. Ф. Иоффе, была утверждена Президиумом АН СССР. У истоков организации Эльбрусской экспедиции стояли такие выдающиеся деятели науки, как академики Г. М. Франк и И. М. Франк, А. А. Лебедев и П. А. Черенков и др.

В. Г. Вафиади был в числе первых ученых, которые на базах «Старый Кругозор» и «Приют девяти» (от 3 до 4,25 тыс. метров над уровнем моря) под руководством А. А. Лебедева проводили исследования излучения Солнца. Лагерь состоял из нескольких палаток, приборы размещались под фанерными навесами. Во время бурана приходилось греться в маленьком домике для зимовки. Многодневная работа группы оптиков под руководством В. В. Балакова, измерявших оптическим методом содержание озона в приземном слое, требовала невероятных усилий ученых, проверки их физической выносливости. Несмотря на сильный ветер, борясь с приступами горной болезни, В. В. Балаков, В. Г. Вафиади и С. С. Кривич поднялись на восточную вершину, установили спектрограф и сделали несколько снимков пиротехниче-

В. Г. Вафиади во время работы
в Государственном оптическом институте

ских вспышек. Ряд научных экспериментов был поставлен на высочайшей точке Европы – вершине Эльбруса, где В. Г. Вафиади с коллегами проводил опыты по оптическому измерению озона в приземном слое. Именно на Эльбрусе ученые разработали и опробовали оптические методы исследования атмосферы, впоследствии эти методы нашли широкое применение в СССР и за рубежом. Были сделаны такие открытия, как оптический эффект аномальной прозрачности атмосферы при низком Солнце, суточные вариации свечений ночного неба, инфракрасное излучение Млечного Пути. К выдающимся достижениям в области изучения строения и оптических свойств атмосферы следует также отнести обнаружение в атмосфере на высоте 70–100 километров слоя паров натрия, измерение спектральной прозрачности туманов, определение спектральной толщины озонного слоя в стратосфере.

Результаты опытов В. Г. Вафиади, проведенных на Эльбрусе, опубликованы в 1936 г. в «Трудах Эльбрусской экспедиции» в виде двух статей (в соавторстве): «Измерение концентрации атмосферного озона методом поглощения ультрафиоле-

Жена В. Г. Вафиади Марианна

товых лучей» и «Попытка обнаружения солнечной радиации в крайней инфракрасной области спектра».

Опыты, проведенные в Эльбрусской экспедиции, позволили в 1936 г. А. А. Лебедеву, В. Г. Вафиади и В. В. Балакову создать первый в мире фазовый светолокационный дальномер, определяющий расстояние с помощью светового луча. Это послужило основой становления и развития оптической локации задолго до появления первых радиолокаторов (за рубежом первый светодальномер был разработан в Швеции в 1943 г.). Работа молодых советских ученых утвердила принципиально новое направление в дальнометрии, оно получило дальнейшее развитие в трудах В. Г. Вафиади и его учеников.

Последующие 30 лет жизни Владимира Гавриловича связаны с Государственным оптическим институтом. Он прошел путь от лаборанта до научного сотрудника и заместителя начальника научного отдела. В стенах института В. Г. Вафиади в 1935 г. познакомился с Марианной Петровной Бухман, которая стала его женой.

С 1936 г. ГОИ был введен в состав Всесоюзного объединения оптико-

механической промышленности и занялся разработкой вооружения: оптических визиров, стереоскопических дальномеров, перископов, прожекторов и др. В до-революционной России не было своего оптического приборостроения – оптику покупали за рубежом. Даже бинокли и стереотрубы собирали по чужим чертежам и из импортных деталей. Первая мировая война показала значение этих важнейших приспособлений для артиллерии, танков, снайперских винтовок и т. д. Государственный оптический институт стал одним из основных предприятий оборонной промышленности. К началу Великой Отечественной войны оптическая промышленность представляла уже развитую отрасль народного хозяйства и промышленности вооружения. Однако с 1941 г. пришлось свернуть фундаментальные исследования, и лаборатория, в которой трудился Владимир Гаврилович, стала заниматься разработкой и усовершенствованием приборов для прицельной артиллерийской стрельбы. ГОИ был эвакуирован в Йошкар-Олу. В Ленинграде осталась лишь небольшая часть научных сотрудников, они обслуживали нужды фронта и Балтийского флота (ремонтировали приборы, занимались маскировкой, демаскировкой и т. п.). Работа ГОИ была строго засекречена. Можно лишь предположить, что основными направлениями деятельности В. Г. Вафиади были оптическая локация и инфракрасные оптические приборы.

В 1944 г., несмотря на отсутствие диплома о высшем образовании, с разрешения Высшей аттестационной комиссии Владимир Гаврилович сдал кандидатские экзамены и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Импульсный прожектор-дальномер». Результатом диссертации стало создание первого импульсного светолокатора с магнетострикционным затвором. Позже физические основы в области оптической локации были обобщены В. Г. Вафиади

и Ю. В. Поповым в монографии «Скорость света» (1970).

По окончании войны Владимир Гаврилович Вафиади руководил группой исследователей, занимавшихся инфракрасным излучением и разработкой первых отечественных электронно-оптических преобразователей. Ученые выезжали в Германию для изучения опыта фирмы «Цейс» (Zeiss) по созданию инфракрасных оптических приборов (в частности, головок самонаведения ракет ФАУ). В 1948–1960 гг. В. Г. Вафиади был сделан значительный вклад в науку и технику в области физики и техники инфракрасных лучей и оптико-электронного приборостроения. Под его научным руководством в эти годы на заводах оптико-механической промышленности были освоены в серийном производстве авиационные тепlopеленгаторы, головки самонаведения и др. Так, он спроектировал тепlopеленгаторную станцию «Астра-2» по обнаружению кораблей по их собственному тепловому излучению в ночное время. Таких станций в СССР было изготовлено всего шесть единиц. Одновременно ученый работал консультантом в Центральном проектно-конструкторском бюро Красногорского механического завода.

Кроме военной техники Владимир Гаврилович занимался разработкой техники для гражданских целей. Благодаря его исследованиям были сконструированы первый медицинский тепловизор, несколько типов световых дальномеров, нашедших применение в геодезии и строительном деле, первые в стране образцы приборов инфракрасной воздушной разведки местности. Физик-практик в 1944–1960 гг. совмещал работу в ГОИ с преподаванием в Ленинградской военно-воздушной инженерной академии им. А. Ф. Можайского, где заведовал кафедрой инфракрасной техники, подготовил и опубликовал учебные пособия «Введение в технику инфракрасных

лучей» (1952) и «Руководство к лабораторным работам по курсу “Авиационная светотехника и инфракрасная техника”» (1955).

В 1951 г. в семье Вафиади родился сын Александр, который в будущем, как и отец, посвятил всю свою жизнь физике и работал в ГОИ.

С конца 1950-х гг. сотрудники ГОИ активно включились в космические программы. Уже в мае 1958 г. на искусственном спутнике Земли № 3 был размещен прибор для измерения рентгеновского излучения Солнца. Под руководством В. Г. Вафиади были созданы приборы для систем ориентации космических аппаратов. В 1962 г. Владимир Гаврилович защитил докторскую диссертацию на закрытую тему. В этом же году, получив приглашение ректора Белорусского государственного университета А. Н. Севченко, он принял решение вместе с семьей переехать в Минск и возглавить кафедру электрофизики физического факультета. С приходом В. Г. Вафиади впервые в БССР начались исследования по определению температур с помощью сканирующих пирометров в промышленности

В. Г. Вафиади с коллегами

В. Г. Вафиади, ректор А. Н. Севченко и проректор С. А. Умрейко на встрече с гостями БГУ. Конец 1960-х гг.

(биологии и медицине) и были развернуты исследования по оптической локации.

На протяжении 1962–1972 гг. Владимир Гаврилович, как заведующий кафедрой, уделял большое внимание организации учебной и научной работы, обеспечивая подготовку по впервые введенной в университете специальности «радиофизика и электроника». На кафедре стали развиваться новые научные направления: оптическая локация, радиационная пирометрия, фотоэлектрическая автоматика. В 1964–1970 гг. под руководством Владимира Гавриловича выполнялось научное исследование «Разработка методики применения сканирующих пирометров низких температур в промышленности» (совместно с Л. Ф. Корзуном, И. Г. Леоновым, Г. Н. Цехановским, Э. Н. Александровой). В результате была составлена новая схема сканирующего пирометра, которая дала возможность упростить прибор, снизить его стоимость. Разработанная методика автоматического учета излучательной способности позволила прописать рекомендации, которые использовали при создании скани-

рующего пирометра в Государственном оптическом институте им. С. И. Вавилова в Ленинграде. В БГУ был построен макет сканирующего пирометра с индикатором на основе фотолюминесценции и получено авторское свидетельство на изобретение (решение о выдаче свидетельства принято в 1967 г.). Результаты заинтересовали ряд организаций, в том числе АН БССР, Минский тракторный завод и др. В рамках этой темы была разработана методика оценки качества холодильных агрегатов бытового компрессорного холодильника и выдано задание на проектирование цехового прибора для контроля качества продукции Минского завода холодильников. Для Минского радиозавода была выполнена разработка методики и прибора контроля за нагревом ситаловых подложек микроминиатюрных схем.

В рамках НИР кафедры электрофизики БГУ по теме «Исследование методов модуляции и демодуляции света» был разработан и построен макет измерителя глубины модуляции света с помощью электронно-оптического преобразователя с линейной разверткой изображения, примененный для исследования дифракционного модуля света на частоте 10 МГц. По заданию ГОИ им. С. И. Вавилова университетские физики создали макет геодезического дальномера. В 1971 г. кафедра во главе с В. Г. Вафиади разработала рекомендации по применению гетеродинного способа приема для измерения глубины модуляции и фазы модулированного излучения полупроводниковых источников на основе арсенида галлия в диапазоне СВЧ.

Благодаря Владимиру Гавриловичу в работе кафедры начало развиваться новое направление – астрофизика. В 1965 г., в соответствии с приказом ректора БГУ, ученый-физик был назначен на должность руководителя Минской станции наблюдения за искусственными спутниками Земли. В рамках НИР «Фотоэлек-

трические методы измерения в астрофизике» была разработана схема переделки ИК-сканирующего радиометра для исследования излучения поверхности моря с вертолета. Также производились измерения небесных тел – радиометром сканировалась Луна, что дало необходимые сведения о чувствительности прибора. В 1971 г. кафедрой электрофизики физического факультета БГУ и Крымской астрофизической обсерваторией АН СССР была изготовлена и испытана фотоэлектрическая приставка к телескопу, предназначенная для наблюдения и фотометрирования небесных объектов, разработаны рекомендации по построению фотоэлектрических приставок к телескопам для поиска и фотометрирования излучения «темных» звезд.

Кафедра электрофизики во главе с В. Г. Вафияди выполняла заказы для оборонной промышленности. Например, в конце 1964 г. под руководством профессора были начаты совместные исследования по закрытой хоздоговорной теме с московским НИИ-244 Министерства радиотехнической промышленности СССР, который разрабатывал радиолокационные станции обнаружения низколетящих целей. Итогом исследований стало авторское свидетельство на изобретение и внедрение его в военной промышленности, публикация статьи в закрытом журнале.

Под руководством Владимира Гавриловича при кафедре организовали учебные лаборатории автоматики, антенно-фидерных устройств, усилительных и приемных устройств. Ученый считал, что настоящий физик должен с самого начала своего обучения выполнять научные исследования. С его приходом в БГУ практика студентов приобрела не формальный, а прикладной характер. В. Г. Вафияди оставлял большинство студентов проходить практику на кафедре, где для них были организованы небольшие мастерские. Обучающиеся изготов-

ливали оборудование для проведения опытов по физике, в том числе для средних школ. В 1964–1965 гг. для студентов была создана научно-исследовательская лаборатория (СНИЛ) из 19 человек, во главе которой находился научный совет, возглавляемый В. Г. Вафияди. Лаборатория выполняла заказы автомобильного завода и изотопного центра. В частности, членами лаборатории был разработан автоматический счетчик мелких деталей. Научная деятельность СНИЛ велась как в теоретическом, так и прикладном направлении. Приборы, которые разрабатывались студентами под руководством В. Г. Вафияди, были востребованы в различных отраслях промышленности. Так, в 1966–1967 гг. студенты СНИЛ создали прибор для регистрации спектров поглощения ураниловых кристаллов, сканирующий пирометр для слежения за температурным режимом образцов, приставку к контактному термометру, счетчик мелких деталей, низковольтный блок питания. Особым своим достижением Владимир Гаврилович считал тот факт, что треть студентов, обучавшихся на кафедре, были задействованы в исследованиях.

В БГУ профессор читал курс «Автоматические устройства» и спецкурсы «Фотоэлектрическая автоматика»

В научной лаборатории БГУ. 1970-е гг.

Владимир Гаврилович Вафияди

и «Электронная оптика», также общие курсы – «Физика космоса» и «История физики». В статье, посвященной 60-летию юбилею ученого, опубликованной в газете «Вечерний Минск», отмечалось: «Этот человек принадлежит к числу тех преподавателей, лекции которых неизменно собирают полную аудиторию. Об эрудиции профессора Вафииды ходят легенды. Некоторые из них, возможно, придуманы студентами, но большинство имеет вполне реальные основания».

В. Г. Вафиида проявил себя не только талантливым ученым, но и заботливым и тонким педагогом. Он с большим вниманием относился к студенческим научным работам и являлся руководителем большинства курсовых работ, выполнявшихся на кафедре (например, в 1964 г. их было 22!). Владимир Гаврилович последовательно и системно возвращал молодые кадры исследователей: под его руководством были защищены 9 кандидатских диссертаций. Например, кур-

совая, затем дипломная работы и далее кандидатская диссертация его ученика И. Г. Леонова были сориентированы на разработку неконтактных методов измерения температуры и визуализации температурных полей и применение их в народном хозяйстве. В настоящее время эти методы и средства (современные тепловизоры) используются для измерения распределения температуры на поверхности в различных отраслях – машиностроении, медицине, строительстве.

В те годы коллектив преподавателей кафедры состоял из семи человек. Заведующий кафедрой активизировал подготовку защит их кандидатских диссертаций: степень кандидата наук получили Е. Г. Мартинков, М. Я. Резников, И. Г. Леонов, О. П. Кузнечик, Л. Ф. Корзун, А. Ф. Шилов, Б. Ю. Ханок. Под руководством В. Г. Вафииды успешно защитил кандидатскую диссертацию вьетнамский аспирант Кхонг Динь Хонг и аспирант из Ганы Джон Флетчер. За выдающиеся заслуги в преподавательской и научной деятельности в 1964 г. ученому было присвоено звание профессора. За время работы Владимира Гавриловича заведующим кафедрой в БГУ (по 1972 г.) некоторые научные проблемы определились в качестве самостоятельных направлений исследований. Так, на основе лаборатории В. Г. Вафииды были созданы три новые лаборатории – автоматики, антенно-фидерных устройств, усилительных и приемных устройств.

По воспоминаниям учеников, защитивших диссертации под непосредственным руководством В. Г. Вафииды, он был очень скромным, простым в общении, глубоко культурным и знающим человеком. Оценки Владимира Гавриловича всегда были взвешенными и профессиональными. Ему, как истинно крупному ученому, не свойственна была зависть к чужим научным достижениям, он сразу видел научную ценность работ коллег и всегда поддерживал их. Например, по

В. Г. Вафиида и проректор по научной работе БГУ Л. В. Володько с зарубежными коллегами. Начало 1970-х гг.

воспоминаниям С. А. Грибова (ученик Б. И. Степанова – другого выдающегося физика БГУ), в то время, когда он защищал кандидатскую диссертацию, был озвучен безосновательный отрицательный отзыв. Несмотря на аргументированный ответ на замечания, совет такую диссертацию намеревался отклонить. Однако В. Г. Вафиади, который входил в совет по защите, сказал, что, по его наблюдению, этот оппонент пишет негативные отзывы только на хорошие работы. Поэтому предложил негативный отзыв засчитать за два положительных. И при общем смехе совет принял положительное решение.

Основные результаты научно-педагогической деятельности В. Г. Вафиади в БГУ нашли отражение в учебном пособии по фотоэлектрической автоматике, в сборнике «Радиационные измерения температур слабонагретых тел», в многочисленных статьях и докладах. Университетский профессор был членом редколлегии «Журнала прикладной спектроскопии», первым главным редактором журнала «Вестник Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина. Серия 1, Физика. Математика», чле-

ном нескольких советов по присуждению ученых степеней и званий, активно работал в обществе «Знание».

В 1966 г. В. Г. Вафиади был избран членом-корреспондентом АН БССР. В рекомендации к избранию, подписанной А. Н. Севченко и В. И. Степановым, отмечалось, что «большая требовательность к себе и другим, скромность, искреннее стремление передать свой богатый научный опыт молодежи, большие организаторские способности – неотъемлемые черты тов. Вафиади В. Г., которые снискали к нему глубокое уважение всех членов коллектива университета».

Большие заслуги В. Г. Вафиади в научной, педагогической и общественной деятельности были отмечены правительственными наградами: орденом «Знак Почета», медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «В память 250-летия Ленинграда», «За доблестный труд» и др., Почетной грамотой Верховного Совета БССР. Ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки и техники БССР».

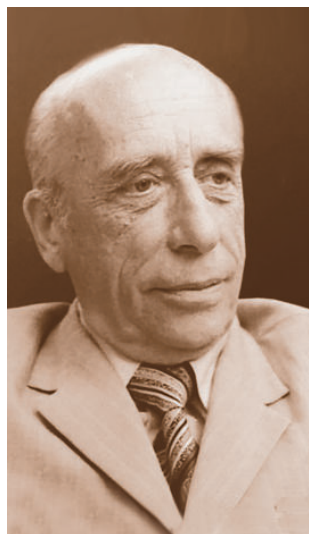
Татьяна Дмитриевна Гернович

**Ученый-биолог
с мировым именем,
основатель белорусской научной
гидробиологической школы**

**Доктор биологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
зоологии беспозвоночных БГУ,
член-корреспондент АН СССР**

Георгий Георгиевич ВИНБЕРГ

31.05.1905 – 23.06.1987

В качестве председателя лимнологической секции Советского национального комитета по Международной биологической программе (МБП), а затем и председателя секции продуктивности пресных вод МБП Георгий Георгиевич Винберг сыграл исключительно важную роль в разработке общих основ программы по изучению продуктивности пресноводных сообществ в различных зонах СССР и мира (1965). В области лимнологии ученый разработал энергетический подход к количественному изучению биотического круговорота в водоемах. Существенное значение имеет создание принципиальной математической модели водной экосистемы, основанной на энергетическом подходе. Г. Г. Винберг – автор измерений фотосинтеза и дыхания методом темных и светлых склянок. В его работах теоретические вопросы гидробиологии тесно связаны с практическим использованием водоемов. Профессор БГУ написал несколько монографий и множество статей. Некоторые из монографий переведены на английский язык и изданы в США.

За большой вклад в развитие науки и подготовку кадров высокой квалификации Г. Г. Винберг награжден двумя почетными грамотами и грамотой Верховного Совета БССР. Международной ассоциацией теоретической и прикладной лимнологии за достижения в области гидробиологии и развития теории продуктивности водных экологических систем в числе немногих исследователей он удостоен самой почетной награды – медали Тинемана – Наумана.

Винберги – русский род шведского происхождения. Прадед ученого – бывший шведский подданный Фридрих (Федор). Адольф Христофоров, сын Федора Винберга, принял присягу на российское подданство в Санкт-Петербургском губернском правлении 10 августа 1822 г. В постановлении магистрата г. Выборга отмечено, что он был включен в число граждан и купцов. Отец Г. Г. Винберга Георгий Федорович служил в государственном банке. Он женился на гувернантке детей своей сестры Анны – Марте Генриховне Капп – француженке, родившейся в Швейцарии и приехавшей в 18-летнем возрасте в Россию. О ней Анна писала: «Мадемуазель Марта Капп была при моих детях в качестве гувернантки с осени 1892 года и до нижеподписанного числа, оставив свое место по собственному желанию перед отъездом нашим из Петербурга. М-ль Капп выучила детей моих говорить по-французски и дала им первоначальное обучение. Во время пребывания в нашем доме м-ль Капп выказала себя серьезною и прекрасно воспитанною девушкою, безукоризненного образа действий, и заслужила полную нашу признательность за данное детям хорошее направление».

31 мая 1905 г. в Санкт-Петербурге у супругов родился сын Георгий (в семье было еще два ребенка – Борис и Ирина). Мальчик получил блестящее домашнее образование: в совершенстве владел французским языком, свободно говорил на английском и немецком (в будущем предпочитал выступать за границей с научными докладами на французском языке).

В связи с назначением Георгия Федоровича заведующим учетным отделением Московской конторы Госбанка в 1910 г. семья переехала в Москву и поселилась в районе Хлебного переулка. Это известное место: в разное время здесь жили композитор А. Н. Скрябин, врач-психиатр, исследователь патоло-

гий психики и гипноза П. Б. Ганнушкин и другие представители российской интеллигенции (сегодня это элитный центр Москвы, в 1997 г. переулок вошел в состав заповедной территории «Поварская – Большая Никитская»). Знание языков, высокий профессионализм, опыт Георгия Федоровича были востребованы и советской властью. Его привлекали к изучению финансовых претензий Германии к России. Однако он не избежал участи многих представителей «старой» интеллигенции в условиях революционного времени. Работая в правлении Московского общества взаимного кредита, Г. Ф. Винберг в 1928 г. вместе с членами правления был арестован и приговорен по статье 58-7 УК РСФСР (экономическая контрреволюция) к расстрелу с конфискацией имущества. Приговор был заменен на 10 лет лишения свободы и поражение в правах сроком на 5 лет. Георгий Федорович через 9 месяцев заключения, половину из которых провел в тюремной больнице, был условно-досрочно освобожден по состоянию здоровья. Однако пенсия по инвалидности ему была отменена. Почти до самой смерти в 1938 г. он безуспешно боролся за ее восстановление.

С детства у Георгия Георгиевича проявилась страсть к биологии. Впоследствии он говорил: «Не помню себя не биологом». Будущий ученый уже подростком организовал домашний биологический кружок, свободное владение языками дало возможность читать в оригинале многотомную «Жизнь животных» А. Брема. После окончания 10-й опытно-показательной школы с уклоном естественных наук в 1922 г. Г. Г. Винберг планировал поступать на биологическое отделение физико-математического факультета МГУ. Но поступил Георгий Георгиевич в новое советское учебное заведение, которое называлось «2-й Московский государственный университет» (бывшие Московские Высшие женские

курсы). Курс зоологии беспозвоночных читал выдающийся биолог Н. К. Кольцов, лекции которого пользовались большой популярностью среди студентов 1-го и 2-го МГУ. Став уже известным ученым, бывший студент с теплотой и глубоким уважением вспоминал о своем наставнике: «Николай Константинович спрашивал, какой иностранный язык вы знаете. Если он слышал ответ, что вот, не знаю, тогда говорил: выучите и через год приходите... И люди учили, приходили... Сам Николай Константинович после своих лекций постоянно заходил на практикум и беседовал со студентами. Очень существенно, характерно и знаменательно, что он не беседовал с группой студентов. Он беседовал с КАЖДЫМ студентом. Подсаживался к нему и спрашивал – что у вас нового, какой вы препарат сделали... Это уже тогда создавало уважение к СПЕЦИАЛИСТУ, пусть и студенту, но который уже работает».

Молодому студенту удавалось слушать лекции по зоологии беспозвоночных и в 1-м МГУ. Их читал давно работавший там и пользовавшийся большим авторитетом профессор Г. А. Кожевников, его ассистентами были Л. А. Зенкевич и В. В. Алпатов. В 1924 г. Г. Г. Винберг смог перевестись на биологическое отделение физико-математического факультета 1-го МГУ (во 2-м МГУ официально биологического факультета не было). После окончания в 1927 г. университета по специальности «физико-математическая биология» будущий ученый поступил в аспирантуру Института зоологии МГУ. Георгий Георгиевич поддерживал тесные контакты со своим наставником Н. К. Кольцовым, который в то время возглавлял Институт экспериментальной биологии. Руководителем аспиранта стал заместитель Н. К. Кольцова Сергей Николаевич Скадовский – зоолог, гидробиолог, проявлявший большой интерес к физиологии. Георгий Георгиевич рассказывал в своих воспоминаниях об удивительной

атмосфере в институте, которая оказала огромное влияние на формирование его личности, развитие таланта ученого.

С. Н. Скадовский был организатором знаменитой Звенигородской биостанции МГУ на Москве-реке. Он называл ее «гидрофизиологической», что соответствовало новому направлению в гидробиологии. Сергей Николаевич был одним из первых, кто исследовал воздействие среды (физические и химические условия данного конкретного места обитания, pH, температура, электропроводность, содержание кислорода, углекислоты и т. д.) на водные организмы. В 1925 г. Георгий Георгиевич Винберг был в числе трех аспирантов, которые начали исследования на Звенигородской станции под руководством С. Н. Скадовского. Результаты молодой ученый опубликовал в 1928 г. в сборнике «Применение методов физической химии к изучению биологии пресных вод». В этот период были заложены основы научных интересов Георгия Георгиевича, соединившие эколого-физиологические и гидробиологические исследования, началась и педагогическая деятельность. Г. Г. Винберг стал читать курс в педагогическом техникуме им. Профинтерна, в Институте повышения квалификации кадров народного образования, в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской.

После окончания аспирантуры в 1930 г. Г. Г. Винберг работал ассистентом кафедры общей биологии 2-го Московского мединститута. По совместительству заведовал санитарно-гидробиологическим отрядом Тропического института, который по заданию Днепростроя изучал водохранилища электростанций. Исследовательская деятельность продолжилась и в лаборатории общей биологии Института профзаболеваний под руководством Эрвина Семеновича Бауэра (автор широко известной книги «Теоретическая биология», 1935 г.). Результатом работы у Э. С. Бауэра стало участие Георгия Ге-

оргиевича в создании первого советского учебника по общей биологии для высших учебных заведений («Общая биология» под редакцией Э. С. Бауэра, 1935 г.), где Г. Г. Винберг написал разделы, посвященные обмену веществ и генетике, а в разделе об эволюции – главу о современном положении эволюционной теории.

В 1934 г. Г. Г. Винберг возглавил лабораторию лимнологической станции в Косино, организованную по инициативе А. Г. Кожевникова еще в 1908 г. Здесь под руководством Л. Л. Россолимо им были выполнены фундаментальные исследования по биотическому балансу озер. Впервые в мире была рассчитана годовая первичная продукция (т. е. продукция автотрофов) для всего озера. В США данные исследования провел ученик Дж. Хатчинсона Г. Райли на озере в Коннектикуте лишь спустя три года. Г. Г. Винберга очень волновал вопрос о первенстве и самостоятельности американских коллег в исследованиях. Отчеты и статьи о деятельности станции в Косино публиковались ежегодно на немецком и английском языках. Однако в публикациях Г. Райли ссылок на работы Георгия Георгиевича не было. Только в 1970-х гг. Дж. Хатчинсон признал приоритет советских исследователей из косинской биостанции.

За серию работ в области изучения количественного баланса органических веществ в озере и физиологии отдельных видов беспозвоночных в 1938 г. без защиты диссертации ученым советом МГУ по совокупности работ Г. Г. Винбергу была присуждена ученая степень кандидата биологических наук по специальности «гидробиология». По воспоминаниям ученика Георгия Георгиевича Н. В. Шадрина – сотрудника Института биологии южных морей им. А. О. Ковалевского (г. Севастополь), Г. Г. Винберг был знаком с В. И. Вернадским. Встреча двух великих ученых состоялась в 1937 г., на ней они не сошлись во мнении: «Важ-

Георгий Георгиевич с женой
Софьей Ивановной.
Начало семейной жизни. 1935 г.

ности изучения энергетического обмена организмов В. И. Вернадский не смог понять, несколько раз переспросив, обмен какого химического элемента имеется в виду. Когда Г. Г. Винберг рассказывал это, чувствовалась некоторая незабытая разочарованность во встрече. В. И. Вернадский, не будучи биологом, не рассматривал организмы как дискретные целостности, а лишь как агенты непрерывных круговоротов отдельных элементов. Г. Г. Винберг, как биолог, воспринимал метаболизм как целое, потребление кислорода оценивалось не с точки зрения его геохимического круговорота, а как показатель интенсивности деструкции органического вещества». В 1941 г. ввиду административно-бюрократических проволочек как в администрации, так и в науке станцию закрыли.

В 1940 г. Георгий Георгиевич был необоснованно арестован и заключен в лагерь в Коми АССР. «Сам Г. Г. Винберг говорил о том, что его посадили именно за высказывания о неразумности орга-

В лаборатории тюремной больницы.
Коми АССР, 1943 г.

низации колхозов в Нечерноземье...» — вспоминает Н. В. Шадрин. В лагере он работал «врачом-лаборантом». В 1943 г. прямо из заключения ученого мобилизовали в действующую армию. Через год по ходатайству АН СССР он был демобилизован и зачислен старшим научным сотрудником на биологический стационар «Борок» Некоузского района Ярославской области (Институт биологии внутренних вод АН СССР). В 1946 г. Г. Г. Винберг защитил докторскую диссертацию «Биотический баланс вещества и энергии в озере». Московское общество испытателей природы отметило ее весьма престижной в научных кругах премией как лучшую естественно-научную работу года. В Ярославской области произошла встреча Георгия Георгиевича с сестрой Ириной, которая была замужем за физиком Иваном Юрьевичем Нелидовым (внук крупного российского дипломата А. И. Нелидова), работавшим в Физико-техническом институте в Ленинграде. После убийства С. М. Кирова в 1934 г. многих представителей интеллигенции выслали из Ленинграда. И. Ю. Нелидов был выслан в г. Горький (Нижний

Новгород), позже его арестовали и расстреляли. В 1938 г. Ирину Григорьевну арестовали как члена семьи врага народа, пять лет она провела в заключении в лагерях в Карагинской области. В 1946 г. ей удалось приехать в Ярославскую область, где она встретилась с братом Георгием, матерью и 10-летней дочерью, которая все это время находилась на их попечении.

Г. Г. Винберг не рассматривал стационар «Борок» как постоянное место работы. В поиске новой работы ему помог коллега и хороший знакомый — заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных МГУ, знаменитый океанолог, академик АН СССР Лев Александрович Зенкевич. До войны Л. А. Зенкевич по совместительству руководил кафедрой зоологии в Белорусском государственном университете. Совмещать две работы было сложно, и он рекомендовал Георгия Георгиевича на должность заведующего кафедрой в БГУ. Так в 1946 г. начался необычайно продуктивный двадцатилетний период работы Г. Г. Винберга в БССР. Он переехал вместе с матерью Мартой Генриховной (умершей в 1956 г.), женой Софьей Ивановной Славинской и дочерью.

Минский период в жизни ученого занимает особое место. Это время его крупных творческих свершений, реализации больших научных проектов — союзных и международных, время постоянного труда по воспитанию и подготовке научных кадров в республике. В 1947 г. Г. Г. Винберг возглавил кафедру зоологии и с первых дней работы читал все основные кафедральные курсы лекций (курсы общей биологии, зоологии беспозвоночных, гидробиологии, сравнительной анатомии беспозвоночных, общей и сельскохозяйственной энтомологии и др.), а также руководил аспирантами (не говоря уже о решении массы административных проблем). Научные идеи Георгия Георгиевича опережали время, но далеко не всегда находили понимание у коллег, особенно представителей

старшего поколения. Начало работы ученого совпало с политической кампанией преследования группы генетиков, отрицания генетики (как «вейсманизма-морганизма») и временного запрета генетических исследований в СССР (при том, что Институт генетики продолжал свое существование). Кампания была инициирована небезызвестным Т. Д. Лысенко.

После августовской сессии ВАСХНИЛ в 1948 г. Г. Г. Винберг был объявлен «лжеученым» и отстранен от должности как «активный проповедник “вейсманизма-морганизма”», представитель школы Н. К. Кольцова и один из авторов первого советского учебника по общей биологии (Основы биологии. М., 1939). С 1948 по 1950 г. Георгий Георгиевич был отстранен от заведования кафедрой и стал работать всего лишь лаборантом-гидрохимиком Института биологии, который существовал при биологическом факультете БГУ. Однако политическая кампания постепенно сворачивалась. Природное обаяние, интеллигентность, незаурядный интеллект, огромная работоспособность и терпение ученого не могли не воздействовать на окружающих. Г. Г. Винберг легко находил общий язык со студентами. Гидробиологи, вышедшие из стен биологического факультета того времени, прошли хорошую школу, участвуя в работе научного гидробиологического студенческого кружка, которым руководил Георгий Георгиевич. Студенческий кружок благодаря ему был полноценным научным семинаром, к работе которого часто привлекались ученые из отечественных и зарубежных научных структур. Среди его учеников, выпускников кафедры зоологии были ставшие впоследствии известными учеными: Л. М. Суценья – президент НАН Беларуси, академик НАН Беларуси и АН СССР; А. П. Остапеня – член-корреспондент НАН Беларуси; Н. М. Крючкова, Л. В. Камлюк, Г. А. Галковская, З. З. Финенко, Т. М. Михеева – доктора биологических наук.

В годы работы в БГУ Г. Г. Винберг стал организатором комплексного изучения водных экосистем республики. Объединяющим началом был энергетический подход, по сути продолжавший традицию балансового подхода, когда-то развиваемого на лимнологической станции в Косино. С 1947 г. на биологическом факультете БГУ под руководством ученого были развернуты многосторонние гидробиологические исследования по изучению процессов биотического круговорота в водоемах разного типа на примере разнотипных озер Нарочанской группы (Нарочь, Мясстро, Баторино), биологической продуктивности практически не изученных тогда озерных систем северо-запада Беларуси. Благодаря трудам Георгия Георгиевича и учеников его школы озеро Нарочь было включено в международный список 100 наиболее изученных озер мира. Его ученики (А. Ф. Алимов, Л. М. Суценья, А. П. Остапеня), которые на столетие учителя выпустили книгу «Член-корреспондент АН СССР Г. Г. Винберг. Воспоминания о выдающемся ученом, педагоге, человеке», писали: «На биологической станции часто проводились и великолепные всесоюзные совещания и семинары, на которые съезжались видные ученые из многих мест Советского Союза, чтобы побыть в этой творческой атмосфере и пообщаться с Георгием Георгиевичем и его сотрудниками. Сейчас на озере Нарочь построена новая биологическая станция БГУ (Учебно-научный центр “Нарочанская биологическая станция”), равной которой, по нашему мнению, нет ни в одной стране СНГ. Ей присвоено имя профессора Г. Г. Винберга. Здесь уже проводятся крупные научные форумы». Также академик Леонид Михайлович Суценья вспоминал: «Хорошо помнится тесное сотрудничество нашей кафедры с кафедрой физиологии растений, которую возглавлял академик Т. Н. Годнев. Между ним и Г. Г. Винбергом была и лич-

ная большая дружба. Сотрудничество было плодотворным в части освоения нового метода Енча для определения содержания хлорофилла в фитопланктоне, осажденном на мембранных фильтрах. Этот метод долго применялся учениками Георгия Георгиевича, а мной был использован вместе с З. З. Финенко для фитопланктона Средиземного моря. В это же время Георгий Георгиевич вме-

сте с В. Л. Калером стал подходить к использованию радиоуглеродного метода определения первичной продукции фитопланктона. Затем он в Геленджике провел специальный симпозиум и в соавторстве с О. И. Кобленц-Мишке и Н. Н. Хмелевой издал методическое руководство по этой теме».

Под руководством Г. Г. Винберга был проведен ряд экспедиций по изучению рек и водохранилищ Белорусского Полесья в связи с мелиорацией. Первоочередной задачей стала разработка важнейших вопросов гидробиологии и практических проблем рыбного хозяйства. В течение ряда лет под его началом были выполнены работы по оценке влияния минеральных удобрений фосфора и азота на рыбопродуктивность белорусских прудов. В сотрудничестве с Институтом санитарии и гигиены Минздрава БССР был проведен обширный цикл работ по проблемам самоочищения сточных вод.

Важность изучаемых проблем и результаты выполненных под руководством Г. Г. Винберга работ, проводимых на биологическом факультете исследований послужили основой для создания в БГУ в 1965 г. межкафедральной лаборатории экспериментальной биологии, руководство которой было возложено на Георгия Георгиевича. Коллектив гидробиологической группы сформировался из бывших аспирантов и студентов ученого.

Понимая необходимость разностороннего изучения фауны Беларуси, Г. Г. Винберг содействовал развитию на кафедре второго направления исследований – энтомологического. В конце 1940-х гг. на территории Беларуси работала экспедиция Ленинградской лесотехнической академии под руководством А. И. Воронцова, для участия в которой были привлечены студенты кафедры. По результатам экспедиции были установлены основные группы насекомых – вредителей леса, имевших наиболее важное лесохозяйственное значение. Первыми

Г. Г. Винберг и В. П. Ляхнович на кафедре лимнологии Вроцлавского университета. Институт Стангеберга. Октябрь 1958 г.

Г. Г. Винберг (в центре), Л. М. Сушеня и В. П. Ляхнович в Институте рыбного хозяйства внутренних вод ПНР. Ольштын, 2 октября 1958 г.

энтомологами – выпускниками кафедры были Е. С. Шалапенок (кандидат биологических наук, доцент), Б. П. Савицкий (доктор биологических наук, профессор), Э. И. Хотько (доктор биологических наук, профессор). В последующие годы на кафедре была подготовлена большая группа специалистов-энтомологов, что позволило организовать лабораторию энтомологии при отделе зоологии и паразитологии АН БССР, позднее преобразованном в Институт зоологии республиканской Академии наук.

Г. Г. Винберг, специалист по лимнологии, активно интересовался исследованиями морских гидробиологов. У Георгия Георгиевича были прямые контакты с Институтом биологии южных морей (ИнБЮМ) в Севастополе. Поэтому в 1959 г. его коллега и единомышленник Виктор Сергеевич Ивлев пришел работать в ИнБЮМ, создал и возглавил отдел физиологии животных. Позже ученик Георгия Георгиевича Л. М. Сущеня был также направлен на работу в данный институт.

В 1960 г. Г. Г. Винберг в Севастополе участвовал в экспедиции на научно-исследовательском судне «Академик Ковалевский» по изучению первичной продукции. Здесь впервые на Черном море был использован радиоуглеродный метод и получены первые данные по фотосинтезу фитопланктона и концентрации хлорофилла в планктоне. Результаты работы были опубликованы в «Трудах Севастопольской биологической станции» в совместной с З. З. Финенко и Е. П. Муравлевой статье «Некоторые данные по содержанию хлорофилла в планктоне и первичной продукции Черного моря». В 1961 г. на конференции в Севастополе Г. Г. Винберг определил дальнейший ход научных исследований в гидробиологии, предложив метод расчета вторичной продукции, получивший в дальнейшем широкое признание. В мае 1965 г. он представил работу по теории роста («Взаимосвязь интенсивности об-

Экспедиция на научно-исследовательском судне «Г. Ю. Верещагин». Слева направо: В. Н. Абросов, Е. И. Лукин, Г. Г. Винберг, В. Н. Грезе. Байкал, 1964 г.

Г. Г. Винберг – заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных биологического факультета БГУ. В рабочем кабинете. 1966 г.

мена и скорости роста животных»), тогда только начинавшей им разрабатываться.

Энергетический принцип изучения водоемов был положен в основу Международной биологической программы (МБП), целью которой было исследование пресноводных экосистем, выявление закономерностей, управляющих их продуктивностью. Исследования по МБП были представлены в 1966 г. на симпозиуме по методам расчета продукции

водных беспозвоночных, который проходил в Минске. В симпозиуме приняли участие ученые, работавшие по МБП, из СССР, Чехословакии (Я. Грбачек) и Польши (З. Каяк, А. Гильбрихт-Ильковска, К. Паталас). Материалы симпозиума были опубликованы в книге «Методы определения продукции водных животных» (1968) под общей редакцией Г. Г. Винберга. Первая часть этой книги, в которой описаны методы расчета продукции на основе данных по росту, размножению, интенсивности обмена и другим биологическим характеристикам, полностью вошла в методическое руководство по вторичной продукции, изданное в Англии (A manual on methods for the assessment of secondary productivity in fresh waters / ed. by W. T. Edmondson, G. G. Winberg. (IBP Handbook, № 17). Oxford ; Edinburgh, 1971). Некоторые монографии ученого переиздавались за рубежом: «Интенсивность обмена и пищевые потребности рыб», 1956 (переиздана в Канаде в 1960 г.); «Методы опре-

деления продукции водных животных», 1968 (переиздана в Англии). В Минске он в 1960 г. опубликовал важную работу «Первичная продукция водоемов».

В 1968 г. на III Генеральной ассамблее МБП в г. Варне (Болгария) были отмечены исследования по Советской национальной программе как пример создания единой системы выражения итогов биотического баланса с охватом многих трофических уровней процесса трансформации первичной продукции. Это было продемонстрировано материалами исследований озера Дривяты, проведенных в летний сезон 1964 г. Коллективная монография «Биологическая продуктивность эвтрофного озера» была опубликована в 1970 г. под редакцией Г. Г. Винберга. Результаты работ по МБП, выполненных гидробиологами СССР на водоемах от БССР до Камчатки и от побережья Баренцева моря до Средней Азии и Закавказья по единой программе, составленной Георгием Георгиевичем, были очень высоко оценены мировым научным сообществом.

В 1967 г. Г. Г. Винбергу предложили переехать на работу в Ленинград в Зоологический институт АН СССР и возглавить лабораторию пресноводной и экспериментальной гидробиологии. Предложение было принято, и он руководил лабораторией до конца своей жизни. Ленинградский период ознаменовался большими научными успехами и практическими достижениями. Под руководством Георгия Георгиевича в лаборатории пресноводной гидробиологии Зоологического института начали активно развиваться продукционные исследования, охватившие территории олиготрофных (низкопродуктивных) озер Кольского полуострова (побережье Баренцева моря), севера Карелии (побережье Белого моря), различных озер Ленинградской области, озер Забайкалья (Бурятия), озера Иссык-Куль (Киргизия). В связи с началом строительства сооружений для защиты от

І симпозиум по МБП.
Заведующий лабораторией
пресноводной гидробиологии Г. Г. Винберг
в Зоологическом институте АН СССР
с белорусскими учениками.
Слева направо: В. А. Бабицкий,
Н. М. Крючкова, Э. П. Жуков, Г. А. Печень,
Т. М. Михеева, Г. А. Галковская,
В. П. Ляхнович, Э. А. Шушкина,
Л. М. Сущеня, В. Г. Кондратюк,
А. П. Павлюти. Нарочь, 1967 г.

наводнений Ленинграда были осуществлены гидробиологические исследования на Невской губе Финского залива Балтийского моря. В 1975 г. по результатам исследований был опубликован ряд работ в коллективной монографии «Биологическая продуктивность северных озер».

В 1972–1974 гг. исследования теоретической и прикладной гидробиологии в лаборатории включали количественную оценку продукционных возможностей различных водоемов, связи продукции и уловов рыб с продуктивностью водоемов, разработку количественных методов оценки качества вод и процессов самоочищения в водоемах и водотоках, широко применялись разнообразные статистические методы и математические модели популяций водных организмов, их сообществ и экосистем различных водоемов. Результаты исследований в 1976 г. были опубликованы в книгах под общей редакцией Г. Г. Винберга – «Методы биологического анализа пресных вод» и «Гидробиологические основы самоочищения вод».

В 1966 г. благодаря совместной работе Георгия Георгиевича и физика Сергея Ивановича Анисимова (с 1987 г. – член-корреспондент АН СССР) была создана первая на территории СССР математическая модель озерной экосистемы. Также на базе лаборатории Зоологического института был организован постоянно действующий семинар, в работе которого принимали участие специалисты из различных учреждений страны. Этот семинар действует и в настоящее время.

В течение 15 лет (1971–1986) Г. Г. Винберг являлся президентом Всесоюзного гидробиологического общества (ВГБО). За это время были проведены три съезда Общества: в Кишиневе, Риге и Тольятти. Ученый был одним из трех редакторов международного журнала *Internationale Revue der gesamten Hydrobiologie* и ряда других журналов. За научные заслуги и достижения в сфере гидробиоло-

Г. Г. Винберг и В. П. Ляхнович
среди участников международного
лимнологического конгресса.
Ленинград, 1972 г.

Байкал, Большие Коты. У входа
в биологическую станцию, 1973 г.

гии и развитию теории продуктивности водных экологических систем в 1976 г. Георгий Георгиевич был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР с присвоением ему звания заслуженного деятеля науки СССР. Бесспорным признанием больших научных и научно-организационных заслуг Г. Г. Винберга было избрание его на II съезде ВГБО президентом Всесоюзного гидробиологического общества АН СССР. Находясь на этом посту, Георгий Георгиевич отдавал много сил дальнейшему развитию гидробиологии в СССР. Он был признан как выдающийся ученый и Международной

ассоциацией теоретической и прикладной лимнологии, которая отметила его деятельность одной из самых почетных наград – медалью Тинемана – Наумана, врученной Георгию Георгиевичу в 1977 г. на XX конгрессе в Копенгагене.

Г. Г. Винберг оставил огромное научное наследие (более 300 работ). Особенно плодотворным оказался минский период его жизни, который не закончился после переезда в 1967 г. в Ленинград. Он еще долго консультировал работы, проводимые его учениками – сотрудниками сектора гидробиологии проблемной НИЛ экспериментальной биологии БГУ. Георгий Георгиевич подготовил 19 кандидатов наук, многие из которых стали докторами наук. Один из его первых учеников – Л. М. Суценья – долгое время занимал пост президента АН Беларуси. Доктор биологических наук МГУ им. М. В. Ломоносова Алексей Меркурьевич Гиляров вспоминал о Г. Г. Винберге: «Он был человеком, абсолютно преданным науке. Удивительная ясность мысли и умение моментально схватывать суть проблемы сочетались в нем с необычайным трудолюбием и работоспо-

собностью. При этом он вовсе не был ученым-одиночкой, отгородившимся в своем кабинете от суетного внешнего мира. Наоборот, всегда получалось так, что вокруг него разворачивалась активнейшая общественная жизнь, появлялись ученики (нередко – формально совсем не его, а со стороны), издавались сборники (им же редактируемые), устраивались семинары, школы и конференции... Это был человек высокой культуры и безукоризненных нравственных принципов. Чувство собственного достоинства, принимаемое недругами и завистниками за высокомерие, естественно сочеталось в нем с простотой и демократичностью в общении – недаром к нему всегда тянулась молодежь! Короче говоря, это был настоящий российский интеллигент – представитель особой людской породы, которая никогда не была особо многочисленной, а теперь, видимо, вымерла окончательно, как вымер мамонт или шерстистый носорог».

Георгий Георгиевич Винберг умер 23 июня 1987 г. в возрасте 82 лет.

Эмма Леонидовна Малиновская

**Партизан,
ставший исследователем
творчества народных мстителей**

**Профессор, заведующий кафедрой
русской литературы БГУ,
член-корреспондент АН БССР**

Иван Васильевич ГУТОРОВ

02.04.1906 – 08.02.1967

***И**ван Васильевич Гуторов закончил литературно-лингвистическое отделение педфака БГУ, работал преподавателем литературы, доцентом и заведующим кафедрой в могилевских политико-просветительном техникуме и пединституте. В 1939 г. Иван Васильевич защитил в Московском институте философии, литературы и истории кандидатскую диссертацию, в 1940 г. был назначен ученым секретарем Отделения общественных наук АН БССР.*

С началом Великой Отечественной войны добровольно ушел на фронт, воевал в тылу врага. Был награжден в сентябре 1942 г. орденом Красного Знамени, орденом Ленина, медалью «Партизану Отечественной войны» I степени. В связи с 30-летием БССР (1948) удостоен ордена Трудового Красного Знамени.

Интерес И. В. Гуторова к партизанскому фольклору во многом обусловлен тем, что ему довелось с октября 1941 по март 1943 г. воевать в партизанских лесах Бряничины, где он слышал от партизан множество частушек, песен, стихов, которые впоследствии стали материалом его докторской диссертации «Борьба и творчество народных мстителей».

26 мая 1943 г. был назначен исполняющим обязанности академика-секретаря Отделения общественных наук АН БССР. После окончания докторантуры Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР в 1947 г. направлен заведующим отделом литературы и искусства ЦК КП(б)Б, затем заместителем заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК, одновременно исполняя обязанности заведующего кафедрой БГУ. 14 ноября 1950 г. избран членом-корреспондентом АН БССР.

В отличие от многих коллег по научно-педагогическому ремеслу, чьи архивные личные дела порой отсутствуют по тем или иным причинам (как, например, у декана биофака БГУ О. Д. Акимовой), у Ивана Васильевича Гуторова их сохранилось три. Материалов достаточно, чтобы составить представление о неординарном человеке.

Не оставивший воспоминаний, дневников и личных писем, Иван Васильевич тем не менее в свои деловые бумаги вносил присущие ему, литературоведу, элементы творчества. Так, в датированной 21 сентября 1946 г. автобиографии из его личного дела, хранящегося в архиве БГУ, изложены сведения о времени рождения (2 апреля 1906 г.), месте рождения (д. Волковка Чериковского уезда Могилевской губернии), родителях-крестьянах («...умерли до Великой Октябрьской социалистической революции: мать — в 1906 г., отец в 1916 г.»). Далее указывается, что в 1917–1920 гг. мальчик-сирота учился в Белице, в 1920–1924 гг. — в Леманской опытно-показательной школе-коммуне им. В. И. Ленина, где получил полное среднее образование. Затем оказался в Минске и с 1924 по 1928 г. жил на средства комиссии помощи детям при ЦИК БССР сначала в детском приемнике № 3 по ул. Базарной, д. 11, затем в общежитии для беспризорных подростков в бывшем Новодевичьем монастыре на углу Комсомольской и Интернациональной улиц, а после в общежитии рабочих подростков по ул. Загородной, д. 3. Поступил на 1-й курс физико-математического отделения педфака БГУ, но все же вскоре предпочел учебу на литературно-лингвистическом отделении этого факультета. Жил в университетском общежитии студентов на государственную стипендию и разные приработки через студенческое исполбюро. Одновременно с занятиями в БГУ Иван Васильевич некоторое время обучался в Минском государственном музыкальном техникуме,

а также в университете посещал лекции по психиатрии профессора А. К. Ленца, по химии — профессора Б. М. Беркенгейма, по вопросам естественно-научных основ материализма — профессора П. А. Мавродиadi.

О своей студенческой активности, нередко граничившей с бесшабашностью, равно как и о присущем Гуторову взрывном характере, он напомнит коллегам весной 1959 г., во время обсуждения на заседании ученого совета филфака БГУ изданной двумя годами ранее его книги «Философско-эстетические взгляды А. С. Пушкина». Эта книга была резко раскритикована на страницах общесоюзных периодических изданий. Выступая с заключительным словом, автор эмоционально сказал: «Меня уже не первый раз прорабатывают. Я помню, как меня прорабатывали как беспризорника за то, что я заменил рваные галоши на хорошие у Любана. Я помню, как меня прорабатывал Аладов за то, что я получал стипендию в трех местах, а я был везде отличником. Так что я уже привык... Но не будите во мне маленького звереныша, я не ручаюсь за себя. Я забыл ругательский язык, но могу так покрыть, что неповадно будет!» К этой, одной из самых непростых, странице в биографии белорусского литературоведа мы еще вернемся.

После окончания университета в 1928 г. И. В. Гуторов три года преподавал русскую и белорусскую литературу в Могилевском политико-просветительном техникуме, затем до 1936 г. работал доцентом и заведующим кафедрой литературы и языка Могилевского политико-просветительного института. С реорганизацией в 1936 г. института два года являлся деканом литературного факультета Могилевского пединститута. Активную организационно-педагогическую деятельность Иван Васильевич сочетал с литературной и общественной: был председателем городского бюро секции научных работников, секретарем

Могилевского отделения Союза советских писателей, редактировал литературную страницу в областной газете «Коммунар Могилевщины». Именно в последней печатались его литературно-критические статьи и театральные рецензии. В 1938 г. только что принятый кандидатом в члены ВКП(б) И. В. Гуторов поступил в аспирантуру Академии наук БССР и досрочно, 16 марта 1939 г., в Москве успешно защитил в ученом совете знаменитого МИФЛИ кандидатскую диссертацию на тему «Поэтическое мастерство В. В. Маяковского».

В 1939 г. вернулся в БГУ уже в качестве доцента и одновременно был зачислен докторантом АН БССР и назначен ученым секретарем академического Отделения общественных наук. Статьи И. В. Гуторова по вопросам истории литературы и литературоведения регулярно появлялись на страницах республиканского еженедельника «Літаратура і мастацтва», других газет и журналов. Принятый в апреле 1940 г. в члены партии, он совмещал преподавательскую деятельность в БГУ с работой внештатного лектора минских горкома и обкома КП(б)Б ЦК КП(б)Б.

Война нарушила все планы активно продвигавшегося по служебной лестнице тридцатипятилетнего доцента. Позже в автобиографии Иван Васильевич писал: «7 июля 1941 г. добровольно поступил в Красную Армию. Формировал и был комиссаром 856 полка. Затем 1 августа 1941 года был переведен в политотдел 287 с. д. действующей Красной Армии на западном направлении. Был заместителем секретаря парторганизации дивизии, комиссаром Сталинского истребительного батальона и одно время заместителем начальника политотдела. Основная должность – старший инструктор политотдела по работе среди войск и населения противника... Работал и воевал в тылу врага с ноября 1941 года по март месяц 1943 года. Затем на основании радиограммы № 132 был отозван в распоряже-

ние Центрального штаба партизанского движения, в/ч 00125 и вывезен в Москву на самолете». В автобиографии уточнены некоторые обстоятельства боевого пути Гуторова: «...был организатором партизанских отрядов, бойцом автоматчиком, разведчиком, подрывником, минером, затем комиссаром партизанских отрядов им. Щорса и Первый Ворошиловский, командиром многих боевых операций. Последняя должность в партизанской войне – начальник агитации и пропаганды Партизанского края Брянских лесов». В фонде Комиссии по истории Отечественной войны при ЦК КП(б)Б Национального архива Республики Беларусь имеется стенограмма двух бесед с Иваном Васильевичем (10 февраля и 3 марта 1943 г.). В ней И. В. Гуторов рассказал о событиях военного времени, о довоенной работе в БГУ и АН БССР: «Немецкие варвары разбомбили университетский городок, где я читал лекции, сожгли главный корпус Академии наук, где я занимался научно-исследовательской работой. Я ушел добровольцем в Красную Армию. До этого военным никогда не был, стрелять умел только из централки, стрелял я, правда, метко, как опытный охотник... Выполняя очередные специальные задания Красной Армии по своей политотдельской должности, я в октябре 1941 г. потерял связь с Действующей армией и переключился на партизанскую борьбу в Брянских лесах». «Потеря связи» с армейскими частями произошла в силу того, что под Брянском в октябре 1941 г. войска трех советских армий попали в окружение.

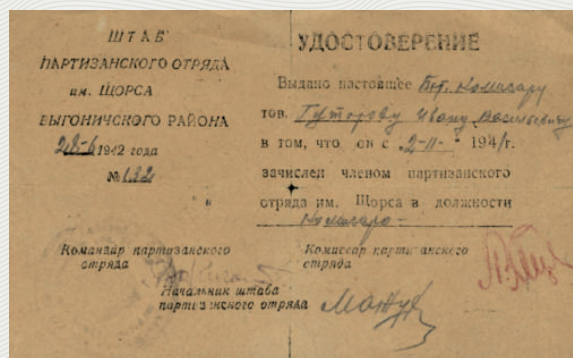
Иван Васильевич подробно рассказывал о формировании и деятельности партизанских отрядов на Брянщине, когда к лету 1942 г. образовался настоящий «партизанский край». Хорошо владевший немецким языком, И. В. Гуторов нередко выступал в роли немецкого офицера, что помогало партизанам не только выявлять прислужников оккупантов, но

и без потерь громить их гарнизоны. Так, описывая налет на деревню возле железнодорожной станции Хмелево по линии Брянск – Гомель, он отмечал: «...мы неожиданным налетом обстреляли колонну немцев около железной дороги. Много их убили, остальных рассеяли. Сняли с них сапоги и шинели. У них было много ворованных вещей, в частности, часов. Мы взяли в этом бою 3 ротных немецких миномета, захватили 5 автоматов, 19 винтовок, много патронов, особенно с трассирующими и разрывными пулями». Далее подчеркнул роль «рельсовой войны», когда «...в районе Брянск – Льгов, Брянск – Карачев, Брянск – Гомель за август и сентябрь месяцы ни один поезд не прошел безнаказанно... Только мой отряд Первый Ворошиловский за август и сентябрь 1942 г. спустил под откос 19 железнодорожных эшелонов, а за весь предыдущий период только 3». Эти данные подтверждаются боевой характеристикой, составленной 17 октября 1942 г. по случаю представления И. В. Гуторова к награждению орденом Ленина. В ней говорится: «Как единственный ученый среди партизанского края, тов. Гуторов метко разоблачает перед народом и бойцами контрреволюционную лживость немецкой пропаганды, пользуясь знани-

ем немецкого языка и немецкой формой часто проникает в тылы немецких подразделений и лично громит немецкие штабы, систематически снабжает агентурные разведки отрядов и резидентов подложными документами на немецком языке».

В крайне сложных условиях «начальник агитации и пропаганды Партизанского края» поддерживал и ободрял боевых товарищей, прибегая порой к нестандартным формам: демонстрировал различные фокусы и ребусы, но делая упор на чтение «вестей с Родины» – листовок (в том числе и на белорусском языке). О них Иван Васильевич говорил: «...исключительно теплая и доходчивая была листовка, написанная во время проведения сессии Белорусской академии наук. Когда люди ее нашли, то они не могли ее прочесть, они не понимали ее, так как орфография белорусского языка сильно отличается от самого произношения. Я прочел ее людям, и они прекрасно поняли – она была очень проста и доходчива».

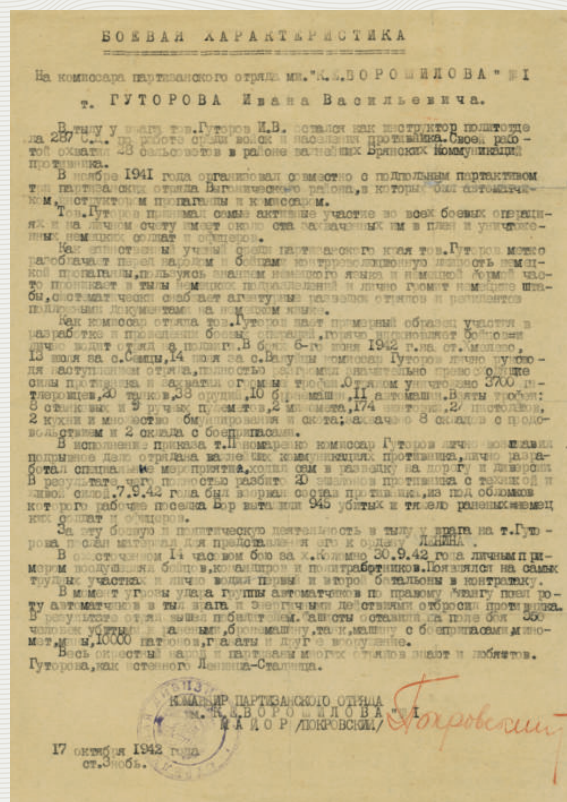
Вот тогда-то у Гуторова – литературоведа и филолога зародился интерес к партизанскому фольклору. Его он начал собирать и анализировать. Партизанские песни, частушки, басни, незамысловатые в художественном отношении, нередко имевшие в основе широко известные народные и авторские сочинения, публиковались в рукописных журналах партизанских бригад и отрядов, действовавших как в России, так и в Беларуси. В фондах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны хранится несколько десятков таких журналов. В апреле 2019 г. БЕЛТА совместно с музеем подготовили проект «Партизанская летопись. Рукописные партизанские журналы». Заключительная ее страница называется «Профессор Гуторов о “Борьбе и творчестве народных мстителей”». В 2011 г. семь уникальных партизанских книг дополнили коллекцию фондов музея истории Великой Отечественной войны,

Удостоверение И. В. Гуторова.
28 июня 1942 г.

куда их передала младшая дочь Гуторова Алла после смерти отца.

Московский военный период в биографии И. В. Гуторова был насыщенным. Много времени отнимала работа в Академии наук республики, где он с 26 мая 1943 г. исполнял обязанности академика-секретаря Отделения общественных наук (после избрания 2 октября 1943 г. на эту должность академика В. Н. Перцева Гуторов стал его заместителем). С возобновлением в мае 1943 г. на подмосковной железнодорожной станции Сходня работы БГУ он, параллельно с МГУ, читал лекции для студентов филологического факультета, был членом ученого совета университета. Буквально на следующий день после вступления в должность академика-секретаря Иван Васильевич обратился с призывом к коллегам, писателям и общественным деятелям заняться разработкой дополнительных тем «для нужд фронта». Среди них были названы: «Белорусский народ в Отечественной войне 1812 года», «Борьба белорусского народа за свою национальную независимость», «Этнографическая и лингвистическая карта Белоруссии», «Поэзия Янки Купалы в партизанской войне», «Идеи дружбы народов СССР в белорусской художественной литературе», «Вопросы национальной гордости белоруса в художественной литературе и публицистике» и др. Тогда же он выступил на заседании Отделения с докладом «Об изданиях ООН». Инициатива литературоведа была поддержана академиком-историком В. Н. Перцевым в докладной записке, 1 ноября 1943 г. направленной в Президиум Академии наук. И. В. Гуторов был включен в авторские коллективы по подготовке изданий «Материалы по истории Великой Отечественной войны», «Совместная борьба белорусского и русского народов против немецкой агрессии». Он участвовал в работе созданной под председательством ученого секретаря Президиума АН БССР В. И. Шемпеля комис-

Боевая характеристика И. В. Гуторова.
17 октября 1942 г.

сии по увековечению памяти народного поэта Беларуси Янки Купалы. Выступая на ее первом заседании, 3 августа 1943 г., Иван Васильевич отметил, что одним из важнейших вопросов является собирание материалов о поэте, что необходимо увязать с созданием научно-исследовательского кабинета. На И. В. Гуторова, Михася Лынькова и Т. П. Ломтева была возложена ответственность за подготовку академического издания произведений поэта.

Помимо работы в белорусских научных и образовательных учреждениях Иван Васильевич вел большую общественную деятельность в ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР, докто-

рантом которого он являлся. В декабре 1944 г. он был избран секретарем партийной организации Института, 23 сентября 1945 г. возглавил парторганизацию Союза советских писателей. Обремененный массой организационных, педагогических и общественных дел, он тем не менее выкраивал время и для научных занятий, работал над докторской диссертацией. 20 июня 1947 г. ученый совет ИМЛИ, заслушав отчет докторанта о работе над диссертацией на тему «А. М. Горький и вопросы теории и истории литературы», принял решение: «Отчет одобрить и считать, что работа над диссертацией протекла удовлетворительно». 30 сентября этого же года приказом по ИМЛИ постановили «докторанта И. В. Гуторова, представившего диссертацию на со-

искание ученой степени доктора филологических наук, считать закончившим докторский стаж и в связи с назначением на работу в ЦК КП(б) Белоруссии отчисленным из состава докторантов Института с 1 октября 1947 г.».

Защита диссертации была для Ивана Васильевича не только делом чести, но и важнейшим партийным поручением. Дело в том, что 6 июня 1947 г. постановлением ЦК ВКП(б) он был командирован «на руководящую пропагандистскую работу в ЦК КП(б)Б». Решением высшего партийного органа республики его утвердили в должности заведующего отделом литературы и искусства управления агитации и пропаганды ЦК КП(б)Б. Командировочное удостоверение с предписанием явиться 10 июня по месту новой работы Гуторову лично подписал секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов. В характеристике на него, подписанной секретарем ЦК КП(б)Б по кадрам М. В. Зимяниным, говорилось: «Тов. Гуторов И. В. имеет достаточную для этой работы теоретическую и практическую подготовку. Принимает деятельное участие в научной и пропагандистской работе по вопросам истории, теории литературы и советской фольклористики. Хорошо знает белорусскую литературу. Накопил известный опыт организационно-партийной работы, обладает необходимой принципиальностью и настойчивостью».

Возвращение И. В. Гуторова в Беларусь совпало с происходившим в это время в стране ужесточением политики в области идеологии и культуры, начало которому было положено принятым 14 августа 1946 г. оргбюро ЦК ВКП(б) постановлением «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». В середине февраля 1947 г. от обязанностей члена Бюро ЦК и секретаря ЦК по пропаганде и агитации был освобожден двумя годами ранее избранный на эту должность Т. С. Горбунов. Его 7 марта 1947 г. сменил М. Т. Иовчук. На этом же мартовском

Орденская книжка И. В. Гуторова

Пленуме Первого секретаря ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко сменил Н. И. Гусаров. В стране набирала обороты кампания по борьбе с «безродными космополитами», «формалистическими искажениями в музыкальном искусстве». Ведущая роль в ней отводилась управлению агитации и пропаганды ЦК КП(б)Б с ее отделом литературы и искусства.

И. В. Гуторову пришлось без раскачки включаться в реализацию партийных установок, принятых на июньском и декабрьском пленумах ЦК. В направленной им докладной записке на имя Н. И. Гусарова «О статье В. Гальперина “О пережитках буржуазного национализма в белорусском литературоведении”, помещенной в “Литературной Газете” 12 мая 1948 г.» отмечалось, что, руководствуясь решениями высшего партийного органа республики, отдел литературы и искусства управления пропаганды и агитации созвал и провел в июле 1947 и марте 1948 г. республиканские собрания белорусских писателей, на которых помимо официальных докладчиков П. Бровки, М. Лынькова, К. Крапивы и других выступали генеральный секретарь Союза советских писателей А. Фадеев, народный поэт БССР Якуб Колас и др. Доклады публиковались в республиканских журналах и газетах. Признавая недостатки, о которых писал автор во всесоюзной газете, И. В. Гуторов вместе с тем опровергал излагавшиеся Гальпериным факты якобы имевшего место в Беларуси проявления «примиренчества» в отношении буржуазного национализма, низкопоклонничества. «Институт литературы и языка АН БССР, филфак университета и пединституты, – писал он, – перестроили тематику своей научно-исследовательской работы в соответствии с указаниями ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)Б, но должных работ и диссертаций на советские темы еще не написали. Нет также новых учебников и пособий по белорусской литературе для средних школ и вузов. Отсутствуют пока

единые научные программы по белорусской литературе для высших и средних школ». И в заключение автор записки заверял руководство ЦК, что возглавляемый им отдел «...прилагает все усилия, чтобы устранить имеющиеся недостатки, и в настоящее время упорно работает над созданием тезисов по основной проблеме истории белорусской литературы и искусства, могущих быть правильным методологическим руководством при изучении и преподавании белорусской литературы».

Проверив работу управления по делам искусств при Совете Министров БССР за 1947–1948 гг., И. В. Гуторов в составленной им совместно с заместителем начальника управления пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б Н. И. Красовским докладной записке на имя Первого секретаря ЦК отмечал имевшие место недостатки в работе республиканских журналов и издательств: «Редакции журналов “Польмя” и “Беларусь” пробавляются лживыми и клеветническими на белорусский народ статьями космополита и пропагандиста буржуазного либерализма Л. Г. Барага. Неповоротливое издательство вдруг разродилось единственной фольклорной книгой “Происхождение и история белорусской свадебной обрядности” Н. М. Никольского, которая построена на сплошных сексуальных измышлениях Фрейда и немецкой мифологической школе братьев Гримм».

В другой записке – «О принципиальных недостатках в преподавании литературы в вузах Белорусской ССР» (скорее всего, за 1948 г.) – обращалось внимание на неоправданное, по мнению автора, увлечение белорусских литературоведов «стариной». В качестве примера приводилась защита еще в 1943 г. в Институте литературы, искусства и языка АН БССР кандидатской диссертации И. Басса на тему «Бурлескные поэмы “Энеида” Навыворот”, “Тарас на Парнасе” и “Воскресение Христово и сошествие его в ад”».

«Эта проблема, – отмечалось в документе, – никак не может служить объектом научно-исследовательской работы советского ученого в первую послевоенную сталинскую пятилетку. Тут налицо явное увлечение стариной, идеализация буржуазно-дворянского прошлого и полный отрыв от советской современности». Не осталась без внимания партийного идеолога от литературы и статья все того же Л. Г. Барага «Песни белорусских девушек», в которой были замечены грубые идеологические ошибки.

Партийную работу И. В. Гуторов совмещал с подготовкой докторской диссертации. Ее тема не имела ничего общего с той темой, что готовилась им в период прохождения докторантского стажа в ИМЛИ. В марте 1948 г. Высшая аттестационная комиссия Министерства высшего образования СССР в письме на имя ректора БГУ В. А. Томашевича разрешила Совету университета «принять к защите диссертацию Гуторова» на тему «Партизанская война в народном творчестве». Положительные отзывы на текст диссертации дали доктора филологических наук А. И. Тимофеев, И. Н. Розанов, А. Н. Вознесенский и С. К. Шамбинаго. Взяв отпуск для подготовки к защите, Иван Васильевич уехал в Москву, где в МГУ одновременно дочитал свой спецкурс «Классики марксизма-ленинизма о литературе». 18 июня 1948 г. состоялась защита диссертации. В отзыве на нее официальный оппонент профессор филфака БГУ И. Н. Розанов отметил, что работа поражает насыщенностью материалом, имеющим не только источниковедческое, но и воспитательное значение. Он подчеркнул, что партизанский фольклор собирался «...не спустя некоторое время, не по архивным данным, а на самом месте партизанских действий по свежим следам».

Занимаемая И. В. Гуторовым высокая должность в партийном аппарате республики имела свои плюсы и минусы.

К первым можно отнести возможности использования «административного ресурса», ко вторым – наличие значительного количества недоброжелателей. Например, несколько лекторов Политуправления Белорусского военного округа, прослушав 10 марта 1948 г. в Окружном доме офицеров лекцию Ивана Васильевича «За искусство, достойное советского народа», разразились в газете «Красная Звезда» статьей «Об одной лекции». На ученого идеолога в духе тех лет обрушили обвинения: «Лекция вызвала не только недоумение, но и законное возмущение слушателей-офицеров», лектор ничего не сказал о передовой роли советского искусства, его превосходстве над «растленным искусством западного мира», «Лектор упрямо твердил, что никаких достижений в советском искусстве он не видит. Вся лекция от начала до конца была построена односторонне, ошибочно. Она не только не служит задаче воспитания людей в духе советской национальной гордости, но и создает у слушателей неправильное представление о роли и значении советского искусства и советской культуры в целом». Разумеется, И. В. Гуторов выступил в свою защиту, обратившись как «майор запаса» с письмом на имя начальника Политуправления. Он подчеркнул, что рекомендован на руководящую пропагандистскую работу в ЦК КП(б)Б секретариатом ЦК ВКП(б) за подписью «лично тов. Жданова», что в области идеологии газета «берет под защиту белорусских контрреволюционных нацдемов», которые стремятся «...протащить через искусство свои контрабандные идеи американского космополитизма, которые в лекции я разоблачал и критиковал».

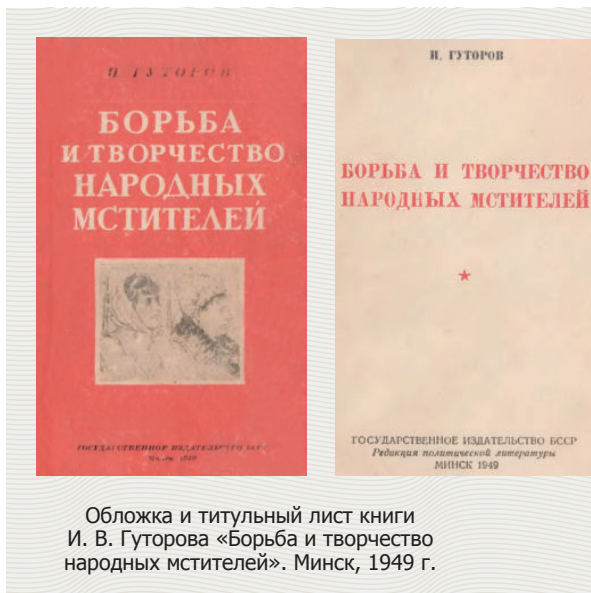
Однако подобная статья обозначила «звоночек» в адрес Ивана Васильевича. Через три года он был вынужден уйти из аппарата ЦК. Хотя причиной тому было решение самого И. В. Гуторова сосредоточиться исключительно на научно-педагогической деятельности.

И. В. Гуторов оказался вовлеченным в конфликт. В июне 1950 г. отдел агитации и пропаганды ЦК КП(б)Б направил докладную записку на имя Первого секретаря ЦК КП(б)Б Н. С. Патоличева. В ней указывалось, что «...в нынешнем своем составе Президиум АН БССР не может дальше работать, так как противоречия и даже вражда между тт. Гращенковым, Лупиновичем, с одной стороны, и Мацепуро, Леоновым – с другой, достигли крайних пределов и приняли форму политического недоверия и уголовных обвинений последних». В августе 1950 г. Бюро ЦК КП(б)Б создало комиссию под руководством И. В. Гуторова для проверки фактов. В ее состав вошли министр просвещения Е. И. Уралова, директор Института истории партии при ЦК КП(б)Б Ф. А. Новикова и проректор БГУ доктор философских наук, профессор Е. К. Азаренко. В результатах проверки, которые комиссия направила в ЦК КП(б)Б, говорилось: «Институт философии бездействует, Институт истории является совершенно паразитивным учреждением. Изучение народного творчества заброшено и дезорганизовано... Президиум АН БССР не обеспечил руководство научно-исследовательской работой отделений, институтов и отдельных ученых... Большинство ученых находится в резкой оппозиции к руководству академии Гращенкову и Лупиновичу». В итоге комиссия сочла невозможным дальнейшее пребывание Гращенкова на посту президента АН БССР и высказалась за необходимость образования нового состава Президиума АН БССР «из работоспособных ученых Белорусской ССР».

ЦК КП(б)Б принял решение провести сессию АН БССР с выборами действительных членов, членов-корреспондентов и Президиума АН БССР. 14 ноября высший партийный орган республики рекомендовал И. В. Гуторова для избрания в члены-корреспонденты АН БССР. Последующая научно-педагогическая

и организаторская деятельность Ивана Васильевича оставалась активной и напряженной. 17 октября 1952 г. в университетской многотиражке «За сталинские кадры» он опубликовал заметку, носившую характер обязательства, – «Абараню дысертацыю», в которой говорилось: «...абавязуюся ў пятай сталінскай пяцігодцы напісаць і абараніць дысертацыю на атрыманне навуковай ступені доктара філасофскіх навук па праблеме “Філасофска-эстэтычныя асновы савецкай літаратуры”». Это (оставшееся невыполненным) обязательство стало причиной возникших у ученого многих проблем, которые и привели к его преждевременной кончине.

За два года до публикации заметки в университетской многотиражке в академическом издательстве республики появилась пятисотстраничная книга И. В. Гуторова «Эстетические основы советской литературы», которую автор предполагал защитить в качестве докторской диссертации в Институте философии АН СССР. Однако на книгу поступил отзыв исполняющего обязанности заведующего сектором эстетики этого

института П. С. Трофимова, вывод которого был обескураживающим: «Все содержание книги проф. Гуторова показывает, что она является по преимуществу трудом литературоведческим, а не философским». Помимо «дежурных» в тех условиях замечаний (о недостаточном внимании к трудам Сталина и т. п.) было указано на отсутствие в книге широких эстетических обобщений, замененных описанием творчества лишь двух писателей – А. М. Горького и В. В. Маяковского. Работа получила негативную оценку в общесоюзных и республиканских периодических изданиях («Литературная газета», «Культура и жизнь», «Звезда» и др.). Так, в «Звезде» статья называлась «Аб адной псеўданавуковай кнізе». По указанию секретаря ЦК КПБ Т. С. Горбунова и согласно решению Президиума АН БССР академические институты литературы и искусства и философии и права провели в декабре 1951 г. ее широкое обсуждение с приглашением ученых из Москвы. Почти все отметили, что книга «сырая, недоработанная». Наиболее резкие оценки и научной, и педагогической деятельности И. В. Гуторова содержались в письме кандидата филологических наук Л. Резникова – старшего преподавателя Кишиневского университета. В нем говорилось: «Пора серьезно изучить всю деятельность Гуторова (в том числе и лекционную) и сделать серьезные и объективные выводы, которые бы послужили на пользу и научному коллективу Минска, и студенчеству города».

После такого разгромного обсуждения потенциальной докторской диссертации И. В. Гуторов не опустил руки. Он поехал в Москву «для завершения работы над докторской диссертацией». Через пять лет, 16 декабря 1956 г., пятидесятилетний ученый подал заявление на имя президента АН БССР академика В. Ф. Купревича, в котором просил поставить свою кандидатуру на выборы в ака-

демии АН БССР, так как его выдвинул «большой коллектив ученых литературоведов республики». И к заявлению приложил «справку-объективку», которая как бы обобщила жизненный и творческий путь ученого: «Гуторов Иван Васильевич – член-корреспондент АН БССР, доктор филологических наук, профессор, 1906 года рождения. Воспитанник белорусских советских детских учреждений. Член КПСС с 1940 г. Член Союза советских писателей БССР. Работает заведующим кафедрой русской литературы БГУ имени В. И. Ленина и читает курс теории литературы в Московском университете имени М. В. Ломоносова. В АН БССР тов. Гуторов И. В. работает членом редколлегии “Известий АН БССР” (серия общественных наук), руководит по линии Совета по координации комплексно разрабатываемой темой – Философско-эстетической основы советской литературы и искусства, а также выполняет ряд поручений Отделения общественных наук и дирекции Института литературы и искусства АН БССР, выступает с докладами на научных секциях и официальным оппонентом по диссертациям. Член-корреспондент АН БССР тов. Гуторов И. В. написал и опубликовал три книги, 7 брошюр и 88 журнальных и газетных теоретических статей по острым вопросам научного литературоведения, марксистско-ленинской эстетики и советской фольклористики».

Однако Иван Васильевич не стал ни академиком, ни доктором философских наук. Но продолжал заниматься разработкой философских проблем в области литературоведения. Очередная волна критики в его адрес последовала после выхода в 1957 г. в университетском издательстве 88-страничной брошюры «Философско-эстетические взгляды А. С. Пушкина». Начало ей положила публикация в ведущем общесоюзном литературоведческом журнале «Вопросы литературы» (1958) рецензии, в которой

книга оценивалась как «малограмотное, антинаучное сочинение». Разумеется, филологический факультет БГУ не мог не реагировать на такую оценку, данную работе заведующего одной из своих ведущих кафедр – русской литературы. Ученый совет факультета в течение трех дней (13, 20 и 21 марта 1959 г.) обсуждал книгу И. В. Гуторова и рецензию на нее, пригласив для этого коллег с кафедры философии БГУ, сотрудников Института литературы им. Янки Купалы АН БССР, представителей литературной общественности. В дискуссии приняли участие 19 человек. В отличие от коллег-литературоведов и особенно сотрудников возглавляемой Гуторовым кафедры, позитивно оценивших книгу и считавших предвзятой, грубо написанной рецензию, философы, а также представители академического института критиковали автора за вульгарный социологизм, научную несостоятельность, недобросовестность, цитатничество, искажения положений философии.

Заключительное слово И. В. Гуторова носило наступательный, если не агрессивный характер, о чем уже шла речь в начале очерка. Иван Васильевич полагал, что в отношении него, возглавляющего кафедру русской литературы в национальной республике, которая находится «на границе с капиталистическим миром», ведется травля определенной группой лиц. И причиной тому – его патриотическая позиция. Подводя итоги обсуждения, декан филфака М. Г. Ларченко отметил, что оно прошло вполне удовлетворительно и показало, что в книге есть большие недостатки. Однако, по его мнению, в книге есть и положительное, чего не замечают оппоненты и рецензенты, которые «только утрируют и очерняют».

В направленной на имя секретаря ЦК КПБ Т. С. Горбунова справке отмечалось, что обсуждение будет способствовать усилению требований к научной продукции работников филфака БГУ и проведению творческих дискуссий по спорным вопросам литературы.

Многое из написанного И. В. Гуторовым не выдержало проверку временем. На это указывалось еще при жизни ученого. Однако до сих пор не утратил актуальности его труд о борьбе и творчестве народных мстителей, к которому продолжают обращаться не только современные исследователи, занимающиеся изучением устной истории, но и этнографы, фольклористы, писатели, режиссеры. Сошлемся в качестве примера на получивший широкую известность в 1960-е гг. многосерийный телевизионный художественный фильм «Вызываем огонь на себя», снятый по сценарию Овидия Горчакова и повествующий о героических действиях подпольщиков в пос. Сеща Брянской области. В нем присутствует сцена, в которой главная героиня Аня Морозова (ее играет Людмила Касаткина) вместе с подругами распевает частушку, взятую явно из книги И. В. Гуторова: «Девушки, война, война / Идет аж до Урала. / Девушки, весна, весна, / А молодость пропала!»

В монографии Ивана Васильевича Гуторова современный исследователь может найти немало наблюдений: о независимости национально-освободительных войн и движений от социального строя, о сопутствии устного поэтического народного творчества партизанскому движению, о партизанском фольклоре как своеобразном и наиболее объективном историческом источнике о боевых событиях партизанской войны и др.

Михаил Федорович Шумейко

**Незаурядный языковед,
определивший становление
научной школы истории
белорусского языкознания**

**Доктор филологических наук,
профессор, декан
филологического факультета БГУ**

Мария Андреевна ЖИДОВИЧ

19.10.1906 – 12.11.1977

Разносторонний белорусский языковед, ученый-педагог Мария Андреевна Жидович сыграла важную роль в развитии филологической науки и высшего образования Беларуси, стояла у истоков формирования новой научной отрасли – истории белорусского языкознания. Университетские страницы ее биографии наполнены событиями 1943–1952 и 1959–1977 гг. Короткий период, в 1951–1952 гг., Мария Андреевна в должности декана руководила филологическим факультетом Белорусского государственного университета.

Научные интересы М. А. Жидович были сконцентрированы в исследовании истории белорусского языка и белорусской диалектологии. Она стала одним из основоположников интенсивного развития диалектологии белорусского языка во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. В 1953–1959 гг. Мария Андреевна работала в Институте языкознания АН БССР, руководила сектором истории белорусского языка. Она входила в состав авторского коллектива учебника по истории белорусского языка для вузов. Это была первая книга по истории национального языка у восточнославянских народов.

В 1958 г. Мария Андреевна, защитив докторскую диссертацию, стала первым в Беларуси доктором филологических наук в области белорусского языкознания. Она внесла значительный вклад в развитие белорусской филологической науки и в подготовку научных кадров высшей квалификации, вошла в историю университета в первую очередь как языковед, заложивший основы изучения истории белорусского языкознания.

Мария Андреевна Жидович родилась в разгар Первой русской революции в д. Дукоре Игуменского уезда Минской губернии (сейчас – Пуховичский район Минской области) в крестьянской семье. Не имея достаточно земли, чтобы прокормить семью, в которой было четверо детей, отец батрачил в помещичьем имении Гартингов. Мария с детства познала тяжелый крестьянский труд и до революции 1917 г., как и отец, работала по найму в имении.

События октября 1917 г. кардинально изменили судьбу девушки. У детей рабочих и крестьян появилась возможность получить не только начальное, но и среднее специальное и высшее образование. Женщин уравнили в правах с мужчинами, в том числе и в образовательной сфере. В родной деревне М. А. Жидович, в просторном дворцовом здании бывшей помещицкой усадьбы Гартингов, открылась семилетняя школа. В этом же здании разместились библиотека, насчитывавшая около тысячи книг, клуб и читальня. Мария окончила Дукорскую семилетнюю школу в 1924 г., когда ей было почти 18 лет. Это было крайне сложное время. Перед молодой белорусской советской государственностью стояли задачи восстановления экономики, сильно разрушенной в революционные и военные годы, нужно было хотя бы немного поднять уровень жизни населения. В подобных условиях вопрос о продолжении учебы Марии был отложен до лучших времен: девушке снова пришлось работать – теперь уже сельскохозяйственной рабочей в созданном в Дукоре совхозе.

В 1926 г. ЦИК и СНК БССР приняли постановление «О введении всеобщего обязательного обучения» для детей 8–11 лет в срок до 1934/35 учебного года. Для подготовки учителей начальной школы в республике открыли педагогические техникумы и увеличили наборы в них. Власть рассчитывала, что в таких средних специальных учебных

заведениях изъявят желание учиться женщины рабоче-крестьянского происхождения. В 1926 г. М. А. Жидович поступила в Могилевский Белорусский педагогический техникум на школьное отделение, где готовили учителей для начальной школы. Во второй половине 1920-х гг. семилетние школы БССР ощущали нехватку учителей-предметников, поэтому лучших выпускников педагогических техникумов распределяли на должности учителей в 5–7-е классы семилеток. После окончания обучения в 1930 г. Марию Андреевну направили на работу в школу колхозной молодежи (так назывались семилетние школы в сельской местности БССР в 1930–1934 гг.) в д. Березки Хотимского района (сейчас – Могилевская область) учителем белорусского языка и литературы. Мария Андреевна вышла замуж за учителя. В мае 1934 г. в семье родилась дочь Инна.

На профессиональную деятельность М. А. Жидович оказали влияние ее происхождение и безупречное владение белорусским, русским, польским и украинским языками. Сыграла свою роль в судьбе молодого учителя-филолога и государственная образовательная политика в БССР 1920–30-х гг. – учеба в школе и педагогическом техникуме пришлось на период белорусизации. В 1932 г. в республике начался переход к введению всеобщего обязательного обучения на базе семилетней школы. Это потребовало увеличения численности учителей-предметников с высшим образованием, в том числе и филологов. В 1934 г. М. А. Жидович поступила на литературно-лингвистический факультет (с 1936 г. – факультет языка и литературы) Минского высшего педагогического института. Она слушала лекции таких знаменитых ученых, как академик АН БССР, профессор И. И. Замотин, профессор М. Н. Пиотухович, которые имели богатый опыт преподавания и в Белорусском государственном университете. В институте проявилась

склонность студентки к научной работе: она активно участвовала в спецсеминарах и научных кружках. В 1938 г. Мария Жидович окончила институт с отличием.

Рост числа педагогических высших учебных заведений и студентов в них в 1930-х гг. вызвал дефицит вузовских преподавателей. На состоявшемся в июне 1938 г. Всебелорусском совещании работников высшей школы был намечен курс на выдвижение способной молодежи на научную и преподавательскую работу. Увеличились наборы в аспирантуру. Мария Андреевна получила рекомендацию для поступления в аспирантуру как окончившая вуз с отличием. В 1938 г. она стала аспиранткой Минского педагогического института по кафедре белорусского языка. В 1938–1940 гг. были успешно сданы экзамены кандидатского минимума, работа над кандидатской диссертацией по-настоящему увлекла, так как в теме гармонично сочетались проблемы в области родного белорусского языка и белорусской культуры. Объектом научного исследования стала история белорусского языка, предметом – памятник древнебелорусской книжной письменности Супрасльская летопись 1519 г. Мария Андреевна изучала фонетические, морфологические и синтаксические особенности языка летописи как светского книжного. Это было первое специальное исследование языка Супрасльской летописи. Уже в июне 1941 г. аспирантка передала рукопись диссертации своему научному руководителю. Однако закончить аспирантуру помешала война. К огромному огорчению, рукопись диссертации и обширная библиографическая картотека к ней пропали.

Война разбросала родных Марии Андреевны по стране. Она сама, ее родная сестра и один из братьев успели эвакуироваться и работали в тылу. Мать с отцом, брат и дочь Инна остались на оккупированной территории. Брат участвовал в партизанском движении в Руденском

районе Минской области, а родители с внучкой находились в гражданском лагере партизанского отряда.

В июле – августе 1941 г. М. А. Жидович проживала в г. Ардатов Мордовской АССР и работала библиотекарем в эвакуационном госпитале. Затем удалось переехать в Свердловск и поступить в аспирантуру Уральского государственного университета, где Мария Андреевна училась с января по декабрь 1942 г. Одновременно она работала учительницей в средней школе, а затем с января по июль 1943 г. – в органах НКВД Свердловска.

Когда в 1943 г. на ст. Сходня под Москвой возобновил работу БГУ, М. А. Жидович отозвали в распоряжение ректората и назначили преподавателем белорусского языка. Так началась ее педагогическая деятельность в университете. В 1943–1949 гг. работала на кафедре белорусского языка и литературы: читала дисциплины «Современный белорусский язык» и «История белорусского языка». Одновременно закончила работу над текстом кандидатской диссертации, восстанавливая его по памяти. 15 августа 1944 г. на заседании ученого совета БГУ М. А. Жидович успешно защитила кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Супрасльская летопись как памятник белорусского книжного языка XVI в.». Оппоненты отмечали важное значение диссертации для изучения истории белорусского языка. Всестороннее и глубокое осмысление орфографических и фонетических особенностей языка летописи стало значительным вкладом в изучение истории звуков и знаков белорусского языка, истории культурного развития Беларуси – связей с языками восточнославянских народов. Диссертационное исследование способствовало рассмотрению с новых позиций многих фактов истории белорусского языка. В белорусском языкознании диссертация стала первой попыткой синтетического

изучения одного из древних памятников белорусского книжного языка. 26 декабря 1944 г. Высшая аттестационная комиссия при Всесоюзном комитете по делам высшей школы СССР утвердила решение ученого совета БГУ о присуждении М. А. Жидович ученой степени кандидата филологических наук.

В ноябре 1944 г. Марию Андреевну перевели на должность доцента кафедры белорусского языка. Она продолжала научные исследования в области истории белорусского языка, результаты которых публиковались в «Ученых записках БГУ», материалах сессии АН БССР. 15 января 1949 г. решением ВАК СССР ей присвоили ученое звание доцента по кафедре белорусского языка. Являясь в 1940-е гг. единственным в республике оstepененным специалистом по истории белорусского языка, М. А. Жидович в БГУ читала лекции и проводила практические занятия именно по данному курсу. Учебных пособий по истории белорусского языка не существовало, поэтому основные знания студенты получали на лекциях. На практических занятиях использовались письменные источники из «Хрестоматии по истории русского языка», в них нашли отражение некоторые фонетические и грамматические черты, ставшие позднее характерными для белорусского языка. Ученый и преподаватель давала возможность студентам проявлять исследовательские способности и предлагала делать полный грамматический анализ отрывков из источников: определить частеречную принадлежность слова, его грамматическую форму, орфографические и словообразующие особенности, лексическое значение и т. д. Немало студентов выбирали темы своих дипломных работ именно по истории белорусского языка. А некоторым из выпускников филологического факультета БГУ Мария Андреевна помогла включиться в научную работу. Только из выпускников 1950 г. кандидатами филологических наук

стали А. Ф. Коршунов и М. И. Круковский, докторами наук – А. М. Адамович, А. И. Журавский, Л. М. Шакун.

М. А. Жидович с 1945 г. стала членом компартии, что предполагало активное участие в общественной работе, при необходимости – выполнение административных обязанностей. В характеристиках, выданных руководством университета, отмечались ее дисциплинированность и добросовестное отношение к таким поручениям. В это время Мария Андреевна уже овдовела и одна воспитывала дочь Инну. В 1951 г. приказом ректора БГУ М. А. Жидович была назначена деканом филологического факультета и стала второй женщиной-деканом в истории БГУ – после О. Д. Акимовой, декана биологического факультета. Правда, уже в 1952 г. она оставила эту ответственную и очень хлопотную должность.

В первые послевоенные годы в БССР не хватало научных кадров. Как и в довоенные годы, продолжалась вынужденная практика совмещения университетских и академических должностей наиболее ценными белорусскими учеными. С 1946 по сентябрь 1952 г. М. А. Жидович совмещала преподавание в БГУ с работой в АН БССР в качестве старшего научного

М. А. Жидович (крайняя слева) со студенткой филфака БГУ во время диалектологической экспедиции на Полесье. 1951 г.

М. А. Жидович – декан
филфака БГУ. 1951 г.

сотрудника сектора белорусского языка в академическом Институте литературы, языка и искусства. Мария Андреевна была единственным сотрудником сектора, имевшим степень кандидата филологических наук. Ее коллегами по работе являлись М. Р. Судник и Ю. Ф. Мацкевич – будущие члены-корреспонденты АН БССР, писатели П. Ф. Глебка и Н. П. Лобан. Основное внимание сотрудники сектора уделяли подготовке русско-белорусского словаря и изучению белорусских говоров. Вместе с Ю. Ф. Мацкевич и Н. В. Бирилло Мария Андреевна разработала программу по изучению белорусских говоров и сборанию сведений для составления диалектологического атласа белорусского языка. По этой программе на протяжении многих последующих лет в ходе экспедиций в различные районы Беларуси проводился отбор диалектного материала. В экспедициях участвовала и сама Мария Андреевна. Преподаватель БГУ, она вовлекла в эту работу коллег и студентов филологического факультета. К 1952 г. под ее руководством были обследованы более 100 населенных пунктов в 15 районах БССР, а богатый фактологический материал для диалектологического словаря систематизирован и обобщен в научных статьях и отчетах.

Таким образом, М. А. Жидович стала одним из основоположников диалектологии белорусского языка.

В 1950–60-е гг. широкомасштабные диалектологические исследования белорусского языка проводились под руководством выдающихся советских языковедов – московского Рубена Ивановича Аванесова и белорусского Юзефы Флориановны Мацкевич. Выполнялся комплекс работ по белорусской диалектологии и лингвogeографии, к ним привлекались университет и педагогические институты. На основе собранных материалов были составлены подробный «Диалектологический атлас белорусского языка» и «Лингвистическая география и группировка белорусских говоров». Такими фундаментальными научными трудами в области диалектологии обеспечены и сегодня не все языки мира и даже не все языки Европы.

1950-е гг. стали плодотворным периодом в развитии белорусского языкознания. После идеологической дискуссии в 1950-х гг. о путях дальнейшего развития языкознания в СССР лингвистика освободилась от почти 20-летнего господства концепции академика Н. Я. Марра и начала развиваться в обстановке плюрализма школ и подходов. Основным научным направлением признали сравнительно-историческое языкознание. Стали изучаться проблемы истории и закономерности развития языков народов СССР, местные диалекты на различных ступенях их исторического развития. Много внимания уделялось составлению новых учебников для начальной, средней и высшей школы.

В мае 1952 г. на базе сектора белорусского языка Института языка, литературы и искусства АН БССР был создан Институт языкознания, директором которого стал известный писатель, академик АН БССР К. К. Крапива (Атрахович). В новом институте работало пять секторов, в том числе и сектор истории белорусского языка. Его руководителем

в сентябре 1952 г. назначили М. А. Жидович. Большой объем обязанностей привел к тому, что Мария Андреевна вынуждена была покинуть БГУ и с февраля 1953 г. перешла на постоянную работу в АН БССР. На тот момент она была единственным сотрудником сектора истории белорусского языка с ученой степенью. План работы сектора на 1952–1954 гг. предусматривал подготовку учебника по истории белорусского языка для студентов филологических факультетов. К его созданию привлекли сотрудников других секторов Института языкознания, преподавателей БГУ и Минского пединститута, профессора МГУ М. И. Корнееву-Петрулан. Учебник стал первым важным итогом работы института. По предложению К. К. Крапивы в 1954 г. прошло широкое обсуждение рукописи учебника, в нем приняли участие языковеды из Москвы, Литвы и Украины. В ходе обсуждения эксперты указали на недостатки. К работе привлекли и новых авторов. Доработанный учебник был издан в 1957 г. под названием «Нарысы па гісторыі беларускай мовы». Авторский коллектив состоял из Н. В. Бирилло, М. Г. Булахова, М. А. Жидович, А. И. Журавского, М. И. Корнеевой-Петрулан, В. Ф. Кривчика, Б. С. Лапова, Ю. Ф. Мацкевич. Мария Андреевна написала разделы «Уводзіны», «Фанетыка» (кроме параграфа «Аканне»), «Назоўнік», «Нарысы па гісторыі беларускай мовы». Учебник стал первой книгой по истории национального языка восточных славян. Многие его положения определили судьбу дальнейших исследований белорусского языка.

В Институте языкознания АН БССР подготовка научных кадров шла через аспирантуру. М. А. Жидович много внимания уделяла работе с аспирантами, которые готовили кандидатские диссертации по истории белорусского языка. Она организовала обсуждение написанных аспирантами глав диссертаций в секторе истории белорусского языка. Будущие

ученые приглашались один раз в месяц на заседания сектора, что помогало им лучше разобраться в проблемах истории белорусского языка. С 1950 по 1956 г. под руководством Марии Андреевны работали шесть аспирантов, из них трое защитили и трое подготовили к защите кандидатские диссертации.

Индивидуальной научной темой М. А. Жидович в этот период было изучение истории имени существительного в белорусском языке, что определило выбор темы докторской диссертации. С 1946 г. белорусская Академия наук стала практиковать направление своих сотрудников в докторантуру при АН СССР. Мария Андреевна воспользовалась такой возможностью и в 1954–1956 гг. проходила обучение в докторантуре академического Института языкознания в Москве. Научным консультантом был назначен доктор филологических наук В. И. Борковский, с поддержкой которого и осуществлялись исследования по теме «Именное склонение в белорусском языке».

После окончания докторантуры и возвращения из Москвы М. А. Жидович в январе 1957 г. вновь возглавила сектор истории белорусского языка Института

М. А. Жидович со студенткой филфака БГУ во время диалектологической экспедиции в Воложинский район Минской области. 1954 г.

М. А. Жидович (вторая справа
в нижнем ряду) с учениками. 1958 г.

языкознания. В декабре 1958 г. она защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук на тему «Іменнае скланенне ў беларускай мове: Назоўнік. Ч. 1. Адзіночны лік». Это исследование стало весомым вкладом в изучение морфологии белорусского языка. В этом же месяце Высшая аттестационная комиссия при Министерстве высшего образования СССР без проволочек утвердила решение совета. М. А. Жидович стала первой в Беларуси женщиной – доктором филологических наук. Результаты ее научных исследований использовались при написании учебных пособий, в создании которых она сама принимала участие. В 1957 г. был издан учебник «Курс сучаснай беларускай літаратурнай мовы: Марфалогія», предназначенный для филологических факультетов университетов и педагогических институтов. Мария Андреевна написала разделы «Часціны мовы» и «Назоўнік». Учебник готовился в соответствии с учебными программами для высших учебных заведений того времени и стал базой для дальнейшей подготовки пособий данного типа.

Во второй половине 1950-х гг. сотрудников АН БССР, занимавшихся гумани-

тарными науками, в системе оплаты труда отнесли ко второй категории. Как следствие, их заработок заметно уменьшился в сравнении и с работниками других отделений Академии, и с вузовскими преподавателями. Многие сотрудники Института – кандидаты и доктора наук – стали переходить в вузы, а их места занимали младшие научные сотрудники без академических степеней и званий. К 1960 г. в секторе истории белорусского языка из восьми сотрудников только трое имели ученую степень. Обещания директора Института языкознания М. Р. Судника увеличить штат остались невыполненными, а сотрудников с учеными степенями не устраивала перспектива заниматься подготовкой картотеки для исторического словаря белорусского языка.

В июне 1959 г. М. А. Жидович избрали на должность профессора кафедры белорусского языка БГУ. В сентябре она уволилась с должности заведующего сектором истории языка Института языкознания. 19 ноября 1960 г. ВАК при Минвузе СССР утвердил Марию Андреевну в ученом звании профессора по кафедре белорусского языка. Она разработала все читавшиеся в университете основные курсы белорусского языкознания. Важной частью ее педагогической нагрузки стало преподавание курса исторической грамматики белорусского языка. Во время чтения лекций профессор периодически обращалась к тексту своей докторской диссертации. Студенты могли ощутить, с какой любовью их маститый преподаватель относится и к истории родного языка, и к кропотливой работе исследователя. С 1959 по 1975 г. М. А. Жидович неоднократно переизбиралась в должности профессора кафедры белорусского языка. Коллеги вспоминали ее как тихого, задумчивого человека, очень ответственно относившегося ко всем поручениям и к своим учебным обязанностям. После назначения персональной пенсии с 1 апреля

1975 г. Марию Андреевну перевели на должность профессора-консультанта кафедры белорусского языка.

В 1960–70-е гг. М. А. Жидович много внимания уделяла изучению диалектной лексики. При кафедре белорусского языка она создала коллектив из преподавателей, аспирантов и студентов филологического факультета, который несколько лет занимался исследованием диалектной лексики центральных районов Беларуси. По итогам работы вышло три выпуска «Матэрыялаў для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак» (1970, 1974, 1977). Выпуски содержали интересный и ценный материал для составления диалектологического словаря. В них были размещены слова, отсутствовавшие в опубликованном белорусско-русском словаре, а также слова, в которых значение или ударение отличалось от литературного языка. При объяснении лексем авторы приводили соответствующий термин литературного языка. Когда синоним отсутствовал, слово объяснялось описательно. В качестве дополнения размещались фразеологические словосочетания, поговорки. При составлении материалов второго выпуска авторы руководствовались дифференциальными признаками диалектных слов по сравнению со словами литературного языка. Словарные статьи они дополнили раскрытием смыслового значения слова и иллюстрировали примерами из живой речи. Кратко обозначалась деревня, где был записан пример, а если слово употреблялось в нескольких населенных пунктах, то указывались сокращенные их названия. Три выпуска содержали около 5,5 тыс. диалектных слов и свыше 500 пословиц, поговорок и фразеологических словосочетаний. В этой важной работе принимала активное участие и дочь Марии Андреевны. Инна Афанасьевна пошла по стопам матери. В 1959 г. она окончила филологический факультет БГУ и осталась на кафедре белорусско-

М. А. Жидович за работой. 1963 г.

Работа над «Матэрыяламі для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак»
(М. А. Жидович – крайняя слева)

го языка в должности лаборанта (1960–1967), затем преподавателя (1967–1996). Инна Афанасьевна была замужем за известным белорусским футболистом Виктором Королевым, в 1960 г. родила сына Андрея. После завершения спортивной карьеры Виктор Захарович также перешел работать в систему высшей школы: преподавал на кафедре спортивных игр, а с 1964 г. – на кафедре футбола и хоккея Белорусского государственного института физической культуры.

Уже после смерти М. А. Жидович ее коллеги и ученики подготовили пер-

М. А. Жидович (стоит) ведет заседание кружка по белорусскому языку. 1967 г.

вый том «Слоўніка гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі», который вышел в 1990 г. под редакцией Е. С. Метельской. В словаре впервые давалось описание диалектной лексики говоров, которые сыграли ведущую роль в формировании современного белорусского языка. К сожалению, рукопись второго тома этой уникальной работы потеряли в издательстве в 1990-х гг. Большой вклад Мария Андреевна внесла в коллективную работу по созданию «Бібліяграфічнага ўказальніка літаратуры па беларускаму мовазнаўству» (1960), в котором названы работы от самых ранних (с 1825 г.) до опубликованных в 1958 г. Составители справочника собрали только материалы из библиотек и книгохранилищ Беларуси. Поскольку многие книги исчезли во время Великой Отечественной войны, то перечень оказался неполным. Понимая это, ученые продолжили собирать библиографический материал и с помощью главного библиографа Фундаментальной библиотеки АН БССР А. Д. Василевской подготовили новый указатель «Беларускае мовазнаўства», изданный в 1967 г. В нем охватывался период 1825–1965 гг. и находилось 3514 названий книг, брошюр, статей, научных сообщений, рецензий, исключая школьные учебники

и методическую литературу. Материал был подан в соответствии с «Правилами библиографического описания произведений печати» АН СССР и систематизирован в пяти тематических разделах: проблемы происхождения и развития белорусского языка и его изучение; история белорусского литературного языка; современный белорусский литературный язык. Этот библиографический справочник, в создании которого принимала участие М. А. Жидович, положил начало изданию в Беларуси целой серии подобных книг, которые с полным правом считаются исходной основой формирования новой лингвистической отрасли – истории белорусского языкознания. Работа чрезвычайно востребована и сегодня, ею пользуются все исследователи белорусского языка.

Историк белорусского языкознания К. И. Германович установил, что М. А. Жидович – автор 19 научных публикаций, каждая из которых внесла в лингвистику открытие. Мария Андреевна регулярно выступала с результатами своих исследований на научных конференциях и симпозиумах. Она являлась ответственным редактором 6 научных изданий, членом редколлегии республиканского журнала «Работніца і сялянка». Высокий профессионализм ученого и педагога дал основание в 1960-х гг. избрать М. А. Жидович членом секции языкознания ВАК при Минвузе СССР. Секция занималась государственной аттестацией научных и научно-педагогических работников. Каждый месяц Мария Андреевна ездила в Москву и принимала участие в заседаниях Высшей аттестационной комиссии, где решалась судьба докторских и кандидатских диссертаций по языкознанию. Для нее это была ответственная и почетная миссия, которая поручалась известным специалистам в области языкознания.

Много внимания уделяла М. А. Жидович воспитанию студентов, вовлечению

их в научно-исследовательскую деятельность. Профессор возглавляла студенческий научный кружок по белорусской диалектологии. Работы студентов, выполненные под ее руководством, не раз получали высокую оценку на республиканских конкурсах. Ученики знали Марию Андреевну как спокойного и доброжелательного преподавателя, строгого и требовательного руководителя. Много внимания она уделяла аспирантам, которых учила методологии научного исследования, консультировала. Большинство университетских аспирантов защищали кандидатские диссертации накануне окончания трехгодичного срока обучения в аспирантуре или вскоре после его завершения. Диссертации, подготовленные под руководством М. А. Жидович, были серьезными, качественными научными исследованиями. Интересно, что Мария Андреевна не только заботилась о научном росте своих воспитанников, но и интересовалась их личной жизнью, помогала. Аспиранты называли своего научного руководителя «наша мама», сохранив к ней теплые чувства на всю жизнь. Всего М. А. Жидович подготовила 2 докторов и 21 кандидата филологических наук, которые в дальнейшем разрабатывали научную проблематику белорусского языкознания в научно-исследовательских институтах и высших учебных заведениях.

На протяжении всего периода работы в БГУ М. А. Жидович занималась общественной деятельностью: избиралась членом партийного и профсоюзного комитетов университета, секретарем и членом партийного комитета филологического факультета. В течение ряда лет выполняла обязанности секретаря Совета университета по присуждению ученых степеней.

М. А. Жидович – один из самых значительных ученых в области белорусского языкознания после Великой Отечественной войны. Она стала первой женщиной – кандидатом и доктором

наук в области белорусского языкознания. За научно-педагогическую деятельность и общественную работу ее наградили медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1945) и «За трудовую доблесть» (1960), грамотой Верховного Совета БССР (1951) и Почетной грамотой Верховного Совета БССР (1976). В 1971 г. за плодотворную научную деятельность Мария Андреевна была удостоена звания «Заслуженный деятель науки БССР».

М. А. Жидович была красивой женщиной с добрым сердцем и отзывчивой душой, у нее для каждого находилась приветливая улыбка и ласковое слово. Деятельная и простая, она умела найти подход и к коллегам, и к студентам и аспирантам, а во время диалектологических экспедиций – к жителям белорусских деревень. Последние годы она проживала по проспекту им. Ленина (сейчас – пр. Независимости) недалеко от филологического факультета БГУ, которому отдала так много времени и сил.

Умерла Мария Андреевна Жидович 12 ноября 1977 г. и была похоронена на Северном кладбище г. Минска. 19 октября 2006 г. кафедра истории белорусского языка БГУ торжественно отмечала 100-летие со дня рождения профессора. По итогам юбилейных чтений был подготовлен сборник научных работ. В своих выступлениях коллеги, ученики и друзья Марии Андреевны подчеркивали значение для белорусского языкознания ее трудов, которые остаются востребованными и в наши дни. Научные исследования М. А. Жидович способствуют выражению национального самосознания белорусского общества, формированию национальной идеи, а также повышению международного престижа Республики Беларусь как независимого славянского государства с высоким уровнем развития лингвистической науки.

Ольга Игоревна Ершова

Мария Андреевна Жидович

**Один из основоположников
мирового кумрановедения,
выдающийся исследователь
религий и атеизма**

**Доктор исторических наук, доктор
философских наук, профессор
кафедры истории древнего мира
и средних веков БГУ**

**Гилер Маркович
ЛИВШИЦ**

09.06.1909 – 27.07.1983

Профессор кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета БГУ Гилер Маркович Лившиц в 1970-х гг. стал одним из трех ученых в СССР, имевших сразу две ученые степени доктора наук: исторических и философских. Издал около 30 монографий, и маловероятно, что это уникальное научное достижение будет превзойдено (по крайней мере в обозримом будущем).

Научную деятельность Г. М. Лившиц начал с исследований позднереспубликанского Рима в кульминационный период гражданских войн I в. до н. э., завершившийся установлением принципата Августа. В 1939 г. защитил первую в Беларуси кандидатскую диссертацию по специальности «всеобщая история». Работа над докторской диссертацией по восточным римским провинциям и восстаниям против Рима в Иудее привела ученого к исследованию только что найденных около Мертвого моря загадочных рукописей. Гилер Маркович стал одним из первых в мире исследователей кумранских текстов и ведущим кумрановедом в СССР. Бурные дискуссии вокруг принадлежности религиозных текстов Кумрана, о влиянии их на христианство сформировали непреходящий интерес ученого к истории религий, прежде всего христианства и иудаизма. В дальнейшем этот интерес перерос в исследование истории свободомыслия и атеизма, начиная с эпохи древности и до XX в., что позволило защитить докторскую диссертацию по философии.

В станционном поселке Дараганово Бобруйского уезда Могилевской губернии в семье мелкого торговца Мордуха Лившица 9 июня 1909 г. родился сын, назвали мальчика Гилером. Дараганово (сегодня – агрогородок Осиповичского района) располагается на берегах Припяти. Само появление поселка и его рост поначалу зависели от Риги-Орловской железной дороги, участок которой был проложен здесь в конце XIX в. Близость железной дороги давала возможность Мордуху Лившицу вести торговлю, обеспечивать семью с тремя детьми. Доходы были небольшими, но позволили отправить маленького Гилера учиться в хедер – частную начальную еврейскую школу. В хедере изучали Тору, Талмуд, иврит, это было религиозное образование, из светских предметов преподавали разве что арифметику. Время учебы Гилера пришлось на бурные годы: немецкая оккупация в 1918 г., затем год хозяйничали поляки, в 1920 г. утвердилась советская власть.

Сразу же началась активная антирелигиозная кампания, хедеры с их религиозным обучением стали одной из первых ее жертв. Конечно, первоначальные знания по Библии и ивриту у смышленного мальчика сохранились, но времена наступали иные. И юный уроженец Дараганово с охотой окунулся в новую жизнь: советскую семилетку закончил в Старых Дорогах в 18 лет. Нужно было самостоятельно зарабатывать на жизнь, так как отцовский бизнес давно прекратился и Мордух Лившиц работал на заводе. Гилер стал трудиться столяром сначала в Дараганово, затем на заводе в Минске.

Рабочая профессия позволила молодому человеку через рабфак в 1931 г. поступить в Белорусский государственный высший педагогический институт. Факультет был избран социально-экономический (исторические факультеты в вузах СССР откроют в 1934 г.). Именно в 1934 г. Г. М. Лившиц получил диплом

о высшем образовании и стал аспирантом института. Его научным руководителем был профессор В. Н. Перцев, заведующий кафедрой всеобщей истории. В аспирантуре Гилер Маркович не только писал диссертацию, но и читал лекции по древней и средневековой истории в своей альма-матер и на историческом факультете БГУ. Специалистов по многим отраслям возрожденной исторической науки тогда не хватало (изучение только революций и восстаний оказалось явно недостаточным для понимания процессов исторического развития человечества), и аспирант, как и его руководитель и коллеги, трудился сразу в нескольких вузах.

В 1939 г. Г. М. Лившиц защитил первую в Беларуси кандидатскую диссертацию по всеобщей истории на тему «Социально-политическая борьба 60-х гг. I в. до н. э. в Риме и заговор Катилины» (в 1960 г. была издана соответствующая монография). Защита диссертации состоялась в Совете Белорусского государственного университета.

Тема, избранная для диссертации, была и остается одной из самых дискуссионных проблем кризиса Римской республики. Мнения о сущности заговора у историков с древности и до наших дней многообразны, часто противоречивы. Г. М. Лившиц опирался строго на материал источников, проведя их тщательный анализ. Он ушел от популярных тогда вульгаризаторских штампов о «революциях рабов и угнетенных». По заключению молодого историка, события, связанные с заговором Катилины, – это борьба римских политических группировок с переплетением интересов нобилитета, сената, всаднического сословия в условиях резкого имущественного расслоения граждан после широких завоевательных войн Рима на Востоке. Не все советские историки тогда согласились с выводами Г. М. Лившица, немало кто называл их спорными. Однако прошло время, и теперь защищаются диссертации

ции и издаются монографии и статьи по заговору Катилины, в большинстве которых труд белорусского историка оценивается высоко.

В 1940 г. Гилер Маркович стал первым в республике доцентом по всеобщей истории. Он был востребован как преподаватель, читал лекции не только в пединституте и в БГУ, но и в Минском юридическом институте и даже для историков в Белостоке. Научные и педагогические успехи однако отнюдь не являлись гарантией от гибели в кровавых жерновах сталинских репрессий. На Г. М. Лившица (как и на его научного руководителя Владимира Николаевича Перцева) поступали доносы в соответствующие органы. Оба историка фигурировали в репрессивных списках, но, к счастью для них и белорусской науки, дело до расправы не дошло.

С первых дней Великой Отечественной войны Гилер Маркович был в рядах Красной армии. Причем воевал рядовым, хотя имел офицерское звание интенданта в запасе. С немногими уцелевшими бойцами 13-й армии ему удалось вырваться из окружения. По болезни был демобилизован и стал преподавать в педагогическом институте Кзыл-Орды в Казахстане. Когда рядом с городом строили канал, Гилер Маркович трудился простым землекопом, отказавшись от легкой работы, на которую его определили по состоянию здоровья. За свой труд землекоп с ученой степенью был награжден грамотой Верховного Совета Казахской ССР и считал эту награду одной из главных.

В октябре 1944 г. Г. М. Лившиц вернулся с семьей в Минск и стал трудиться доцентом кафедры истории средних веков БГУ, которой заведовал В. Н. Перцев. Почти одновременно был назначен заведующим кафедрой всеобщей истории Минского педагогического института, продолжил работу по совместительству и в юридическом институте. С 1950 г. БГУ стал основным местом работы ученого.

Гилер Маркович преподавал много учебных дисциплин. Он никогда не жаловался на то, что ему не давали сосредоточиться на нескольких любимых лекционных курсах. Всех, кому выпадала подобная судьба, он успокаивал примерами из собственной жизни, заключая, что изучение и преподавание различных эпох и разделов истории формирует необходимый широкий научный кругозор, который позволяет не «закапываться» в узкой проблеме, а хорошо понимать значение исследуемого вопроса для науки.

Историк был замечательным педагогом. Он трудился по собственной методике преподавания в высшей школе. Многим она на первый взгляд казалась причудой профессора, всецело отданного науке и поэтому якобы легковесно относившегося к преподаванию. В этой методике не было места зазубриванию многочисленных фактов, деталей событий и явлений. Он учил постигать главное: процессы в обществе, логику развития той или иной страны. Это резко контрастировало с советскими учебниками для вузов, которые выглядели похожими на цифровые сводки по состоянию экономики в тот или иной период или набором отрывочных описаний причудливо избранных сюжетов по политической истории. Например, как можно понять средневековую историю стран Азии и Африки, если толстый учебник весь был испещрен цифрами, а уникальную историю каждой страны «вгоняли» в рамки феодализма, коего там не было и быть не могло (за исключением разве Японии, на которой Г. М. Лившиц и ставил особый акцент)? Студенты у Гилера Марковича занимались не по учебникам, перегруженным ненужной информацией, а по конспектам его лекций – кратким и четким, где излагалась логика исторического пути основных цивилизаций. Спустя много лет бывшие студенты понимали, что больше всего знаний у них сохранилось из курсов Г. М. Лившица.

В первые послевоенные годы историк вернулся к прежней научной проблематике. Он подготовил и издал ряд статей по заговору Катилины и по общественно-политическим взглядам его главного противника Цицерона. Однако вскоре радикально изменил главный предмет своих научных исследований. Доцент Г. М. Лившиц приступил к изучению римских провинций (с разделением на императорские и сенатские) в первые века империи. Особенно его заинтересовали восточные провинции – в первую очередь Иудея, тогда почти не изучавшаяся советскими историками. Тема была в значительной мере табуирована атеистической пропагандой, не только отрицавшей роль родины христианства для Иудеи, но и всячески гасившей «нездоровый интерес» к религии. Однако после войны в Палестине было создано еврейское государство, причем при активной поддержке СССР, выступавшего против британских колонизаторов. Разумеется, это вызывало и потребность в изучении исторических корней Израиля и причин конфликтов.

В 1957 г. вышла в свет одна из главных работ Г. М. Лившица – «Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима». Она вызвала огромный интерес не только в СССР, но и во всем мире. В Советском Союзе такая проблематика не поощрялась. Тому было немало причин. Одна из них заключалась в том, что читатели могли познакомиться с реалиями обстановки, в которой возникло христианство и действовали персонажи книг Нового завета, историчность которых отвергалась советскими атеистами. Достаточно сказать, что главный исторический источник по ситуации в Иудее I в. н. э. – труды Иосифа Флавия – в СССР вообще не издавался. Единственное в советское время издание «Иудейской войны» Иосифа Флавия было осуществлено только в 1991 г. учениками Г. М. Лившица. Книга тиражом в 150 тыс. экземпляров разо-

На Первомайской демонстрации.
Середина 1950-х гг.

шлась быстро. Одна из главных причин заключалась в желании читателей познакомиться с реалиями исторической обстановки времен жизни Иисуса Христа, апостолов. В том числе и тех реалий, которые, используя тексты Иосифа Флавия, представил в своем выдающемся романе «Мастер и Маргарита» классик литературы М. А. Булгаков (а этот роман тоже долгое время находился под запретом).

Разумеется, выход монографии Г. М. Лившица в 1957 г. оказался возможен в условиях «оттепели». Однако буквально сразу же книга стала восприниматься в высших партийных инстанциях как «опасная». Ученому приходилось отстаивать свое детище, большую поддержку оказали ему коллеги-антиковеды. Монография вызвала огромный интерес за рубежом, но в тех условиях для ее автора это означало не столько удовлетворение мировым признанием, сколько гонения от чиновников на родине. Изыскивались всевозможные предлоги, чтобы уничтожить книгу. Теперь, правда, представляется несколько странным, что Гилера Марковича не обвинили в самом «страшном» – своеобразной трактовке «классовой борьбы». По-видимому, слова «классовая борьба» в названии моногра-

Ведущие историки БГУ (Г. М. Лившиц – второй справа). 1955 г.

фии в восприятии чиновников служили гарантией классового марксистского подхода к истории. На деле в монографии речь идет отнюдь не о классах рабов и рабовладельцев (которых тогда искали в любом древнем обществе, игнорируя специфику общественных отношений в древневосточных цивилизациях), а об особой социальной структуре Иудеи, претерпевшей специфическую эволюцию во времена персидского владычества, при Хасмонеех, римлянах. Основной сюжет «классовой» борьбы в книге разворачивается в противоречиях не «классов», а религиозно-политических группировок в римской Иудее, за которыми стояли конкретные социально-политические интересы.

В монографии Г. М. Лившиц использовал огромное количество исторических источников, среди них немало и таких, которые в то время (да и десятилетия позже) вообще не переводились на русский язык, в том числе и важнейшие источники по истории первоначального христианства, например труды Филона Александрийского. Причем источники анализируются автором детально.

Выводы Лившица-исследователя всегда обосновывались данными, скрупулезно добытыми в ходе тщательной, долгой работы с текстами древних авторов. Его научные труды – настоящий компендиум данных источников, находка для исследователей. Ученый считал, что при разработке проблемы должна использоваться вся имеющаяся на данный момент научная литература со всеми ее гипотезами, положениями, дискуссиями. Этого он требовал и от учеников. Кстати, по количеству и системе ссылок на работы других исследователей легко определить принадлежность отечественных историков к научной школе Г. М. Лившица, даже если они и отошли от проблематики их учителя.

У монографии «Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима» необычайно трудная судьба. В тисках цензуры (и не только Главлита) она была лишена своего первоначального названия «Иудея и Рим». Из монографии была целиком вырезана глава «Еврейская диаспора в свете взаимоотношений Иудеи с Римом», впервые опубликованная лишь в 2009 г. в юбилейном издании, вышед-

шем в БГУ к 100-летию Г. М. Лившица. Издание монографии многократно откладывалось, ее не раз обсуждали, в том числе и в Московском университете (коллеги из МГУ дали очень хорошие отзывы). А когда она была наконец издана, то почти весь ее тираж был уничтожен. Монография волею судеб стала раритетом.

Почему так произошло? Обычно в качестве главного называют один загадочный фактор: книга «может вызвать международные осложнения». Монография проходила экспертизу в Министерстве иностранных дел СССР. Возможно, ключ к разгадке в том, что едва ли не весь тираж книги Г. М. Лившица был заказан Израилем, поэтому она пошла «под нож». Это весьма вероятно, учитывая Суэцкий кризис 1956 г. и резкое обострение отношений между СССР и Израилем. Навряд ли в те годы сказалась «борьба с космополитизмом», волна которой спала.

Был и еще один фактор, сделавший монографию Г. М. Лившица опальной. Он связан с монополией в советском христиановедении мифологической школы. В своих трудах по истории раннего христианства историк БГУ выступал приверженцем этой школы. Но именно в монографии об Иудее под властью Рима содержится уникальный для того времени материал источников, напрочь игнорировавшийся представителями мифологической школы. Разумеется, в условиях новой волны агрессивной атеистической пропаганды, развернувшейся с середины 1950-х гг., любые попытки препятствовать ей подавлялись беспощадно. Однако научная объективность и добросовестность, присущие Г. М. Лившицу, не допускали сокрытия исторических реалий. Продолжая в первые послевоенные годы заниматься изучением социально-политической борьбы в Римской республике I в. до н. э., он начал исследовать и проблематику истории религий, прежде всего христианства и иудаизма.

Поначалу это были преимущественно публицистические, научно-популярные статьи, брошюры, книги. Они написаны с атеистических позиций. Тем не менее и в этом случае ученому приходилось порой сталкиваться с недовольством советской цензуры. Недавно стало известно, например, что в 1962 г. начальник Главлита БССР вернул на доработку книгу Г. М. Лившица «Происхождение и сущность иудейских и христианских религиозных праздников», поскольку в ней «реакционная сущность» религиозных праздников объясняется мимоходом, общо, без острой публицистики, а изложение самих праздников носит «описательный характер». И это был далеко не единичный случай. Профессор советовал молодым исследователям непременно добавлять в заголовки статей слова о критике богословских взглядов или о «реакционной сущности», ссылаясь на собственный опыт. Вероятно, и фраза «классовая борьба» в заглавии его монографии – инструмент из того же арсенала.

Обращаясь к проблематике истории христианства и иудаизма, Г. М. Лившиц действовал в русле белорусской университетской научной школы истории античного христианства, заложенной академиком Н. М. Никольским.

Г. М. Лившиц принял лидерство от Н. М. Никольского в отечественной школе истории античного христианства в 1960-е гг. в разгар нового мощного натиска агрессивной атеистической пропаганды (и не только пропаганды). «Религиозные предрассудки» объявлялись вредным пережитком, препятствующим деятельности строителей коммунизма. Снова (как и в 1930-е гг.) поднялась волна агитации идей мифологической школы, правда без многих прежних вульгаризмов.

Основные положения мифологической школы более полувека господствовали в советском религиоведении

и превратились в устойчивые штампы массовой пропаганды. Они определяли не только направления и характер исследований по истории христианства. Негативно отразились они даже в литературе. Одна из главных причин долгого запрета знаменитого романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» заключалась именно в категорическом неприятии автором постулатов этой школы. На долгие десятилетия вопрос об историчности Иисуса превратился в своего рода тест на лояльность коммунистической идеологии, точнее атеизму как ее составной части. Признание историчности Иисуса для любого ученого, писателя, публициста влекло за собой в лучшем случае лишение любимой работы. Именно в такой ситуации оказался профессор Г. М. Лившиц. Вплоть до середины 1980-х гг. в СССР господствовали взгляды мифологической школы при освещении раннего христианства. Цель такой пропаганды была предельно ясна – доказать несуществование Иисуса, и тогда верующие люди якобы перестанут верить в Бога. Правда, методы достижения этой цели уже тогда порождали сомнения даже у атеистов. Достаточно было познакомиться с возникновением самой мифологической

школы – и оказывалось, что среди ее основателей много искренне верующих христианских богословов и священников. Действительно, профессор лютеранской семинарии в Амстердаме А. Ломан, пастор из Бремена А. Кальтгоф, профессор теологии Утрехтского университета Г. ван ден Берг ван Эйсинга, бременгафский пастор Г. Рашке и многие другие вовсе не были атеистами, а искренне верили в Бога.

Между тем именно Г. М. Лившиц добросовестно указал на данное обстоятельство в своем капитальном труде по историографии раннего христианства. Но в богословских изысканиях эти теологи стремились «очистить» христианство от ряда положений, представлявшихся им противоречивыми или просто мифами, заимствованными из других, более ранних религий. В разряд таких «мифов» был зачислен и «миф» о земной жизни Иисуса Христа, его казни и воскресении. Утверждалось, что никакой земной жизни Иисуса Христа, изложенной в Евангелиях Нового завета, якобы на самом деле не было и вся она – созданный христианами «миф». Главным доказательством основного положения мифологической школы являлось нанизывание аргументов из мифов об умирающих и воскресающих богах самых разных народов со всех концов Земли на идею, что все это и явилось основой для создания «евангельского мифа» об Иисусе Христе.

Второй основополагающий постулат мифологической школы заключался в искажении датировки книг Нового завета. Дескать, если расположить книги Нового завета не в их обычном порядке, а по времени их написания, то получается потрясающая вещь – первые христиане создавали свой образ Христа «от Бога – к человеку». Представители мифологической школы поясняли: если бы Иисус существовал в действительности, то его образ создавался бы «от человека – к Богу», т. е. реальная его жизнь с тече-

На собрании преподавателей и студентов истфака. 1970 г.

нием времени обрала бы все большим количеством преданий, легенд, мифов, и в результате он бы был обоготворен. А в Новом завете якобы все обстоит как раз наоборот. Вначале христиане считали Иисуса Христа только Богом и лишь затем принялись создавать ему биографию человека, жившего на земле, распятого и воскресшего. С этой целью самой ранней книгой Нового завета объявлялось «Откровение святого Иоанна Богослова», написанное в 68–69 гг.; затем следовали послания апостола Павла, написанные разными людьми, начиная с конца I в. и заканчивая серединой II в. И только затем были написаны Евангелия – около середины II в., а последняя по времени написания книга Нового завета – «Деяния святых апостолов». Следовал вывод: в «Откровении Иоанна» Иисус Христос изображен фантастическим божественным существом, в посланиях Павла он постепенно приобретает человеческие черты, и, наконец, только в Евангелиях появляется его земная биография. Таким образом, с ног на голову переворачивалась новозаветная хронология. А то, что в жанре апокалиптики не бывает реальных образов (кстати, в своей главной монографии «Происхождение христианства в свете рукописей Мертвого моря» Г. М. Лившиц уделил много внимания жанру апокалиптики в иудаизме и христианстве) и что самый ранний из найденных фрагментов Евангелия от Иоанна на несколько десятилетий старше даты, насаждавшейся мифологической школой, а в посланиях Павла нет ни одной реалии конца I в. и тем более II в., – эти и многие другие аргументы в расчет не брались.

Оставалось еще одно объективное препятствие для мифологической школы – свидетельства античных нехристианских авторов Иосифа Флавия, Тацита, Светония, Плиния Младшего, которые в I – начале II в. писали об Иисусе и христианах. И тогда был выдвинут третий постулат мифологической школы: «мол-

чание века». Это утверждение о том, что никто из нехристианских авторов до создания Евангелий (по датировке их этой школой) ничего о Христе и христианах не писал и не знал. Соответствующие места в труды Иосифа Флавия, Тацита, Светония и Плиния Младшего внесли якобы гораздо позднее христианские переписчики, например, где-то в Средние века.

На фоне отрицания историчности Иисуса «мифическими» фигурами объявлялись и Дева Мария, и Иоанн Креститель, и многие другие персонажи Нового завета (например, у Н. В. Румянцев: «Иоанн Креститель – сказочная личность», «мифический апостол Павел»). Сложнее было с Понтием Пилатом. «Доказательства» приверженцев мифологической школы приводили к парадоксальным результатам. Коль Иисуса не существовало, а книги Нового завета были написаны с конца 60-х гг. I в. до конца II в., то, получалось, нет оснований утверждать, что христианство возникло в Палестине в начале I в. Поэтому родиной христианства назывались Малая Азия, Египет, Рим и т. д. (точнее – иудейские общины этих мест, но никак не Палестина). А о наместнике Иудеи Понтии Пилате при римском императоре Тиберии (14–37 гг.) предпочитали вообще не говорить.

Только в 1970–80-е гг. некоторые советские ученые осмелились бросить вызов идеям мифологической школы. Среди них М. М. Кубланов, И. С. Свенцицкая, С. С. Аверинцев, А. Ч. Козаржевский и др. Почти все они были антиковедами. А уже в 1990-е гг. о мифологической школе вспоминали как о некоем абсурде.

Следует понимать, что для советских историков существовала область исследований, для которой многие из тенденциозных положений мифологической школы сразу же стали не просто неприемлемыми, а абсурдными. Это – история Римской империи, в том числе Иудеи под властью Рима. Именно здесь остро

Г. М. Лившиц во время лекции. 1979 г.

столкнулись профессионализм историков-антиковедов и установки пропагандистов атеизма. В погоне за аргументами для доказательства мифичности Иисуса мифологическая школа фальсифицировала или замалчивала сведения важнейших исторических источников по истории Иудеи I в. н. э. Антиковедам из нехристианских античных источников были известны, например, имена и деяния римских наместников Иудеи, в том числе и Понтия Пилата, целых 10 лет (с 26 по 36 г.) управлявшего вверенной ему императором территорией. Исказить историю Римской империи (пусть и ее маленькой провинции) в угоду фальсификациям мифологической школы все же было делом для науки невозможным. Фальсификации ради объявления Иисуса «мифом» рассыпались при соприкосновении с реалиями истории. Главные из этих реалий содержались как раз в трудах тех самых древних историков, на которые было наложено «молчание века».

В советское время из древних авторов издавался лишь Тацит. Не издавать его в угоду идеям мифологической школы было просто невозможно, ибо «Анналы» Тацита – важнейший источник по Ранней Римской империи.

В книге Г. М. Лившица история римской Иудеи (как и эллинистической) исследована на огромной базе античных исторических источников. Среди них и труды Иосифа Флавия (как главный источник), Филона Александрийского, Тацита, Светония и даже «Деяния святых апостолов», «Церковная история» Евсевия (правда, все ссылки на эти труды даны в латинских сокращениях, понятных только специалистам). Для исследователей раннего христианства особенно важны две главы монографии: 6-я (об Иудее при Ироде и его преемниках) и 7-я (о превращении Иудеи в римскую провинцию и борьбе против римского владычества). В этих главах дан детальнейший анализ социальной и политической ситуации в Иудее, исследованы основные религиозно-политические группировки (саддукеи, фарисеи, зелоты, сикарии), выявлено, интересы каких слоев общества они выражали, какова была их позиция касательно римского господства и союзнических отношений Иродовой династии с Римом. Много внимания уделено восстаниям и движениям в Иудее. Гилер Маркович собрал и исследовал уникальный материал разнообразных источников по деятельности каждого римского наместника Иудеи, в том числе и Понтия Пилата и всех тех, о ком сохранились упоминания в Новом завете. Он представил уникальный и детальный материал и о тетрархах (наследники Ирода I), о которых есть лишь отдельные упоминания в Евангелиях. Исследователь в своей книге избегал сюжетов об Иисусе Христе и первых христианах. Возможно, сознательно, а может быть, под давлением. Во всяком случае, он понимал, чем грозит открытое столкновение с постулатами мифологической школы.

Но ведь для любого пытливого человека, не только интересовавшегося источниками исторических реалий, изложенных в исключительно популярном с 1960-х гг. романе М. Булгакова, но и же-

лавшего узнать больше о многих персонажах новозаветных книг и обстановке, в которой они жили, книга Г. М. Лившица давала такой уникальный материал, который нигде больше в СССР найти было невозможно. Это была по сути обширнейшая энциклопедия исторических реалий родины христианства и условий, в которых христианство зародилось и делало свои первые шаги. В той ситуации, в которой создавалась и издавалась монография, это был вызов пропаганде антинаучных положений под видом научного атеизма.

Г. М. Лившиц вынужден был примкнуть к мифологической школе в своих исследованиях по истории раннего христианства. Его книге об античной Иудее не позволили стать основой докторской диссертации. По его словам, в самых высоких инстанциях ему было настоятельно рекомендовано заняться исследованием кумранских рукописей, открытие которых стало тогда огромной сенсацией. Только это давало возможность ученому защитить докторскую диссертацию. С этим Гилер Маркович справился блестяще: в 1960 г. защитил докторскую диссертацию по всеобщей истории.

Г. М. Лившиц приобрел мировую известность прежде всего как один из первых исследователей кумранских рукописей, открытие которых в 1947 г. вызвало сенсацию в научном мире. Его книги «Кумранские рукописи» (1959) и особенно «Происхождение христианства в свете рукописей Мертвого моря» (1967) стали научной классикой. Работа над текстами Кумрана требовала высочайшей квалификации и эрудиции в области лингвистики, иудаистики, библеистики, антиковедения. Разгоравшиеся острые дискуссии с их радикальными выводами грозили сокрушить многие общепринятые положения науки. Множество возникших острых проблем требовали научно аргументированных ответов на вызовы. Гилер Маркович блестяще

справился с поставленными задачами. В 1950–60-е гг. его заключения воспринимались в советской науке как образец научного атеизма. Но на деле оказались более глубокими. Прошли годы, десятилетия, и выводы, к которым пришел ученый (о принадлежности кумранитов к есеевству, сущности и особенностях эсхатологических, мессианских воззрений кумранской общины и др.), стали господствующими в кумрановедении, равно как и оценка связи есеевства с первоначальным христианством. Успешная работа Г. М. Лившица с кумранскими рукописями во многом была обеспечена тем, что он уже много лет исследовал историю Иудеи того времени, когда она находилась под римским владычеством.

«Очерки историографии Библии и раннего христианства» (1970) – еще одна из известных монографий Г. М. Лившица. В ней изложены авторские характеристики научных школ в христиановедении, концепций сотен исследователей. Несмотря на то что монография исполнена в канонах требований атеизма, историк БГУ скрупулезно и детально изложил положения многих исследователей, отнюдь не разделявших атеистические убеждения, причем без навешивания обязательных штампованных «ярлыков». И ныне эта книга не утратила актуальности, даже в той части, где характеризуются взгляды советских ученых 1930–60-х гг. Причем уже ко времени выхода монографии многие из этих крайне радикальных взглядов просто замалчивались. А ведь важно понять, куда может завести дилетантская «идеологизация» науки, услужливо исполняемая людьми, от науки далекими. И в монографии это показано – объективно, последовательно, с подведением читателей к единственно возможным выводам.

В свое время не получила (да и не могла получить) должного признания монография Г. М. Лившица «Реформационное движение в Чехии и Германии»,

Г. М. Лившиц с коллегами по кафедре истории древнего мира и средних веков. 1982 г.

особенно в части оценки реформационного характера гуситского движения, раскрытия сущности учения Яна Гуса о церкви. Долгое время исследователи обращали больше внимания на вторую ее часть, сравнивая положения и выводы с трудами «монополиста» в проблематике германской Реформации в советской медиевистике М. М. Смирин. Сегодня представляется насущным обращение к концепции Г. М. Лившица реформационного движения в Чехии, вытекающей из трактовки понятия «Реформация».

Более десятка монографий Г. М. Лившица посвящены истории свободомыслия и атеизма от древности до XX в. В определенной мере это обусловлено требованиями времени, в которое жил ученый. Но нужно понимать, что свободомыслие в отношении религии, атеизм – тоже часть духовной истории человечества. И книги Гилера Марковича дают полный компендиум этой части человеческой истории. За данные работы профессору-историку БГУ в 1975 г. была присуждена вторая докторская степень – доктора философских наук. За свою научную и педагогическую деятельность

Гилер Маркович был награжден орденом «Знак Почета», ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки БССР».

Круг научных интересов Г. М. Лившица был чрезвычайно широк. Наряду с изучением истории Рима, римской Иудеи, раннего христианства, кумранских рукописей, истории свободомыслия и атеизма, Реформации Гилер Маркович исследовал и проблемы истории средневекового Востока и западноевропейского Средневековья, а также эпохи Нового времени. Есть у него и труды по Ибн Сине (Авиценне), исламу, Джордано Бруно, римским провинциям I–II вв. и др. Две свои докторские диссертации Гилер Маркович защитил отнюдь не ради самих двух высоких ученых степеней – его многочисленные публикации монографий и статей стали достоянием широких научных кругов. Его работы издавались не только на русском и белорусском языках, но и на немецком, литовском.

Главными человеческими качествами Гилера Марковича были доброта к людям, необыкновенная отзывчивость, стремление помочь отнюдь не только на словах, но и на деле. Его дипломники, аспиранты, докторанты навсегда сохранили в себе это необыкновенное ощущение трогательной заботы, повседневной опеки не только в научных, но и житейских делах. Сам же незаурядный ученый всегда оставался чрезвычайно скромным человеком, для которого главный смысл жизни состоял в служении науке.

Деятельность Гилера Марковича Лившица – целая эпоха в развитии белорусской исторической и философской науки. Его труды актуальны и останутся такими для последующих поколений историков и философов.

Виктор Анатольевич Федосик

**Один из создателей школы
белорусского почвоведения,
основоположник важных
отраслей почвоведения**

**Профессор,
заведующий кафедрой БГУ,
член-корреспондент АН БССР**

Андрей Григорьевич МЕДВЕДЕВ

08.11.1897 – 16.04.1985

Андрей Григорьевич Медведев, многогранный в своих научных пристрастиях ученый-почвовед, заложил теоретические и практические основы развития географии и картографии почв Беларуси, почвенно-географического и агрохимического районирования республики, экономической оценки земель и бонитировки почв, эрозии и эволюции почв, оптимизации мелиорированных территорий. За большой вклад в изучение почв Беларуси ему была присуждена Государственная премия БССР и престижная премия В. Р. Вильямса. Доктор сельскохозяйственных наук, профессор географического факультета Белорусского государственного университета был избран членом-корреспондентом АН БССР и удостоен звания заслуженного деятеля науки БССР.

Ученый внес значительный вклад в подготовку специалистов-почвоведов, которые успешно трудятся в различных регионах нашей страны. Большое внимание уделял популяризации научных знаний по географии среди молодежи, увлекая ее романтикой полевых исследований. Многие его студенты успешно защитили кандидатские диссертации иполнили ряды интеллектуальной элиты нашей страны. Андрей Григорьевич на различных административных постах зарекомендовал себя как прекрасный организатор географической науки, показывая пример добросовестного отношения к делу, в результате были реализованы крупные научные проекты, способствовавшие экономическому развитию Беларуси.

Андрей Григорьевич Медведев родился в конце XIX в. в д. Социлов Стародубского уезда Черниговской губернии (современный Погарский район Брянской области) в семье крестьянина. После окончания Стародубской начальной сельскохозяйственной школы мальчик поступил в Горецкое земельно-агрохимическое училище, затем, в 1919 г., на агрохимический факультет Горецкого сельскохозяйственного института. Еще будучи студентом, Андрей Григорьевич стал научным сотрудником кафедры почвоведения, принимал активное участие в исследовательской работе, читал лекции по почвоведению на землеустроительном и мелиоративном факультетах.

В 1925 г., опираясь на большой экспериментальный материал, успешно защитил дипломную работу. В дальнейшем полученные результаты были опубликованы в первой научной статье – «Микро-рельеф лессовых плато и влияние его на глубину залегания карбонатного горизонта» (1926). В ученых кругах данная статья оценивается как первое в Беларуси исследование по эрозии почв.

В 1925 г. на базе Белорусского и Горецкого сельскохозяйственных институ-

тов была создана Белорусская сельскохозяйственная академия. С этого времени кафедра почвоведения, на которой вместе с начинающим ученым А. Г. Медведевым трудились Я. Н. Афанасьев, П. П. Роговой, В. И. Пашин, Г. И. Протасеня, П. А. Кучинский, Н. П. Булгаков, стала центром почвенных исследований, проводимых на территории республики. Под руководством Я. Н. Афанасьева сотрудниками кафедры были проведены территориальные исследования почв в масштабе 1 : 126 000 во всех 10 округах республики, а в 1930 г. на их основе составлена предварительная сводная карта почв БССР.

В 1931 г. в составе недавно созданной Белорусской академии наук был сформирован Институт агропочвоведения, первым директором которого стал академик Яков Никитич Афанасьев. Со дня организации института исследования почвенного покрова Беларуси велись с нарастающей интенсивностью, что позволило ему в дальнейшем стать главным методическим центром по изучению почв и разработке основных направлений повышения их плодородия. Ученик Я. Н. Афанасьева, Андрей Григорьевич тесно сотрудничал с коллективом этого института. В 1930-е гг. были опубликованы такие важные его научные работы, как «Материалы к агрохимической характеристике почв БССР» (в соавт. с Я. Н. Афанасьевым и Г. И. Протасеней, 1933), «Почвенный очерк северной части БССР» (в соавт. с Н. П. Булгаковым, 1934), «Районирование почв в БССР» (1940), «Характеристика естественно-исторических условий Полесской почвенной провинции и Витебско-Псковского округа западной почвенной провинции» (1940).

Карьерный рост, несомненные научные успехи белорусского ученого подкреплялись устроенностью быта, семейной атмосферой. В автобиографии, которая хранится в архиве Белорусского государственного университета, Андрей Григорьевич указал, что его супруга Анна

Почвенно-лесотипологические исследования
Василевичского лесничества. 1932 г.

Монтьева подарила ему двух сыновей – Вадима и Бориса. Младший сын, Борис Андреевич Медведев, пошел по стопам отца и работал старшим преподавателем кафедры геодезии и картографии географического факультета БГУ.

Формирование А. Г. Медведева как исследователя проходило под руководством выдающегося ученого-почвоведа, академика АН БССР Я. Н. Афанасьева. Неудивительно, что в рекомендации к присвоению А. Г. Медведеву звания профессора, датируемой 16 октября 1935 г. и подписанной академиком, были отмечены незаурядные качества и наработки ученика: «Андреем Григорьевичем Медведевым проделана громадная работа по внедрению знаний о почвах в среду широких агрономических кругов путем десятилетней педагогической работы со студентами, проведения всевозможных курсов, консультаций как устных, так и письменных. Все это указывает, что автор созрел как самостоятельный научный работник и исследователь и вполне заслуживает ученого звания профессора». В 1935 г. Высшая аттестационная комиссия утвердила А. Г. Медведева исполняющим обязанности профессора по кафедре почвоведения. С 1936 по 1941 г. опытный ученый заведовал кафедрой почвоведения Белорусского сельскохозяйственного института.

Круг научных интересов А. Г. Медведева постоянно расширялся. Он провел лизиметрические наблюдения на основных почвенных разностях БССР. В одной серии лизиметров исследовался водный режим и плодородие почв, в другой – влияние материалов, из которых были изготовлены лизиметры. Вместе с коллегами (Г. И. Протасеней, М. Ф. Янушевичем и др.) Андрей Григорьевич изучал влияние высоких доз извести и минеральных удобрений на агрегатность, водопроницаемость и агрохимические свойства почв. В отзыве на научные работы А. Г. Медведева, который хранится в Музее исто-

рии БГУ, отмечается, что «в этих работах всесторонне и глубоко охвачен весь комплекс вопросов, как теоретических, так и практических, связанный с генезисом, распределением почв, изучены физико-химические свойства почв и их урожайность в связи с положением по микрорельефу».

Во время Великой Отечественной войны Андрей Григорьевич находился в эвакуации и продолжил почвенные и агрохимические исследования на Троицком поле Челябинской области. Одновременно он преподавал в школе среднего сельскохозяйственного образования. Плодотворная работа ученого в этот период отмечена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 1945–1952 гг. А. Г. Медведев работал деканом факультета агрохимии и почвоведения, в 1945–1956 гг. – заведующим кафедрой почвоведения Белорусской сельскохозяйственной академии. В 1951 г. ученый успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Характеристика почвенного покрова БССР в сельскохозяйственных целях». В 1953 г. Главное управление сельскохозяйственных высших учебных заведений Министерства высшего образования утвердило его в должности профессора, заведующего кафедрой почвоведения БСХА. А. Г. Медведеву было присвоено ученое звание профессора. За успешную учебную и научно-исследовательскую работу был утвержден участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, которая проходила в 1953 г. в Москве.

Вскоре в судьбе профессора произошел крутой поворот. В 1956–1958 гг. он руководил кафедрой почвоведения и агрохимии Житомирского сельскохозяйственного института и одновременно возглавлял почвенную партию института по исследованию почв колхозов и совхозов. Но уже в 1958–1961 гг. Андрей Григорьевич работал заместителем директора по

науке Белорусского НИИ почвоведения Академии сельскохозяйственных наук, руководил изучением и картографированием почв совхозов и колхозов республики. В этот период он был избран (1961) членом-корреспондентом АН БССР.

Важной вехой в биографии А. Г. Медведева, наряду с научной составляющей, всегда было тесное общение со студенческой молодежью, подготовка специалистов-почвоведов. Об этом ранее высказывался о своем ученике академик Я. Н. Афанасьев, подчеркивая, что Андрей Григорьевич содействовал «внедрению знаний о почвах в среду широких агрономических кругов путем десятилетней педагогической работы со студентами...». Поэтому вполне осознанным оказался выбор А. Г. Медведевым Белорусского государственного университета для реализации своих уникальных познаний в столь важной для народного хозяйства области. Тем более, что в начале 1950-х гг. ректором БГУ стал выдающийся ученый в области геологии, геохимии и палеогеографии К. И. Лукашёв. Видимо, он и пригласил Андрея Григорьевича на преподавательскую работу в университет. В 1953–1967 гг. А. Г. Медведев – профессор кафедры почвоведения и геологии БГУ, а с 1968 г. – заведующий этой кафедрой.

Кафедра была основана в 1933 г. учителем Андрея Григорьевича – академиком, профессором, доктором геолого-минералогических наук Я. Н. Афанасьевым – как кафедра почвоведения. Впоследствии кафедрой заведовали доцент, кандидат сельскохозяйственных наук Ф. Н. Доминиковский (1943–1948) и академик, профессор, доктор сельскохозяйственных наук И. С. Лупинович (1948–1968). В 1960 г. кафедра расширила круг научно-образовательных полномочий – была преобразована в кафедру почвоведения и геологии (с 2010 г. – кафедра почвоведения и земельных информационных систем).

«Читал лекции Андрей Григорьевич интересно и умел увлечь аудиторию своим предметом. Всегда очень доброжелательно относился к студентам. Во время экзамена испытывал чувство неловкости, если у кого-то во время подготовки в самый неподходящий момент падала книга, конспект лекций или шпаргалка. Всегда делал вид, что ничего не заметил. Никогда не мстил за это и не снижал оценку. Был очень добрым и интеллигентным человеком», – вспоминает сотрудница географического факультета Екатерина Викторовна Усова.

К этому времени географический факультет обладал достаточно квалифицированным кадровым составом для успешного решения многих задач. Под руководством А. Г. Медведева группой ученых факультета в составе профессоров В. А. Деметьева, В. Г. Завриева, И. И. Трухана, Н. К. Романовского и А. Е. Шкляра было подготовлено обоснование крупного проектного задания по мелиоративно-географической тематике, которое было утверждено Госкомитетом Совета Министров СССР по науке и технологиям для выполнения в 1970–1972 гг. Данное обстоятельство послужило основанием руководству БГУ (ректору А. Н. Севченко и проректору по научной работе Л. В. Володько) ходатайствовать о создании на базе географического факультета проблемной научно-исследовательской лаборатории (ПНИЛ) мелиорации ландшафтов. Ее официальное утверждение решением коллегии Госкомитета Совета Министров СССР по науке и технологиям состоялось 14 марта 1972 г. На основании результатов согласования и экспертизы материалов, представленных для утверждения ПНИЛ, в которых участвовали видные ученые в области почвоведения и ландшафтоведения, были определены главные научные направления деятельности лаборатории. Они заключались в изучении динамики и трансформации почв и ланд-

шафтов под влиянием гидрологической мелиорации, разработке мер эколого-безопасного их функционирования, оптимального использования и охраны.

Заведующим ПНИЛ мелиорации ландшафтов был назначен кандидат биологических наук С. М. Зайко, который проработал в этой должности до 1986 г. Комплексные исследования почв, находящихся под воздействием осушительной мелиорации, возглавил и осуществлял научное руководство ПНИЛ заведующий кафедрой почвоведения и геологии А. Г. Медведев. В данном случае его авторитет был несомненен, так как Андрей Григорьевич – основоположник таких важных отраслей почвоведения Беларуси, как эрозия почв и бонитировка почв.

На начальном этапе научно-исследовательская деятельность ПНИЛ мелиорации ландшафтов концентрировалась на изучении пространственных закономерностей размещения и сочетаний почвенного покрова мелиорированных территорий, а также установлении различий их генетико-морфологических, агрохимических и водно-физических свойств почв разнообразных видов ландшафтов Белорусского Полесья – крупнейшего в те годы природного региона Беларуси, подвергнувшегося мелиоративному воздействию. В этих исследованиях активное участие принимали С. М. Зайко и научные сотрудники лаборатории Л. В. Вашкевич, Л. Я. Свирновский, В. М. Яцухно, Д. В. Ничипорович, М. К. Алисиевич, Т. Я. Лобач, Л. Н. Глазкова, Л. С. Микулович, Н. В. Ивахненко, В. В. Дорохова, Л. В. Дречина, А. А. Борзов, С. Р. Ляхович и Т. А. Кудло. От кафедры почвоведения и геологии активно работали и участвовали в полевых исследованиях доценты Н. К. Чертко, В. С. Аношко и аспирантка В. И. Шабанова.

В 1968 г. А. Г. Медведеву было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки БССР, что отразило важность долговременных кропотливых иссле-

дований ученого, имевших не только фундаментальную, но и практическую значимость. Однако это звание не стало некой вершиной научного творчества Андрея Григорьевича. Он вместе с коллегами и учениками продолжал упорно работать в области изучения различных проблем почвоведения. Итоговой оценкой его интеллектуальных усилий стало присуждение в 1976 г. коллективу авторов, среди которых был и А. Г. Медведев, Государственной премии БССР за цикл работ по изучению почв Беларуси.

Андрей Григорьевич принадлежит к числу многогранных ученых-почвоведов. Круг его научных интересов был обширен и ориентирован на практику, на безусловное использование теоретических наработок в различных сферах народного хозяйства. Признано, что он заложил теоретические и практические основы развития географии и картографии почв Беларуси, почвенно-географического и агрохимического районирования республики, экономической оценки земель и бонитировки почв, эрозии и эволюции почв, оптимизации мелиорированных территорий. А. Г. Мед-

А. Г. Медведев читает лекцию по бонитировке почв студентам 2-го курса географического факультета БГУ. 1975 г.

Андрей Григорьевич Медведев

Cm. Homoplisc

Удостоверение.

Предоставить его асистенту
Андрею Викторовичу Шубову
убавши в отпуск в 1. Января
на Казань, иные же по со-
вола, или по писанью с пред-
показанными печатями По-
стоверенным.

Исполнение постановле-
ния действительное
по 20 января 1926 года

Лектор в педагогическом
прогрессе
Вашингтон

**РУКОВОДСТВО
ПО ПОРЯДКУ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЗЕМЕЛЬ
КОЛХОЗОВ И СОВХОЗОВ
БССР**

[illegible]

НАМ. НАРОДА ЗЕНДРОСТВА

КАЧЕСТВЕННАЯ
ОЦЕНКА
ЗЕМЕЛЬ
В КОЛХОЗАХ
И СОВХОЗАХ
БССР

А. Г. Мельников
**ПРОБЛЕМЫ
ПОЧВОВЕДЕНИЯ
БЕЛАРУСИ**
Избранные труды

А. Шедько, П. Суровый,
И. Чернышев

Экономическая оценка земель и ее применение в сельском хозяйстве

Пастановай Цэнтральнага Камітэ
Камуністычнай партыі Беларусі
і Савета Міністраў Беларускай С
№ 365

до 30 января 1976 года включительно

ДЗЯРЖАўНАЯ ПРЭМІЯ БССР
У ГАЛІНЕ НАВУКІ[illegible]

Генерал-полковник в отставке М.А. ДУДНИНОВ Андрей Рустамович

ДИПЛОМ

Ученый совет Московской сельскохозяйственной академии имени К. И. Тимирязева

от "В" декабря 1922 года присудил

г. Ленинград, ул. Б. Садовая, д. 10, кв. 10

премию имени академика В. Р. Вильямса
за работу

за работу
Кавказская армия в годы Великой Отечественной войны
/Кавказская армия/ Москва 1971 г.
Издательство "Урожай"

Председатель: Уильям

Hand covered in ink

ДЫПЛОМ
ЛАЎРЭАТА
ДЗЯРЖАЎНАЙ
ПРЭМІІ БССР

Пасведчанье

Подпись: *Медведев Андрей*
 Епископский
 иконописец: *Александр*
 и в. в. *Воскресенский*
 и. в. *Медведев*
 и. в. *Медведев*

Полученные значения α и β подставим в формулы (1) и (2) и найдем значения $\sigma_{\text{ср}}$ и $\sigma_{\text{ср}}^2$.

А. Г. Медведев проводит лабораторные занятия по почвоведению и географии почв на географическом факультете БГУ. 1977 г.

Медведев много внимания уделял изучению изменения мелиорированных почв, сработке торфа, негативным явлениям, связанным с мелиорацией. Он выдвинул идею о почво- и природоохранной роли торфа и обстоятельно ее обосновал. Под его руководством проводились стационарные почвенные исследования мелиорированных почв, были подготовлены две кандидатские диссертации по динамике и трансформации торфа и изучению минеральных песчаных почв, образовавшихся после сработки органогенных почв. Ученый разработал теоретические основы оптимизации торфяных почв путем глинования, песчаных – путем глинования и торфования. Под его руководством проблемной лабораторией мелиорации ландшафтов проводились полевые опыты по воплощению теоретических разработок в практику. Было установлено, что под сработкой понимается общая убыль торфа в результате минерализации, ветровой, водной, технической эрозий и вымывания. Сработка торфяных

почв может выражаться потерей торфа в тоннах на гектар в год или линейной величиной уменьшения мощности торфа в сантиметрах в год. Сработка торфа по мере длительности сельскохозяйственного использования уменьшается, но не прекращается. Степень ее проявления разная: в первые годы она протекает более интенсивно, в последующие годы снижается.

За свою продолжительную педагогическую и научно-исследовательскую деятельность А. Г. Медведев подготовил 21 кандидата наук, среди которых такие известные ученые, как К. Н. Балахонова, А. А. Лепешев, Н. Я. Хох, Л. М. Ярошевич и др. По материалам исследований Андреем Григорьевичем опубликовано более 130 работ, из них 4 монографии. Монография «Качественная оценка земель в совхозах и колхозах БССР» (1971) имела огромное значение для народного хозяйства республики и СССР и была удостоена премии им. В. Р. Вильямса. Под редакцией А. Г. Медведева составлено 740 почвенных карт и 170 агропочвенных описаний.

Напряженную научную и педагогическую деятельность Андрей Григорьевич на протяжении многих лет дополнял активным участием в общественно-политической жизни, в популяризации научных знаний среди населения, работой в качестве научного редактора различных сборников и журналов. Профессор и член-корреспондент не считал зазорным читать лекции, проводить беседы в самых различных по своей подготовленности аудиториях, был членом общества «Знание». Он умел, не в ущерб научной составляющей, методически разнообразно и вместе с тем в понятной и доступной форме доводить до слушателей важнейшие факты, положения, примеры из, казалось бы, очень специфической области, которой посвятил свою творческую жизнь. Его богатейший научный опыт, профессиональная квалификация были востребованы в главных научных журна-

лах АН БССР и БГУ – «Весці Акадэміі навук БССР. Серыя сельскагаспадарчых навук» и «Веснік БДУ імя У. І. Леніна», где многие годы ученый был членом редколлегий. А. Г. Медведев входил в состав двух республиканских советов по проблемам мелиорации и почвоведения, был членом биологической секции научного совета АН БССР по проблемам биосферы.

За свои творческие, трудовые заслуги Андрей Григорьевич был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», двумя почетными грамотами Верховного Совета БССР, пятью медалями.

Андрей Григорьевич Медведев отличался исключительной работоспособностью, широтой и глубиной знаний, результативностью в научной работе, обилием интереснейших научных идей, которые он всегда стремился воплотить в практике своих исследований. Коллеги, работавшие вместе с этим незаурядным ученым, неоднократно отмечали, что для него всегда была характерна огромная увлеченность, высокая культура, всесторонняя эрудиция и сердечная доброжелательность к людям.

Тадеуш Антонович Новгородский

Андрей Григорьевич Медведев

**Студент, аспирант,
старший преподаватель
Белорусского государственного
университета, ставший
народным писателем БССР**

**Литературный талант,
окрепший в стенах альма-матер**

Иван Павлович МЕЛЕЖ

08.02.1921 – 09.08.1976

***И**ван Павлович Мележ – классик белорусской советской литературы, его становление как писателя пришлось на годы учебы и работы в Белорусском государственном университете. Иван Павлович связал свою судьбу с университетом в тяжелые годы Великой Отечественной войны, став на станции Сходня в 1943 г. его студентом. Он один из тех, кто организовал возвращение БГУ из Подмоскovie в освобожденный от нацистских оккупантов Минск. В непростых условиях военного времени и первых послевоенных лет И. П. Мележ сочетал работу заведующего и преподавателя кафедры военной и физической подготовки с учебой на филологическом факультете и с активной партийной и общественной деятельностью. Получив диплом с отличием, поступил в аспирантуру (1945) и до 1951 г. преподавал в университете белорусскую литературу. Затем полностью посвятил себя профессиональному литературному творчеству.*

В историю белорусской литературы народный писатель БССР (с 1972 г.) вошел как автор фундаментальной трилогии «Палеская хроніка», лауреат литературной премии имени Якуба Коласа (1962) и Ленинской премии (1972), Государственной премии БССР (1976). Иван Павлович в 1966–1974 гг. являлся секретарем, затем заместителем председателя правления Союза писателей БССР, избирался депутатом Верховного Совета БССР, возглавлял правление Белорусского отделения общества «СССР – Франция», был председателем Белорусского комитета защиты мира, членом Всемирного совета мира. И всегда находил время для встреч со студентами и преподавателями университета.

Среди многих славных имен, которые навечно вписаны в летопись Белорусского государственного университета, особое место принадлежит Ивану Павловичу Мележу – студенту, фронтовику, партийному лидеру, преподавателю-филологу, вошедшему в историю белорусской литературы и культуры как народный писатель Беларуси.

И. П. Мележ отличается тем, что, говоря о нем, мы можем констатировать не только факт влияния университета на его становление и жизнь, но и влияние писателя на деятельность и историю университета. Так и проявляется роль личности в истории. Способен ли человек влиять на большие процессы, замедлять, ускорять их, менять? Имеет ли значение именно его участие или же на его месте мог быть любой иной? Безусловно, преподаватель и писатель Иван Мележ – непреходящая гордость БГУ, как и университет стал для него определяющей вехой жизни и творчества. Такие, как Иван Павлович Мележ, и вносили в жизнь и деятельность белорусского университета «горение», способствовали его продвижению по важнейшим направлениям образования и науки. На учебу и работу в Белорусском государственном университете пришлось 8 лет из 55, отведенных народному писателю судьбой.

Из 17 народных писателей и поэтов Беларуси 8 в той или иной степени связаны с БГУ. И. П. Мележ – один из них, из тех, кто организовывал и проводил эвакуацию университета со ст. Сходня в Минск. Личность И. П. Мележа и его судьба для университета и Беларуси могут расцениваться как иллюстрация особенностей развития белорусского общества. Именно это сочетание типичного и индивидуального и составляет человеческую жизнь, включает ее в общий поток развития человеческой цивилизации, не позволяя раствориться и утратить свои особенности.

Биография И. П. Мележа типична для жителей Беларуси его поколения. Ключе-

вые вехи можно прочесть уже по датам жизни – 1921–1976 гг. Это непростое деревенское детство в эпоху становления советской власти с последующими кампаниями коллективизации и индустриализации. Затем быстрое взросление и возмужание в годы Великой Отечественной войны. И последовательная, на протяжении 20 лет, реализация творческого потенциала после Победы. Как и многие жители БССР, Иван Мележ – горожанин и интеллигент в первом поколении, был воспитан советской властью и в полной мере смог реализовать те возможности, которые эта власть дала: образование, творческую жизнь, активную общественно-политическую позицию. Вот только здоровья власть дать не могла: к тяжелым военным ранениям, приведшим к инвалидности, добавилась сложная болезнь почек, которая и привела к преждевременной смерти, не дав писателю осуществить многое из задуманного. Справедливости ради нужно отметить, что жизнь Ивана Павловича состояла не только из тяжелых испытаний. Он познал и большое личное счастье, и народное признание: встретил девушку, ставшую женой и главным человеком в жизни, стал признанным авторитетом в белорусской литературе.

Родился И. П. Мележ 8 февраля 1921 г. в д. Глинище Хойникской волости Речицкого уезда (в то время эта территория входила в состав РСФСР). Родители Павел Федорович и Мария Денисовна были малоземельными крестьянами, и отец, чтобы прокормить большую семью (троих сыновей и трех дочерей), помимо работы на земле еще занимался разным ремеслом. Уже в школьные годы у мальчика проявились способности к учебе и творчеству. С 1927 по 1932 г. Ваня учился в Глинищенской начальной школе, затем в семилетней школе в Алексичах (тоже в Хойникском районе). Именно к этому времени относится первый литературный опыт юноши: в 1933 г. он принял участие

в конкурсе, организованном белорусским журналом для пионerieи «Искры Ильича». Редакция журнала признала его рассказ одним из лучших. Сам Иван Павлович в 1974 г. говорил, что именно с этой публикации, с этого первого писательского успеха, все и началось.

О стремлении будущего народного писателя к знаниям свидетельствует факт, что за год до установленного возраста, окончив семилетку, он решил получить высшее профессиональное образование и подал документы сразу в два учебных заведения: на рабфак при спичечной фабрике в Новобелице и на рабфак при Институте народного хозяйства в Минске. Разумеется, из-за возрастных ограничений оба заявления остались без ответа. Поэтому в том же 1935 г. пришлось продолжить образование в восьмом классе десятилетней школы № 1 в Хойниках, которую с отличием окончил в 1938 г.

После школы И. П. Мележ продолжил целенаправленно искать варианты для получения высшего образования. Известно, почему выбор высшего учебного заведения оказался для него в тот момент неочевидным. Он не стал подавать документы ни в БГУ, ни в какое-либо другое высшее учебное заведение республики. Амбициозный молодой человек подал заявление в Московский институт философии, литературы и истории им. Н. Г. Чернышевского. Подал и получил один из многих ударов судьбы, которые сопровождали его в дальнейшем. Отличник учебы, он имел право на поступление, но последовал отказ, который стал шоком, о чем писатель неоднократно вспоминал в своих записях и разговорах: «Тое, што мяне не прынялі ў інстытут, гэта была несправядлівасць і парушэнне закона. Але я быў ціхі, сельскі хлопец, я не ўмеў дабівацца сваіх правоў і вымушаны быў вернуцца назад». Возможно, именно этот опыт осознания несправедливости и ощущение незащитности перед обстоятельствами, беспомощность

маленького человека перед большой системой повлияли на то, что сам Иван Павлович все годы был чутким и неравнодушным к чужим проблемам человеком и, даже достигнув больших высот, не терял чувства ответственности перед людьми. Уже будучи депутатом Верховного Совета БССР, активно отстаивал права любого человека, оказавшегося в сложном положении: добивался решения жилищных, бытовых, юридических проблем. В Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства сохранилась переписка, достаточно гневная и требовательная, когда это было необходимо, депутата Мележа с избирателями и инстанциями. Среди адресатов значатся президиумы Верховного Совета СССР и БССР, республиканские министерства (культуры, просвещения, социального обеспечения, сельского строительства), райкомы и обкомы партии, даже Уральский обком компартии Казахстана.

После неудачи с поступлением Иван Павлович устроился на работу заведующим отделом пионеров Хойникского райкома комсомола. Работа позволяла продолжить практиковаться в стихосложении (публиковался в республиканских газетах). Главное, что не оставил своего намерения поступить в институт, который его отверг. В сентябре 1939 г. И. П. Мележ все-таки был зачислен студентом Московского института философии, литературы и истории. Однако студенческая жизнь продлилась всего два месяца – в ноябре восемнадцатилетнего студента призвали в Красную армию, в артиллерию. На армейской службе комсомолец Мележ был избран комсоргом, позже – заместителем политрука батареи. Служба проходила на территории Западной Украины, которая только что была воссоединена с Советской Украиной.

В 1940 г. Иван Павлович принимал участие в присоединении к СССР Северной Буковины и Бессарабии. И на протяжении армейской службы продолжал

писать стихи. В сентябре 1940 г. вступил в Коммунистическую партию, убежденным членом которой оставался до конца жизни, активно участвуя в партийной жизни в армии, университете, республике.

Большая Отечественная война застала Ивана Мележа в качестве командира отделения, которое вступило в тяжелые оборонительные бои, отступая с частями Красной армии вглубь страны. В декабре 1941 г. в одном из сражений он впервые был ранен, но остался в строю: 1941 г. завершал в должности заместителя политрука артиллерийского полка, а в начале 1942 г. был назначен политруком роты. Даже в военных условиях Иван Павлович урывками занимался творчеством – являлся инструктором-литератором дивизионной газеты «Красноармейская правда». Однако через полгода после первого ранения он был вторично ранен: в июне 1942 г. под Ростовом во время вражеского авианалета осколок бомбы раздробил правое плечо. Несколько месяцев пришлось провести в госпиталях Ростова, Ессентуков, Тбилиси. Встал вопрос об ампутации, и только профессионализм хирургов позволил сохранить руку. Однако на всю оставшуюся жизнь проблемы с рукой остались. По словам знакомых писателя, даже визуально было заметно, что правое плечо повреждено.

В конце сентября 1942 г. красноармеец Мележ был комиссован по состоянию здоровья. В свидетельстве об освобождении от военной обязанности сухо зафиксировано: «Активность движения в плече и локтевом суставе отсутствует совершенно. Имеется деформация правого плечевого сустава. <...> Перелом суставных отростков лопатки и большой дефект правой плечевой кости после внутреннего суставного перелома плечевой кости с дефектом головки и шейки».

Родная Беларусь в это время находилась под нацистской оккупацией, поэтому Иван Павлович отправился на восток и осел в г. Бугуруслане Чкаловской (ныне

Оренбургская) области. Здесь он встретил главного человека своей жизни – Лидию Яковлевну Петрову, которая в апреле 1943 г. стала его женой. По воспоминаниям Лидии Яковлевны, уже в это время ее муж совершенно уверенно говорил, что хочет быть писателем. Очевидно, он окончательно осознал, что все прошлые опыты с написанием стихов – не просто увлечение. Ему было что сказать людям, и он хотел донести до них свои мысли, восприятие мира и белорусских реалий. Но пока следовало обустроиться на новом месте в условиях тыла, наладить быт, а главное – наконец-то завершить высшее образование, устроиться на работу. Иван Павлович с характерным для него целеустремленным упорством продолжил учебу. В те годы в Бугуруслане находилось всесоюзное Центральное справочное бюро по розыску эвакуированных, действовали многие эвакуированные учреждения и организации, велось масштабное строительство нефтеперерабатывающего завода, проводилась газификация. Главное, в городе действовали эвакуированные высшие учебные заведения, среди которых был и Молдавский педагогический институт. В этом институте с ноября 1942 по октябрь 1943 г. И. П. Мележ учился заочно на филологическом факультете, пройдя за один год два курса. В институте он одновременно с учебой преподавал военную подготовку. И продолжал писать: стихи, рассказы, дневники.

Летом 1943 г. из публикации в газете «Правда» фронтовик-студент и преподаватель узнал, что на ст. Сходня под Москвой в эвакуации возобновил свою деятельность Белорусский государственный университет. Это известие побудило написать заявление (оно датировано 16 июля) с просьбой принять бугурусланского студента-белоруса на 2-й курс литературного факультета БГУ. Осенью 1943 г. начался новый период в жизни И. П. Мележа, тесно связанный с пробле-

мами и успехами, радостями и печальми, которые сопровождали восстановление полноценной деятельности ведущего учреждения высшей школы Беларуси. Иван Павлович был зачислен на 3-й курс заочного отделения филологического факультета 1 октября 1943 г., а уже 11 октября – преподавателем кафедры военной и физической подготовки. Более того, с 1 ноября его назначили заведующим этой кафедрой.

В конце января 1944 г. в семье Мележей родилась дочь (беременная жена оставалась в Бугуруслане). Молодой отец срочно выехал за семьей и с немалыми трудностями привез своих родных на ст. Сходня. Несмотря на спартанские бытовые условия, жена и малышка-дочь стали огромной поддержкой в преодолении массы забот, которыми жил Мележ-студент и Мележ-преподаватель. Силы придавали известия с фронтов, ощущение неизбежной победы над нацистской Германией и возвращения к нормальной мирной жизни. Иван Павлович активно работал, учился, занимался литературным творчеством. К тому же приходилось учебу и работу сочетать с общественной деятельностью – являлся членом редколлегии еженедельной университетской настенной газеты, членом, а вскоре

и секретарем (с 14 декабря 1943 г.) бюро партийного комитета БГУ.

Атмосферу, царившую на Сходне, И. П. Мележ представил в автобиографии: «Сходня – дачны пасёлак за Хімкамі – была нібы маленькім кутком Беларусі: усюды сустракаліся беларускія хлопцы і дзяўчаты, студэнты і партызаны, – душу цешыла беларуская гаворка». Студенты и преподаватели жили здесь одним дружным коллективом: помимо учебы они вместе ездили в лес заготавливать дрова, разгружали вагоны с картофелем, создавали, насколько это возможно, приемлемые условия для учебы и жизни.

Иван Павлович на Сходне продолжал писать стихи, рассказы, повести. Однажды он прочел отрывки из своих произведений в кругу знакомых. Его творчество было встречено с пониманием и одобрением. Декан филологического факультета М. Г. Ларченко посоветовал показать эти работы Кузьме Чорному. Авторитетный писатель встретился с молодым, начинающим автором, сделал ряд замечаний, дал советы и, по сути, благословил на литературную деятельность. Таким образом, университетский филолог и декан Михаил Григорьевич Ларченко помог своему студенту утвердиться в решении стать профессиональным писателем.

Начинающий литератор не остался в долгу перед университетом. Его организаторские качества пригодились после освобождения БССР и принятия решения о реэвакуации университета в Минск. И. П. Мележ был назначен начальником эшелона с имуществом университета и студентами, который должен был вернуть БГУ в освобожденный Минск. Головной болью для руководства университета, и Ивана Павловича в том числе, стало «выбивание» у разных инстанций необходимого количества вагонов. Партийный лидер БГУ вынужден был ходить по разным кабинетам, звонить, требуя обеспечить выполнение правительственного решения. Ему пришлось даже вы-

Студенческий билет И. П. Мележа

езжать в Ленинград, чтобы в разоренном городе на Неве получить несколько вагонов. Все-таки фронтовик-орденоносец (Иван Павлович был награжден орденом Красной Звезды, а впоследствии удостоился двух орденов Трудового Красного Знамени и ордена «Знак Почета») мог повлиять на ситуацию и советских чиновников своим авторитетом, своей решимостью доводить всякое дело до искомого результата.

Две недели длилась поездка эшелона в Минск, и все это время И. П. Мележ заболтался о хотя бы сносном удобстве для пассажиров, добивался, контролировал, обеспечивал сохранность библиотеки, оборудования, приборов, иного имущества университета. В Минске далеко не сразу жизнь университетского коллектива вошла в нормальную колею. Разрушенный послевоенный город необходимо было восстановить, отстроить заново – в том числе и университетские корпуса. Иван Павлович курировал студенческие отряды и строительную комиссию, занимавшиеся расчисткой завалов и возрождением зданий университета.

На протяжении 1944–1945 гг. уже в Минске И. П. Мележ по-прежнему совмещал учебу с преподаванием, занимался общественной и партийной работой. И продолжал писать свои рассказы и повести, публикуя их в республиканской прессе. В первый мирный день – 10 мая 1945 г. – он вместе с Я. Брылем и П. Ковалевым был принят в члены Союза писателей БССР. С мая 1945 по январь 1947 г. Иван Мележ работал в редакции одного из ведущих белорусских литературных журналов – «Полымя».

В университетский период своей жизни Иван Павлович проявил качества не только ответственного и деятельного человека, но принципиального в самых различных вопросах, не замалчивал проблемы, даже если его мнение было нелицеприятно для коллег и руководства. В Национальном архиве Республики Бе-

Иван Мележ с женой Людмилой и старшей дочерью Людмилой

ларусь хранятся документы, позволяющие проследить позицию И. П. Мележа по вечно актуальным для университета проблемам: дисциплина, деятельность общественных организаций, качество учебного процесса. В протоколе № 2 партийного собрания при БГУ от 20 декабря 1943 г. зафиксировано выступление Ивана Павловича, в котором он жестко обратил внимание на то, что коммунист должен быть примером, но «...у нас этого пока не видно. Коммунисты не проявляют инициативу для того, чтобы бытовые условия студентов улучшить. Многие хозяйственники не отвечают своим требованиям, например, товарищ Свирщевский ничего не делает и не пользуется авторитетом, как руководитель. Однако администрация таких горе руководителей держит». На открытом партийном собрании первичной парторганизации 17 января 1944 г. он заявил: «Студенты у нас хорошие, но нужно отметить, что дисциплина у нас расшатана. Надо наладить дисциплину, требовательность, начиная от высших работников и кончая техничкой. Студенты пропускают занятия, деканы не принимают никаких мер к таким студентам. На третьем

АТТЕСТАЦИЯ

аспиранта кафедры белорусской литературы МБЛБН Ивана Павловича.

Аспирант Мележ Иван Павлович, третьего года обуче-
ния, специализируется в области истории белорусской лите-
ратуры под руководством кандидата филологических наук
Дарченко М. Г. Своим индивидуальным планом за первый и второй
годы обучения тов. Мележ И. П. в основном выполнил. Он нес-
колько раз сдавал экзамена по литературе XIX и XX в. в.

Мележ сдал экзамен по всем
минимуму, остался один реферат,
на апрель 1948 года. Литературу
на "отлично", иностранные языки
"хорошо". Реферат на тему "Выго-
да одичавших".

Диссертации тов. Мележ И. П. избрал
тему белорусской советской ли-
тературы большой и актуальной темы
"Три романа К. Черного".
она в нашей литературной

темой тов. Мележ только
прорабатывает соответствую-
щий план диссертации.

Членом Союза Советских писа-
телей издал два сборника своих
стихов, выполнению индивидуаль-

ное задание аспиранта Мележа И.
на апрель 1948 г.). Думаю, что

Садур (орган. его программы). Значит,
личной жизни - любви. Но тов. Мележ
не имеет еще св. семьи, поэтому
"Марк Гек." Бюджет, бюджет, итак
много совет. темы, итак. Гек.
"Мол. гвардия" Фед.
"Наука не лжет." Ост. стран. та рад. Но
каждый думает о войне.
Развитие истории романа.

ПРАЗДНЕНИЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСЬМЕННИКОВ БЕЛАРУСКОЙ ССР

Минск, 25 мая 1949 г.

Союз Советских писателей Белоруссии просит в со-
ответствии с решением Президиума Союза писателей
назначить его на работу в Училище по
литературе, на половину штатной ставки.

Секретарь Президиума Союза
Советских писателей Белоруссии

Автобиография.

Родился 8 февраля 1921 года в деревне Липини
Лойненского района. Родители - крестьяне, с
каменщиками - все время жили в деревне Липи
и работали в колхозе. В семье из семи детей
Белорусии. Меленьким ребенком я жил в
колхозе, так как в первом году войны остался с
родителями. Там же я провел свои детские
годы. В 1938 году в Лойненском окончил среднюю ин-
тернатную школу. Около года работал в руково-
дстве колхоза. Летом 1939 года учил-
ся на курсах - конференциях молодых писателей
Союза Советских писателей Белоруссии. В 1939
напечатал несколько своих стихотворений
в белорусских газетах: "Бирюзовая зима", "Липи-
ра и Меленький" и другие. Осенью поступил
в литературную школу при Могилевском институте
истории, филологии и литературы. Учился
мало - через полгода ушел в армию. С этого времени до
1942 года служил в армии. На Украине - в
составе 6-й армии и на Карпатах. Частично
освобождены сев. Буковина. В 1940 году бы-
л ранен в плен. 22 июня 1941 года
первое боевое крещение. Участвовал во мно-
гих боях и наступлении на Ровно и Бар.
20 июня 1941 года был тяжело ранен
и ранение оказалось роковым, и меня
решительно перевели в госпиталь г. В.
Полностью выздоровев в армии со-
ставил 49 гр. П. В к.
время работы в госпитале и в к.
военной подготовки Молдавского и др.

Иван Мелень

16 июля 1949 г.
Белоруссия.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА БССР
АБ присвоения т. МЕЛЕНЬ И. П.
гвардейского звания народного писателя
Белорусской ССР

За выдающиеся в области белорусской советской
литературы работы тов. Мележ Иван Павлович
назначен народным писателем Белорусской ССР.
Секретарь Президиума Верховного Совета БССР
Секретарь Президиума Верховного Совета БССР
А. ЧИЖОВ

19 июля 1972 года
г. Минск

курсе филфака у нас имеется 23 студента, а занятия посещают по 2–3 человека, мер никаких к этим студентам не принимается, хотя деканом у нас является товарищ Ларченко – коммунист». Так что личная благодарность и товарищеская привязанность к М. Г. Ларченко не мешали И. П. Мележу оставаться принципиальным человеком. На том же собрании он отметил отсутствие отчета и контроля «в работе студентов», констатировал плохую работу общественных организаций. И, что важно, не только критиковал, но и предлагал решения, чтобы ситуация улучшилась: «Во-первых, ректору необходимо обратить внимание на работу деканов, которые должны отвечать за срыв занятий и опоздания не только студентами, но и преподавателями», «необходимо почаще проводить общие собрания студентов, ставить на этих собраниях вопросы бытового характера».

Будучи писателем (пусть и начинающим), деятелем культуры, искусства, Иван Павлович вновь и вновь обращал внимание на уровень развития культуры, форм проведения досуга студентов БГУ. Уже после возвращения БГУ в Минск, 8 марта 1945 г., на закрытом партийном собрании он констатировал: «Очень плохо развернута работа кружков, плохо проходят вечера. Это объясняется тем, что нет заинтересованности студентов, а просто казенное отношение ко всему. Нужно стараться художественно оформить вечер, чтобы заинтересовать студентов. Мало внимания уделяется тематике докладов и лекций, в силу чего они мало интересуют студентов. Студентов интересуют темы о международном положении. Необходимо организовывать походы в театр, литературные диспуты». На заседании бюро парторганизации БГУ 13 декабря 1945 г. он вновь с горечью обратился к коллегам: «Культура студентов нашего университета стоит на очень невысоком уровне. Комсомольская организация этому вопросу уделяет очень мало

внимания... необходимо организовать литературные кружки, особенно на филологическом факультете».

Подобная критика не влияла на товарищеские и профессиональные отношения между сотрудниками университета. И. П. Мележ впоследствии на отлично закончил филологический факультет, поступил в аспирантуру, работал преподавателем. Очевидно, что особый дух университета, независимо от политических и иных процессов, способствовал сохранению открытости к другим мнениям, к критике, воспитывал понимание того, что диспут, дискуссия – не проявление вражды, а практический инструмент, при помощи которого как единомышленники, так и противники могут находить ответы на спорные вопросы.

Не менее критичен был Иван Павлович к себе. 21 мая 1944 г. на закрытом партсобрании, говоря об авангардной роли коммунистов в учебе и успеваемости студентов-коммунистов, он утверждал: «Мне как студенту и секретарю парторганизации приходится часто пропускать занятия, что скажется на результатах учебы. Мне часто приходится не готовиться к занятиям, ввиду того, что меня вызывают на разных совещаниях и по делам работы». И вновь партийный лидер не ограничился только критикой, но предложил конкретные меры для изменения ситуации: «Считаю целесообразным поставить вопрос перед ЦК о даче нам освобожденного секретаря парторганизации».

В это время укреплялся литературный авторитет Ивана Павловича. Его творчество становилось востребованным в различных кругах общественности. Так, молодежная газета «Чырвоная змена» в номере за 31 мая 1945 г. сообщала, что на очередном собрании молодежного литературного объединения в ЦК ЛКСМБ «...писатель Иван Мележ прочитал свою новую пьесу “Лицом к лицу”». В обсуждении пьесы приняли активное

Иван Мележ со студентами. 1946 г.

участие студенты БГУ, руководящие комсомольские работники». А студенты Белорусской консерватории по завершении обсуждения дали концерт. При этом партийные и общественные обязанности не мешали учиться отлично. В Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства хранятся студенческие и аспирантские конспекты И. П. Мележа по истории белорусской, советской и зарубежной литературы, конспекты статей советских литературоведов о творчестве Бальзака и Мопассана, подробный реферат работы Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах», конспект работы Е. Ф. Карского «Белорусы». В отчете Белорусского государственного университета за 1944/45 учебный год особого упоминания заслужили несколько отличников – сталинских стипендиатов, в том числе студент 4-го курса филологического факультета Мележ И. П. В архиве БГУ хранится копия диплома с отличием, полученного выпускником Мележем. М. Г. Ларченко, одновременно заведующий кафедрой белорусской литературы и декан филологического факультета, ценил Ивана Павловича как студента и как

человека, верил в его большое будущее. После окончания И. Мележем учебы он собственноручно написал ему рекомендацию для поступления в аспирантуру. Тема диссертации была обозначена кратко и конкретно – «Творчасць Кузьмы Чорнага». Научным руководителем аспиранта стал сам М. Г. Ларченко.

И вновь продолжилась столь характерная своей напряженной активностью жизнь: учеба в аспирантуре, работа в Центральном комитете КПБ, общественная деятельность, семья, писательский труд. За время учебы в аспирантуре (октябрь 1945 – сентябрь 1948 г.) в белорусских газетах и журналах были опубликованы несколько рассказов и повестей писателя Ивана Мележа. А в октябре 1946 г. из печати вышел его первый авторский сборник рассказов «У завіруху». Затем, в феврале 1948 г., – второй сборник «Гарачы жнівень». Обе книги были встречены благожелательными рецензиями. Из-за такой активной работы на поприще литературы аспиранту Мележу не удалось довести до завершения свою кандидатскую диссертацию. Иван Мележ об этом говорил так: «Скончыў аспірантуру Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, але дысэртацыі не напісаў – замест яе напісаў некалькі кніжак прозы». Правда, в данном случае Иван Павлович немного стусил краски. Текст диссертации он все же написал, но вот к защите не представил. О причинах можно только догадываться. В архиве хранятся три варианта рукописи этой диссертации, она несколько раз публиковалась под названием «Пра творчасць Кузьмы Чорнага» в сборниках и собрании сочинений писателя. Поэтому есть возможность ознакомиться с этой работой и увидеть Ивана Мележа не только как писателя, критика, эссеиста, но и как исследователя-литературоведа.

Процесс становления И. П. Мележа как лингвиста можно проследить по записям в листках по учету кадров и протоколам экзаменационных комиссий,

хранящимся в архиве БГУ. Так, в личном листке по учету кадров, заполненном 11 октября 1943 г. при поступлении в БГУ, указано, что из иностранных языков он владеет лишь немецким, да и то в «слабой» форме. А вот русским, белорусским и украинским языками владеет «хорошо». 2 января 1944 г. в новом листке среди иностранных языков, которыми владеет «слабо», помимо немецкого указан и польский. Заполняя в Минске очередной «Листок» (4 ноября 1945 г.), Иван Павлович указал, что он в недостаточной степени владеет немецким и чешским языками, но хорошо – польским. По прошествии чуть больше года (14 декабря 1946 г.) аспирант Мележ сдал кандидатский минимум по немецкому языку на отлично, а 17 июня 1947 г. на отлично был сдан кандидатский минимум и по французскому языку. Такая языковая увлеченность писателя и аспиранта поражает: можно проследить его успехи в изучении немецкого и польского языков, как и продвижение в постижении французского и чешского. Возможно, благодаря знанию французского языка, полученному в университете, впоследствии И. П. Мележ стал председателем правления Белорусского отделения общества «Франция – СССР».

После окончания аспирантуры Иван Павлович остался в университете на преподавательской работе: сначала в качестве ассистента по белорусской литературе, затем старшим преподавателем белорусской литературы своей родной кафедры белорусского языка и литературы. Чрезмерная загруженность, активная творческая работа, выступления в Минске и по республике, переводы (в частности, участие в переводе с украинского языка романа Олеся Гончара «Флагоносцы»), ответственное отношение ко всему усугублялись проблемами со здоровьем. 26 мая 1949 г. Союз советских писателей Белоруссии направил официальную просьбу ректору БГУ: «...в связи с за-

груженностью писателя Мележа Ивана Павловича назначить его на работу в Университете по совместительству, на половину штатной ставки». Приказ ректора И. С. Чимбурга последовал 7 февраля 1950 г.

По произведениям писателя и рецензиям на них можно судить, что он взрослел, оттачивал стиль именно во время своей учебы и работы в Белорусском государственном университете. После выхода первых двух авторских сборников в республиканской прессе были опубликованы многочисленные рецензии и отзывы – в целом положительные, но и не без критики в адрес отдельных слабых мест в сюжетной линии, характерах героев, стилистике языка. Так, в рецензии на «У завіруху» в газете «Чырвоная змена» от 21 ноября 1946 г. говорится: «Больш увагі трэба звяртаць Івану Мележу на форму і сюжэт сваіх апавяданняў. Часта ён захапляецца асобнымі псіхалагічнымі дэталямі і мала ўвагі звяртае на сюжэтную структуру». В газете «Літаратура і мастацтва» 21 декабря 1946 г. рецензент отмечал: «Нерэальнымі, надуманымі рысамі надзяліў І. Мележ і вобразы савецкіх інтэлігентаў...». И констатировал: «І. Мележ – бясспрэчна таленавіты пісьменнік. І чым хутчэй пазбавіцца ён кніжных прыёмаў, чым больш зблізіцца з жыццём і глыбей пазнае нашу гераічную рэчаіснасць, тым хутчэй разгорнецца яго талент, ён здолее напісаць поўнацэнныя мастацкія творы аб савецкім чалавеку». В 1950 г. в первых трех номерах журнала «Полымя» вышла первая книга романа «Мінскі напрамак». В газете «Большавік Палесся» от 4 октября в рецензии на нее были отмечены как сильные, так и слабые стороны, но утверждалось, что «першая кніга рамана “Мінскі напрамак” – сведчанне творчага росту пісьменніка».

Разумеется, в полной мере творческие силы писателя раскрылись после того, как он смог гораздо больше времени уделять литературной работе. Это отмечено

в рецензии на вышедший в 1952 г. отдельным изданием законченный вариант романа «Мінскі напрамак». Наиболее емко данную мысль выразил рецензент в газете «Літаратура і мастацтва» от 21 февраля 1953 г.: «Першае, што хочацца адзначыць, гэта досыць вялікі рост аўтара як мастака ў параўнанні з ранейшымі яго творамі».

Бешеный ритм работы писателя все больше подрывал и без того слабое здоровье. 20 августа 1951 г. Иван Павлович написал заявление на имя заведующего кафедрой белорусской литературы: «У сувязі з хваробай, якая патрабуе доўгага лячэння, я не змагу працаваць у гэтым годзе ва Універсітэце, а таму прашу вызваліць мяне на 1951–52 навучальны год ад абавязкаў старшага выкладчыка беларускай літаратуры». 6 сентября 1951 г. вышел приказ за подписью исполняющего обязанности ректора Е. Азаренко об освобождении «от работы на 1951/52 учебный год ст. преподавателя кафедры истории белорусского языка и литературы Мележа И. П. в связи с болезнью».

Этот приказ подвел черту под университетским периодом жизни и творчества народного писателя Беларуси Ивана Павловича Мележа. Как видно из его заявления, он планировал, что это будет лишь временный перерыв, на один год, что сможет поправить здоровье и вернуться к работе в БГУ. Но обстоятельства сложились иначе. Писатель окупился

в новую жизнь, в которой смог в полной мере реализовать себя. К своим 55 годам, отмеренным ему Богом, он достиг таких творческих вершин, как будто за один год проживал два.

Разумеется, в последующие годы контакты знаменитого писателя Ивана Мележа с родным университетом не прерывались. Он не раз посещал филологический факультет, вел переписку со студентами, которые обращались к нему с вопросами о творчестве, о смысле и значении его образов и мыслей, о мнении относительно качества переводов его романов на русский язык.

Университетское научно-педагогическое сообщество сегодня, как и раньше, хранит память об Иване Павловиче Мележе – своем студенте, аспиранте, преподавателе, писателе. Регулярно проводятся «Мележевские чтения», издаются тематические сборники. Литературное наследие Ивана Мележа всесторонне изучается студентами, статьи, диссертации и книги о нем пишут исследователи. Знаковой вехой стало открытие на филологическом факультете БГУ 2 ноября 2018 г. аудитории «Народные поэты и писатели Беларуси» и соответствующего сайта. Достойное место отведено Ивану Павловичу Мележу, имя которого олицетворяет творческую, интеллектуальную силу первого университета Беларуси.

Денис Геннадьевич Ларионов

**Выдающийся физик,
создатель научной школы
в области радиотехники
и физической электроники**

**Профессор БГУ, создатель
и многолетний заведующий
нескольких физических кафедр
университета**

Илья Григорьевич НЕКРАШЕВИЧ

20.07.1905 – 18.11.1993

Студент и лаборант, аспирант, преподаватель, доцент, профессор, многолетний заведующий несколькими физическими кафедрами – эти ступеньки научного роста Илья Григорьевич Некрашевич преодолел в Белорусском государственном университете, состоявшись как незаурядный ученый-физик, основоположник новых направлений. Он на протяжении всей своей творческой жизни занимался проникновением в таинства радиотехники, физической электроники.

Сегодня университетские физики, большинство из которых считают себя в той или иной мере учениками Ильи Григорьевича, определяют широкий круг научных интересов и достижений, навсегда связанных с именем учителя. Так, весомые научные результаты были достигнуты им в области физики полупроводников и газоразрядной плазмы, распространения и детектирования электромагнитных колебаний ВЧ-диапазона, ученый был близок к созданию полупроводникового триода. Особенно плодотворны его работы в области контакта газоразрядной плазмы с поверхностью металлического электрода. Им была создана миграционная теория, связанная с закономерностями спонтанного перемещения канала искрового разряда, – условия для развития электроискровой обработки металлов в промышленном масштабе. А диагностические исследования газоразрядной плазмы, начатые И. Г. Некрашевичем и продолженные его учениками, привели к разработке и внедрению контролируемой плазменной технологии, широко используемой в настоящее время в электронике и микроэлектронике.

В бурный, революционный для Российской империи 1905 г. в заштатном белорусском городке Мозырь в семье выходцев из крестьянской среды – разнорабочего Григория Кузьмича Некрашевича и его жены Марии (домохозяйки, подрабатывавшей швеей) родился мальчик, которому в советской Беларуси было суждено стать одним из олицетворений высокого уровня развития физической науки. Но для этого Илье пришлось преодолеть немало барьеров, освоить премудрости сложнейших разделов физики. Освоить и продолжить дело своих учителей – профессоров-физиков первого поколения ученых Белорусского государственного университета и Белорусской академии наук. Продолжить и создать свою научную школу.

О нем написано много текстов, его имя регулярно упоминается в сотнях работ из различных областей физических знаний. Главное, что имя Ильи Григорьевича Некрашевича навечно вписано в летопись интеллектуальной Беларуси его исследованиями, монографиями, статьями, докладами на научных конференциях и т. д.

В большинстве документов, которые заполнены Ильей Григорьевичем, он указывал, что родился в белорусской «рабочей семье». Уточнение этой политически выверенной по тем временам записи можно найти в деле его сестры Валентины, которая по стопам старшего брата пришла в БГУ. Правда, избрав для освоения другую специальность. В Национальном архиве Республики Беларусь хранятся в университетском фонде два дела – на студента и аспиранта педфака И. Г. Некрашевича и на студентку факультета права и хозяйства В. Г. Некрашевич. Сестра Валентина родилась в 1909 г. В 1927 г. она поступила в БГУ. Информация ее дела уточняет некоторые факты из биографии брата и всей семьи Некрашевичей. Некой сквозной темой на 17 листах документов проходит проблема

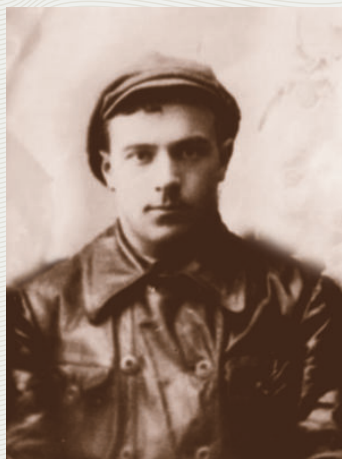
очень низкого достатка студентки и опекуна старшего брата-аспиранта над сестрой, которая в Минске оказалась на его полном иждивении. Уже в октябре 1927 г. Илья Григорьевич просил Правление университета посодействовать в крайне затруднительной ситуации и выделить сестре стипендию. Аргументировал он просьбу тем, что сам он аспирант, а как препаратор Физического института БГУ получает лишь 45 руб. жалованья и «еле сводит концы с концами». Тем более, что ему надо работать, заниматься наукой, а не бедствовать. Среди других аргументов была ссылка на положение отца-инвалида Григория Кузьмича, который в свои 55 лет работал «кухарам» (поваром) в столовой, что подтверждала справка, выданная «Мозырьскім Цэнтральным Праўленьем прафсаюза рабочых народнага харчавання і абшчажыццяў Беларусі».

Так что занятие отца двух университетских студентов было вполне «рабочим». Тем более, что Григорий Кузьмич чуть ли не с первых дней установления в Мозыре советской власти занял «правильную» позицию, в 1919 г. вступил в профсоюз работников «Нарпита» и кухарил в престижной столовой Мозырского центрального рабочего кооператива Центрального союза потребительских обществ ССРБ. Это позволило дать детям среднее образование, обеспечить старт для учебы в Минске. Вот только став студентами БГУ, брат и сестра должны были рассчитывать на себя и держаться друг друга. Вообще-то отец студентов, не имея образования и постоянной профессии, за два десятилетия XX в. сменил целый ряд занятий. Начинал он свою городскую жизнь как повар в частных столовых Мозыря. Но революция нарушила привычный уклад жизни. В годы оккупации польскими войсками Григорий Кузьмич вынужден был наняться судорабочим Мозырского отдела водного транспорта. Потом был

сокращен и устроился рассыльным в конторе «народной связи». После очередного сокращения служил в заготконторе и занимался закупками и засолкой мяса. К моменту поступления сына в университет работал сторожем на железной дороге. Такие пролетарские занятия отца для сына-студента были отличным аргументом для утверждения в новой системе общественных отношений. Не раз Илья Григорьевич в документах подчеркивал, что родители «никогда не использовали наемного труда» и «получали заработок своим физическим трудом».

Для Ильи освоение школьной программы пришлось на 1915–1922 гг. Учебу, чтобы просто выжить в условиях военных и политических потрясений, приходилось не раз прерывать и вместе с отцом «ходить по случайным заработкам». Итогом учебы в императорских и советских школах стало «Пасьеведчанье» о том, что Илья Некрашевич окончил «IV группу бывшей школы II ступени при Советской трудовой школе № 1 в гор. Мозыре» и сдал зачеты по 15 предметам (в том числе по физике, химии, естествознанию, алгебре, а также истории, русскому и белорусскому языкам и др.). Школьнику, как пригодному к военной службе, пришлось освоить и 96-часовой курс всеобщей.

С сентября 1921 г., еще учеником, для поддержания семейного бюджета Илья устроился наблюдателем на метеостанции родного Мозыря, входившей в сеть станций Главной физической обсерватории. А через полгода, завершив учебу, стал подрабатывать инструктором «по организации и поднятию спорта в Мозырской спорторганизации школьников» и помощником монтера в коммунальном отделе. Однако, несмотря на очевидные материальные затруднения, которые испытывала семья Некрашевич (на иждивении родителей находилась младшая сестра – школьница и престарелая бабушка), в июле 1923 г. Илья Григорьевич

И. Г. Некрашевич. 1922 г.

написал заявление с просьбой зачислить «слушателем Педагогического факультета, физико-математического отделения на бесплатное место». И без проблем стал студентом физико-математического отделения педфака БГУ, так как и его рабочее происхождение, и рабочее же состояние отлично вписывались в социальную политику советского университета. Через короткое время вступил в комсомол, упрочив позиции для возможной карьеры по научной линии.

Упорная учеба уже с 1925 г. сопровождалась работой в качестве лаборанта по кафедре физики. Это давало некоторое финансовое подспорье, позволяло ни на минуту не отрываться от профессии, постоянно быть рядом со своими профессорами и преподавателями, которые и заложили у студента любовь и исследовательскую увлеченность к физике. Возможно, эта увлеченность, большие интеллектуальные и физические нагрузки, которые приходилось выдерживать в первый год учебы в университете, и стали причиной некоторой рассеянности: Илья Григорьевич в 1924 г. потерял свой студенческий билет и все годы пользовался

справкой-копией. А ведь этот важный документ давал право на бесплатный проезд по железной дороге в силу того, что отец продолжал трудиться на «чыгунцы»: работал «по восстановлению ж. д. через реку Припять у г. Мозыря моста». О громадном перенапряжении сил, которое испытывал студент Некрашевич, говорит хотя бы его личная запись в одной из анкет: «Живу на стипендию и на средства платы, получаемой на случ. работах, предоставляющихся трудартелью». Поэтому, далее писал он, приходится пользоваться кассой взаимопомощи, получать в университете бесплатные обеды, давать уроки отстающим по программе школьникам (так, за две недели родители одного из учеников заплатили аж «4 рубля золотом»!).

Закономерным итогом учебы И. Г. Некрашевича стала защита дипломной работы на тему «Ваганні ў этары і ўласцівасці розных актаў радыяцыі», т. е. направление научных интересов выпускника БГУ находилось чуть ли не в эпицентре развития физической науки тех лет. Через год после окончания учебы (1927) Илья Григорьевич поступил в аспирантуру БГУ. Обратим внимание, что в БГУ аспирантура официально стала частью образовательного процесса только с 1927 г. Так что И. Г. Некрашевич оказался одним из первых университетских аспирантов в целом и по физическому направлению в частности. Он, как и первые аспиранты БГУ, в эти начальные годы становления системы подготовки «кадров высшей квалификации» в Беларуси имел двойной аспирантский статус – числился и в аспирантуре 1-го МГУ. Более того, Илья Григорьевич в 1928 г. поступил на физмат МГУ (математическое отделение) и в 1930 г. получил диплом о его окончании по специальности «радиотехника». Так что белорусский физик в полной мере черпал новые знания и осваивал исследовательские пути и за счет богатой научными традициями

высшей школы Москвы. Его научной специальностью в аспирантуре также была «радиотехника». Исследования по теме кандидатской диссертации дополнялись преподавательской работой: ее аспиранту не только доверили, но рассчитывали на его несомненную подготовленность к педагогической работе. В 1931 г. аспирантура была окончена. Итоговый документ был выдан в Москве. В нем отмечено, что выпускник аспирантуры по специальности «радиотехника» «выполнил все требования учебного плана на математическом отделении физико-математического факультета, читает литературу по специальности на английском, немецком и польском языках».

С января 1931 г. Илья Григорьевич был зачислен ассистентом на кафедру физики БГУ. Благо, что реформирование и «разукрупнение» университета, пришедшиеся как раз на эти годы, определили организацию физико-математического факультета. Работа на физмате БГУ отнимала массу времени у молодого преподавателя, в то время как диссертация так и не была завершена в аспирантский срок. Зато вполне последовательно преодолевались карьерные ступеньки: в 1933 г. Илья Григорьевич был утвержден доцентом, в 1937 г. стал исполнять обязанности заведующего кафедрой общей физики (в документах встречается и иное название – «экспериментальной физики»). Он в эти годы по совместительству работал научным сотрудником БАН (АН БССР) в лабораториях Физико-технического института, что позволяло углубить научные составляющие своей диссертации. И только в 1939 г. состоялась успешная защита диссертации и была получена ученая степень кандидата физико-математических наук. Тема диссертации для не посвященных в проблематику науки физики звучит совсем уж сложно – «Исследование суперрегенеративного приема дециметровых волн по схеме тормозящего поля». И. Г. Некраше-

вичу оппонировали два признанных научных авторитета – член-корреспондент АН СССР, крупнейший специалист в области радиофизики и радиотехники Борис Алексеевич Введенский (впоследствии – академик, Герой Социалистического Труда) и университетский профессор, заведующий кафедрой электромагнитных колебаний БГУ, автор первых в Беларуси учебных пособий по радиотехнике («Курс радыётэхнікі» (1933), «Тэлебачанне і тэлефатаграфія» (1934), «Гукавое кіно» (1936)) Евгений Васильевич Снятков. В эти предвоенные годы, а затем уже и после Победы Илья Григорьевич, как отмечается в документах, не только исследовал актуальные проблемы контактовых явлений металлов и полупроводников с плазмой, но и построил работу кафедральных лабораторий – проблемной лаборатории полупроводниковой техники и лаборатории экспериментальной физики и физической электроники. Указывалось, что «в основе проводимых исследований лежат разработанные Некрашевичем принципиально новые физические представления о механизме эмиссии вещества из электродов в контакте металл – плазма, а также идеи о единстве некоторых явлений в плазме и полупроводниках».

На рубеже 1920–30-х гг. сформировался семейный очаг. Женой Ильи Григорьевича стала Анна Николаевна Шиманович (1903–1979), которая окончила медицинский факультет БГУ. Она подарила мужу в 1930 г. дочь, а в 1939 г. сына. Майя Ильинична впоследствии, как и мать, стала медиком, в 1965 г. защитила кандидатскую диссертацию по проблеме лечения заболеваний легких и работала на кафедре терапии Белорусского института усовершенствования врачей. Сын Ярослав Ильич пошел по стопам отца и трудился старшим инженером Института физики АН БССР, стал автором научных публикаций. Семья Некрашевич без потерь прошла суровые,

репрессивные 1930-е гг. Но лихолетье Великой Отечественной войны испытала в полной мере. И. Г. Некрашевич вместе с семьей не смог эвакуироваться и вынужден был остаться в оккупированном фашистами Минске. Уже в июле 1941 г. ученый-физик вошел в состав подпольной организации, которая формировалась под руководством М. Б. Осиповой. Илья Григорьевич выполнял различные поручения в интересах партизанских отрядов, действовавших в окрестностях Минска. В его документах военной поры указывалось, что И. Г. Некрашевич являлся с октября 1941 по сентябрь 1943 г. связным партизанского отряда бригады «Дима». Семья в это время находилась в деревне близ Минска. Супруга Ильи Григорьевича, врач по специальности, в качестве связной поставляла сведения партизанам. После покушения на гауляйтера Беларуси Вильгельма Кубе И. Г. Некрашевич вынужден был уйти к партизанам и стал бойцом 2-й Минской партизанской бригады, а его жена Анна Николаевна – начальником санитарной службы отряда им. Молотова этой же партизанской бригады. Боевые заслуги университетского физика, хотя и по

Занятие в кабинете физики БГУ. 1940 г.

Илья Григорьевич Некрашевич

гэтих пасведчаньне грамадзян *іну Некрашэвіч*

ре ведау па ніжэйадзначаным прадметам:

- Таказанае адпаведнымі подпіса

СИСТЕМА ВЫХОДНОГО ДНЯ
ПОДГОТОВКИ КВАЛИФИКАЦИИ НАСТАВНИКА
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
А-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

а 6 гадз. увеч.
НЕКРАШЭВІЧА І.Р.
ІЧНЫ ТОК у ПУСТАЦЕ (продж.)
(Фізічны корпус).

12 **ХІМІЧНЫ ФТ.** (Фізичны корпус)
снежня а 7 гадз, увеч. **ЛЕКЦЫЯ**
праф. **ЗМАЧЫНСКАГА З. В.**
„НАВЕЙШЫЯ ПОСТЕХІ НЕОРГАНІЧНАЙ ХІМІІ“

12 ГІСТ ФАК. (Хімікорпус, ауд. 33)
снежня а 6 гадз. увеч. ЛЕКЦЫЯ
праф. ПЕРЦАВА В. Н.
ФРАНЦЫЯ ў XVI—XVII вв.

Університет вихідного дня при БДУ.

ВЫСШЕМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ УНИВЕРСИТЕТУ ИМЕНИ В.И. ЛЕНИНА

4. Предоставить очередной отпуск:

11. 11. 1940
 12. 11. 1940
 13. 11. 1940
 14. 11. 1940
 15. 11. 1940
 16. 11. 1940
 17. 11. 1940
 18. 11. 1940
 19. 11. 1940
 20. 11. 1940
 21. 11. 1940
 22. 11. 1940
 23. 11. 1940
 24. 11. 1940
 25. 11. 1940
 26. 11. 1940
 27. 11. 1940
 28. 11. 1940
 29. 11. 1940
 30. 11. 1940
 31. 11. 1940
 1. 12. 1940
 2. 12. 1940
 3. 12. 1940
 4. 12. 1940
 5. 12. 1940
 6. 12. 1940
 7. 12. 1940
 8. 12. 1940
 9. 12. 1940
 10. 12. 1940
 11. 12. 1940
 12. 12. 1940
 13. 12. 1940
 14. 12. 1940
 15. 12. 1940
 16. 12. 1940
 17. 12. 1940
 18. 12. 1940
 19. 12. 1940
 20. 12. 1940
 21. 12. 1940
 22. 12. 1940
 23. 12. 1940
 24. 12. 1940
 25. 12. 1940
 26. 12. 1940
 27. 12. 1940
 28. 12. 1940
 29. 12. 1940
 30. 12. 1940
 31. 12. 1940
 1. 1. 1941
 2. 1. 1941
 3. 1. 1941
 4. 1. 1941
 5. 1. 1941
 6. 1. 1941
 7. 1. 1941
 8. 1. 1941
 9. 1. 1941
 10. 1. 1941
 11. 1. 1941
 12. 1. 1941
 13. 1. 1941
 14. 1. 1941
 15. 1. 1941
 16. 1. 1941
 17. 1. 1941
 18. 1. 1941
 19. 1. 1941
 20. 1. 1941
 21. 1. 1941
 22. 1. 1941
 23. 1. 1941
 24. 1. 1941
 25. 1. 1941
 26. 1. 1941
 27. 1. 1941
 28. 1. 1941
 29. 1. 1941
 30. 1. 1941
 31. 1. 1941
 1. 2. 1941
 2. 2. 1941
 3. 2. 1941
 4. 2. 1941
 5. 2. 1941
 6. 2. 1941
 7. 2. 1941
 8. 2. 1941
 9. 2. 1941
 10. 2. 1941
 11. 2. 1941
 12. 2. 1941
 13. 2. 1941
 14. 2. 1941
 15. 2. 1941
 16. 2. 1941
 17. 2. 1941
 18. 2. 1941
 19. 2. 1941
 20. 2. 1941
 21. 2. 1941
 22. 2. 1941
 23. 2. 1941
 24. 2. 1941
 25. 2. 1941
 26. 2. 1941
 27. 2. 1941
 28. 2. 1941
 29. 2. 1941
 30. 2. 1941
 31. 2. 1941
 1. 3. 1941
 2. 3. 1941
 3. 3. 1941
 4. 3. 1941
 5. 3. 1941
 6. 3. 1941
 7. 3. 1941
 8. 3. 1941
 9. 3. 1941
 10. 3. 1941
 11. 3. 1941
 12. 3. 1941
 13. 3. 1941
 14. 3. 1941
 15. 3. 1941
 16. 3. 1941
 17. 3. 1941
 18. 3. 1941
 19. 3. 1941
 20. 3. 1941
 21. 3. 1941
 22. 3. 1941
 23. 3. 1941
 24. 3. 1941
 25. 3. 1941
 26. 3. 1941
 27. 3. 1941
 28. 3. 1941
 29. 3. 1941
 30. 3. 1941
 31. 3. 1941
 1. 4. 1941
 2. 4. 1941
 3. 4. 1941
 4. 4. 1941
 5. 4. 1941
 6. 4. 1941
 7. 4. 1941
 8. 4. 1941
 9. 4. 1941
 10. 4. 1941
 11. 4. 1941
 12. 4. 1941
 13. 4. 1941
 14. 4. 1941
 15. 4. 1941
 16. 4. 1941
 17. 4. 1941
 18. 4. 1941
 19. 4. 1941
 20. 4. 1941
 21. 4. 1941
 22. 4. 1941
 23. 4. 1941
 24. 4. 1941
 25. 4. 1941
 26. 4. 1941
 27. 4. 1941
 28. 4. 1941
 29. 4. 1941
 30. 4. 1941
 31. 4. 1941
 1. 5. 1941
 2. 5. 1941
 3. 5. 1941
 4. 5. 1941
 5. 5. 1941
 6. 5. 1941
 7. 5. 1941
 8. 5. 1941
 9. 5. 1941
 10. 5. 1941
 11. 5. 1941
 12. 5. 1941
 13. 5. 1941
 14. 5. 1941
 15. 5. 1941
 16. 5. 1941
 17. 5. 1941
 18. 5. 1941
 19. 5. 1941
 20. 5. 1941
 21. 5. 1941
 22. 5. 1941
 23. 5. 1941
 24. 5. 1941
 25. 5. 1941
 26. 5. 1941
 27. 5. 1941
 28. 5. 1941
 29. 5. 1941
 30. 5. 1941
 31. 5. 1941
 1. 6. 1941
 2. 6. 1941
 3. 6. 1941
 4. 6. 1941
 5. 6. 1941
 6. 6. 1941
 7. 6. 1941
 8. 6. 1941
 9. 6. 1941
 10. 6. 1941
 11. 6. 1941
 12. 6. 1941
 13. 6. 1941
 14. 6. 1941
 15. 6. 1941
 16. 6. 1941
 17. 6. 1941
 18. 6. 1941
 19. 6. 1941
 20. 6. 1941
 21. 6. 1941
 22. 6. 1941
 23. 6. 1941
 24. 6. 1941
 25. 6. 1941
 26. 6. 1941
 27. 6. 1941
 28. 6. 1941
 29. 6. 1941
 30. 6. 1941
 31. 6. 1941
 1. 7. 1941
 2. 7. 1941
 3. 7. 1941
 4. 7. 1941
 5. 7. 1941
 6. 7. 1941
 7. 7. 1941
 8. 7. 1941
 9. 7. 1941
 10. 7. 1941
 11. 7. 1941
 12. 7. 1941
 13. 7. 1941
 14. 7. 1941
 15. 7. 1941
 16. 7. 1941
 17. 7. 1941
 18. 7. 1941
 19. 7. 1941

Ректору Белорусского
Государственного университета
г. Минск, ул. Печерская, 30.
Уважаемый профессор,
являясь членом Президиума
Академии наук БССР, заведующим
кафедрой радиотехники и
физической электротехники,
и одновременно руководителем
лаборатории микроэлектроники
и телекоммуникаций
Непрерывного
образования,

новое 1948/49 гг. года
предлагаю именован на должность
профессора кафедры радиотехники и
физической электротехники, освободив от
обязанностей заведующего этой кафедрой

26/10-78.

Генеральный

Решением
интеспационной Комиссии

Высшей Аттестационной Комиссии

от 12 мая 1960 г. (протокол № 3)

Некрасович Улья Григорьевич

УТВЕРЖДЕН В УЧЕНОМ ЗВАНИИ ПРОФЕССОРА
ПЕДАГОГИЧЕСКОМ КАФЕДРЕ

ПО КОФЕДРЕ

Председатель *И. С. Сидоров*
 Амтестация *И. С. Сидоров*
 Ученый Секретарь *И. С. Сидоров*

37. Некрасович И.Г., Бакуто И.А. О полярном эффекте эрозии металлов при импульсном электрическом разряде. ДАН БССР, т.IV, вып.6, 1960.

58. Некрасевич И.Г., Бакуто И.А.О зависимости эрозийного эффекта от длительности импульсного разряда. ИРЖ, т.Ш, вып.1, 1960.

59. Некрашевич И.Г., Бакуто И.А. Физический механизм эрозии металлов при электрическом импульсном разряде. Сб. научн. трудов ФТИ АН БССР, вып. 6, 1960.

истечении времени, отмечены орденом Отечественной войны II степени, медалью «Партизану Отечественной войны» I степени, юбилейными наградами.

Боевая биография Ильи Григорьевича завершилась 20 июля 1944 г., когда он был направлен в распоряжение ректора БГУ. Университет готовился к возвращению из подмосковной станции Сходня в освобожденный Минск. Подготовка к возобновлению его работы шла как в Подмосковье, так и в Минске. И. Г. Некрашевич был зачислен в штат физмата БГУ в качестве доцента кафедры теоретической и экспериментальной физики. Восстановление БГУ шло с огромным напряжением, нужно было возобновлять буквально все: и материально-техническую базу, и полностью уничтоженные лаборатории с уникальным оборудованием (а для физиков это имело важнейшее значение при проведении практикумов и научных экспериментов), и лекционные курсы. Следовало в первую очередь восстановить кадровый потенциал.

Эти проблемы с 1945 г. Илья Григорьевич решал уже в качестве исполняющего обязанности заведующего кафедрой общей физики (в 1954 г. он был избран по конкурсу). Он лично занимался даже подготовкой и изготовлением необходимых для проведения занятий наглядных пособий и приборов, вместе с сотрудниками кафедры помогал студентам в их самостоятельной работе. Рос его авторитет как ученого: когда ректорат в конце 1944 г. решил провести первую научную сессию, то очень скрупулезно был организован отбор тем выступлений и докладчиков (окончательное решение принял Совет). Ставилась задача максимально актуализировать научные разработки своих сотрудников, отобрать только те, которые имели несомненное народно-хозяйственное значение и научную значимость. Среди 32 докладов, озвученных на сессии уже 19 мая 1945 г., был и доклад И. Г. Некрашевича. Одной из форм популяризации научных знаний в военный еще 1945 г. и первое после-

Доцент И. Г. Некрашевич проводит семинарские занятия по физике на 1-м курсе физико-математического факультета БГУ. 1946 г.

военное время стал университетский лекторий, о котором с восторгом писали республиканские газеты. Например, буквально за 3 дня до Победы ректорат БГУ сообщал, что физмат проводит лекторий по случаю 50-летия со дня изобретения радио А. С. Поповым. На нем с докладом «50 лет радио (от Попова до наших дней)», который «сопровождался демонстрациями», выступил доцент И. Г. Некрашевич.

Несмотря на колоссальную организационную и педагогическую загруженность, И. Г. Некрашевич, как истинный ученый, все больше времени уделял науке, исследовательским экспериментам. И увлекал своих коллег по кафедре. В первые послевоенные годы он руководил проведением опытов в области физики контактных явлений (полупроводник – плазма – металл) не только группой сотрудников своей кафедры, но и в электрофизической лаборатории Физтеха АН БССР, которую он по совместительству вновь возглавил (с 1948 по 1959 г.). Уже в 1948 г. ученый смог подготовить для публикации серьезную научную статью по проблеме «Частотная зависимость униполярной проводимости контактов». Отмечая огромные заслуги Ильи Григорьевича в восстановлении научных и учебных лабораторий университета, активную исследовательскую работу и подготовку докторской диссертации на тему «Униполярная проводимость контактов», ученый совет БГУ в апреле 1947 г. выдвинул его кандидатуру на Сталинскую стипендию. Вот только обозначенные советом сроки защиты диссертации (июль 1950 г.) не раз переносились, и по различным причинам ученый не счел необходимым довести эту сторону своей научной деятельности до завершения.

Углубление специализаций на физмате БГУ, которое было связано с укреплением научного потенциала факультета, в 1956 г. позволило переименовать кафед-

Первый послевоенный выпуск физмата БГУ. 1947 г.

ру общей физики – в ее названии вновь появилась «экспериментальная» составляющая. В скором времени, в 1960 г., в первую очередь благодаря возросшему научному авторитету ее заведующего, кафедра стала называться еще более конкретно – «экспериментальной физики и физической электроники». Это отвечало духу времени, новым тенденциям и успехам в области физической науки. Новое направление в работе кафедры определялось и тем, что в ноябре 1960 г. ее заведующий был утвержден ВАК СССР в ученом звании профессора без защиты докторской диссертации. В 1961 г. ученый удостоился высокой правительственной награды – ордена Ленина.

Для проведения фундаментальных и практико-ориентированных исследований при кафедре создали научную лабораторию с аналогичным названием. Дальнейшее развитие научных исследований позволило в 1967 г. создать две самостоятельные кафедры – кафедру общей физики и кафедру радиотехники и физической электроники. Разумеется, Илья Григорьевич возглавил кафедру физической электроники, а также лабораторию при ней. Доцента Александра Михайловича Саржевского назначили заведовать кафедрой общей физики (или, как не раз

И. Г. Некрашевич и А. А. Лабуда в научной лаборатории. 1954 г.

писалось в официальных документах, просто «физики»). Интересную деталь можно проследить в документах ученого за 1950–70-е гг.: почти всегда решения ученого совета БГУ об избрании И. Г. Некрашевича по конкурсу на должности то ли заведующего, то ли профессора принимались подавляющим числом голосов или единогласно. Это можно расценить как проявление и авторитетности университетского физика, и уважительности к нему со стороны коллег.

Названная выше лаборатория в 1970 г. стала одной из важных составляющих образованного в университете специального Научно-исследовательского института прикладных физических проблем (НИИ ПФП). Но в составе НИИ она получила новое название – «лаборатория контактных явлений». Конечно, И. Г. Некрашевич возглавил ее (до 1977 г.). О научной эффективности работы Ильи Григорьевича говорит тот факт, что с 1950 по 1983 г. под его руководством успешно защитили кандидатские диссертации 17 его учеников, а десятки дипломников влились в научные коллективы АН БССР, БГУ и других вузов республики. Боль-

шинство «остепененных» учеников после защиты диссертаций плодотворно работали преподавателями и научными сотрудниками в БГУ, БПИ, институтах АН БССР. К началу 1980-х г. в списке научных публикаций ученого были уже 184 работы, опубликованные им с 1933 г. Интересно проследить ускорение научной активности Ильи Григорьевича. Так, если за 1933–1939 гг. напечатаны всего 5 его работ, то за 1948–1983 гг. остальные 179. Из них 152 работы в соавторстве, а 2 напечатаны на английском языке. Особо значимы 3 авторских свидетельства на изобретения.

Значение научной и педагогической деятельности И. Г. Некрашевича для университета и всей страны огромно. В самом сжатом виде важнейшие итоги работы Некрашевича-ученого и Некрашевича-педагога изложены в массе характеристик – как официальных, деловых, так и данных его коллегами и учениками: «И. Г. Некрашевич добился значительных успехов в развитии физических лабораторий и специальных практикумов. Все виды занятий проводит на высоком научном и методическом уровне, читает основные курсы... Под его руководством коллектив проблемной лаборатории полупроводниковой техники, лаборатории экспериментальной физики и физической электроники работают над актуальной проблемой контактных явлений металлов и полупроводников с плазмой».

Истинный, увлеченный исследователь, И. Г. Некрашевич был абсолютно включен в повседневность жизни и забот как своего факультета, так и БГУ в целом. Его авторитет и знания были востребованы и на республиканском уровне. Если в университете он отметился своей активностью по профсоюзной линии (до 1962 г. был председателем, а затем членом месткома) и неоднократно избирался в партбюро (правда, в партию вступил довольно поздно – в 1961 г.) и группу

народного контроля факультета, то в республике его знали как председателя Научно-методического объединения преподавателей физики вузов БССР, председателя секции физики научно-технического совета Минвуза БССР, члена научно-методического совета Минобра СССР, председателя секции «Взаимодействие плазмы с поверхностью» научного совета «Физика и техника плазмы» АН БССР, члена секции физико-математических и физико-технических наук Комитета по государственным премиям БССР в области науки и техники, члена двух спецсоветов по защите и др. А еще он многие годы возглавлял научно-техническое общество радиотехники и радиосвязи им. А. С. Попова, секцию республиканского общества «Знание» и др. Поэтому не удивительно, что в характеристиках Ильи Григорьевича всегда вписывалась хотя и несколько трафаретная на те годы, но объективная фраза: «Пользуется авторитетом среди научных работников и сту-

дентов, политически грамотен, идеологически выдержан, морально устойчив, скромен в быту». Его многолетнюю плодотворную научно-педагогическую деятельность в 1961 г. высоко оценили на государственном уровне: И. Г. Некрашевич был награжден орденом Ленина.

Напряженная научная и организаторская работа на кафедре с годами давала о себе знать. Илье Григорьевичу к концу 1970-х гг. хотелось целиком посвятить себя науке и не отвлекаться на множество мелких и больших проблем, которые требовали своего решения от заведующего кафедрой. В 1977 г. он решился стать «просто» профессором и даже избрался по конкурсу на эту должность. Однако руководство факультета и университета попросило его продолжить работу в качестве заведующего. Только-только заступивший на должность ректора коллег-а-физик В. А. Белый издал соответствующий приказ: «В порядке исключения продлить срок работы без прохождения

И. Г. Некрашевич (стоит второй справа в верхнем ряду) среди группы подпольщиков и партизан. 1962 г.

по конкурсу». С нового 1978/79 учебного года заведование кафедрой радиотехники и физической электроники И. Г. Некрашевич решил окончательно оставить. Прошло официальное избрание в должности профессора этой кафедры. Трогательно и даже несколько пафосно коллеги на совете факультета утверждали Илью Григорьевича уже в этой должности. Выступили многие, в их речах звучали самые теплые слова благодарности в адрес того, кого по праву, как отметил заведующий кафедрой электрофизики А. В. Шилов, можно считать учителем «большинства научных сотрудников-физиков, которые получали первые знания по физике на лекциях И. Г. Некрашевича, отличавшиеся глубоким содержанием и сопровождавшиеся хорошими экспериментами». Однако фактически до конца 1978 г. профессору пришлось продолжить руководить коллективом, так как с кандидатурой нового заведующего ректорат никак не мог определиться. Илья Григорьевич в записке на имя ректора сообщил о своем согласии «продолжить временно исполнение обязанностей заведующего кафедрой на срок, который ректор сочтет необходимым». Последовал приказ о возложении на него обязанностей заведующего с 21 декабря 1978 г. И только новый приказ ректора от 20 сентября 1980 г. освободил профессора от «временного исполнения обязанностей заведующего» (кафедру возглавил А. А. Лабуда). Так что Илья Григорьевич оставил ответственное во всех отношениях заведование учебно-научным коллективом в свои юбилейные 75 лет, установив своеобразный рекорд такого долголетия – с 1937 по 1980 г. возглавлял несколько физических кафедр, по сути определяя логику эволюции в Беларуси сложнейшей из областей научных знаний. По представлению ректората (его подписали ректор В. А. Белый, секретарь парткома М. Г. Елисеев, председатель месткома Э. В. Шестаков) эти незаурядные заслуги И. Г. Некрашевича

Минвуз СССР отметил всего лишь значком «За отличные успехи в работе»...

Сам же И. Г. Некрашевич в последующие годы нисколько не снизил научно-педагогическую активность, постоянно стремился быть в эпицентре вопросов, которыми жили университет, факультет, кафедра. В этом отношении показательны несколько «заурядных» фактов. В том же 1978 г. Илья Григорьевич решением Президиума АН БССР был утвержден председателем секции «Взаимодействие плазмы с поверхностью твердых тел» научно-проблемного совета «Физика и техника плазма», членом научного совета Академии по проблеме «Теплофизика». В 1980 г. он попросился на стажировку в Институт электроники АН БССР, а спустя несколько лет, в свои 82 года, решил стажироваться в СКТБ ПО «Интеграл», чтобы войти в курс новейших производственных процессов, развивавшихся на передовом белорусском предприятии. По итогам стажировки Илья Григорьевич подробно изложил свои впечатления и оценки в пространном документе. Он обратил внимание на успехи и недочеты в технологических процессах по производству интегральных схем, буквально в деталях описав стадии подготовки полупроводниковых пластин и способы их очистки и тем самым продемонстрировав высокий профессионализм ученого-практика. Важно, что увиденное и оцененное профессором тут же было переложено на язык лекционных занятий со студентами в русле проблематики «твердотельной электроники и физики твердого тела». Но более всего итоги стажировок реализовывались ученым по двум научно-исследовательским работам, которыми он руководил на кафедре.

Заслуги И. Г. Некрашевича перед университетом и белорусской высшей школой и наукой не раз отмечались наградами различного уровня. Главной из них следует признать присвоение в 1972 г. звания заслуженного деятеля

науки БССР. А грамотами (в том числе и почетными) за годы работы он был награжден многократно: от Верховного Совета БССР до Минвуза СССР, от Минвуза БССР до ректората БГУ, обкома профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений и др. Разумеется, был отмечен Илья Григорьевич и правлением общества «Знание», научного общества им. А. С. Попова, в которых он многие годы являлся активным участником.

Летом 1982 г. кафедра радиотехники и физической электроники факультета радиофизики и электроники была переименована в кафедру физической электроники. Профессор И. Г. Некрашевич читал ряд важных лекционных курсов: «Вакуумная электроника», «Физика полупроводников и полупроводниковая электроника», «Физика полупроводников», «Введение в физику твердого тела», «Электричество», несколько своих специальных курсов. Много времени у опытного педагога отнимали консультации, которые он давал по различным учебным дисциплинам для университетского учебно-методического отдела (за 1979–1983 гг. им помимо 23 сугубо научных исследований было опубликовано 10 работ по методическим вопросам).

Годы постепенно брали свое. Осенью 1988 г. за очевидные заслуги перед наукой и высшей школой республики ректорат БГУ представил И. Г. Некрашевича в соответствующие органы для установления пенсии республиканского значения. Характеристика, которая сопровождала представление, вобрала в себя самые значимые результаты многолетней деятельности профессора (ее подписали ректор БГУ Л. И. Киселевский, секретарь

парткома В. А. Гайсенко, председатель профкома В. М. Анищик – все физики по специальности!). В ней отмечалось, что благодаря Илье Григорьевичу «начаты и получили известность исследования по физике плазмы, создана миграционная теория импульсного искрового разряда, разработаны диагностические методы исследования нестационарных процессов в контакте металл – плазма». Были уточнены и цифры научных публикаций ученого – свыше 200 работ, а также количество учеников – более 20 кандидатов и 2 доктора наук. Почетная – персональная – пенсия была назначена, а в марте 1989 г. Илья Григорьевич перешел и на почетную же должность профессора-консультанта кафедры физической электроники факультета радиофизики и электроники – научно-учебных подразделений БГУ, к созданию и развитию которых он приложил неимоверно огромные творческие и организаторские усилия. Затем, в ноябре 1991 г., ученый по личной просьбе был переведен на должность старшего научного сотрудника НИЛ спектрального контроля плазменных технологических процессов НИИ ПФП (на половину ставки).

В БГУ чтят память незаурядного ученого и педагога. Так, в связи с 85-летием со дня его рождения аудитория в корпусе факультета радиофизики и электроники БГУ по ул. Курчатова, 5 была названа именем профессора И. Г. Некрашевича и установлена мемориальная доска. Многочисленные его ученики и коллеги благодарны этому удивительному человеку, в биографии которого как бы спрессовалась история всего университета и этапы развития физики в Беларуси.

Олег Антонович Яновский

Илья Григорьевич Некрашевич

**Один из основоположников
белорусского антиковедения**

**Доктор исторических наук,
профессор, декан исторического
факультета БГУ, заведующий
университетской кафедрой
истории древнего мира
и средних веков**

**Федор Макарьевич
НЕЧАЙ**

24.02.1905 – 17.12.1990

Федор Макарьевич Нечай – потомственный крестьянин, уроженец Лоевщины, познавший и нелегкий труд земледельца, и непростую работу за заводским станком, но ставший благодаря неумной тяге к знаниям выдающимся историком-антиковедом. На его судьбу наложили отпечаток бурные политические и социальные перемены первых десятилетий XX в. В новых условиях выходец из белорусской глубинки в полной мере смог реализовать свой талант, умноженный на колоссальное трудолюбие и стремление учиться постоянно, всю жизнь. Федор Макарьевич упорно создавал условия для развития в Беларуси крайне «неактуальной» древней и средневековой истории, что позволило обеспечить расцвет белорусской школы антиковедения.

Именно при Ф. М. Нечае кафедра истории древнего мира и средних веков БГУ стала ведущим (и единственным) научным центром антиковедения, медиевистики, древней и средневековой ориенталистики в Беларуси. Ни в Академии наук республики, ни в других вузах Беларуси подобных подразделений не было и нет до сих пор. Во времена СССР, когда вся история, кроме современной (именуемой «новойшей»), объявлялась некоей «предысторией», далекой от влияния на современность, кафедра БГУ под руководством Ф. М. Нечая сумела не только сохранить и вырастить собственные научные кадры по дефицитным и трудоемким научным специальностям, но и получить междунациональное признание.

Ученый родился 24 февраля (9 марта) 1905 г. на Лоевщине – в д. Деражичи – в семье фельдшера Макария Спиридоновича Нечая и его супруги Василисы Георгиевны. Родители Федора были из крестьян, отец участвовал в русско-японской войне, сумел выучиться на фельдшера. Мать же оставалась неграмотной. Отец умер рано, оставив в 1923 г. вдову с пятью детьми, из которых старшим был Федор. Детство и юность мальчика прошли в нелегком крестьянском труде, в заботах о двух младших братьях и двух сестрах. В школу приходилось ходить за 12 километров. Пока был жив отец, Федор успел окончить Брагинскую девятилетнюю школу, но затем вернулся в Деражичи. Именно на него легли главные хозяйственные работы в большой семье. Пока не подросли братья и сестры, нечего было и думать об учебе.

Бурные и драматичные события начала XX в. вовлекли в водоворот пытливого юношу. Вернувшись из Брагина в Деражичи, с одноклассником Петром Паремским основал молодежную ячейку из 12 юношей и девушек. Федор стал лидером деражичской комсомольской ячейки. Его избрали в сельский совет и в уездный комитет комсомола (тогда это был уком Российского коммунистического союза молодежи, ибо белорусская Лоевщина до 1926 г. входила в состав РСФСР). Кроме семейных сельхозработ и общественной деятельности хватало и неприятностей: комсомольского активиста пытались запугивать, несколько раз сжигали накошенное им сено.

Общественная деятельность способствовала тому, что в 1926 г. возмужавший молодой человек получил приглашение из Северо-Кавказского края на работу в одной из местных сельских школ. В пос. Щербаково нынешней Ростовской области он стал заведующим начальной школой, активно участвовал в кампании по ликвидации неграмотности. Однако болезнь вынудила в 1930 г. перевестись

в Таганрог, где он продолжил работать учителем в школе, а вскоре встал у станка на инструментальном заводе. Новая профессия дала возможность после призыва в армию закончить школу танкистов.

И только в 28 лет младший лейтенант запаса Ф. М. Нечай стал студентом 1-го курса Ростовского педагогического института, что почти совпало с открытием исторических факультетов в советских вузах. Федору наконец удалось осуществить свою мечту – получить квалификацию историка. Уже после 1-го курса способного студента направили читать лекции по древней истории на курсы повышения квалификации учителей. Исторический факультет Ростовского университета Федор Нечай закончил с отличием в 1937 г. и в том же году, преодолев огромный конкурс, смог поступить в аспирантуру Московского университета по кафедре истории древнего мира.

В аспирантуре пришлось не только заниматься подготовкой диссертации, но и усердно учиться. Прежде всего учить латынь и древнегреческий язык: на кафедре МГУ нужно было сдавать дополнительный кандидатский минимум по одному из древних языков. Следовало научиться работать с научной литературой на нескольких иностранных языках. До сих пор на кафедре истории древнего мира МГУ им. М. В. Ломоносова кандидатские диссертации защищаются за три года аспирантуры в редчайших случаях, так как не гонятся за благополучной отчетностью скороспелых кандидатов наук, а тщательно готовят специалистов-антиковедов действительно высокой квалификации. Одним из редчайших исключений стала защита кандидатской диссертации Ф. М. Нечаем в 1940 г. Этому успеху предшествовала тяжелейшая и упорная работа. Из сохранившейся семейной переписки (Федор Макарьевич в 30 лет женился в Ростове на студентке физико-математического факультета Феодосии Тихоновне Шаповаловой) можно заклю-

чить, что особенно много усилий и времени Ф. М. Нечай отдавал латинскому языку. Именно на латыни были написаны основные источники его диссертации.

«Союзническая война в источниках» – тема диссертации белорусского аспиранта. Сама война римлян с союзниками-италиками в 91–88 гг. до н. э. была явлением уникальным уже потому, что проигравшие в ней италийцы получили все то, чего они добивались, а именно полного уравнивания в гражданских правах с римлянами. Проблема Союзнической войны еще долго будет привлекать внимание исследователей, и не только сама по себе, но еще более как финальная часть кардинальной проблемы: что представляло собой государственное объединение Рима с италийцами, этрусками, греками и другими народами Апеннинского полуострова с III в. до н. э. и до Союзнической войны. До сих пор нет единого определения этой структуры: римско-италийская федерация или конфедерация либо союз. Не было в истории аналогов такому образованию, во главе которого стоял один могущественный полис (Рим), от которого на разных условиях зависели другие полисы Италии, сохранявшие в большинстве своем прежнюю полисную структуру. При этом не было одного общего союзного или федеративного договора. Неравенство в правах граждан различных полисов в конце концов привело к объединению италийских полисов против главы этого уникального объединения – Рима.

Ф. М. Нечай приступил к исследованию проблемы с ее основ – исторических источников. Последующая глубокая разработка им проблематики Союзнической войны и взаимоотношений Рима с италийцами приведет к написанию и защите докторской диссертации. А над кандидатской диссертацией он трудился под руководством профессора А. В. Мишулина, который был старше Ф. М. Нечая всего на 4 года, имел за плечами гимназиче-

ское образование, оконченную на 10 лет ранее своего подопечного аспирантуру. В конце 1930-х гг. он являлся одним из ведущих советских антиковедов: помимо должности профессора кафедры истории древнего мира МГУ заведовал сектором древней истории Института истории АН СССР. А. В. Мишулин занимался проблематикой античной Испании, а также классовой борьбой рабов. Обе проблемы требовали марксистской интерпретации (теория формаций, борьба двух обязательных антагонистических классов, революции при переходе к следующей формации и т. п.). И эти «революции» (рабов, колонов, крепостных и т. д.) историки должны были обнаруживать на всех переломных этапах истории. А. В. Мишулин писал: «В речи на I съезде колхозников 19 февраля 1933 г. товарищ Сталин сказал: “Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся”. Этими немногими словами дается отпор такому взгляду, согласно которому полагали, что для перехода от античности к феодализму не требовалось “перерыва”, скачка, революции. Высказывание Сталина имеет решающее значение для марксистского анализа проблемы падения античного мира». Самой знаменитой работой А. В. Мишулина была книга «Спартак» (именно в честь Спартака и получил свое имя племянник историка, ставший известным советским актером). «Революции» древности создавались историками-марксистами иногда и путем откровенных фальсификаций, как, например, «восстание рабов под руководством Савмака» в Боспорском царстве, когда за это «восстание» был выдан дворцовый переворот, производившийся боспорской знатью. А. В. Мишулин не опускался до подобной вульгарщины, однако вынужден был публиковать и монографию «Революции рабов и падение Римской республики», и статью «О бдительности на фронте древней истории».

Аспиранту Ф. М. Нечаю он дал тему для диссертации строго научную, не предполагавшую усиленных измышлений «на фронте идеологической борьбы».

Федор Макарьевич тщательно проштудировал тексты многих античных историков I в. до н. э. – V в. н. э. (Тита Ливия, Диодора Сицилийского, Веллея Патеркула, Аппиана, Флора, Диона Кассия, Евтропия, Орозия и др.) на языке оригинала. Причем его переводы более точны, чем в академических изданиях (например, в характеристике самнита Гая Понтия). Создатели древних исторических трудов жили в огромном хронологическом диапазоне (более полутысячелетия), за это время произошли радикальные изменения в римском социуме: постепенно исчезли отношения равных в правах и перед законом граждан (за что сражались италики) и сменились отношениями господства – подчинения с их главной связью монарх – подданные. Менялись социальные стереотипы, ментальность римских историков, соответственно по-разному с течением времени воспринимались ими те или иные события. Важнейшей была и проблема достоверности источников, которые использовали в исследованиях современные историки. С поставленными задачами аспирант справился успешно. Кандидатская диссертация была защищена Ф. М. Нечаем в 1940 г. в Совете Московского университета. За окончанием аспирантуры последовало распределение – историк-антиковед был отправлен не в родную Беларусь, а «на укрепление» научных кадров в Чувашский педагогический институт в г. Чебоксары.

С сентября 1940 г. Ф. М. Нечай приступил к работе на кафедре истории Чувашского пединститута в должности доцента (ученое звание доцента он получил весной 1941 г.). Имеющий ученую степень и звание преподаватель не столичного или ленинградского вуза в те времена встречался нечасто, и любые

намерения новоиспеченного доцента вернуться в родную Беларусь решительно пресекались требованием к выпускнику московской аспирантуры помочь подготовке научных кадров в Чувашской национальной автономии. Война и вовсе нарушила все творческие и жизненные планы. Специалист с ученой степенью по античной истории и ученым званием доцента был более востребован в тылу, нежели на фронте. Федору Макарьевичу объяснили, что он нужен прежде всего для квалифицированной подготовки учителей. Ведь, несмотря на войну, школы должны работать и готовить новое образованное поколение советских людей.

Вскоре Чувашский пединститут перебазировался из Чебоксар в г. Мариинский Посад. В годы войны Ф. М. Нечай возглавлял в качестве декана исторический факультет, а в 1943 г. был назначен заместителем директора Чувашского пединститута. Трудностей было много: обустройство вуза на новом месте, подбор преподавательских кадров, приобретение оборудования, поиски жилья для преподавателей и студентов, организация сельскохозяйственных работ на закрепленных и подшефных землях, помощь раненым в госпиталях и многое другое. Резко возросла и учебная нагрузка. На научную работу времени почти не оставалось.

Летом 1944 г. советские войска освободили Беларусь от немецко-фашистских оккупантов. Постепенно восстанавливалась мирная жизнь. Из эвакуации на ст. Сходня в августе – сентябре 1944 г. в Минск вернулся Белорусский государственный университет. К этому времени и в Чувашском пединституте улучшилась ситуация с кадрами, даже появился квалифицированный историк из чувашей. Федор Макарьевич возобновил попытки вернуться на родину, оставленную им почти 20 лет назад. Огромную помощь ему в этом оказали научный руководитель профессор А. В. Мишулин и академик АН БССР Н. М. Никольский, кото-

Ф. М. Нечай с женой Феодосией Тихоновной. 1948 г.

рый проживал тогда в Москве после того, как был вывезен подпольщиками и партизанами из оккупированного Минска и переправлен в Москву. Николай Михайлович как раз занимался подбором кадров для полноценного восстановления университета в Минске. Совместные усилия принесли результат: распоряжением Комитета по делам высшей школы СНК СССР в сентябре 1945 г. доцент Ф. М. Нечай был направлен на работу в Белорусский государственный университет для преподавания древней истории.

Минск лежал в руинах. Семье выделили для жилья один из уголков, отгороженных одеялами, в превращенной в общежитие одной из аудиторий тогдашнего физмата – нынешнего корпуса ректората. В таких условиях довелось жить до 1948 г., когда декан исторического факультета БГУ Ф. М. Нечай получил квартиру в новом доме на главном проспекте Минска. К этому времени семья пополнилась: родился сын. Опыт работы в Чувашии способствовал продвижению Федора Макарьевича по карьерной лестнице. Доцентом кафедры истории

древнего мира Ф. М. Нечай поработал лишь два года. Его организаторские способности были востребованы на более ответственном посту: с 1947 по 1953 г. он трудился деканом исторического факультета. С сентября 1953 г. стал заведующим кафедрой истории древнего мира, которая вскоре объединилась с кафедрой истории средних веков. Ф. М. Нечай заведовал кафедрой истории древнего мира и средних веков до 1977 г.

Работа деканом пришлось на послевоенные годы и потребовала напряженных усилий не только в организации учебного процесса, но и в обеспечении элементарных бытовых условий для преподавателей и студентов факультета. К тому же исторический факультет должен был готовить идеологические кадры: в те времена не так уж много его выпускников становились «просто» школьными учителями истории. Обычно после года-двух работы в школе следовало выдвижение в райком комсомола, что предопределяло дальнейшую комсомольско-партийную или профсоюзную карьеру. И только наиболее способным к науке и упорным в совершенствовании своих знаний предоставлялся путь в аспирантуру и к научной карьере. Хотя «научная составляющая» в подготовке историков в БГУ (в отличие от областных пединститутов) всегда имела приоритетное значение – будущие специалисты получали основательные навыки научно-исследовательской работы (учеба в университете продолжалась 5 лет, тогда как в пединститутах 4 года). В условиях послевоенной волны насаждения культа личности «великого гения», «отца советских народов» и «выдающегося специалиста» во всех сферах науки и жизни Иосифа Сталина и развертывания новой волны репрессий под надуманными идеологическими лозунгами подготовка историков находилась под особым присмотром. К чести Ф. М. Нечая следует признать, что никто из тогдашних его коллег или студентов

не имел повода обвинить декана в том, что он сломал судьбу человеку. Хотя, разумеется, член коммунистической партии с 1940 г. Ф. М. Нечай вынужден был как руководитель факультета следовать в русле каждой очередной идеологической кампании: будь то борьба с космополитизмом, с кибернетикой, с генетикой или восхваление «гения языкознания».

Много внимания Федор Макарьевич уделял приобретению необходимой научной литературы, прежде всего текстов источников. Под его руководством была налажена археологическая практика студентов-историков БГУ в Крыму (точнее, восстановлена традиция конца 1930-х гг.). На раскопках античных Херсонеса и Пантикапея было обнаружено множество артефактов, ряд из них и ныне демонстрируются на историческом факультете БГУ. Копии античных скульптур в коридорах здания факультета и в аудиториях – также плод организаторских усилий и научных связей декана. Многие ученики и выпускники университетского истфака отмечали важную черту характера Ф. М. Нечая: если он убеждался, что то или иное необходимо факультету или кафедре, то с удивительным упорством

добивался поставленной цели. Для него не существовало робости перед начальством, он не льстил и не заискивал перед вышестоящим чиновником. Если нужно было, то спорил и доказывал часами. От него невозможно было спрятаться за закрытыми дверями «высоких» кабинетов.

Как такие качества сформировались у человека, жившего в условиях сталинского культа личности, в обстановке перманентных репрессий? Возможно, это результат глубокого проникновения в исследуемую им эпоху Римской республики с ее равенством всех перед законом и правом, которое утвердилось в ходе острой борьбы внутри римского социума. Пресмыкательство, лесть, унижение перед носителем власти для римлян были исключительно позорными качествами, которые они наблюдали лишь у подданных восточных деспотов и рабов (они в Риме, как и в Греции, были иноземцами, ибо своих сограждан превращать в рабов было запрещено). Да и что увлекло Ф. М. Нечая в науку историю? Он не избрал легкий по тем временам путь в идеологизированных «общественных» науках, а пошел туда, где требовалась длительная подготовка

Декан Ф. М. Нечай и доцент Г. М. Лившиц с выпускниками 1951 г.
в университетском дворе

Ф. М. Нечай с коллегами
(В. И. Степанов и Л. С. Абецедарский)
и студентами факультета
на первомайской демонстрации.
Начало 1950-х гг.

Ф. М. Нечай и Л. С. Абецедарский
со студенческим активом факультета.
Начало 1950-х гг.

в древних и современных иностранных языках, обретение знаний о временах, мало кому известных. При этом надо помнить, что на протяжении всей жизни Федора Макарьевича древнюю и средневековую историю в СССР объявляли некоей «предысторией» (ибо настоящая история начиналась лишь с 1917 г., ну, может быть, с появления «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса). Неактуальным объяв-

лялось изучение истории человечества с появления первого общества граждан с их равенством в правах и перед законом, с главной ценностью «свобода» и ее настоящим смыслом. И что это, вообще, за общество такое – полис в Афинах или цивитас в Риме? До распада СССР историки вполне серьезно рассуждали о том, что Афины, Спарта, Рим, Карфаген и т. п. – какие-то недозревшие государства, некие полупервобытные «общины», в отличие от сформировавшихся «правильных» государств, какими выступали монархии-деспотии Востока с их отделенной от народа властью, огромными пирамидами («вертикалями») чиновников и аппаратом насилия. словно люди темного Средневековья, марксистские мыслители не могли представить, что армией может быть ополчение, состоящее только из граждан (из каждого гражданина, поэтому постоянно занимавшегося физической и военной подготовкой), что вместо чиновников могут быть выборные на короткий срок магистраты (не получающие вознаграждения за исполнение своих государственных обязанностей) и т. д.

За редким исключением вся тематика научных исследований Ф. М. Нечая – история взаимоотношений граждан в римском социуме, борьба римских граждан за равенство в правах, борьба римских и итальянских граждан за то же равенство. Таким же был и основной стержень его лекций: борьба плебеев и патрициев, аристократии и демоса. Студенты, как правило, в те времена не понимали, почему профессор столько внимания уделяет порой скучным деталям борьбы плебса с патрициатом (каким-то югерам земельных наделов), а не героической (правда, безнадежной) борьбе рабов с рабовладельцами. Где герои-гладиаторы Спартака, о котором так увлекательно писал А. В. Мишулин и многие другие историки, не говоря уж о писателях? Ведь именно на классовой борьбе рабов с рабовладельцами и выстраивалось марксистское понимание

начальных этапов истории человечества. Нет, конечно, Ф. М. Нечай рассказывал и о рабах, и о Спартаке. Но не это было главной линией его увлекательных лекций и практических занятий, которые профессор старался проводить лично. Надо признать, подобная учебная парадигма тогда резко контрастировала с содержанием официальных советских учебников.

Вероятно, одной из причин увлечения Ф. М. Нечая античной историей явилось и то, что основа работы антиковеда – это его анализ исторических источников. И только поиск, верификация, личное профессиональное осмысление материала источников позволяют исследователю обосновывать свои выводы. Идеологизированные штампы, схемы в антиковедении быстро обнаруживают свою несостоятельность, с ними невозможно понять и объяснить поступки людей далекой от нас Античности, отношения между ними в социуме. К тому же изучение древней истории с соответствующей длительной и сложной подготовкой (древние языки, эпиграфика, палеография, нумизматика, сфрагистика и т. д.) мало привлекало карьеристов от науки, искавших легкие пути и козырявших идеологическими лозунгами и политизированными штампами. В научную аргументацию антиковеда такие историки проникнуть просто не могли в силу отсутствия должной квалификации. Они могли рассуждать лишь поверхностно, а часто и откровенно вульгарно, что угрожало позором в научных кругах. Для Ф. М. Нечая еще с аспирантских времен аксиомой стало убеждение, что истину историк может добыть только через доказательства материалом источников.

Этому искусству – добыванию информации из древних источников – профессор обучал студентов-историков еще на 1-м курсе. Это происходило не только на лекциях, где он нередко использовал латынь оригинала (с подробным лингвистическим анализом текста для обучения студентов), но и на семинарских

Ф. М. Нечай на раскопках Херсонеса со студентами истфака. 1961 г.

занятиях. Семинары по истории Древней Греции и Рима Федор Макарьевич не доверял никому, всегда вел их сам. Первое занятие начиналось с изучения гомеровской Греции по текстам «Илиады». Все студенты одновременно читали указанный профессором текст, затем пытались сообща ответить на вопрос о конкретной информации, содержащейся в тексте. Сначала вопросы ставили их в тупик: ну как можно судить об урожайности, размерах земельных наделов, орудиях труда древних греков по вдохновенному описанию художественных красот щита Ахилла? А оказывалось, что можно. Только нужно знать, как это делать. Именно такие занятия формировали профессиональные умения историка, прививали навык опираться только на полученный материал источников, а не на некие схемы развития человечества.

Для Ф. М. Нечая не существовало непререкаемых авторитетов в науке. При его опоре в исследованиях только на материал источников для него нередким делом было развернуть горячую полемику с коллегами-антиковедами. Одним из его любимых изречений являлась фраза: «В науке бывает важнее поставить проблему, чем решить уже готовую». К этому он призывал и аспирантов, и студентов. Если ознакомиться с работами научных

воспитанников Ф. М. Нечая, то легко можно заметить явное отличие от работ других антиковедов по страстной научной полемике на их страницах (но именно научной, основанной на аргументах источников, а не на ярлыках).

Разумеется, и взгляды самого Ф. М. Нечая вызывали полемику. Он никогда не обижался на замечания и критику коллег, разбирал их аргументацию и если признавал состоятельной, то заново исследовал дискуссионную проблему с учетом замечаний. Впрочем, критика коллег, как правило, не относилась к системе аргументации ученого, строго опиравшейся на данные источников. Обычно в вину ему ставилось недостаточное использование археологических, эпиграфических источников (что на самом деле почти ничего не добавляло в исследовании его проблематики), излишнее доверие к сведениям римских авторов (обычно без указания конкретики и без учета того, что Ф. М. Нечай никогда не опирался на единичные свидетельства какого-либо одного древнего историка). Как следует работать с античными письменными источниками, Федор Макарьевич блестяще показал в своей кандидатской диссертации, где тщательно сопоставлялись и сравнивались сведения различных античных авторов о Союзнической войне. Порой сведения об отдельных событиях он выстраивал в сравнительные таблицы. Исключительно скрупулезные переводы античных текстов с латинского и греческого языков вкупе со сравнительным анализом сведений позволили Ф. М. Нечая не только решить задачу выявления оценок Союзнической войны римскими историками, но и определить степень достоверности их информации об этой войне. Последнее дало возможность использовать материал источников для разработки более широкой проблемы – взаимоотношений Рима с италиками с начала V в. до н. э. и до установления диктатуры Суллы в 82 г. до н. э. Работа над этой

проблемой привела к защите докторской диссертации.

В отличие от известных советских антиковедов, исследовавших раннюю историю Рима и отношения Рима с другими народами Апеннинского полуострова (А. И. Немировский, И. Д. Маяк), Ф. М. Нечай особое внимание уделил аграрному вопросу в Риме и Италии. Разумеется, важнейшее место в исследовании заняла борьба плебеев с патрициями, в частности за права на *ager publicus* (общественную землю) – так римляне называли отнятые у побежденных народов земли, составлявшие особый земельный фонд Рима для его граждан. В фонд этих земель римляне отняли у италиков одну пятую их земель уже к середине IV в. до н. э. (по сведениям Ф. М. Нечая). Как боролись за равное право аренды на эти земли союзные Риму италики – это исследовал университетский антиковед в монографии «Рим и италики», вышедшей в 1963 г., и в защищенной в 1965 г. докторской диссертации «Рим и италики (покорение Римом Италии и борьба италиков за землю и политические права)». Ему удалось доказать огромную роль аграрных отношений не только в процессе подчинения Римом италиков и других народов Апеннинского полуострова (этрусков, греков, галлов и др.), но и в эволюции римско-италийской федерации, ее упадке и в переходе уже огромной державы, созданной Римом, от полисного к монархическому государственному устройству.

Ф. М. Нечай детально исследовал процесс покорения Римом италиков, сфокусировал внимание на политике Рима «разделяй и властвуй» в отношениях внутри объединения Рима с италиками. Среди выявленных острых противоречий внутри этого необычного объединения полисов особое значение исследователь вновь придал аграрной проблеме: вывод римских колоний на земли италиков, наделение союзных Риму в войнах ита-

ликов намного меньшим количеством земли, чем римских граждан. При том, что нередко италики выставляли намного больше воинов, чем римляне. Второй по важности изучаемой проблемой стал вопрос о гражданских правах римлян и италиков, их неравенстве. Ключевым сюжетом исследования явились реформы братьев Гракхов, преимущественно направленные на разрешение аграрного и союзнического вопросов. Ф. М. Нечай отметил рост малоземельных граждан – как римских, так и латинского права (без права голосовать) – в силу большого роста притока рабов и конкуренции с дармовым рабским трудом. В аграрных проектах Гракхов ученый видел прежде всего их борьбу за демократию (наделение земель безземельных и малоземельных граждан, увеличение прав италиков). Особенно акцентированно исследовался союзнический вопрос в реформах Гракхов (чему тогда уделялось мало внимания). Вместе с тем Ф. М. Нечай обращал внимание (исходя из данных источников) и на военный аспект гракханских проектов: уменьшение бедных малоземельных граждан означало увеличение числа граждан-воинов, хорошо экипированных и подготовленных.

Особенно следует выделить оригинальный вывод Ф. М. Нечая о том, что и в окончательной победе Суллы над популярными-марианцами важную роль сыграл тот же аграрный вопрос – формально уравненные в правах с римскими гражданами италики после Союзнической войны 91–88 гг. до н. э. так и не дождались от популяров реальной раздачи земель. Тогда они перешли на сторону легионов Суллы, который не только пообещал, но и действительно наделил земель более 100 тыс. бедных римлян и италиков. Этот вывод, по мнению ученого, настолько важен, что он предложил и этап гражданской войны марианцев и сулланцев (88–82 гг. до н. э.) прибавить к Союзнической войне, определив ее но-

Профессор Ф. М. Нечай читает лекцию

вую хронологию с 91 по 82 г. до н. э. Для понимания эволюции римского государственного устройства не утратил актуальности вывод Ф. М. Нечая: «Среди других факторов, порождавших в Риме борьбу за переход от республики к монархии, уравнивание в политических правах италиков с римлянами сыграло огромную роль». Ибо, по его замечанию, «неравенство между римскими гражданами и союзниками Рима в Италии являлось стеновым хребтом римско-италийской федерации как формы государственного устройства».

Вскоре после защиты докторской диссертации в 1966 г. Ф. М. Нечай было присвоено ученое звание профессора.

Изучение сложнейшей проблемы римско-италийского союза как особой формы государственности побудили Федора Макарьевича обратиться к истокам римской государственности. В 1972 г. вышла его монография «Образование римского государства». В ней рассмотрена ранняя история Рима: от археологических данных о первых поселениях на римских холмах до Рима так называемого царского периода и периода Ранней республики и до Пунических

войн. Аграрному вопросу и здесь ученый уделил значительное внимание. Как никто другой из советских исследователей Ф. М. Нечай детально изучал римские правовые основы относительно частной собственности на землю и земельной аренды фонда общественной земли. Исследовательский процесс происходил на глазах студентов и, можно сказать, был включен в учебное расписание: профессор щедро делился с молодежью своими находками в источниках.

Однако тематика монографии гораздо шире аграрного вопроса. Основной сюжет – борьба плебеев за равенство прав с патрициями. Аграрный вопрос – лишь часть этой главной проблемы, но часть важная, ибо спецификой римской цивитас было не только исключительное право гражданина на земельную частную собственность, но и право на аренду общественного фонда земли, формировавшегося в ходе успешных и широких завоеваний. Плебеи добивались равенства с патрициями в праве на эти земли. Ф. М. Нечай считал главным стержнем истории римского социума борьбу плебеев за равенство прав с патрициями. Он детально исследовал все этапы этой борьбы, начиная от «царского» периода,

когда рекс (царь) Сервий Туллий провел в Риме реформы, подобные реформам отцов афинской демократии Солона и Клисфена. Ученый указал на специфику внутренней социальной борьбы в римской цивитас (в отличие от греческих полисов): отсутствие массовых кровавых столкновений, вместо чего сессии (уходы с семьями из города) плебеев, деятельность народных трибунов, медленное и длительное осуществление реформ в пользу плебеев, отсутствие тираннии. Поражает тщательная работа Ф. М. Нечая с текстами источников. Огромную роль для будущих исследований имеют подготовленные им таблицы патрицианских и плебейских родов, представители которых избирались на должности магистратов по годам (с указанием античных источников).

В советском антиковедении, пожалуй, никто не исследовал так досконально сессию римских плебеев в 494 г. до н. э. и последовательность деятельности народных трибунов в интересах плебса от появления самого этого института до законов Лициния – Секстия. Красной линией через всю монографию проходит мысль, что борьба плебеев за землю – это неотъемлемая часть их борьбы за демо-

Ф. М. Нечай с преподавателями и студентами БГУ. 1973 г.

кратизацию законодательства и равенство прав всех граждан Рима (включая италиков).

В последние годы жизни профессор Ф. М. Нечай увлекся «Илиадой». Немало историков и до него пытались вычислить количество греческих воинов в походе на Трои по так называемому каталогу кораблей в «Илиаде». Тщательно исследовав текст источника, Федор Макарьевич определил возможное число греков под Троей – примерно в 100 тыс. воинов. С докладом об этом он выступил на конгрессе Международной ассоциации историков-антиковедов социалистических стран «Эйрене» в Ереване в 1971 г. Такой разворот в тематике исследований лишь на первый взгляд мог показаться неожиданным. Любовь к гомеровскому эпосу была у профессора БГУ давней. И это можно было заметить не только по его лекциям и семинарским занятиям, но и по частым цитатам из «Илиады» в любой обстановке. Причем Федор Макарьевич знал наизусть многие места из поэмы на древнегреческом языке, порой в хорошем настроении распевал эти стихи. Годы брали свое. Оставив должность заведующего кафедрой в 1977 г., Ф. М. Нечай через 6 лет полностью отказался от преподавания на истфаке БГУ и ушел на пенсию. Он умер в Минске 17 декабря 1990 г. и похоронен на Северном кладбище.

Огромной заслугой Ф. М. Нечая является создание в БГУ школы белорусского антиковедения. Этот важнейший раздел истории человечества не разрабатывался ни в Академии наук республики, ни в других вузах. Из бывших аспирантов профессора трое стали докторами наук. Его учениками подготовлены 1 доктор и около 20 кандидатов наук. Таланты

Ф. М. Нечай со студентами истфака.
1974 г.

проявили и дети Федора Макарьевича. Старшая дочь Ольга Федоровна, выпускница филологического факультета БГУ, стала ведущим специалистом республики по киноискусству, защитила докторскую диссертацию по искусствоведению, трудилась в Институте искусствоведения, этнографии и фольклора белорусской Академии наук. В Институте физики твердого тела и полупроводников АН БССР работала и младшая дочь Елена Федоровна, кандидат физико-математических наук. Физиком стал и Сергей Федорович. Среди внуков и правнуков Ф. М. Нечая есть и историки, и физики, и искусствоведы, и художники.

В своих последних дарственных надписях на книгах Федор Макарьевич часто указывал на латыни, что он сделал все, что мог, теперь пора показать себя другим. Сделал он действительно много для белорусской исторической науки, но главное – сумел определить перспективы для исследователей, которые принадлежат к научной школе Нечая.

Виктор Анатольевич Федосик

**Историк, воплотивший
в себе лучшие качества
университетского педагога**

**Декан исторического факультета
и проректор БГУ, доцент-россиевед,
один из авторов первой системной
истории Беларуси**

Алексей Исаевич СИДОРЕНКО

14.03.1914 – 20.09.1980

Среди преподавателей БГУ особое место принадлежит Алексею Исаевичу Сидоренко. Многие поколения студентов истфака и других факультетов университета, где читал лекции фронтовик, с теплотой и глубоким уважением вспоминают этого скромного человека. Молодежь воспринимала его как героя Великой Отечественной войны, хотя знала о его ратном пути лишь со слов других, так как он не посвящал в перипетии своей судьбы. Он так и не защитил докторскую диссертацию, не стал профессором. И был одним из «рядовых» членов профессорско-преподавательского коллектива университета, которые всегда несли на своих плечах всю тяжесть повседневной педагогической практики. Во многом благодаря авторитетности Алексея Исаевича среди коллег и студентов ректор БГУ доверил ему возглавить истфак в переломный 1953 г.

Алексей Исаевич Сидоренко был уникальным педагогом. От студента он требовал не просто заучивания фактов, но умения их осмыслить, высказать свою версию причинно-следственных связей в событиях столь бурного XX века. Среди коллег по факультету и университету слыл глубоким знатоком всех периодов восточнославянской истории, которая в те годы понималась как единая в общественно-политических парадигмах история белорусов, русских и украинцев. В своих исследованиях историк пытался найти доказательства этого многовекового единства, углубленно занимаясь проблемами советского переустройства белорусской деревни, ролью профсоюзов в жизни советского общества и экономических преобразований в межвоенный период.

Этого историка БГУ многие поколения студентов почти послевоенных десятилетий воспринимали с теплотой и уважением, удивляясь, как герой, ветеран войны может быть таким скромным и искренним по отношению и к коллегам, и к самым нерадивым ученикам. Как никто другой из его коллег в студенческих аудиториях он воспринимался не только как любимый преподаватель, но как некий знаковый герой победоносной Великой Отечественной войны. Именно воспринимался, так как конкретными знаниями о его военном пути студенты почти не владели. О нем рассказывали другие, а не сам Алексей Исаевич, потому что не считал необходимым вдаваться в превратности своей военной судьбы и на занятиях, в личных беседах всегда вел разговор о героизме всего советского народа. Но все были уверены, что их преподаватель – настоящий герой. Подтверждение этому можно было увидеть, когда по случаю особых торжеств он выступал на факультете при «полном параде» – в мундире подполковника, увешенном военными орденами и медалями. А. И. Сидоренко считался специалистом в проблематике и белорусской истории XX в., и истории всего СССР. Он органично впитал эти знания, будучи студентом и аспирантом по кафедре истории народов СССР родного БГУ, но в результате стал доцентом новой кафедры истории БССР и исследовал различные проблемы этих как бы единых, но столь различающихся направлений исторических знаний.

Биография Алексея Исаевича подобна микроотражению биографии той части белорусского советского общества, которая сформировалась как новая интеллектуальная элита республики. Это был трудный путь достижения вершин знаний и преодоления жизненных препятствий. В особенности для тех, кто родился в отдаленной белорусской деревне и лишь благодаря своим природным

данным, упорству и целеустремленности смог определить и решить самые сложные задачи профессионального становления. Крестьянский сын из с. Осова, что близ Костюковичей Могилевской губернии, должен был обладать незаурядными личными качествами, чтобы преодолеть путь от порога родительского дома до кабинета декана и проректора Белорусского государственного университета.

Сначала жизнь Алексей постигал в трудовых заботах по ведению семейного хозяйства – его отцу после революционных событий принадлежали участок пахотной земли, хозяйственные постройки, скот. Благодаря тяжелой повседневной работе и добывала пропитание семья Сидоренко. Уже в 1929 г. она оказалась захваченной первыми вихрями коллективизации. Алексею, повзрослевшему юноше, пришлось постигать преимущества совместной работы в колхозе им. Энгельса. Однако его энергии хватило лишь на три года. В начале 1932 г. он рискнул и отправился на Донбасс, чтобы стать пролетарием Кировского завода в Макеевке. Но изнуряющий, чуть ли не каторжный труд на «стройках индустриализации» мало чем отличался от условий труда в колхозе. Главное же – для способного молодого человека было понятно, что без продолжения образования невозможно достичь сколь-нибудь приемлемых жизненных горизонтов.

После тяжелой и рискованной работы он находил в себе силы по вечерам учиться на рабочем факультете, который действовал на заводе. Полученный диплом рабфака позволил наметить новые перспективы в учебе. А. И. Сидоренко вернулся в Беларусь, на родину, чтобы поступить на очное отделение рабфака Белорусского государственного университета. Заводской рабфак лишь «подтянул» сельского парня до уровня знаний, который давал возможность получить высшее образование. Так что в Минске была преодолена эта ступенька на пути

к мечте – в 23 года Алексей решил продолжить учебу на историческом факультете БГУ, который только приобретал репутацию у абитуриентов после своего создания в 1934 г.

Молодой человек оказался в новой среде, которая требовала абсолютных интеллектуальных усилий для овладения невероятно многовекторным и таким интересным прошлым. Его крестьянский и пролетарский опыт был востребован в общественной деятельности на факультете, в целом в БГУ и даже в масштабах Минской области. Подобная активность во второй половине 1930-х гг. должна была стать даже для студентов-историков не только естественным сопровождением учебы, но одновременно осторожной, сбалансированной: каждый необдуманный шаг и каждое слово могли навредить в реализации жизненных планов. Историк, как никто другой, должен был хорошо понимать тонкости внутренней и внешней политики, требования и политику партии и правительства и многое другое.

Судя по всему, студент Алексей Сидоренко хорошо справлялся с обязанностями, возложенными на него в рамках учебы и общественной деятельности. Хотя если сравнивать его с одноклассником и другом Лаврентием Абецедарским, то

очевидно, что он не был так активно вовлечен в бурную жизнь факультета. Так, еженедельная газета Белорусского государственного университета «За ленинські кадры» неоднократно упоминала на своих страницах имя Абецедарского в связи с успехами в учебе, науке, общественной работе. Чуть ли не в каждом номере газеты назывались имена и других истфактовцев. В 1937–1941 гг. декан факультета А. П. Пьянков регулярно предоставлял информацию о количественных и качественных показателях, об успехах тех или иных студентов. Многих, но не Сидоренко. Надо полагать, что тот просто «грыз гранит науки» и готовился к профессии учителя истории. Своими знаниями он не кичился, не выставлял напоказ, а последовательно «шел на красный диплом». Однако все же однажды его имя ярко прозвучало в многотиражке БГУ, когда его пламенная речь во время университетского собрания о выдвижении кандидатов в Минский областной совет цитировалась на первой полосе: «Мы, студэнты і навуковыя работнікі, падтрымліваем думку калектыву рабочых і служачых завода “Ударнік” аб вылучэнні кандыдатам у дэпутаты...»

Грянул июнь 1941 г. После четырех лет учебы последовали три фронтовых года. Алексей Исаевич сражался с врагом в составе 16-й отдельной Красного Знамени Днепровской танковой бригады. Алексей Сидоренко дослужился до звания капитана, был назначен заместителем начальника политического отдела бригады. Этот статус не давал преимущества перед другими однополчанами. Наоборот, политработник всегда находился на передовой, участвовал в кровавых столкновениях танковых армий на Ленинградском, Волховском, 3-м Балтийском фронтах. В августе 1944 г., когда его родная Беларусь уже была освобождена от врага, Алексей Исаевич был тяжело ранен в ожесточенной битве за эстонский город Тарту и получил сильное со-

Алексей Сидоренко (крайний справа в верхнем ряду) среди однокурсников. 1941 г.

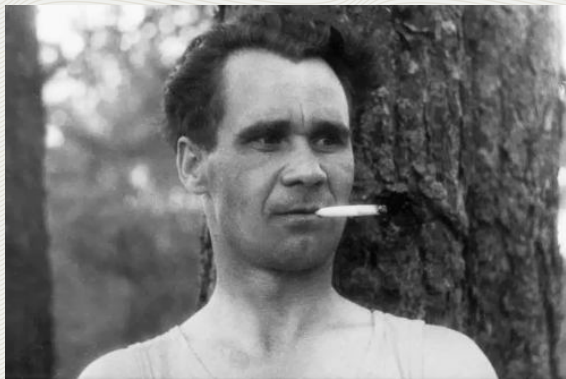
трясение мозга, которое впоследствии давало о себе знать на протяжении всей его жизни и не позволяло полностью реализовать очевидный талант ученого, организатора научно-педагогической деятельности, педагога. После длительного лечения в госпиталях Ленинграда и Кирова политрук-капитан А. И. Сидоренко был демобилизован.

Потребовалось время, чтобы залечить раны, ослабить рецидивы контузии. Только в начале 1945 г. Алексей Исаевич почувствовал в себе силы ставить и решать новые задачи. Прежде всего он должен был закончить обучение на родном истфаке БГУ. Последний пятый курс был освоен всего лишь за шесть месяцев. В республиканских газетах появились публикации о том, что «инвалид Отечественной войны студент Сидоренко отлично сдал все экзамены, и факультет истории выдвигает его в аспирантуру, оставляет ассистентом на кафедре». Уже в июне 1945 г. ректор университета П. П. Савицкий и председатель Государственной экзаменационной комиссии академик В. Н. Перцев вручили выпускнику истфака А. И. Сидоренко красный диплом с квалификацией «младший научный сотрудник, преподаватель вузов, ВТУЗов и общеобразовательной школы». Видимо, тогда впервые пришлось прикрепить на скромный пиджак все свои боевые награды: ордена Красной Звезды и Отечественной войны II степени, медали «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». Кстати, обоих орденов и «солдатской звезды» – медали «За отвагу» – Алексей Исаевич был удостоен в трагический для себя 1944 г. К тому же ему, герою войны, было доверено почетное право быть членом участковой избирательной комиссии № 59 по проведению выборов в Верховный Совет СССР (по поводу выдвижения кандидатур в актовом зале БГУ состоялось собрание всего коллектива университета!).

Заместитель командира
батальона капитан
А. И. Сидоренко

Следующим шагом на профессиональном пути стала аспирантура исторического факультета по кафедре истории СССР и БССР. Для разработки Алексею Исаевичу была предложена актуальная и в научном, и в политическом отношении тема диссертации – «Класавая барацьба ў беларускай вёсцы ў першы год узнаўленчага перыяду (1921 г.)». Можно предположить, что выбор направления исследования был сделан с учетом крестьянского происхождения аспиранта и его жизненного опыта. В годы учебы он женился на Марии Онуфриевне, в 1947 г. родился первенец Сергей. Нужно было заботиться о семейном бюджете. Работа на полставки на кафедре основ марксизма-ленинизма позволяла не только дополнить скромную аспирантскую стипендию, но и приобрести опыт преподавания, закрепить идеологические постулаты, столь важные в профессиональной деятельности советского историка. Кроме того, как свидетельствует запись в одном из документов личного дела А. И. Сидоренко, он являлся также старшим преподавателем исторического факультета БГУ – в октябре 1948 г. был

Годы аспирантские...

Среди близких. 1950-е гг.

зачислен на кафедру «гісторыі Беларусі» (официальное название – «истории БССР») приказом по университету за подписью довоенного декана исторического факультета, а в то время заведующего кафедрой истории народов СССР и проректора по научной работе доктора исторических наук А. П. Пьянкова (тогда он исполнял обязанности ректора). Интересным обстоятельством в судьбе и карьере Алексея Исаевича является его движение по служебной и научно-педагогической лестнице в БГУ, которое сопровождалось решениями различных руководителей университета. Все они вписали не одну заметную страницу в историю БГУ: П. П. Савицкий, А. П. Пьянков,

И. С. Чимбург, К. И. Лукашов, Н. Г. Павлова, А. Я. Малышев, И. М. Игнатенко, Ф. П. Шмыгов, Г. А. Поветьев, А. Н. Севченко, Н. Т. Романовский, В. М. Сикорский и др. Даже в этом можно увидеть, сколь тесно переплетены жизненные коллизии большинства членов многотысячного коллектива университета.

Защита диссертации состоялась практически в срок: в ученом совете БГУ в марте 1950 г. Официальными оппонентами выступили названный выше проректор по научной работе доктор исторических наук А. П. Пьянков и доцент Института истории АН БССР К. И. Шабуня. Члены совета единодушно высоко оценили научные тезисы соискателя ученой степени. Как только диссертация была успешно защищена, Алексея Исаевича почти сразу назначили главой аспирантуры университета. Но буквально через два месяца он был отозван на очень ответственную должность за пределами БГУ: с декабря 1950 г. возглавил Республиканский комитет профсоюза работников высших учебных заведений и научных учреждений, стал членом Центрального комитета профсоюза СССР. Несмотря на это Алексей Исаевич посчитал необходимым сохранить за собой преподавание некоторых курсов на истфаке – после ликвидации кафедры истории БССР он был переведен совместителем по кафедре истории СССР. Кафедра нуждалась в квалифицированном молодом доценте. В сентябре 1951 г. соответствующие документы на звание были направлены в Министерство высшего образования СССР, и в 1952 г. из Москвы было получено положительное решение.

На историческом факультете А. И. Сидоренко в это время читал курс по истории СССР советского периода, проводил семинары по темам этого курса. Он не снизил научную активность: не без влияния своей управленческой должности заявил для разработки тему докторской диссертации – «Профсоюзы БССР

в борьбе за выполнение предвоенных пятилеток». Возросший научный статус позволил доверить Алексею Исаевичу руководство аспирантами. На лето 1952 г. под его началом по кафедре истории СССР, но по проблематике белорусской истории XX в. писали диссертации аспиранты-заочники – будущий партийный историк Александр Иванович Жовнерчик и будущий белорусский академик-историк Илларион Мефодьевич Игнатенко. В это время среди его коллег на штатной основе или по совместительству на кафедре работали ее заведующий Л. С. Абецдарский, специалист по российской истории XVIII в. ленинградский профессор (без степени доктора наук) В. Н. Кун, доценты М. Ф. Фридман, С. М. Равнополец и Т. С. Горбунов (секретарь ЦК КПБ по идеологии), старшие преподаватели П. З. Савочкин и М. П. Баранова. В последующие годы большинство из них станут олицетворением университетского россиеведения.

Работа на посту профсоюзного лидера оказалась недолгой. Можно предположить, что она тяготила Алексея Исаевича, сформированного в иной среде – в университетском научно-педагогическом сообществе. И какова бы ни была сверхнагрузка руководителя республиканского масштаба, А. И. Сидоренко не мог себе позволить оторваться от преподавания, от непосредственной работы со студенчеством. И явно желал вернуться на родной истфак. Заявление о возвращении на постоянную работу в БГУ было обусловлено решением ректора К. И. Лукашова (август 1953 г.) назначить фронтовика и профсоюзного руководителя деканом исторического факультета в связи с тем, что декан Ф. М. Нечай уже давно выражал намерение «уйти в науку» – заняться написанием докторской диссертации и руководить «всего лишь» кафедрой истории древнего мира. Приказ ректора вступил в силу только 1 октября, когда пришло разрешение от Министерства

культуры СССР, которому на короткое время была подчинена вся система высшего образования в Советском Союзе.

На примере биографии А. И. Сидоренко – одного из деканов исторического факультета БГУ – можно проследить обстоятельства развития факультета в 1930–60-х гг., когда необходимо было не только находить новые возможности для перспектив развития исторического образования и науки, подготовки высокопрофессиональных специалистов, но и учитывать сложные процессы внутренней и внешней политики тех лет. Это особенно характерно для развития факультета в первые годы после смерти Сталина, когда деканом истфака и был назначен его студент, аспирант и доцент, прошедший фронтовые дороги Великой Отечественной войны. За годы деятельности факультета его деканы были самыми разными людьми по характеру, судьбам, восприятию коллективом. Они воплотили почти весь спектр возможных областей научных исследований: от национальной и всеобщей истории до конкретных проблем Древней и средневековой Руси, России, Беларуси и СССР, Античности, германистики, партийной истории, археологии, источниковедения и даже педагогики и марксизма-ленинизма. Несмотря на бремя административных обязанностей, деканы с достоинством реализовали свой исследовательский потенциал. Реализовали, конечно, почти всегда придерживаясь парадигм, которые для историков и тем более руководителей в сфере высшего образования, как правило, жесткие именно со стороны властей. Они должны были показать пример для всех – от профессора до студента.

Среди деканского корпуса истфака особое место принадлежит Алексею Исаевичу Сидоренко. Его деканство оказалось коротким – всего два года. Но на это время пришлось резкие политические сдвиги, произошедшие в СССР после смерти Сталина. Поэтому, возможно,

руководство БГУ (а ректором в то время был Константин Игнатович Лукашов, отличавшийся не только своим авторитетом в географической науке, но и политическим и международным опытом) предпочло поставить во главе «идеологического» факультета человека, не только опытного в качестве администратора, но и такого, кого бы уважали за человеческие качества, за безупречность биографии и боевые заслуги перед отечеством. Этот декан должен был сдерживать эмоции молодежи, развеять сомнения взрослых, сосредоточить активность студентов и преподавателей на повседневной работе. Смена власти в стране и отказ от прежних ориентиров потребовали от советских официальных идеологов быстрого толкования всего, что происходило в политической элите, в экономике страны, в ее отношениях с буржуазными странами и странами социалистической ориентации. Все эти изменения и многое другое болезненно воспринимались во всех слоях советского общества. Кто, если не историки, а тем более университетские, должен был донести до всех «истину современности», ссылаясь на хорошо освоенные марксистско-ленинские догмы, но привлекая логику развития человечества в прошлом.

Вспоминая пути боевые...

Были и другие обстоятельства, которые нужно было как-то совмещать в арсенале образовательных и идейно-просветительских действий: диссонанс и даже раздражение, возникавшие при представлении, с одной стороны, героических и патриотических тем недавней победы над фашизмом, и с другой – объяснения нового репрессивного поворота, затем разоблачения «преступных действий Берии и его приспешников». Естественно, эта некая какофония событий и их объяснений захватила БГУ. Можно назвать несколько версий, почему А. И. Сидоренко был внезапно возвращен с высокого поста республиканского профсоюзного лидера системы образования и науки в свою альма-матер. Но одна наиболее вероятна. В то время среди преподавателей исторического факультета были довольно активные люди с «необходимыми» биографиями. Многие прошли через фронты Великой Отечественной войны, некоторые были отмечены за продуктивную работу в советском тылу. Появилось новое поколение кандидатов наук, доцентов, воспитанных историческим факультетом, университетом. Однако среди них не было еще абсолютно отличительных по своим научным званиям и достижениям (защиты докторских диссертаций и получение профессорских званий придут в более поздний послевоенный период), что могло бы способствовать назначению на должность декана. Но подобные научные регалии и не были нужны. Нужен был скромный и даже в какой-то степени неприметный декан, но такой, кто мог контролировать ситуацию.

Алексей Исаевич должен был стать таким деканом – по-человечески авторитетным, но в административном плане сочетающим жесткость и гибкость по отношению и к студентам, и к коллективу преподавателей. Но он, благодаря жизненному опыту и природному дару, нашел свой путь к умам и сердцам подчиненных. В любой непростой ситуации,

которая возникала для всего факультета или для его отдельных представителей, пытался опираться на понимание, на осознание личной причастности к происходившему. На своем посту делал все возможное, чтобы не «сдать» преподавателей в угоду приспособления к политическим обстоятельствам. Декан пытался находить те решения, которые позволяли хоть в малой степени, но двигаться вперед, развиваться факультету как полноценному учебному и научному подразделению университета, которое готовит прежде всего специалистов, а уж потом потенциальных идеологов.

На первый взгляд, два года деканства А. И. Сидоренко малозначимы. Факультет к 1953 г. уже набрал определенные темпы послевоенного развития: удалось достичь прежних учебно-методических и научных показателей и даже превысить их. Важной кадровой характеристикой стало то, что почти весь преподавательский состав представляли уроженцы Беларуси. На кафедрах работали многие выпускники факультета, прошедшие через университетскую аспирантуру, а не совместители из разных российских вузов или случайные люди, что так характерно для 1930-х гг. Алексей Исаевич был одним из этой новой плеяды коллектива истфака БГУ. С другой стороны, в условиях обострения политических противоречий, причины которых определялись не только борьбой за власть после смерти Сталина, но и перспективами советской экономики, обеспечивающей СССР первостепенное место в сложной расстановке новых сил на международной арене, росло влияние на все группы общества свободомыслия, неконформизма. Поэтому реформировать что-либо в системе образования было неразумным. Важно было в этот период сконцентрировать коллектив факультета на проблемах повседневной работы.

Декан был озабочен созданием достойных условий для осуществления

учебного процесса, потому что долгое время историки были вынуждены проводить занятия только в трех выделенных им аудиториях. Не хватало книг и учебников. Поэтому научно-исследовательская работа историков нацеливалась на результаты «с национальным экономическим эффектом» – прежде всего необходимо было обеспечить школу учебниками, написать их. Проблема состояла в том, что только национальная история могла стать предметом написания, тогда как все остальные учебники – по всеобщей истории – поступали в белорусские школы, техникумы и вузы исключительно из Москвы. Однако ни академические, ни университетские исследователи более чем за 30 лет так и не смогли написать выверенную с научной точки зрения, одобренную властью белорусскую историю. Попытки предпринимались неоднократно. Так получилось, что именно в годы деканства А. И. Сидоренко появился реальный шанс до завершения двухтомник «История Белорусской ССР». К нему имели непосредственное отношение университетские историки, в том числе и сам Алексей Исаевич. Как декан, он создавал условия для плодотворной работы коллег-подчиненных. И с оптимизмом оценивал их работу как в традиционном преподавательском отчете, так и в заметке, помещенной в университетской газете «За сталінскія кадры». Газета информировала, что библиотека БГУ покупает оба тома (еще не изданные), а также трехтомную «Историю Польши».

Все же реальное и желаемое, что было декларировано, разошлись: в 1954 г. был опубликован только первый том, второй ждал своей очереди еще несколько лет (опубликован в 1958 г.). В новых политических реалиях было необходимо убедительно, а главное политически грамотно представить новейшую историю Беларуси. Между университетскими и академическими историками споры продолжались по каждому эпизоду даже

после того, как рукопись была утверждена и находилась в типографии. Среди соавторов первого тома были историки факультета – академики Н. М. Никольский и В. Н. Перцев, доценты Л. С. Абецдарский, М. Б. Фридман, М. Д. Мельцер, Д. А. Дудков, В. В. Шатилло, М. П. Баранова. Этот том получил положительную оценку московских коллег, общественности и периодических изданий как республиканского, так и союзного уровня. Отмечалось, что он основан на марксистско-ленинской теории, а «авторы создали марксистскую книгу по истории белорусского народа». Обстоятельства, связанные с публикацией второго тома, были особенно актуальны для декана, который исследовал времена советских преобразований в Беларуси.

Второй том будет опубликован после окончания карьеры декана. В течение короткого времени Алексей Исаевич будет ссылаться на соавторство в нем, вносить данные в различные официальные статьи, списки научных работ. Вот только студенты 1960–70-х гг. помнят, что это двухтомное издание вскоре было чуть ли не запрещено к использованию – уже в реалиях хрущевской оттепели и брежневского застоя. Ссылки на него во время занятий, а тем более на экзаменах, могли привести к неизбежному провалу, даже к исключению из БГУ. Такая же участь постигнет и вторую попытку (но не переиздание, именно «новое прочтение») более выверенной «Истории Белорусской ССР» в двух томах (1961). Однако во втором томе нового издания фамилии Сидоренко не будет. Характерная деталь: А. И. Сидоренко в ноябре 1972 г. обобщил результаты своей научной деятельности в соответствующем списке публикаций, но среди более чем 30 научных работ, статей, обзоров не оказалось места, чтобы указать на участие в подготовке второго тома «Истории Белорусской ССР».

Двухлетний период деканства Алексея Исаевича был наполнен множеством

примеров, отражающих тот факт, что жизнь декана была в самом тесном единстве с многовекторной деятельностью факультета. Документы почти всегда указывают его имя и в связи с успехами сотрудников исторического факультета, и в связи с недостатками, проблемами всего коллектива и отдельных преподавателей. Их было достаточно в те годы, так как все находилось под особым вниманием со стороны различных ветвей власти в переходные 1953–1955 гг. В это время как бы совместились тотальная подозрительность сталинских лет с болезненной бдительностью из-за непредсказуемости завтрашнего дня и страха перед набирающими силу либеральными тенденциями.

Обратимся к фактам. Очевидно, что годы деканства Алексея Исаевича слабо представлены даже в университетской летописи, которую можно восстановить, если внимательно изучить сотни страниц многотиражной газеты БГУ с характерным названием «За сталінскія кадры». Истфак упоминается не очень часто (в отличие от довоенных времен, когда в газете «За ленинскія кадры» в каждом из ее номеров помещалась различная информация о факультете). А вот публикации о жизни, например, филологического факультета, его отделения журналистики были из номера в номер. Так, ныне известный А. И. Мальдис в то время был едва ли не самым активным в описании дел на филфаке – в абсолютно позитивном ключе. Если информация об историческом факультете изредка появлялась, то это была критика недостатков образовательного процесса, постановки политической информации, организации научно-исследовательской работы студентов. Правда, при этом имя декана практически не упоминалось. Как не называлось и в связи с успехами: высокая успеваемость на философском отделении, победы студентов-историков в спортивных состязаниях, научное укрепление преподавательского состава

факультета и др. Газета особенно остро относилась к организации исследовательской работы. Интересно отметить, что эта тема была очень актуальна в студенческие годы Алексея Исаевича, когда в 1937–1941 гг. постоянно говорились о необходимости повышения уровня «студенческой науки». Например, если еще в 1936 г. академик Н. М. Никольский доказал, что «семинары являются основой научно-исследовательской работы студентов», то в 1955 г. был сделан акцент на необходимости эффективной работы студенческих исследовательских групп с непременным их научным сопровождением со стороны особо авторитетных ученых.

Так что можно говорить, что Сидоренко-студент и Сидоренко-декан были непосредственно связаны с реализацией многих концепций и мнений относительно подходов к многосторонней деятельности факультета. Об универсальности историка-лидера свидетельствуют его официальные характеристики: он обладал соответствующим идеологическим и патриотическим уровнем подготовки, принимал активное участие в общественной жизни и пользовался заслуженным авторитетом среди студентов и преподавателей. Но можно предположить, что декан не очень ценил свое высокое (по меркам БГУ) положение, поскольку понимал особенности следующего «переходного периода» в жизни страны, а также смысл своей миссии. Более того, в 1955 г. волна критических оценок факультета, его отдельных кафедр, преподавателей и студентов внезапно значительно усилилась. И преградой перед этой волной критики прежде всего стоял он – декан, отвечая за все недочеты и промахи. Его рьяно стали обвинять в том, что он «никогда не посещал комсомольские собрания», что «мало обращал внимания на воспитательную работу», что за чем-то не «уследил», что некоторые преподаватели «плохо относились к своим обязанностям», что не принял «надлежащих мер» по постановке

эффективной научно-исследовательской работы студентов, что не организовал «должным образом» работу редакции факультетской настенной газеты и т. п.

Таким образом, общая ситуация в стране и в республике требовала слишком больших физических и моральных сил. Человеку, который был тяжело ранен, который горел в танке во время войны, было трудно противостоять неимоверному давлению со всех сторон. Поэтому срок деканства оказался коротким. Алексей Исаевич без всяких сиюминутных причин, без установки извне

Встреча с коллегой. Минск, пр-т Ленина.
Начало 1960-х гг.

Выступление на научной
конференции. 1960-е гг.

написал заявление с просьбой перевести его на должность доцента, чтобы наконец полноценно заняться наукой. Пример предшественника на посту декана Ф. М. Нечая был неким аргументом для университетского руководства. В результате ректор принял решение об увольнении А. И. Сидоренко, которое вскоре было закреплено в соответствующем приказе БГУ с формулировкой «согласно заявлению». Так получилось, что Алексей Исаевич был деканом ровно два года: с 1 октября 1953 г. по 1 октября 1955 г. Его сменил на посту декана также выпускник истфака БГУ и ветеран войны П. З. Савочкин.

В последующие годы А. И. Сидоренко работал доцентом сначала кафедры истории СССР, затем перешел на вновь созданную кафедру истории БССР, которую возглавил его университетский однокашник и друг Л. С. Абецедарский. После каждого пятилетнего срока без проблем переизбирался на свою скромную должность. Правда, на карьерной лестнице однажды произошел кратковременный прыжок – весной 1959 г. приказом ректора А. Н. Севченко доцент Алексей Исаевич Сидоренко был назначен исполняющим обязанности проректора по научной работе. Этот факт вновь подтвердил несомненный авторитет историка в университете. Круг же его преподавательских обязанностей практически не менялся все годы работы на кафедре: читал лекции и вел практические занятия на историческом и филологическом факультетах, на факультете журналистики. Алексей Исаевич преподавал общие и специальные курсы по истории СССР и БССР советской эпохи. В традициях советского времени историк регулярно выступал с лекциями в рабочих коллективах Минска и других городов республики.

Багаж научных публикаций А. И. Сидоренко, по меркам современных требо-

ваний, не очень большой. Им опубликовано самостоятельно или в соавторстве с коллегами по факультету 36 статей, учебник, брошюра, несколько рецензий. Некоторое время он был активным автором статусных журналов того времени – «Коммунист Белоруссии», «Советская Отчизна», «Беларусь», – напечатав на их страницах около 20 идеологически выверенных статей. Среди своих работ Алексей Исаевич особо гордился авторством «Экономической истории БССР» (1965) и хрестоматией по истории БССР (1972). Следует назвать еще один важный факт творческой биографии историка, который по неизвестным причинам не отражен в его официальных списках публикаций: он один из авторов, по сути, первой систематизированной истории нашей альма-матер (1962). Эта книга была подготовлена большим количеством авторов – 33 ученых БГУ, кто собирал и обрабатывал значительное количество материалов, в которых был изложен 40-летний путь развития БГУ.

Алексей Исаевич так и не смог завершить свою работу над докторской диссертацией, так как много лет страдал от последствий тяжелого военного ранения и контузии. Несомненно, они оказывали свое негативное воздействие на творческие планы, мешали полноценной преподавательской работе, радостям жизни. В конце концов историк просто не хватило сил сражаться уже на фронтах личной жизни. Он, как только достиг пенсионного возраста, предпочел написать заявление об увольнении и стал обыкновенным советским пенсионером. Алексей Исаевич в свои 60 лет покинул Минск и уехал жить на малую родину. Там он трагически погиб 20 сентября 1980 г. в возрасте 66 лет, пытаясь спасти от пожара родные пенаты.

Олег Антонович Яновский

**Выдающийся философ
и организатор преподавания
философии в Беларуси**

**Доктор философских наук,
профессор, член-корреспондент
АН БССР, заведующий кафедрой
и проректор БГУ**

Василий Иванович СТЕПАНОВ

13.03.1903 – 22.05.1979

Василий Иванович Степанов вошел в историю БГУ как ученый, олицетворяющий важнейшие характеристики марксистско-ленинской философии. Он, белорусский советский философ, достиг творческих и административных вершин: доктор философских наук (1960), профессор (1961), заведующий тремя университетскими кафедрами – диалектического и исторического материализма, марксизма-ленинизма, марксистско-ленинской философии естественных факультетов, проректор по научной работе БГУ (1962–1967), член-корреспондент АН БССР (1967), заслуженный деятель науки БССР (1977).

С осени 1947 г. В. И. Степанов включился в работу по возобновлению философского образования в БГУ и внес огромный вклад в развитие отечественной научной школы философии. Он преподавал различные учебные курсы, 26 лет вел проблемный философский семинар для научных работников естественных факультетов БГУ, прививал интерес к философии студентам. Под его научным руководством защищены 4 докторские и более 30 кандидатских диссертаций. Два его ученика, Д. И. Широканов и Е. М. Бабосов, стали академиками НАН Беларуси, а В. С. Стёпин – академиком РАН.

Василий Иванович своей плодотворной исследовательской деятельностью показывал пример коллегам. Он тесно сотрудничал с Институтом философии и права АН БССР, входил в редколлегии ряда научных журналов, первой белорусской энциклопедии, издавал и редактировал десятки научных книг.

Василий Иванович Степанов родился в с. Золотом Камышинского уезда Саратовской губернии (ныне – Красноармейский район Саратовской области Российской Федерации) в семье сапожника. Василий Иванович вспоминал: «Семья жила бедно, поэтому после окончания сельской школы я стал обучаться сапожному ремеслу у деда и отца, а затем стал работать по специальности в мастерской». В 1916 г. скоропостижно умерла мать, оставив трех сыновей на попечение отца, который в 1921 г. вновь женился, что серьезно изменило жизнь юноши. Мачеха не признала детей от первого брака мужа и постоянно с ними конфликтовала при попустительстве отца. В конце концов это привело к семейной трагедии – пятнадцатилетний брат Василия Петр покончил жизнь самоубийством. Будущий философ не простил отца и покинул его дом навсегда. Возможно, это обстоятельство закалило его характер, и впоследствии во всех ситуациях он всегда рассчитывал только на себя.

Василия всегда тянуло к знаниям. Когда в 1918 г. в селе открыли школу II ступени, подросток, несмотря на все бытовые и материальные тяготы, продолжил образование. Закончить школу не удалось – материальные трудности заставили вернуться к семейному ремеслу. Он стал работать в сапожной мастерской ведомства водного транспорта.

В новых политических условиях, которые бурно развивались в первые послереволюционные годы, Василий однозначно принял сторону большевиков. Он вступил в ряды частей особого назначения, где получил специальность самокатчика, затем прошел курсы шифровальщика. В 18 лет вступил в ряды ВЛКСМ, а в 1922 г. уже проявивший свои убеждения молодой человек был направлен в областную партшколу II ступени в г. Энгельс. Там, как активист-комсомолец, он в 1923 г. был рекомендован в кандидаты в члены комму-

нистической партии, а в 1924 г. Василия приняли в ее ряды.

Учиться ему нравилось, предметы давались легко. Молодой человек проявил недюжинные способности, за что его оставили в школе в качестве преподавателя. После трех лет преподавания был призван в Красную армию. После демобилизации направился на работу учителем обществоведения в школу II ступени в родную деревню Золотое. Наряду с педагогической деятельностью молодой активный партиец широко привлекался к общественной и партийной работе: был секретарем сельской партийной ячейки, избирался в райком партии и бюро райкома, в 1928–1929 гг. участвовал в организации и проведении хлебозаготовок и других кампаний, активно вел партийную пропагандистскую работу, заведовал отделом агитации и пропаганды райкома ВКП(б).

За свою энергичную деятельность двадцатилетний молодой районный партийный активист в 1929 г. был поощрен направлением на учебу в Москву – в Академию коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской. Там он учился на философском факультете, закончил его в 1932 г. с присвоением квалификации «преподаватель истмата и диамата для средней сети партийного просвещения и народного образования с возможностью использования в ВУЗах, ВТУЗах и КОМВУЗах». В годы учебы Василий Иванович продолжал участвовать в партийной работе – был парторгом группы, членом партбюро факультета, вел шефскую пропагандистскую работу на электrozаводе и шарикоподшипниковом заводе им. Льва Кагановича.

Перед В. И. Степановым стояло много вариантов выбора дальнейшей карьеры. Он выбрал науку. Философия на всю жизнь стала для него, всегда стремившегося узнать что-то новое, проявившего педагогические способности и склонности к исследователь-

ской деятельности, важнейшей сферой творческих устремлений. Василий Иванович осознанно поступил в аспирантуру академии именно по специальности «философия». В годы учебы в аспирантуре В. И. Степанов не только упорно работал над диссертацией, но и преподавал философские дисциплины в высших учебных заведениях Москвы. Уже в 1935 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Н. Г. Чернышевский и диалектический материализм». Вскоре получил звание доцента и направление на работу в Сталинградский педагогический институт.

С 1935 г. и до эвакуации института в 1942 г. В. И. Степанов в Сталинграде преподавал различные курсы, занимался исследованиями по новым философским направлениям. За время работы в пединституте молодой кандидат философских наук с активной жизненной позицией и успешным партийным и организаторским опытом сделал блестящую карьеру: сразу после приезда стал заведующим кафедрой социально-экономических наук, затем заведовал кафедрой диалектического и исторического материализма, а после – марксизма-ленинизма. Одновременно пять лет был деканом исторического факультета, а в 1940 г. стал заместителем директора Сталинградского педагогического института по учебной и научной работе. В пединституте Василий Иванович не изменил своей общественно-политической целеустремленности и продолжил с энтузиазмом участвовать в партийной работе: постоянно избирался членом партбюро факультета, был секретарем парторганизации института. В масштабах города и области активный ученый-философ работал внештатным лектором Сталинградского райкома и горкома ВКП(б), был пропагандистом, автором информационных и публицистических материалов, в том числе в газете «Сталинградская Правда». В 1937 г., в самый разгар репрессий, Василий Иванович

получил выговор от парторганизации Сталинградского педагогического института «за утрату бдительности». Дело, повидимому, касалось разоблачений врагов народа в стенах пединститута. Ситуация усугубилась арестом в 1938 г. отца. Правда, его вскоре выпустили, посчитав артельного сапожника малозначительной фигурой для очередного «громкого дела». Василия Ивановича от проблем спасло то, что он с 1921 г. не поддерживал отношений с отцом. В 1939 г. выговор был снят парторганизацией пединститута и в личное дело не был внесен. Других замечаний по работе философа больше никогда не имел. О его работе директор института Фурсенко вспоминал: «Товарищ В. И. Степанов отличался среди остальных научных работников глубокой эрудицией в области своей науки и как блестящий лектор в своей специальности...»

В 1942 г. вместе со Сталинградским педагогическим институтом Василий Иванович был эвакуирован в г. Бирск (сейчас Республика Башкортостан в Российской Федерации). В январе 1943 г. был призван в Красную армию и около месяца в Уфе учился на курсах младших лейтенантов. В это время пришла трагическая весть – в двадцатидевятилетнем возрасте погиб брат Сергей.

После окончания курсов новоиспеченный лейтенант попал в резерв ГлавПУРККА в Москву, откуда был направлен на преподавательскую работу в Чкаловское училище зенитной артиллерии, где возглавил социально-экономический цикл дисциплин. С осени 1944 г., уже в составе действующей армии, Василий Иванович был откомандирован на 1-й Белорусский фронт лектором политотдела 1-й Гвардейской танковой армии. Освобождал Беларусь, Польшу, Германию, участвовал в освобождении Варшавы и в Берлинской наступательной операции. Его боевые заслуги отмечены орденом Красной Звезды и тремя

медалями («За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией»). В военные годы лектор-пропагандист политотделом 1-й Гвардейской танковой армии неоднократно премировался ценными подарками. С марта 1946 г. В. И. Степанов служил лектором политуправления в Группе советских оккупационных войск в Германии. В эти годы появилась возможность продолжить научную деятельность – в 1945–1946 гг. он опубликовал три статьи в журнале «Советская Армия».

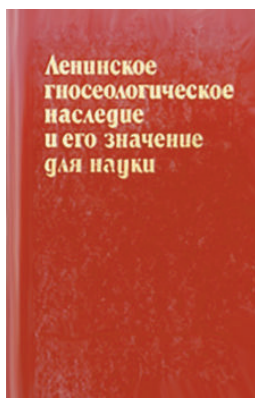
Осенью 1947 г. Василий Иванович был демобилизован и направлен в резерв ЦК КПБ в Минск. Опытный преподаватель и боевой офицер был распределен в Белорусский государственный университет, где возглавил кафедру марксизма-ленинизма, а с сентября 1948 г. – кафедру диалектического и исторического материализма, чуть позже (с середины 1950-х гг.) – кафедру марксизма-ленинизма. Заведовал этой кафедрой он более 20 лет. В 1973 г. В. И. Степанов был назначен заведующим кафедрой философии естественных факультетов БГУ, которую возглавлял до 1979 г.

Сразу после войны в почти полностью разрушенном и сожженном Минске учебные занятия студентов БГУ проходили в самых разных, более или менее уцелевших зданиях, в том числе в неотопливаемом подвале нынешнего географического корпуса. Преподаватели читали лекции, а студенты писали конспекты, не снимая армейских шинелей. Руководство университета изыскивало малейшие возможности, чтобы хоть как-то поддерживать ученых. Так, в отношении В. И. Степанова, как одного из самых активных во всех сферах университетской деятельности преподавателей, ректор БГУ ходатайствовал перед Главным управлением университетов Министерства образования СССР о начислении ему не доцентской ставки, а профессорской, но получил отказ.

В те первые после победы над фашизмом годы учеба большинством молодежи рассматривалась как важнейшая задача. Поэтому постоянно росло количество желающих поступить в БГУ и другие вузы республики. Поступившие же студенты не только без уважительных причин не пропускали занятия, но и участвовали

В. И. Степанов читает лекцию. 1951 г.

Обложки книг В. И. Степанова

в возрождении Минска и всей республики от последствий страшной войны.

Один из студентов, позднее слушавший лекции В. И. Степанова, привел слова философа об атмосфере, царившей в университетских аудиториях в первые послевоенные годы: «Профессор Василий Иванович Степанов, мой наставник, вспоминал, что философия была очень популярна после Великой Отечественной войны. Тяга к знаниям тогда, по его словам, была необыкновенно большой. И молоденькие офицеры, и боевые генералы с увлечением штудировали марксистско-ленинскую философию. Потом энтузиазм иссяк, хотя жизнь в целом нормализовалась. Притом марксистско-ленинская философия была хорошо приспособлена для популяризации, извлечения из нее практических выводов. Но течение жизни пошло мимо этих внешне убедительных формул. Лозунги перестали вызывать интерес и доверие».

В таких условиях квалифицированный преподаватель, имевший педагогический стаж с 1931 г., кандидат философских наук с опытом организации работы кафедры, факультета, учебной и научной работы всего высшего учебного заведения становился ценнейшим работником, чьи знания обязательно должны были быть востребованы в интересах развития

БГУ. Тем более, что всех поражали дисциплинированность, трудолюбие, четкость и принципиальность Василия Ивановича. Большое значение для карьерного роста имела его успешная и активная партийная деятельность – где бы он ни учился или работал, всегда привлекался к работе партийных органов (райкомов, горкомов, парткомов учебных заведений и т. д.). В послевоенное время это было ценным ресурсом и важной характеристикой человека. Уважение руководства, коллег и студентов обеспечивалось военным опытом В. И. Степанова и полученными за годы Великой Отечественной войны боевыми наградами.

Организационная работа по восстановлению и развитию преподавания философии в БГУ, которая легла на плечи В. И. Степанова, отвлекала его от научной деятельности. Первая послевоенная статья ученого («Великий русский мыслитель и революционер (к 100-летия со дня рождения В. Г. Белинского)» была опубликована лишь в 1948 г. в журнале «Коммунист Белоруссии».

Василий Иванович был прекрасным педагогом и вдумчивым исследователем. Он – автор интересных работ по философским воззрениям М. В. Ломоносова, русских революционных демократов (В. Г. Белинского, А. И. Герцена,

Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского). При его участии была подготовлена и опубликована в Москве коллективная монография белорусских философов под названием «О “Философских тетрадах” В. И. Ленина» (1959). Высокую оценку философской общественности страны получила монография В. И. Степанова «Философские и социологические воззрения В. Г. Белинского» (1959), по материалам которой в феврале 1960 г. он успешно защитил докторскую диссертацию в МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1961 г. Василию Ивановичу было присвоено звание профессора.

С 23 апреля 1962 по 25 октября 1967 г. профессор В. И. Степанов был проректором по научной работе БГУ. Интересная деталь, возможно дающая еще один штрих к его портрету: с должности проректора БГУ он ушел по собственному желанию.

Как руководитель кафедры и проректор университета Василий Иванович всегда много внимания уделял подготовке философских кадров и развитию науки. Он являлся членом Комитета по Ленинским премиям в области науки и техники при Совете Министров СССР (1962–1966), членом редколлегии журналов «Коммунист Белоруссии», «Вестник БГУ. Серия 3, История. Философия. Научный коммунизм. Экономика. Право», членом редакционного совета и научным консультантом 12-томной «Белорусской советской энциклопедии», членом ученых советов по защите докторских диссертаций по философии БГУ и Института философии и права Академии наук БССР.

Василий Иванович был всегда интересен и востребован как прекрасный лектор общества «Знание», несмотря на большую занятость, постоянно выступал перед различными коллективами республики. Эта сторона его деятельности отмечена самой высокой наградой Всесоюзного общества «Знание» – памятной медалью им. С. И. Вавилова. За активную

и плодотворную педагогическую работу среди трудящихся 28 мая 1964 г. по ходатайству Ленинского РКП г. Минска его фамилия была внесена в Книгу почета г. Минска.

Тесные и плодотворные отношения связывали Василия Ивановича с Институтом философии и права АН БССР. Здесь он осуществлял научное руководство по подготовке аспирантами кандидатских диссертаций. При непосредственном участии В. И. Степанова написаны и изданы совместные труды преподавателей руководимой им кафедры и сотрудников этого института: «Диалектический материализм как методология естественнонаучного познания» (1965), «Социальные изменения рабочего класса Белоруссии» (1965), «Структура советской интеллигенции» (1970) и др. В 1967 г. Василий Иванович был избран членом-корреспондентом Академии наук БССР.

Под руководством В. И. Степанова написаны и опубликованы крупные монографические труды сотрудников кафедры философии естественных факульте-

В. И. Степанов. 1961 г.

тов БГУ. Среди них особое место занимает работа «Вопросы диалектического материализма» (1976). Высокую оценку советских философов получило исследование, проведенное сотрудниками кафедры под руководством В. И. Степанова совместно с философами Йенского университета (ГДР). Василий Иванович был инициатором и одним из авторов книги «Общество против человека: критика антигуманной сущности современного капитализма» (1983), которая в полной мере отразила идеолого-политические тенденции, развивавшиеся в СССР после застоя и накануне перестройки. Труд был издан уже после смерти Василия Ивановича. Профессор В. И. Степанов – автор более 100 научных работ.

Большое значение в подготовке новых поколений белорусских философов имела педагогическая деятельность В. И. Степанова. Он умел интересно и доступно читать лекции по философии, но не в ущерб глубине излагаемого материала. Был прекрасным научным руководителем – под его руководством подготовлены 4 докторские и более 30 кандидатских диссертаций. Два его ученика – Д. И. Широканов и Е. М. Бабосов – стали академиками НАН Беларуси, а третий – В. С. Стёпин – академиком РАН. Они внесли большой вклад в развитие философии Беларуси и России и подготовку философских кадров. Докторские диссертации защитили многие молодые коллеги Василия Ивановича. В 1977 г. В. И. Степанову было присвоено звание заслуженного деятеля науки Белорусской ССР.

В университете среди преподавателей общественных дисциплин популярностью пользовался философский семинар, которым бессменно 26 лет руководил профессор В. И. Степанов.

Будучи же проректором по научной работе БГУ, он большое внимание уделял развитию студенческой науки, особое значение придавал студенческим научным конференциям и подготовке на их основе сборников студенческих научных работ. За многолетнюю педагогическую и научную работу награждался орденами Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции, шестью почетными грамотами Верховного Совета БССР.

Опытный педагог, исследователь и воспитатель молодежи, профессор Василий Иванович Степанов воплощал в себе лучшие качества ученого и преподавателя. Он обладал глубокими знаниями не только в области философии, но и во многих других сферах науки и культуры. Особый интерес проявлял к художественной литературе, внимательно следил за творчеством многих литераторов. Профессор с удовольствием делился со слушателями и собеседниками личным пониманием социальных, экономических и культурных процессов страны и мировых проблем. Его трудолюбие, принципиальность, скромность, высокие нравственные черты человека и гражданина – яркий пример служения тому обществу, в котором он жил, которое защищал и упрочению которого способствовал.

Умер Василий Иванович Степанов на 77-м году жизни после тяжелой болезни. Память о нем как о крупном ученом, чутком, доброжелательном и заботливом воспитателе и патриоте сохраняют все, кто имел честь слушать его лекции, получал советы по проводимым исследованиям и просто общался с незаурядным ученым.

Степан Артурович Захаркевич

**Ректор, определявший пути
послевоенного
восстановления БГУ**

**Незаурядный ученый-экономист,
профессор, многолетний заведующий
кафедрой политэкономии БГУ**

Владимир Антонович ТОМАШЕВИЧ

22.02.1899 – 06.10.1983

***В** истории Белорусского государственного университета известно 20 официально назначенных ректоров, хотя было и немалое количество «врио», которые в документах порой подписывались без этой аббревиатуры. Все они в разной степени способствовали развитию университета, в силу возможного внесли свою лепту в укрепление образовательных, научных, материально-финансовых основ вуза. Большинство ректоров – крупные ученые в различных областях знаний, обладавшие харизмой не только ученого, но и организатора многовекторной деятельности сложного коллектива коллег и студенчества. Без преувеличения, в творческой и административной судьбе каждого ректора так или иначе отражена история БГУ – со взлетами и падениями, утратами и приобретениями. Но, как правило, с неуклонным движением вперед. Такое единение особенно очевидно, если период руководства университетом приходился на переломное время в жизни страны.*

Одним из по-своему уникальных ректоров университета был коренной минчанин Владимир Антонович Томашевич. Руководить БГУ ему пришлось в сложное время восстановления всей многосторонней деятельности вуза после колоссальных разрушений, нанесенных военными действиями и фашистской оккупацией.

Важно, что в годы работы на высоких руководящих должностях Владимир Антонович оставался верен науке. Он вошел в историю университета как специалист в области политэкономии, долгие годы возглавлял соответствующую кафедру. В. А. Томашевич исследовал тенденции развития экономики Беларуси в XX в.

Владимир Антонович Томашевич родился за год до наступления XX столетия в семье, чтившей память о своих предках, сражавшихся в армии Тадеуша Костюшко и на полях войны 1812 г. У минского обывателя-простолюдина Антона Станиславовича, кормившего свою немалую семью извозом, и его жены было шестеро детей (четыре девочки и два мальчика). Такое происхождение из низов дореволюционного общества впоследствии, в условиях победившей «пролетарской революции», позволило возмужавшему Владимиру безболезненно преодолевать ступеньки карьеры. Правда, изворотливый отец смог в Минске наладить весьма прибыльное дело, когда извоз подкреплялся наличием своей конюшни с несколькими лошадьми, сбруей, повозками и даже бричками. Так что подобное хозяйство позволяло наладить сдачу в аренду этого имущества и обеспечить неплохой уровень жизни семьи (мать была домохозяйкой и занималась воспитанием детей).

Достаток обеспечил возможность получить достойное образование. Владимир в 1913 г. окончил одно из городских училищ Минска, обучение в котором было платным (впрочем, как и в других). Шестилетнее обучение позволило юноше устроиться в качестве наборщика в типографию «Минской газеты-копейки», которая находилась в подчинении управления Либаво-Роменской железной дороги. Таким образом, появилась возможность отслеживать газетные новости и тем самым повышать свой культурный уровень, быть в курсе развития политических и иных процессов. На белорусской земле уже вовсю грохотали бои Первой мировой, зрели революционные настроения, которые в 1917 г. вылились в свержение самодержавия и установление советской власти.

Владимир Томашевич был захвачен новыми общественно-политическими процессами. В марте 1918 г. он вступил

в ряды РКП(б), был призван в Красную армию. Вполне достойный уровень его образования был замечен командованием, что дало основание быть командированным для обучения на военно-полевых курсах в Смоленске. Затем вновь действующая армия, участие в боях Гражданской войны, тяжелое ранение. Красноармеец после полученного ранения был «комиссован», но направлен инструктором политуправления штаба Западного фронта. Преданность делу революции, проявленная храбрость и задатки политработника были увенчаны почетной наградой – именным пистолетом системы «маузер».

Дальнейшая мирная жизнь Владимира Антоновича развивалась с учетом военных заслуг. В 1921 г. по решению ЦК ВКП(б) он был направлен на учебу в Москву – в Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова. По его окончании должен был пополнить весьма скудные ряды профессиональных советских и партийных работников. Но учеба на отделении административного права (секция юстиции) этого университета позволяла рассчитывать и на успешную деятельность в системе советской юриспруденции. Годы учебы в престижном по советским меркам учебном заведении позволили не только познать нюансы столичной жизни, но и определиться в выборе профессии.

Коммунистический университет В. А. Томашевич успешно окончил в 1924 г. и был направлен заведовать отделом агитации и пропаганды горкома КП(б)У украинского г. Артемовска (сегодня – г. Бахмут) советской Донецкой губернии. В новых условиях партийный пропагандист смог быстро адаптироваться, занять «нужную» позицию, продвигаться в системе партийной иерархии. В 1926 г. он уже в Одессе, где в окружном комитете КП(б)У три года работал заместителем заведующего «агитпропом». Здесь весьма плодотворно трудились

партийные идеологи. Например, в 1925 г. Истпартотдел Одесского окрком КП(б)У и специальная комиссия подготовили и издали к 20-летию революции 1905 г. объемный сборник в 267 страниц – «Революционное движение в Одессе и Одешине: Сборник статей и воспоминаний». Так что Владимиру Антоновичу предстояло со свежими идеями и специальной подготовкой включиться в пропагандистскую работу в сложных условиях становления советской власти.

Только в 1929 г. В. А. Томашевич вернулся в Минск. На рубеже 1920–30-х гг. в БССР прокатились кампании кадровых чисток, когда акцент местные партийно-советские власти сместили в сторону «коренизации». Поэтому белоруса Владимира Антоновича «отыскиали» в далеком приморском городе и в 1929 г. утвердили в должности заместителя ректора по учебной части Коммунистического университета Белоруссии им. В. И. Ленина. Одновременно в этом университете он возглавил кафедру советской экономики. Заметим, что схожие обстоятельства возвращения на родину характерны для судеб В. К. Щербакова, А. С. Кучинского и других белорусских интеллектуалов. Вот только не ко всем судьба была благосклонной...

Обязанности проректора требовали от Владимира Антоновича максимальной отдачи. Он вместе с ректором Комвуза Платоном Васильевичем Саевичем (однокашник по Комвузу им. Свердлова) занимался набором студентов и вел переписку с местными партийными и комсомольскими органами, требуя от них заполнения установленных квот на направление на учебу своих представителей. Так, в одной из телеграмм в Горький райком КП(б)Б В. А. Томашевич вторично просил «адпусціць на вучобу студэнта Камвуза тав. Земчыка, так як заняткі пачаліся 12-га верасня і яго спазненне дрэнна адаб’ецца на поспехах і вучобе». И далеко не всегда местные

Коммунистический университет
им. Я. М. Свердлова – альма-матер
В. А. Томашевича

партчиновники шли навстречу и требованиям, и просьбам. Немало усилий нужно было затратить, чтобы в условиях «кадрового голода» наладить ритмичный учебный процесс. Многие преподаватели и даже заведующие кафедрами (в том числе и сам Владимир Антонович) работали по совместительству. Несмотря на установки, исходившие из Москвы, по перечню обязательных учебных дисциплин, часто приходилось полагаться только на местные возможности и самим разрабатывать актуальные курсы. И здесь мнение проректора по учебной части было почти обязательным для исполнения. Например, он поручил преподавателю С. З. Слониму до 20 октября 1930 г. разработать новый курс «Мировой экономический кризис», учитывая текущую ситуацию в буржуазных странах. Разработка должна была состоять из перечня тем, рабочего материала для слушателей и дополнительной литературы для руководителей. К слову: Самуил Захарович в это время был директором НИИ промышленности при СНК БССР, а ранее – заместителем В. И. Пичеты в Правлении БГУ (его подпись часто заменяла подпись ректора, когда Владимир Иванович отсутствовал в Минске), потом – заместителем наркома просве-

ждения республики. Под контролем Владимира Антоновича находилась устоявшаяся практика привлечения советских и партийных работников к проведению занятий, пополнение университетской библиотеки (в том числе материалами пленумов, постановлениями ЦК и др.).

В 1932 г. университет был реорганизован в Высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу Беларуси и Коммунистический институт журналистики. В. А. Томашевич вернулся к привычной для него партийной работе и до 1934 г. заведовал отделом пропаганды и агитации в Гомеле. Появилась и возможность найти время для реализации своей увлеченности физкультурой. Тем более, что с конца 1920-х гг. физкультура стала важнейшим фактором в проведении всеобщей военизации, когда все граждане должны были демонстрировать готовность к защите родины от явных и надуманных врагов. Владимиру Антоновичу был в особенности по душе конькобежный спорт. Он даже одерживал победу в городских соревнованиях по бегу на коньках. Эта увлеченность сохранилась на многие годы.

Конечно, на первом месте для одного из партийных лидеров была работа, которой он отдавался без остатка. И вновь было замечено его искреннее желание делать свое дело добротнo, получать искомый результат. Тем более, что уровнем образованности Владимир Антонович выделялся среди своих коллег. Для высшего партийного руководства было очевидным, что из способного к партийной работе провинциала следует формировать руководителя с более масштабными полномочиями. По решению ЦК КП(б) В. А. Томашевич был направлен на учебу в Экономический институт красной профессуры в Москву, которая была ему хорошо знакома. Этот институт в числе девяти иных (аграрного, литературного, философии и естествознания и др.) в 1930–1931 гг. стал результатом разу-

крупнения знаменитого ленинского детища – Института красной профессуры (образован в 1921 г.). Его создали в соответствии с постановлением Президиума ЦИК СССР от 10 августа 1931 г. из Института экономики Комкадемии и экономического отделения ИКП в целях подготовки высококвалифицированных кадров экономистов для руководящей работы в хозяйственных и партийных учреждениях и для педагогической и научно-исследовательской работы. Существовал жесткий отбор студентов, которые экономическую науку постигали через обязательное участие в различных формах партийной работы, участие в бесконечных дискуссиях, публикацию статей и т. д. Учеба Владимира Антоновича проходила в годы нарастания репрессий, когда события развивались с непредсказуемой скоростью. Кадровые изъятия и назначения происходили чуть ли не ежедневно. В начале грозного 1937 г. решением ЦК ВКП(б) студента Томашевича отозвали из института и направили в Калининский обком ВКП(б) в качестве заведующего отделом пропаганды и агитации (а институт ликвидировали на основании постановления Президиума ЦИК СССР от 7 января 1938 г.).

Убежденный коммунист, человек строгий и сдержанный, но дальновидный и предусмотрительный, В. А. Томашевич старался не дать ни малейшего повода усомниться в своей лояльности к власти, которую он и сам в известной мере воплощал. Осторожность была даже в мелочах: так, на всякий случай он сдал свой именной маузер, а еще один пистолет, припасенный с времен Гражданской войны, выбросил в реку. Бояться было чего: в это время были репрессированы мужья его родных сестер. Однажды Владимиру Антоновичу позвонил его друг и предупредил, что массовые «чистки» могут коснуться и его, но есть возможность на некоторое время оставить город и переждать. И ответственный партий-

ный работник неделю колесил на поездах из города в город, якобы в силу обстоятельств добираться к месту службы было затруднительно. Из этих «уроков» в дальнейшем В. А. Томашевич выработал правило: быть откровенным только с не раз проверенными сослуживцами и знакомыми и избегать разговоров на острые политические темы.

В 1938 г. Владимира Антоновича освободили от партийной работы и направили в Московский Всесоюзный финансово-экономический заочный институт, где он возглавил кафедру политэкономии, вскоре получил звание доцента. В подтверждение научной состоятельности в области педагогики высшей школы в части преподавания экономического учения марксизма-ленинизма молодому ученому было необходимо иметь научные публикации. И они были подготовлены за 1939–1941 гг.: первые работы политэконома имели весьма непритязательные названия – «Методические указания и материалы по курсу политэкономии» и «Методические указания по истории политэкономии». Опубликованы они были в 1941 г. – одна в Москве, а другая в Минске.

Накануне июня 1941 г. жена и сын уехали в Минск, чтобы погостить у родственников. Здесь семью Владимира Антоновича застала война. Чудом удалось спастись от бомбежек: сначала пешком добрались до Горок на Могилевщине, откуда эвакуировались в Воронеж, затем перебрались в Саратов и наконец осели в Омской области. Вся эта эпопея, которую пережили самые родные люди, долгое время была неизвестна Владимиру Антоновичу. Его же самого, как политработника запаса, призвали встать на защиту родины. Старший инструктор политотдела штаба 4-й стрелковой Московской дивизии В. А. Томашевич принял первый свой бой под Смоленском. Потом были бои, отступление к Волоколамску. В 1942 г. получил тяжелое ранение и кон-

тузию, долго лечился по госпиталям, был комиссован. Военная биография увенчана медалью «За оборону Москвы», затем медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». А позднее уже его мирный труд будет оценен орденом Ленина.

После демобилизации (1943) В. А. Томашевич стал работать доцентом кафедры политэкономии в Московском институте инженеров железнодорожного транспорта. Ему повезло – удалось быстро, обратившись в Белорусский штаб партизанского движения, разыскать семью и перевезти жену и сына в Москву. В очередной раз служебная карьера В. А. Томашевича круто изменилась: в 1944 г. его вновь призвали на партийную работу – теперь уже в качестве секретаря Минского обкома КП(б)Б. В это время он познакомился и на долгие годы подружился с В. И. Козловым, Первым секретарем Минского обкома и горкома КП(б)Б. Высокая партийная должность в столь напряженное военное и первое послевоенное время требовала колоссального морального и физического напряжения, организационных усилий, контроля за ходом восстановления разрушенного хозяйства буквально в каждом районе Минской области. Постоянные служебные командировки были сопряжены с риском для жизни, так как освобожденная Беларусь была наполнена оружием, затаившимися «лесными братьями» и т. д. Так, под Мяделем машина, в которой ехали В. А. Томашевич и В. И. Козлов, попала в засаду. Даже охрана не смогла предотвратить автоматный обстрел из леса. Только благодаря реакции водителя удалось избежать худшего – на большой скорости он увел машину из-под огня.

В 1946 г. Владимир Антонович, обкомовский секретарь по идеологии, по поручению своего начальника и партийного товарища Василия Ивановича Козлова должен был сменить П. П. Савицкого

на посту ректора Белорусского государственного университета. Парфен Петрович смог убедить руководство в том, что защита им в Москве кандидатской диссертации по проблеме исследования разрушительных последствий «оккупационного режима в БССР» будет достойным продолжением его плодотворной работы на посту ректора БГУ. Поэтому выбор кандидатуры нового ректора ведущего вуза республики пал на В. А. Томашевича. В расчет были приняты очевидные обстоятельства: партийный опыт, наличие высшего образования и звания доцента. К тому же во время работы в обкоме он не оставлял преподавательскую деятельность – возглавлял кафедру политэкономии Минского пединститута.

Если судить по развитию событий именно в 1946 г., то можно предположить, что Владимира Антоновича стали «готовить» на ректорскую должность в ведущем высшем учебном заведении республики, как бы приближая его к проблематике университетской жизни. Так, в апреле 1946 г. он выступил на совещании (его совместно провели минские обком и горком) заведующих кафедрами марксизма-ленинизма с преподавателями социально-экономических

дисциплин минских вузов. Докладчик заострил внимание собравшихся именно на задачах в преподавании социально-экономических дисциплин. Он, сославшись на решения ЦК ВКП(б), которые последовали после проверки Саратовского университета, подчеркнул, как важно привить студентам осознание безоговорочной значимости марксизма-ленинизма и политэкономии в профессиональной компетентности каждого выпускника. Одновременно он потребовал улучшить преподавание этих дисциплин. Среди доводов привел несколько примеров (с указанием фамилий преподавателей) «некачественных» лекций, которые были прочитаны в 1945/46 учебном году в БГУ. В скором времени, 17 мая 1946 г., газета «Советская Белоруссия» опубликовала статью «Выше уровень преподавания марксизма-ленинизма» за подписью «В. Томашевич, секретарь Минского обкома КП(б)Б по пропаганде». Вновь прозвучали негативные цифры и фамилии из апрельского доклада, опять было указано на невысокий уровень постижения в БГУ «учения Ленина – Сталина», на слабую учебную активность студентов при изучении столь важных дисциплин.

Назначение Владимира Антоновича на ректорскую должность состоялось 1 декабря 1946 г. (официальное утверждение последовало 12 декабря). БГУ в 1946 г. в который раз был «переподчинен»: до 10 апреля находился в структуре Наркомата просвещения БССР, но с учреждением Министерства высшего образования СССР оказался под его юрисдикцией. Произошла и очередная корректировка структуры университета. Как ни странно, но было принято решение ликвидировать факультет журналистики, хотя почти два года его декан М. С. Зерницкий убедительно доказывал правомерность и эффективность деятельности такой целенаправленной подготовки советских журналистов, редакторов и т. д. Так что новый ректор принял

Кафедра политэкономии БГУ: доцент А. П. Скуман, заведующий кафедрой профессор А. И. Лурье, аспирант Л. З. Блох. 1946 г.

университет в свое управление в составе шести факультетов (журфак стал отделением филологического факультета), что означало возвращение к довоенному состоянию, когда в 1939 г. к созданным ранее биологическому, географическому, историческому, физико-математическому и химическому факультетам добавился филологический. Таким БГУ был воссоздан в 1943 г. на ст. Сходня. Факультет журналистики по приказу Комитета по делам высшей школы при Совете Министров СССР был преобразован в отделение филфака БГУ 5 апреля 1946 г.

Ректорство в разгар восстановительного периода после разрушительной войны оказалось делом ответственным и хлопотливым. Острых проблем было множество: от воссоздания хотя бы в минимально приемлемом масштабе материально-технического обеспечения работы коллектива до ликвидации кадрового «голода», от нацеливания БГУ на решение практических задач народного хозяйства до обновления учебных программ. Так что содержание недавнего доклада и статьи в партийной газете секретаря обкома для теперь уже ректора воспринималось в ином измерении. Владимир Антонович сразу понял, что «инертность» студентов на занятиях по марксизму-ленинизму объяснялась их усталостью, так как почти каждый день молодежь по своей инициативе занималась расчисткой улиц и дворов от руин, а нередко брала в руки мастерки и топоры, помогая строителям. Что удалось сделать В. А. Томашевичу, так это максимально упорядочить, нормировать работу студентов с учетом их учебной нагрузки.

Ректор принял университет со скромными цифровыми показателями: на дневной форме обучения числилось всего лишь около 1400 студентов, на заочной – немногим менее 1000. На 6 факультетах работало 163 преподавателя различного уровня квалификации. Характерной особенностью первых послевоенных лет

деятельности БГУ было то, что прием в число студентов проходил почти постоянно, так как из армии демобилизовывались те, кто до войны не успел завершить учебу и ушел на фронт. Их зачисляли на старшие курсы, предоставляли право учебы по индивидуальному графику. Приемные же кампании в университет начинались задолго до августа, когда проходили вступительные экзамены.

Освоившись в ректорском кресле, Владимир Антонович в сентябре 1947 г. опубликовал в газете «Звезда» своеобразный отчет о деятельности университета в 1946/47 учебном году и определил задачи коллектива на новый учебный год. Разумеется, ректор более акцентировал внимание читателя на достигнутых успехах, нежели назвал проблемные вопросы. Так, государственные экзамены были хорошо организованы, а защищенные выпускниками дипломные работы «носили преимущественно экспериментальный характер» и соответствовали научным направлениям кафедр. Научно-исследовательская работа ученых приобрела системность, приблизилась к потребностям народного хозяйства. Если в 1946 г. было закончено только 17 научно-исследовательских тем, то в плане на 1947/48 учебный год значились уже 162 темы. Чуть ли не треть их было намечено разрабатывать в качестве докторских и кандидатских диссертаций. Несмотря на все сложности первых послевоенных лет, в БГУ нашли возможным обеспечить работу двух научных институтов – биологии и химии. Конечно, условия их деятельности были скромными, однако ученые университета делали все возможное для того, чтобы результаты их исследований были востребованы. Так, в Институте биологии занимались вопросами вегетационного размножения картофеля, использования болот Беларуси, изучали баланс возвращения вещества между растительностью и почвой, структуру почвы, искали эффективные методы борьбы с сорняками.

Институт химии занимался исследованием смол кок-согыз, проблемами использования люпина в промышленности, разработки скипидара и др.

В. А. Томашевич как ректор должен был находить малейшие возможности для проведения научных исследований, но в силу своей предыдущей деятельности сразу обратил внимание на недостатки в изучении и преподавании «мировоззренческих дисциплин» – основ марксизма-ленинизма, политэкономии, диалектического и исторического материализма. Его беспокоило несколько пренебрежительное восприятие этой части университетской подготовки представителями естественно-научных факультетов и кафедр. В то же время Владимир Антонович сумел быстро разобраться в ситуации, не стал «рубить с плеча» и даже предложил рассмотреть возможность включения в учебные планы курсов по истории науки, когда студенты могли бы не только получить конкретные знания в области своей будущей деятельности – географии, химии, биологии, математики, физики и т. д., но и прикоснуться к наследию этих наук, осознать преемственность поколений и свою роль.

Конечно, жизнь университета в обстановке нагнетания внешнеполитического напряжения, холодной войны, политических идеологием и кампаний целиком должна была соответствовать «политике партии». А ректор нес персональную ответственность за эффективность включенности коллектива в политическое противостояние «двух систем». Поэтому Владимир Антонович как бывший партийный руководитель-пропагандист в стилистике времени нацеливал и требовал то «усилить борьбу с чуждым советскому народу раболопством и низкопоклонством перед буржуазной наукой», то разоблачать «реакционные буржуазные теории», то вести популяризацию «великих достижений советской науки и культуры и ее всемирно-исторического

значения» и т. д. Разумеется, в последнем случае подобные его требования имели и учебное, и познавательное, и даже научное значение. Ведь серия организованных в БГУ научных конференций, различных «научных чтений» («ломоносовских», «менделеевских», «павловских» и др.) позволяли не столько удовлетворить идеологические запросы, сколько наполнить университетские аудитории новыми знаниями, увлечь в науку молодежь. Отлично дополняли подобные «кампании» ставшие регулярными научные семинары, активизация на всех факультетах научно-исследовательской работы студентов, расширение приема в аспирантуру.

Ректора Томашевича заботила ближайшая и отдаленная перспектива в функционировании многогранного университетского «организма». Очевидно было, что нельзя продолжительно консервировать сложившуюся учебно-научную структуру БГУ. И если открытие в сентябре 1947 г. на историческом факультете отделения философии как бы имело идеологическую подоплеку, то новое отделение логики и психологии можно оценивать абсолютно с точки зрения возвращения к классическим образцам университетской структуры. В целом же эти три направления гуманитарных знаний были возвращены в стены БГУ после разрушительных для него пертурбаций рубежа 1920–30-х гг.

К 30-й годовщине революции 1917 г. под контролем Владимира Антоновича были опубликованы «Научные записки БГУ» и два юбилейных сборника: с работами студентов и статьями преподавателей. Но даже возобновление выхода в 1947 г. научных работ ученых университета можно считать событием узко-академическим в сравнении с началом печатания многотиражной газеты БГУ – 7 ноября 1947 г. первый номер газеты «За сталинские кадры» получили студенты, преподаватели, сотрудники университе-

та. Газета, как и прежде (в 1930-е гг. она называлась «За ленинскія кадры»), стала своеобразной площадкой для обсуждения злободневных вопросов университетской жизни. Она и информировала читателя, и нацеливала на реализацию самых разных решений, и при всем прочем просто сплачивала коллектив. Для ректора этот печатный орган был крайне важной формой обращения к людям и к проблемам.

Конечно, газета лишь констатировала то, что решалось в ректорате, в деканатах факультетов, а с учетом специфики времени – на партийных заседаниях различного уровня. Так, 10 февраля 1948 г. Владимир Антонович, выступая на партийном собрании, детально проанализировал работу кафедр, деканатов, общественных организаций в первом семестре нового учебного года. Позитивные моменты были названы (впервые за последние три года полностью выполнен учебный план, успеваемость студентов повысилась и др.), но они в докладе были не главными, так как ректор перечислил ряд упущений, недочетов и даже провалов, допущенных как факультетами и кафедрами, так и отдельными преподавателями. В особенности «хромала» организация учебного процесса, когда объективные причины этого не брались в расчет, а требовалось все делать «через не могу». В. А. Томашевич усмотрел формализм в организации НИРС и потребовал для консолидации усилий в этой важной области подготовки специалистов с университетским дипломом создать в дополнение к кружковой работе студенческое научное общество БГУ с широкими задачами и полномочиями. Уже в конце марта прошла первая студенческая научная конференция, подготовкой и проведением которой руководил известный ученый-биолог, проректор по научной работе М. Е. Макушок. А 17 апреля Студенческое научное общество (СНО) в составе 26 человек начало свою работу. В скором времени в нем

состояло около 150 членов, в том числе в совет общества вошел сам Владимир Антонович, профессор М. Е. Макушок, историк-антиковед Ф. М. Нечай, физик Ф. И. Федоров и другие уже состоявшиеся ученые. СНО уже летом 1948 г. подготовило к печати сборник студенческих научных работ.

В сохранившихся архивных документах, в воспоминаниях студентов и преподавателей, в публикациях прессы тех лет можно найти подробности просто ужасающих условий, в которых приходилось учиться, работать и жить коллективу БГУ. Главная роль в решении проблем была за ректором. Он и его заместители (проректоры) ежедневно контактировали со строителями, «выбивали» деньги в правительственных инстанциях, контролировали ход работ, закупок оборудования, реактивов, приборов, мебели и т. п. Даже студенческий быт в общежитиях-бараках (а то и в учебных аудиториях) было необходимо обеспечить усилиями ректора. Как и предоставить профессуре и преподавателям более или менее сносное жилье. Владимиру Антоновичу удалось склонить городские власти Минска дать разрешение на то, чтобы студенты БГУ не только работали по установленному графику на восстановлении города, но им засчитывалось участие в восстановлении именно университета.

Ректор и коллектив БГУ не могли не быть захвачены разрушительными идеологическими кампаниями, когда после короткого времени некоторой либерализации общественно-политической жизни, наступившего после победного 1945 г., вновь стали реанимироваться методы 1937 г. Под властный «молот» попала биологическая наука и ученые-биологи, воспротивившиеся антинаучной «лысенковщине»: в ноябре 1947 г. уволили президента АН БССР А. Р. Жебрака и его единомышленников. Чистки в Академии непосредственно коснулись и БГУ. Историки же и филологи были вынуждены

искать свое место в партийных кампаниях борьбы с «проявлениями тлетворного влияния буржуазной культуры», бичевания «дисгармонии», «формализма», «маразма» в творчестве некоторых советских композиторов и писателей.

Панацеей, как и прежде, считалось усиление идеологической работы среди студентов и преподавателей. Было решено на всех факультетах ввести госэкзамены по основам марксизма-ленинизма, сделать во всех структурных подразделениях обязательными регулярные политинформации. В. А. Томашевич потребовал шире развернуть критику и самокритику, выявлять недостатки в работе университета. И такая работа развернулась повсеместно, университетская многотиражка и факультетская настенная печать запестрели материалами с «самобичеванием» всего и вся, всех и каждого. Всем было ясно, что вернулась довоенная атмосфера.

Однако не подобные кампании воспринимались как нечто важное. В БГУ, как это было характерно для первых лет его деятельности, возобновились многообразные просветительские, общеобразовательные, культурные мероприятия. В 1947 г. начал работать университетский клуб выходного дня, который устраивал встречи с белорусскими учеными, писателями, поэтами, артистами. Ректор и все руководство университета стремились, чтобы студенты и преподаватели имели возможность контактировать с коллегами из других вузов СССР. Возобновились учебные практики историков, географов, биологов в самые разные регионы СССР. Например, историки раскапывали античные поселения в Крыму, ездили в Москву и Ленинград, чтобы воочию прикоснуться к культурному наследию, о котором сухо сообщали учебники и интерес к которому пытались вызвать преподаватели на своих лекциях. Подобная организация учебного процесса требовала не только значительных средств, но и усилий лично

В. А. Томашевича. Он буквально «горел на работе», осознавая всю ответственность возложенной на него миссии. Владимир Антонович поручал «смотреть за хозяйством» кому-либо из проректоров (чаще всего проректору по научной части профессору-историку А. П. Пьянкову).

Но даже в таком напряженном графике работы В. А. Томашевич находил возможность преподавать любимую политическую экономию, которая еще в довоенные годы позволила ему состояться как преподавателю высшей школы. Более того, после скоропостижной смерти заведующего кафедрой политэкономии профессора А. И. Лурье Владимир Антонович весной 1948 г. возглавил эту кафедру. Много времени отнимала общественно-политическая работа в качестве депутата Минского областного Совета депутатов трудящихся, а также своеобразного «спичрайтера» партийных руководителей республики, которые давно оценили выверенный во всех отношениях (политическом и литературном) стиль докладов и разнообразных официальных бумаг, создаваемых пером ранее секретаря обкома, а ныне ректора БГУ. И загружали его подобной, несвойственной функциям университетского руководителя, работой.

В конце 1948 г. университет по-прежнему состоял из 6 факультетов, 34 кафедр, 14 лабораторий, 10 кабинетов, библиотеки (книжный фонд насчитывал около 100 тыс. томов), обучались 2800 студентов. Эти цифры свидетельствовали: БГУ в основном восстановился после военного лихолетья. По случаю 30-летия БССР приказом Министерства высшего образования СССР от 21 декабря 1948 г. БГУ было присвоено имя В. И. Ленина, а указом Президиума Верховного Совета СССР ряд сотрудников университета наградили орденами и медалями. Ректор был удостоен высшей награды – ордена Ленина.

После окончания торжеств в феврале 1949 г. на Минской областной

партийной конференции Владимир Антонович был избран делегатом XIX съезда КП(б)Б и вскоре переведен на работу в ЦК КП(б)Б на должность секретаря ЦК по идеологии и пропаганде. Это можно расценивать и как свидетельство качества проделанной им работы на посту руководителя ведущего вуза республики, и как востребованность опытного партийца в условиях нового нарастания идеологической напряженности. Поскольку должность секретаря ЦК относилась к высшей партийной категории, то семья В. А. Томашевича получила восьмикомнатную квартиру во «втором доме Советов» (современное здание на углу улиц Маркса и Ленина). Однако жить в такой большой квартире, когда Минск лежал в руинах, Владимир Антонович посчитал недостойным для себя и разделил квартиру на две отдельные, сделав дополнительный вход. Вот только пребывание на высоком партийном посту было недолгим: до июля 1950 г.

Владимир Антонович вернулся к полноценному руководству в качестве заведующего кафедрой политэкономии БГУ (правда, даже будучи секретарем ЦК, он не оставлял кафедру). В 1953 г. наконец-то была защищена диссертация и получена ученая степень кандидата экономи-

ческих наук. Тема имела как конкретно экономический контекст, так и историческую подоплеку с очевидной политической интерпретацией: «Социалистическая индустриализация Белорусской ССР в период первой сталинской пятилетки». Она была рассмотрена на заседании Совета Института повышения квалификации преподавателей марксизма-ленинизма при МГУ им. М. В. Ломоносова. В тех условиях автору со столь богатым опытом партийной и административной работы обращение к такой теме было естественным исследовательским ходом и сулило перспективы в научной судьбе.

Пятнадцать лет Владимир Антонович возглавлял кафедру политэкономии. Он опубликовал около 30 научных и научно-методических работ, основанных на доступном статистическом и архивном материале. В особенности значимы несколько статей по экономической истории Беларуси: в 1957 г. были напечатаны статьи «О некоторых вопросах экономики Белоруссии в дореволюционный период» и «Социалистическая индустриализация БССР в период первой пятилетки», в 1961 г. – «Социально-экономические результаты социалистических преобразований экономики БССР (1928–1937)», а в 1962 г. в сборнике вышла публикация «Народное хозяйство Белорусской ССР (1920–1927)». Активная исследовательская работа объяснялась просто: предыдущий бурный ритм жизни, когда ежечасно приходилось решать сложнейшие задачи, враз просто не мог смениться на некий благодушный академизм, самоуспокоенность. Уже после защиты кандидатской диссертации Владимир Антонович задумался о докторской и с 1954 по 1956 г. был докторантом Института экономики АН СССР. Правда, так «сходу» подготовить докторскую диссертацию ему не удалось. Однако очевидные заслуги на научном поприще и в педагогической деятельности не остались без должной оценки: в 1962 г. ему было

Университетский городок. Начало 1950-х гг.

присвоено ученое звание профессора по кафедре политэкономии без защиты докторской диссертации.

В. А. Томашевич был настоящим педагогом высшей школы. Огромный опыт выступлений перед разными аудиториями, умение находить ответы на каверзные вопросы, методическое мастерство, свободное владение материалом – это и многое другое, казалось бы, давало возможность легко относиться и к исполнению обязанностей руководителя «всего лишь» кафедры, и к преподаванию неискушенной молодежи истин политэкономии. Однако Владимир Антонович не мог себе этого позволить и к каждой лекции готовился как к первой, дотошно выверял цифры, в который раз анализировал корректность обобщений и т. д. На протяжении многих лет он возглавлял городской семинар экономистов в Минске, выступал с докладами как для специалистов, так и для широких слоев населения. Особое внимание он уделял руководству подготовкой аспирантов. Его щепетильность во всем, что касалось науки, для некоторых казалась излишней, однако впоследствии ученики, ставшие авторитетными учеными и сами возглавившие вузовские кафедры политэкономии, с глубокой благодарностью вспоминали «школу Томашевича».

Снять стресс, в котором В. А. Томашевич по сути пребывал постоянно, удавалось благодаря двум абсолютно разным увлечениям. С юных лет он любил поэзию, прежде всего русскую. Читал и знал наизусть большое количество стихотворений – Пушкина, Блока, Багрицкого, Кольцова, Ахматовой и др. Иногда в кругу друзей мог долго декламировать особо любимые произведения. Стихотворения он заучивал по ночам, надеясь уснуть хоть кратковременно: вследствие контузии Владимир Антонович на про-

тяжении 20 лет с трудом засыпал, да и то лишь на короткое время. Уже на посту ректора его страстью стали автомобили. О своем хобби Владимир Антонович говорил с долей иронии, отдавая отчет в том, что машина для него всего лишь средство передвижения и средство снятия стресса.

По своим взглядам Владимир Антонович всегда был убежденным коммунистом. Даже незадолго до смерти он беспокоился о том, чтобы были вовремя оплачены членские взносы. Правда, изменения, происходившие в стране, не могли не влиять на человека со столь широким кругозором, опытного политика и ученого. Однажды в разговоре со своим племянником-военным Владимир Антонович отметил, что политэкономия как текущие координаты в артиллерии: снаряд летит каждый раз в новую точку. Прошло какое-нибудь совещание в ЦК – значит, точка зрения на экономику движется, а если съезд, то это, считай, все сначала надо начинать. Однако университетский экономист не отходил от своих убеждений, любил ясность во всем, не терпел недоговоренности и никому не завидовал. Свою жизненную позицию Владимир Антонович объяснял следующим образом: «Меня направили на эту должность, и я должен здесь работать с полной отдачей, сделать все так, как положено».

Владимир Антонович Томашевич скоропостижно скончался 6 октября 1983 г. Некролог, опубликованный в газете «Вечерний Минск» 10 октября, подписали, наряду с тогдашним ректором БГУ Леонидом Ивановичем Киселевским, представители ЦК КПБ, Мингорисполкома и другие значимые фигуры белорусской политики и вузовского сообщества.

Олег Антонович Яновский

Владимир Антонович Томашевич

**Один из основоположников
и организаторов
педагогической науки в Беларуси**

**Декан исторического
и филологического факультетов БГУ,
заведующий кафедрой педагогики
и психологии университета**

Лука Васильевич ШАШКОВ

15.10.1897 – 17.06.1968

Выпускник педфака БГУ 1920-х гг. Лука Васильевич Шашков всю свою жизнь и научное творчество посвятил альма-матер. Прошел сложный путь от преподавателя до декана двух ведущих гуманитарных факультетов университета – исторического и филологического. По сути именно он смог наладить учебную и научную работу в сложный восстановительный период после колоссальных разрушений, нанесенных фашистской оккупацией. Затем Лука Васильевич 17 лет руководил кафедрой педагогики и психологии БГУ, создал коллектив единомышленников, который сформировал образовательные и исследовательские парадигмы двух важнейших направлений гуманитарных знаний. Ученый-педагог почти всю жизнь занимался разработкой проблем, связанных с нахождением оптимальных путей и средств обучения школьников, делал акцент на том, что формирование образованного, всесторонне развитого молодого поколения советской страны немыслимо без объединения усилий школы и семьи. Эффективной работе этого важного союза посвящены многие научные и публицистические статьи университетского педагога, его кандидатская диссертация, монография «Основы успешного обучения учащихся в советской школе» (1959) и полностью подготовленная к защите докторская диссертация на тему «Дидактические основы обучения». Несомненной заслугой Л. В. Шашкова следует признать его участие в написании первой системной истории БГУ, в которой он изложил этапы развития в университете педагогических знаний и науки.

В истории Белорусского государственного университета можно выделить различные по продолжительности и характеристикам этапы. Но каждый из них не может рассматриваться без обращения к деятельности (исследовательской работе, преподаванию, администрированию и др.) тысяч и тысяч сотрудников БГУ, которые создавали университет классический, наполнили аудитории и кабинеты духом творчества, знаний, устремленности к улучшению всего и вся. Некоторые из университетских интеллектуалов влились в коллектив БГУ буквально с первых лет его деятельности. Другие шли к своему университету долгим путем, но в результате стали органичной частью его истории. Среди них особое место принадлежит тем, кто прошел путь именно в стенах БГУ сначала в качестве студентов и аспирантов, а потом сам долгие годы взращивал новые поколения для того, чтобы университет не только целенаправленно укреплял свою роль в белорусском обществе, экономике, науке и культуре, но и преумножал университетские традиции.

Одним из таких людей был и Лука Васильевич Шашков. Он родился на исходе XIX в. Его родители были простыми крестьянами, белорусы из деревни с удивительным названием Сертиславль. По сведениям материалов переписи населения Российской империи 1897 г., которые хранятся в Российском государственном историческом архиве, эта деревушка находилась в составе Городищенской волости Горецкого уезда Могилевской губернии. Детские и юношеские годы прошли в повседневности деревенских забот: помощь родителям по хозяйству, учеба в начальной, а затем второклассной школе. Первая мировая война захватила и восемнадцатилетнего парня – его летом 1916 г. призвали в царскую армию, пришлось сначала служить в Смоленске, потом оказаться на фронте в саперном батальоне. После февральских событий

1917 г. Лука Васильевич наблюдал развал империи и крах Временного правительства. В феврале 1918 г. демобилизовался как солдат «старой армии» и до Великой Отечественной войны всегда указывал, что не служил ни в белой, ни в Красной армии.

После демобилизации экстерном сдал экзамены на звание учителя и стал преподавать в начальной школе с. Городище Горецкого уезда, в нескольких километрах от родного дома. Вскоре активному молодому учителю советская власть доверила руководство волостным отделом народного образования, который находился в том же Городище, а немного времени спустя – сектором социального воспитания школьного отдела Горецкого уездного отдела народного образования (в г. Горки Могилевской губернии).

Эти карьерные передвижения пришлось на 1919–1922 гг. Однако дальнейшие перспективы в формирующейся системе народного образования советской Беларуси могли реализовываться только при условии получения высшего образования. И эту цель не откладывая поставил перед собой провинциальный советский чиновник. В командировочном удостоверении, полученном 1 июля 1921 г., которое выдали местные власти при направлении на учебу, было записано: «За период своей школьной и административной деятельности с 1918 г. по 1921 г. в качестве школьного работника школы I ступени и завомнаробразом Л. В. Шашков проявил недюжинные организационные способности по делу народного образования своего района...» Оформив необходимые рекомендации, Лука Васильевич мог стать студентом уже в 1921/22 учебном году. Однако его уездное руководство от образования решило задержать для «работы в качестве завуосоцвосом», как спустя некоторое время Горецкий отдел народного образования пояснял неприезд своего работника на учебу в Витебск. В новом заявлении (от 18 июля 1922 г.) Лука Васильевич просил ректора педин-

ститута зачислить его студентом отделения техникумов без сдачи коллоквиума. В документах он подробно перечислил места своей педагогической (в качестве «шкраба») и административной деятельности и указал, что «параллельно с этим работал в комиссии несовершеннолетних преступников и Ревтрибунале по взысканию продналога в качестве члена Трибунала». На момент подачи документов был холост, проживал постоянно в д. Сертиславль, но работал в «г. Горки, Гомельской губернии, в Уотнаробраз». Важным аргументом для права считаться студентом высшего учебного заведения было то, что Л. В. Шашков в июле – сентябре 1919 г. слушал лекции на Первых двухмесячных педагогических курсах, о чем свидетельствовал солидный печатный документ с перечислением лекторов-профессоров и учебных дисциплин. Среди прочих были прослушаны лекции по истории и гражданскому воспитанию, трудовой школе, ее принципах, методах, задачах, организационных планах и программах, гигиене. И если лекции по родной истории и литературе можно однозначно понимать с приставкой «русской», то вот курс «Музеи, выставка, экскурсия», видимо, должен был ввести слушателей в область познания всемир-

ного культурного наследия. Слушателям преподавался даже курс «Рисование, лепка, аппликаж» авторитетным педагогом-методистом Всеволодом Семеновичем Мурзаевым – автором вышедших еще в 1912–1913 гг. учебных пособий «Педагогический рисунок» и «Творческое рисование для начальных школ». А если еще назвать ряд других громких имен российской науки вообще и педагогики в частности, которые читали лекции в заштатных Горках на этих краткосрочных курсах (географ и картограф М. И. Селищенский, историк-антиковед В. С. Сергеев, анатом В. Н. Тонков, философ и педагог, руководитель Московской академии народного образования П. П. Блонский и др.), то можно проникнуться уважением к этим состоявшимся интеллектуалам и позавидовать Л. В. Шашкову, которому удалось в начале своей педагогической карьеры дотронуться до вершин важнейших знаний на избранном профессиональном пути.

С сентября 1922 по сентябрь 1924 г. Л. В. Шашков учился в Витебском высшем педагогическом институте, который находился под юрисдикцией РСФСР. Учился он на социально-историческом факультете, а не на «отделении техникумов», как было записано в заявлении о приеме на учебу. Сложно сказать, какие учебные предметы осваивал педагог. Известно лишь, что в феврале 1923 г. он сдал зачет по дисциплине «История литературы (Тургенев и Достоевский)». В это время Лука Васильевич оставался холостяком и в анкетах в графе «Семейное положение» указывал, что его семья состоит из шести человек, из которых трое на иждивении. Семья в пользование получила от советской власти 4,5 десятины земли, но «чересполосицы». Так что говорить об элементарном достатке не приходилось. Взрослому молодому человеку нужно было буквально «выкручиваться», чтобы не только обеспечить себя, но и помочь родителям.

Витебский институт народного образования

Витебский период учебы оборвался в 1923 г. В связи с ликвидацией пединститута (точнее – Института народного образования) лучшие его студенты и преподаватели были переведены на педагогический факультет Белорусского государственного университета (другие остались в Витебске в образованном педтехникуме). И с октября Л. В. Шашков стал студентом его общественно-экономического отделения по белорусской секции (в последующем Лука Васильевич почему-то указывал в многочисленных документах, что учился с 1922 по 1926 г. в БГУ, «забывая» о двух студенческих годах в Витебске). Однако, например, то, что студент Шашков был не только активным общественником во время учебы в БГУ (член бюро секции профсоюза, культкомиссии, председатель студенческой кассы взаимопомощи), но и ранее в Витебске входил в уездное общество пролетарского студенчества, свидетельствует о безусловной преемственности двух периодов его учебы. Даже в характеристиках, которые давались студенту и пединститута, и университета, можно найти схожие констатации. Так, управляющий делами БГУ Д. И. Серко в рукописной справке, выданной студенту 3-го курса Луке Шашкову, почти повторил высокую оценку его педагогических талантов, прозвучавшую впервые в Горках и Витебске: «Л. В. Шашков проявил недюженные организационные способности по делу народного образования своего района... с точки зрения педагогического подхода к делу школьной обстановки. За свою продуктивную и в высшей степени устойчивую работу... был назначен заведующим сектором социального воспитания...»

Как бы там ни было, четыре года пролетели в упорном постижении многих гуманитарных дисциплин, освоении марксизма и всех иных постулатов, которые утверждались в стране, где новая власть определила социалистический

выбор развития. Пришлось основательно изучить и постичь почти 30 учебных дисциплин, написать десяток практических работ. Сегодня одни из обязательных учебных курсов по-прежнему в арсенале подготовки студентов, а названия иных удивляют. Так, студент Шашков вместе со своими однокашниками изучал и сдавал зачеты по белорусскому и французскому языкам, по различным историческим дисциплинам – истории Беларуси XIX–XX вв. и истории ее народного хозяйства, истории «новой белорусской литературы», культуры и «культурных движений», по отдельным курсам истории России XVIII, XIX и XX вв., по истории Западной Европы этих же столетий и истории ее народного хозяйства, по истории раннего христианства, первобытной культуры и истории Средних веков, истории социализма и др. И одновременно обязан был, как будущий педагог-гуманитарий, освоить учение о трудовой школе, методику обществоведения, историю народонаселения, историю Парижской коммуны, педагогику и психологию, исторический материализм, государственное право и конституции СССР и БССР, а также экономическую географию, анатомию и физиологию человека. Из «необязательных дисциплин» (и такие имелись в учебных планах тех лет) присутствовали наряду с курсами древней и средневековой истории (Греции, Рима, Руси/России) также этнография Беларуси, логика, социология, методология и классификация наук, история народного образования и педагогики, экспериментальная психология и др. Например, Лука Васильевич профессорам С. А. Лясковскому и Н. И. Ефимову сдавал зачеты по итогам прослушивания лекций по истории Древней Греции, Древнего Рима, истории культуры Востока, истории Средних веков, древнерусской литературы и др.

Если добавить, что студенты выполняли практические работы по методи-

ке обществоведения, политэкономии, древнерусской литературе, истории раннего христианства, «профпрактикум» и «педпрактикум», то диплом учителя обществоведения не только был свидетельством профпригодности молодого советского специалиста, но и гарантировал возможные карьерные взлеты. Можно восхищаться тем, как первая плеяда профессуры БГУ в меру возможного вводила своих питомцев в необъятные сферы познания, освоенные многовековой практикой работы европейских университетов, прививала конкретику накопленных знаний и творческого их осмысления.

В сентябре 1926 г. Лука Васильевич получил временное свидетельство об окончании полного курса обучения в университете, стал кандидатом в члены партии. После защиты дипломной работы временное свидетельство предстояло обменять на «постоянный» диплом. Однако перманентно протекавшие реформы в советской высшей школе стали заметно ускоряться и радикализироваться. Руководство страны искало возможности «оптимизации» обучения, сближения учебы с производством, наибо́льшей подготовки «красных спецов». Поэтому сокращались учебные планы, из которых выбрасывались «ненужные» дисциплины и формы работы студентов, до абсурдного минимума урезались годы обучения и т. д. Была отменена даже подготовка и защита дипломных работ.

После окончания БГУ Л. В. Шашкову пришлось год поработать директором семилетки в м. Любоничи близ Бобруйска, одновременно учительствуя. В этом небольшом городке проживало около 500 жителей, в основном евреи, хотя местный православный храм в честь Космы и Дамиана обслуживал многие тысячи православных из окрестных деревень. Затем состоялось возвращение в Минск, где до ноября 1929 г. он устроился учителем, а потом директором центральной опытно-показательной се-

милетней школы Наркомпроса БССР. Причины переезда в столицу Лука Васильевич не раз называл в заполняемых документах весьма трагично: «В связи с тяжелым заболеванием жены». Видимо, так оно и было, хотя сам по себе Минск для состоявшегося педагога был более перспективен, чем любые провинциальные должности. О семейном положении Луки Васильевича возможно говорить с определенной долей вероятности. В автобиографиях он отрывочно указывал, что отец умер в 1925 г., а мать и братья на начало 1930-х гг. работали в колхозе «Луч», в который входила и родная деревня Сертиславль. Старший брат в эти годы был председателем данного колхоза. Уже в послевоенных документах (на 1944–1947 гг.) Л. В. Шашков констатировал, что женат, жену зовут Евгения, она из семьи служащего одного из минских банков. Супруги имеют дочь Ольгу и сына (имя не указано). Но затем Лука Васильевич своей женой называет Марию. Мария Яковлевна Шашкова (девичья фамилия Рухлинская), 1923 г. рождения, была родом из Новохросты. В этом браке на рубеже 1940–50-х гг. родились две дочери – Татьяна и Ирина. Впоследствии обе, как и отец, посвятили себя науке: закончили химический факультет БГУ, защитили кандидатские диссертации. Сегодня Татьяна Лукинична работает в университетском НИИ, возглавляет отдел, а Ирина Лукинична трудится в Национальной академии наук Беларуси. Обе опубликовали не одну научную работу, авторы нескольких патентов. По воспоминаниям дочерей, отец стремился не посвящать их в перипетии своего жизненного и рабочего пути. Он был чрезвычайно порядочный, очень добрый человек. Для него в отношении детей были неприемлемы насильственные воспитательные меры. Так, Татьяна Лукинична до сих пор помнит небольшой семейный конфликт, вспыхнувший из-за того, что мама, чтобы пресечь проказы

Автобиография.

Родился 15 октября 1897 года в с. Владимировке, Мичуринского района. До июня 1916 года учился в с. Владимировке и затем в Мичуринской школе. В июне 1916 года поступил в школу, где и окончил. Летом 1918 года окончил школу и поступил в Мичуринскую школу. Окончил школу в 1921 году. С 1921 по 1924 год работал в Мичуринской школе. В 1924 году переехал в Мичуринск. В 1925 году переехал в Мичуринск. В 1926 году переехал в Мичуринск. В 1927 году переехал в Мичуринск. В 1928 году переехал в Мичуринск. В 1929 году переехал в Мичуринск. В 1930 году переехал в Мичуринск. В 1931 году переехал в Мичуринск. В 1932 году переехал в Мичуринск. В 1933 году переехал в Мичуринск. В 1934 году переехал в Мичуринск. В 1935 году переехал в Мичуринск. В 1936 году переехал в Мичуринск. В 1937 году переехал в Мичуринск. В 1938 году переехал в Мичуринск. В 1939 году переехал в Мичуринск. В 1940 году переехал в Мичуринск. В 1941 году переехал в Мичуринск. В 1942 году переехал в Мичуринск. В 1943 году переехал в Мичуринск. В 1944 году переехал в Мичуринск. В 1945 году переехал в Мичуринск. В 1946 году переехал в Мичуринск. В 1947 году переехал в Мичуринск. В 1948 году переехал в Мичуринск. В 1949 году переехал в Мичуринск. В 1950 году переехал в Мичуринск. В 1951 году переехал в Мичуринск. В 1952 году переехал в Мичуринск. В 1953 году переехал в Мичуринск. В 1954 году переехал в Мичуринск. В 1955 году переехал в Мичуринск. В 1956 году переехал в Мичуринск. В 1957 году переехал в Мичуринск. В 1958 году переехал в Мичуринск. В 1959 году переехал в Мичуринск. В 1960 году переехал в Мичуринск. В 1961 году переехал в Мичуринск. В 1962 году переехал в Мичуринск. В 1963 году переехал в Мичуринск. В 1964 году переехал в Мичуринск. В 1965 году переехал в Мичуринск. В 1966 году переехал в Мичуринск. В 1967 году переехал в Мичуринск. В 1968 году переехал в Мичуринск. В 1969 году переехал в Мичуринск. В 1970 году переехал в Мичуринск. В 1971 году переехал в Мичуринск. В 1972 году переехал в Мичуринск. В 1973 году переехал в Мичуринск. В 1974 году переехал в Мичуринск. В 1975 году переехал в Мичуринск. В 1976 году переехал в Мичуринск. В 1977 году переехал в Мичуринск. В 1978 году переехал в Мичуринск. В 1979 году переехал в Мичуринск. В 1980 году переехал в Мичуринск. В 1981 году переехал в Мичуринск. В 1982 году переехал в Мичуринск. В 1983 году переехал в Мичуринск. В 1984 году переехал в Мичуринск. В 1985 году переехал в Мичуринск. В 1986 году переехал в Мичуринск. В 1987 году переехал в Мичуринск. В 1988 году переехал в Мичуринск. В 1989 году переехал в Мичуринск. В 1990 году переехал в Мичуринск. В 1991 году переехал в Мичуринск. В 1992 году переехал в Мичуринск. В 1993 году переехал в Мичуринск. В 1994 году переехал в Мичуринск. В 1995 году переехал в Мичуринск. В 1996 году переехал в Мичуринск. В 1997 году переехал в Мичуринск. В 1998 году переехал в Мичуринск. В 1999 году переехал в Мичуринск. В 2000 году переехал в Мичуринск. В 2001 году переехал в Мичуринск. В 2002 году переехал в Мичуринск. В 2003 году переехал в Мичуринск. В 2004 году переехал в Мичуринск. В 2005 году переехал в Мичуринск. В 2006 году переехал в Мичуринск. В 2007 году переехал в Мичуринск. В 2008 году переехал в Мичуринск. В 2009 году переехал в Мичуринск. В 2010 году переехал в Мичуринск. В 2011 году переехал в Мичуринск. В 2012 году переехал в Мичуринск. В 2013 году переехал в Мичуринск. В 2014 году переехал в Мичуринск. В 2015 году переехал в Мичуринск. В 2016 году переехал в Мичуринск. В 2017 году переехал в Мичуринск. В 2018 году переехал в Мичуринск. В 2019 году переехал в Мичуринск. В 2020 году переехал в Мичуринск. В 2021 году переехал в Мичуринск. В 2022 году переехал в Мичуринск. В 2023 году переехал в Мичуринск. В 2024 году переехал в Мичуринск. В 2025 году переехал в Мичуринск.

Справка

Дана Машков Л.В. в том, что он действительно работал в Мичуринской школе с 1921 по 1924 год.

Мичуринская Народная
Средняя Школа Мичуринского
Района

Секретарь школы: зав. секретариатом
Партизмов Мичуринского района

Решение 524 / Подпись
Зав. Секр. М.И.

Удостоверение

Дана с. от Отдела Народного
Земельного и Водного хозяйства

Машков Л.В.

в том, что он действительно

работником

одной трудовой

подписал и прило

удостоверяется

Виза
Подпись
В.И. Машков

11 октября 1961

Машков

МКО-СР

Удостоверение

Государственно по 1-е апреля 1944

Виза

ВРЕМЯ У ОДОБРИ

Выдано военному б/в. Машков Л.В. в том, что он действительно состоит на военной службе на фронте подготовки и боевой подготовки Политсостава МВО в качестве преподавателя СД.

НАЧАЛЬНИК КУРСА МВО
М.И.С.Р. Машков

ОПРАВКА

Дана Машков Л.В. в том, что он работал в Мичуринской Подготовительной Школе, А.И. Горького в качестве преподавателя подготовки с 1924/25 учебного года по 1936/37 учебный год взыскательно.

Н.О. Машков (Машков)

М.И.С.Р. Машков

оде-
л пед-
р.
Инсти-
тута кандидата
председ в

иверситете
честве до-
гической

кафедрой
та имени
ШАШКОВ Л.В.
ми. С марта

ХАРАКТЕРИСТИКА

Машков Л.В. действительно является штатным работником Мичуринского Государственного Университета, где в качестве доцента ведет самостоятельный курс теоретической педагогики.

С работами справляется, является одновременно добросовестное отношение к своим обязанностям. Ведет научно-исследовательскую работу на самостоятельную тему. В процессе чтения курсов педагогики никаких нарушений и ошибок политического порядка не было.

Л.В. Машков

15.10.1938

П.И. Машков

ГОРЬКИЙ
УЛЬНЫЙ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
СОВЕТА

М.И.С.Р. Машков

12.10.1921

М.И.С.Р. Машков

М.И.С.Р. Машков

М.И.С.Р. Машков

М.И.С.Р. Машков

М.И.С.Р. Машков

М.И.С.Р. Машков

М.И.С.Р. Машков

дочери, замахнулась на нее полотенцем. Мария Яковлевна была красивой, энергичной женщиной. Она пережила своего мужа почти на 30 лет и умерла в 2007 г.

В Минске целеустремленный, неординарный директор был замечен и оценен, и в скором времени последовал его перевод на работу в Наркомат просвещения в качестве «научного секретаря» (т. е. ученого секретаря) методической комиссии, а потом консультанта-методиста ФЗС (фабрично-заводских семилеток). Проработав менее года в этих должностях, он с октября 1930 г. три года учился в аспирантуре, используя свои методические познания, приобретенные за время работы учителем и в Наркомате. Л. В. Шашков, уже состоявшийся советский педагог, принял решение заняться исследованием некоторых проблем педагогики и подготовить кандидатскую диссертацию. Сегодня с интересом воспринимается его заявление (оно находится в личном деле, хранящемся в НАРБ) с просьбой о зачислении в аспирантуру, написанное в конце августа 1930 г. по-белорусски, черными чернилами, убористым почерком, старательно, на целый лист. В нем Лука Васильевич не только изложил просьбу о поступлении в аспирантуру («Прашу палічыць мяне аспірантам па пэдагогіцы»), но и дал главные сведения о своей учебе, работе, вышедших и запланированных публикациях (в том числе и статьи «мэтадычна-пэдагагічнага характару» в журнале «Комвыхаваньне»). Другие, более подробные, сведения изложены в «Анкеце»: «Сын селяніна, беларус, жанаты, працуе ў НКА, па савецкай лініі – член Гарсавета, па партлініі – кіраўнік партгуртка і дакладчык на розныя тэмы».

Разумеется, в центре научных интересов Л. В. Шашкова оказались проблемы, определенные становлением именно советской, социалистической педагогики. Официально его научная специализация называлась «теоретическая педагогика».

Учеба в аспирантуре НИИ коммунистического воспитания главным образом проходила в Минске, хотя были и поездки в Москву. Вновь пришлось постигать вершины знаний в области диалектики, изучать на новом информационном и теоретическом уровне педагогику и ее историю, возрастную психологию и др. Почему-то учебный план аспирантуры определил изучение немецкого языка, хотя в БГУ студент Шашков изучал французский. Видимо, язык был освоен весьма неплохо, так как в последующих анкетах Лука Васильевич непременно указывал, что владеет немецким. Вот только с годами знания угасали, и он честно писал, что «слабо» знает этот иностранный язык, а после войны и вовсе не указывал на то, что им владеет хоть в какой-то степени.

По окончании аспирантуры (правда, без защиты диссертации) Лука Васильевич был оставлен для работы в том же НИИ коммунистического воспитания (до 1931 г. он назывался НИИ педагогики и педологии, а после 1934 г. – НИИ школьной педагогики). По совместительству он в качестве исполняющего обязанности доцента стал преподавать курс «Теория педагогики» в Минском педагогическом институте, который считал «своим», так как этот институт двумя годами ранее был создан на базе двух отделений родного педфака БГУ. Одновременно возглавил институтский педкабинет. Но все же университет, безусловно, давал больше возможностей для профессиональной самореализации. Тем более, что с 1934 г. в нем вновь были воссозданы гуманитарные направления подготовки специалистов. С осени 1937 г. Л. В. Шашков перешел на работу в БГУ и все годы, отпущенные ему судьбой, оставался органичной частью его коллектива. Сначала Лука Васильевич работал исполняющим обязанности доцента, затем доцентом кафедры педагогики. Читал лекции на многих факультетах, но более всего студентам-историкам. Так, в мае

1938 г. декан истфака А. П. Пьянков дал такую характеристику преподавателю, который не входил в штат факультета: «Ведет самостоятельный курс теоретической педагогики», «в процессе чтения курса педагогики никаких извращений и ошибок политического порядка не было». На самом деле Л. В. Шашкову повезло избежать «извращений» и тем самым репрессий, не считая лишь факта исключения из ВКП(б) в кампании 1935 г. по проверке партийных документов (впоследствии был восстановлен). А, например, один из его соавторов по публикациям начала 1930-х гг. Ю. С. Дардак, профессор и заместитель директора НИИ коммунистического воспитания, был расстрелян как «агент польской разведки».

Именно в БГУ Л. В. Шашкову удалось завершить кандидатскую диссертацию и благодаря поддержке ректората выйти на ее защиту в Московском государственном пединституте. Поддержка выражалась в предоставлении нескольких командировок в столицу для консультаций с тамошними специалистами по весьма простой в названии, но сложной и «вечной» по существу теме – «Школа и семья» (ее рукопись в 12 печатных листов сегодня можно найти в московских архивах). Ректор П. П. Савицкий подписал не один пакет документов, которые требовались в сопровождении трех экземпляров диссертации в Совет МГПИ. Безусловно, на благожелательность отзыва о научной состоятельности соискателя из Минска, который дал московский профессор С. М. Ривес, повлияло то, что Соломон Маркович в годы студенчества Л. В. Шашкова в качестве ассистента, а затем доцента читал курсы по педагогике в БГУ. И мог помнить активного студента педфака. Тем не менее ректор и ученый секретарь Совета БГУ сочли необходимым «просить ознакомиться с диссертацией тов. Шашкова и дать заключение». Защита состоялась 15 февраля 1940 г. Степень кандидата педаго-

гических наук члены Совета присудили единогласно. В скором времени Лука Васильевич подготовил и отвез в Высшую аттестационную комиссию необходимые документы на утверждение его в ученом звании доцента «по кафедре педагогики». Для этого следовало получить решение ученого совета БГУ, который 29 мая 1940 г. единогласно высказался «за». К слову, голосовали маститые университетские ученые во главе с ректором, но даже «не кандидатом наук» П. П. Савицкий: биологи Тихон Годнев и Маркел Макушок, химики Фома Осипенко и Михаил Павлюченко, историк Лев Шнейерсон и др. В итоге 23 июня 1940 г. ВАК при Комитете по делам высшей школы в Москве утвердил Л. В. Шашкова в ученом звании доцента по специальности «педагогика».

Как отмечалось, до начала Великой Отечественной войны Лука Васильевич преподавал в университете на разных его факультетах курс педагогики. Ему удалось эвакуироваться из пылающего Минска, а уже с сентября 1941 г. в качестве доцента учительского института в далеком г. Семенове Горьковской (ныне Нижегородской) области продолжить свою педагогическую деятельность. Почти 10-тысячный русский город издавна славился художественными промыслами (здесь массово изготавливались деревянные ложки, расписные матрешки и другие игрушки). В связи с ликвидацией института пришлось учительствовать в средних школах города, затем в школе на ст. Ветлужская Горьковской железной дороги, что находилась от Семенова примерно в 60 км, а от Горького – в 130 км.

В марте 1942 г. почти сорокапятилетнего учителя призвали в Красную армию в качестве «военнослужащего без звания». Тем не менее рядовой Шашков был направлен на курсы подготовки и переподготовки политсостава в качестве преподавателя социально-экономических дисциплин. Служба проходила в тыловых частях – сначала в г. Муроме

Горьковской области, затем в Москве. Здесь Лука Васильевич и был демобилизован по состоянию здоровья в марте 1944 г. Его знания востребовал родной БГУ, почти год как возобновивший свою деятельность на подмосковной ст. Сходня. Итогом красноармейской биографии педагога стала медаль «За победу над Германией» (1945).

Напряжение на «фронте» мирного труда, по сравнению со всеми предыдущими годами педагогической деятельности, для Л. В. Шашкова вдруг возросло многократно сразу по прибытии на ст. Сходня, где он 4 марта 1944 г. был назначен заведующим общеуниверситетской кафедрой педагогики и психологии (в феврале 1946 г. последует официальный приказ Высшего комитета по делам высшей школы при СНК СССР). Руководить этим важным учебно-научным подразделением Л. В. Шашков будет более 17 лет. Уже через пару недель, 20 марта 1944 г., Лука Васильевич ректором БГУ П. П. Савицким был назначен деканом исторического факультета. Полученный в далеком уже 1926 г. универсальный диплом гуманитария дал основание ректору

доверить признанному ученому-педагогу руководство важным во всех отношениях факультетом. И декан оправдал доверие сполна. Сначала был в силу возможного отлажен учебный процесс в экстремальных условиях дачного станционного поселка, но главное – в условиях крайнего напряжения на фронте и в тылу. Потом Луке Васильевичу пришлось заниматься организацией переезда факультета и всего университета в Минск, когда опять же надо было найти приемлемые условия для учебы в разоренной фашистами столице, для налаживания труда и быта преподавателей. На истфаке он проработал до октября 1947 г., приказом от 7 октября Министерства высшего образования СССР был утвержден деканом филологического факультета БГУ.

В послевоенные годы восстановления республики от чудовищных разрушений, от которых пострадал и БГУ, Л. В. Шашков стал заметной фигурой в университетском коллективе. Будучи достаточно зрелым и всю свою творческую жизнь исповедуя только одно направление научных и преподавательских интересов – педагогику во всех ее возможных составных частях, Лука Васильевич посчитал необходимым сконцентрировать свои планы на науке, на подготовке докторской диссертации. Обязанности сначала декана одного сложного факультета, потом другого, также специфичного и важного в системе университетских координат и запросов общества и государства, не способствовали реализации себя в науке. Поэтому декан филфака Шашков нашел возможность 28 августа 1951 г. просить ректора БГУ освободить его от должности и сосредоточиться на руководстве кафедрой. Как аргумент в пользу «избавления» его от деканства в заявлении звучало, что он не является специалистом в области истории и филологии. На клочке бумаги он написал заявление на имя ректора В. А. Томашевича: «Почти

Кафедра педагогики БГУ. Слева направо: доцент З. М. Ханутин, заведующий кафедрой доцент Л. В. Шашков, доцент Е. П. Ересь, доцент М. В. Жиркевич. 1946 г.

8 лет работаю деканом, не являясь специалистом в области истории и филологии. Все это, в какой-то мере, мешало мне работать по специальности. Прошу все это учесть и с 1-го сентября с/г освободить меня от исполнения обязанностей декана филфака БГУ». И поставил подпись как доцент, но не декан. Приказ, после некоторых раздумий, ректор подписал 9 октября с простым аргументом – «учесть просьбу». И это при том, что как декан филфака Лука Васильевич в характеристиках назван «чутким и внимательным руководителем», сочетающим эти качества с требовательностью к членам коллектива, обеспечивая «количественное и качественное выполнение учебного плана...», «проведение политико-воспитательных мероприятий среди студентов и преподавателей».

Так получилось, что этот поворот в судьбе педагога пришелся на юбилейный год в истории университета – в октябре республика отмечала его 30-летие. Возможно, Лука Васильевич специально подобрал такого рода момент, чтобы быть правильно понятым руководством, найти у ректора сочувствие его планам как ученого. Оценку труда на посту декана за предшествующие годы отразила Почетная грамота Верховного Совета БССР, врученная во время праздничных мероприятий. Нельзя не отметить, что несколько ранее по случаю 30-летия БССР он был награжден медалью «За трудовую доблесть».

В 1953 г. последовала высокая правительственная награда – орден «Знак Почета». Через три года, во время торжеств в связи с 35-летием БГУ, Л. В. Шашков, уже как «просто» заведующий кафедрой, был удостоен Благодарности и Грамоты ректора – К. И. Лукашева. Потом, в ноябре 1957 г., благодарность и Грамоту БГУ Луке Васильевичу вручил новый ректор – А. Н. Севченко. В 1967 г. в связи с 70-летием со дня рождения и 35-летием научно-исследовательской работы

Кафедра педагогики БГУ. 1946 г.

доцент Л. В. Шашков удостоился почетных грамот Министерства высшего и среднего специального образования БССР и БГУ и благодарностей министра и ректора, хотя ректорат университета настойчиво ходатайствовал перед высокими инстанциями о представлении доцента Шашкова к более высокой правительственной награде. Все награды дорогого стоили: свидетельствовали о том, что Лука Васильевич ни на одном этапе своей деятельности в университете не снижал активности, достойно исполнял обязанности декана, заведующего кафедрой, преподавателя, работал как ученый и как востребованный в студенческих аудиториях доцент. Преподавание разных курсов он не прекращал, даже будучи деканом и одного, и другого факультетов. Так, в одной из многочисленных официальных характеристик, которые тогда и теперь сопровождают работу преподавателей, был высоко оценен учебный курс Луки Васильевича по теории педагогики: «...отражает практику работы школы», имеет высокий идейно-теоретический уровень и т. д. Кроме того, он постоянно выступал с публичными лекциями в учительских коллективах, перед родителями и учащимися минских школ. В характеристике (1955) за подписью

Практические занятия по психологии. 1951 г.

ректора К. И. Лукашева и секретаря парткома И. Н. Луцицкого кратко, но значимо было отмечено, что заведующий кафедрой педагогики и психологии «вполне справляется с обязанностями». Характеристика же 1956 г., которую подписали тот же ректор и новый секретарь парткома В. И. Старовойтов, другими словами, но столь же высоко оценивала деятельность Л. В. Шашкова уже как заведующего кафедрой педагогики, психологии и логики и доцента с 37-летним стажем преподавания. И в дальнейшем все характеристики, которые писались не формально, были пронизаны только позитивными оценками. Среди них констатация «хорошего авторитета у студентов и научных сотрудников» университета, пожалуй, наиболее своеобразно, но емко отразила органичную принадлежность Л. В. Шашкова к корпорации БГУ, его значимость как руководителя, педагога и ученого.

Нельзя обойти вниманием факт некой цельности натуры и характера Луки Васильевича. Он был органичен в системе тех общественных координат, не имел негативов в своей биографии, что так выискивались в 1930 – начале 1950-х гг. у неординарных личностей, сколь-нибудь

выделившихся из общей массы советских людей. В партию вступил еще в 1929 г. и всегда был активным во всех проявлениях партийной и общественной работы. Так, в разные годы Л. В. Шашков входил в состав парткома и ученого совета БГУ, был ученым секретарем ученого совета гуманитарных факультетов, членом бюро секции педагогики научно-технического совета Министерства высшего и среднего специального образования БССР, являлся членом группы народного контроля университета и общества по распространению политических и научных знаний, вел работу по повышению квалификации учителей республики, как внештатный пропагандист Минского обкома КПБ выступал с лекциями по педагогическим знаниям среди населения. В республиканских газетах помещали его статьи по различным проблемам педагогики.

Важнейшей частью своей миссии как преподавателя университета Л. В. Шашков считал постоянное повышение квалификации, что в обязательном порядке должно подкрепляться исследовательской работой. Поэтому он и пренебрег административной карьерой, определил для себя необходимость работы над докторской диссертацией. Тем самым пытался наверстать упущенное, публиковать статьи, которых в условиях довоенных и послевоенных лет в «послужном списке» было явно недостаточно для поддержания имиджа университетского ученого. Лука Васильевич упорно трудился над монографией, в которой изложил главные факты, свои научные обобщения в контексте темы докторской диссертации. Монография «Основы успешного обучения учащихся в советской школе» объемом в 12 печатных листов была напечатана в издательстве БГУ в 1959 г. К этому времени в списке опубликованных научных работ доцента и заведующего кафедрой насчитывалось 17 наименований.

Значимость научной деятельности университетского педагога заключалась

не в количественных показателях, а в том, что он всегда стремился заниматься наиболее актуальной тематикой, важной для системы школьного образования. Работал «на злобу» проблем 1920–30-х гг., потом переключился на исследование вопросов, которые волновали советскую школу в послевоенный период. Сегодня в трех фундаментальных библиотеках Республики Беларусь (БГУ, Национальной и НАН Беларуси) можно ознакомиться с опубликованными в 1920–60-е гг. работами Луки Васильевича.

Уже в 1929 г. в духе активизации борьбы с церковью Л. В. Шашков в соавторстве с Иваном Карловичем Самковичем, Владимиром Васильевичем Пигулевским (первый был известным филологом и автором многих учебных пособий для школ, второй – общественно-политическим деятелем, писателем и заведующим Белорусским отделом при Министерстве просвещения Латвии) и другими своими старшими коллегами по Наркомпросу БССР в «Белгосиздательстве» опубликовал многостраничную методичку для учителей – «Антырэлігійнае выхаванне ў школе: з практыкі Мінскага цэнтра даследавання школы: Для 2-га канцэнтра школ-сямігодка». Одновременно вышла брошюра «Общественно-полезная работа школы». Через два года совместно с известным в Беларуси организатором еврейского школьного обучения, научным сотрудником НИИ коммунистического воспитания Юдедем Самуиловичем Дардаком написал и издал книгу «Працоўны пакой: як пабудаваць працоўны пакой і як арганізаваць працу ў ім». И в этом же 1931 г. уже вместе с А. Яворским издал учебник для пятого года обучения в системе «ФЗС, КС и ШКМ» (это аббревиатуры названий форм советских трудовых политехнических школ, действовавших в СССР до 1934 г. – фабрично-заводские семилетки, школы колхозной молодежи и др.) под скромным названием, но в весьма объемном

формате (209 страниц текста) – «Рабочая книга па грамадазнаўству». В педагогических журналах за 1931–1933 г. были опубликованы три статьи аспиранта НИИ коммунистического воспитания (например, одна из них называлась «Какой есть и каким должен быть урок»). Апогей его научных усилий в области педагогики пришелся на послевоенное время. Состоявшийся ученый, кандидат педагогических наук Лука Васильевич Шашков, разрабатывая проблематику докторской диссертации, сконцентрировал внимание на чуть ли не главном вопросе в системе школьного образования – каким образом добиться максимальной эффективности обучения детей? И рассматривал все составные части этого многогранного процесса, в котором должны сыграть свою роль и родители, и сама школа, и общество, и, конечно же, заинтересованность в учебе самих учеников. В характеристике от июня 1945 г. указывалось, что в послужном списке ученого имеются статьи «Содержание и методы работы классного руководителя» и «Критика мелкобуржуазных теорий свободного воспитания». Итогом исследований по теме диссертации стали две небольшие работы – «Что нужно делать родителям для успешной учебы детей» (1952) и «Індывідуальны падыход да вучняў як сродак павышэння іх паспяховасці» (1955). В эти годы в республиканских газетах «Настаўніцкая праўда», «Звязда», «Мінская праўда» и в журнале «Савецкая школа» были опубликованы статьи методического характера, но с конкретными практическими рекомендациями для учителей республики (например, «Як дапамагаць дзецям добра вучыцца» в «Мінскай праўдзе» за 1957 г.). Одновременно педагог обращался и к проблемам высшей школы, участвуя в конференциях. Так, во II методической конференции БГУ, прошедшей в 1956 г., он сделал доклад об особенностях политико-воспитательной работы в вузах. А в 1959 г. Лука Васи-

Л. В. Шашков и академик В. Н. Перцев
на защите диссертации аспирантом
Солнцевым. 1954 г.

льевич опубликовал названную выше монографию в 173 страницы – «Основы успешного обучения учащихся в советской школе». Безусловно, по своему замыслу, названию и концептуальным парадигмам содержание данной монографии могло бы стать предметом отдельного рассмотрения. Но оставим это для специалистов. А вот участие Луки Васильевича в написании первой системной книги по истории альма-матер, которая ждала своего рождения целых 40 лет, следует признать очевидной его заслугой. Правда, Л. В. Шашков в этой коллективной работе (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ул. І. Леніна. Мінск, 1962) не выступил автором отдельного очерка о кафедре педагогики и психологии. Почему-то редколлегия сочла возможным не представить среди прочих «общественных кафедр» его кафедру, несмотря на очевидно плодотворные многолетние традиции разработки методик преподавания в БГУ как естественно-научных, так и гуманитарных дисциплин. Можно предположить, что Лука Васильевич участвовал в написании очерков о филологическом и историческом факультетах. Но вот его образ книга зафиксировала под

1961 г. на коллективной фотографии среди 39 членов ученого совета БГУ. Пробел в университетской истории в части рассказа о развитии в БГУ педагогической науки, а также психологии был ликвидирован в новом, существенно измененном в текстовом и смысловом плане издании, приуроченном к 50-летию юбилею университета, – «Белорусский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет имени В. И. Ленина» (его редактор-составитель – доцент исторического факультета А. И. Кожушков).

Конечно, очерк «Педагогика и психология» писал не Лука Васильевич, умерший в 1968 г. Его в должности заведующего одноименной кафедрой еще в 1963 г. сменил С. А. Умрейко, ученый с огромным багажом и научных знаний, и административного опыта. Луке Васильевичу и его коллегам и уделено основное внимание: представлены научные направления, педагогическая и общественная деятельность. Однако роль Л. В. Шашкова в становлении кафедры в послевоенные годы подчеркнута особо. Назван почти десяток крупных научных проблем, которые успешно разрабатывались сотрудниками кафедры педагогики и психологии под руководством Луки Васильевича, в том числе и лично его научные интересы. Так, в заслугу ученого указана его книга «Індывідуальны падыход да вучняў як сродак павышэння іх паспяховасці» (1955) и статья, написанная накануне 100-летия со дня рождения Ленина, – «Ленин об учителе», которая и завершала творческий путь университетского педагога. Но вот монография 1959 г. почему-то не названа.

В последующие годы количество публикаций не расло. Лука Васильевич все силы сосредоточил на написании диссертации, тема которой не раз корректировалась. Так, в приказе МВО СССР, а затем БГУ от марта 1955 г. в связи с представлением Л. В. Шашкову творческого трехмесячного отпуска для завершения

написания диссертации ее тема звучала достаточно расплывчато: «Педагогические основы повышения качества знаний учащихся, предупреждения и преодоления их неуспеваемости». Вот только Лука Васильевич почему-то отказался воспользоваться таким отпуском, что повлекло бюрократический церемониал подготовки приказов по отмене предыдущих приказов. Соискатель заверил ректора К. И. Лукашева, что завершит свою работу к концу года. На самом деле в том же 1955 г. текст диссертации обсуждали коллеги кафедры педагогики МГУ им. М. В. Ломоносова и дали «положительные оценки». Однако, как можно предположить, имелись и серьезные замечания – в последующие годы название диссертации в измененном виде стало звучно монографии от 1959 г.

И только к середине 1960-х гг. тема была представлена в совет по защите под многозначным названием – «Дидактические основы обучения». В конце 1966 г. диссертация была подготовлена к защите. Среди нового пакета документов соискатель приложил очередную свою характеристику за подписью ректора А. Н. Севченко, секретаря парткома БГУ Т. Е. Дударевой и председателя месткома Роговского. В ней в который раз была обозначена значимость работы Л. В. Шашкова для университетского общества, высокие научные и педагогические кондиции ее автора, активность в общественно-политической сфере.

На момент представления диссертации к защите Лука Васильевич уже три года как не являлся заведующим кафедрой. Для администрирования даже на «низовом» университетском уровне далеко после 60 лет уже не хватало

энергетики, стремления к нахождению новых путей и форм работы кафедрального коллектива. Правда, когда в июне 1963 г. на заседании кафедры педагогики и психологии коллеги единогласно переизбрали Л. В. Шашкова для продолжения работы уже в качестве доцента, ректор А. Н. Севченко попытался испросить у министра ВСС и ПО БССР М. В. Дорошевича «в виде исключения» переизбрать Луку Васильевича заведующим кафедрой на второй срок. Сложно разобратись в хитросплетениях норм и правил тех лет. Возможно, отсчет сроков руководства кафедрой возникал в связи с ее постоянными переименованиями за 1950–60-е гг. Она в послевоенных документах называлась чаще всего «педагогики и психологии», но вдруг возникали иные названия: добавлялась «логика» или изымалась «психология», оставляя одну «педагогику».

Однако с октября 1963 г. решением ученого совета БГУ Л. В. Шашков стал работать доцентом на «своей» кафедре, которой он отдал столь много творческих и физических сил. И с еще большим рвением и желанием решил наконец-то поставить точку в осмыслении научной проблематики, которой занимался десятилетиями. Высшую степень готовности диссертации к защите подчеркивал факт ее нахождения на рассмотрении на кафедре педагогики Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена.

Вот только судьба распорядилась иначе. Планы творческие и все иные были нарушены смертью, наступившей 17 июня 1968 г. Похоронен Лука Васильевич Шашков на Восточном кладбище Минска.

Олег Антонович Яновский

**ТАЛАНТЫ, ТВОРИВШИЕ НА РУБЕЖЕ
ДВУХ ЭПОХ В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ**

**Организатор и многолетний
руководитель факультета
журналистики БГУ**

**Доктор исторических наук,
профессор, один из авторов
первого в Беларуси учебника
по истории журналистики**

Григорий Васильевич БУЛАЦКИЙ

05.05.1921 – 08.02.1999

Григорий Васильевич Булацкий воплощал в себе лучшие профессиональные и личностные качества ученого, был организатором и много лет деканом факультета журналистики. Он состоялся как незаурядный исследователь в области истории журналистики и белорусской публицистики, как многогранный педагог и автор первого в СССР учебника по истории журналистики в Беларуси. Благодаря его таланту организатора в республике не только плодотворно работал и продолжает действовать единственный и сегодня факультет журналистики, но и создавалась целая система в сфере журналистики.

Г. В. Булацкий – воспитанник БГУ и активный продолжатель его традиций. Судьба профессора неразрывна с историей университета. Военные страницы его биографии уникальны примерами героизма и стойкости, патриотизма и самопожертвования. Военные испытания закалили характер Григория Васильевича, а работа в журналистике, на острие идеологических парадигм, социальной проблематики, информационных потоков, позволила в полной мере реализовать себя.

Григорий Булацкий – созидатель. Он сумел объединить, вдохновить, профессионально поддержать многих талантливых людей. Воспитанники его главного детища – факультета журналистики – создают современное информационное пространство, формируют облик Беларуси в мире.

Григорий Васильевич Булацкий родился в д. Мочулки Бобруйского уезда в семье Василия Андреевича и Дарьи Кузьминичны – коренных жителей этой деревни. С раннего детства родители стремились привить детям трудолюбие. Вместе со старшими сестрами и братьями с детских лет Гриша работал в поле. Мальчик отличался самостоятельностью мышления, сам решил научиться играть на скрипке и научился, вот только на гармошке! Дело в том, что скрипку сложно было сыскать, а гармошка была в доме. С не меньшим упорством и интересом мальчик относился к учебе.

Своей школы в Мочулках не было. В начальную школу Гриша ходил за два километра в соседнюю деревню Петровичи. А когда настало время отправиться в среднюю, то мальчику пришлось ежедневно преодолевать уже десять километров – в Горбачевичи. Для пытливого ума подростка школьных предметов было недостаточно. Он состоял в литературном кружке, где познакомился с творчеством своего земляка Платона Головача. Благодаря этому сельский паренек осознал, что выходец из глубинки может стать частью огромного мира, решил на собственную «пробу пера». Первые и наиболее удачные его литературные эксперименты были опубликованы в бобруйской газете «Камуніст».

Григорий мечтал стать учителем истории. Окончив в 1939 г. среднюю школу, он как отличник без труда поступил на исторический факультет Белорусского государственного университета. Но учиться не довелось. Парня призвали в армию и определили в Мелитопольское летное училище. Закончив училище в воинском звании сержанта, в 1942 г. Григорий Булацкий был направлен в 1-ю эскадрилью 251-го авиационного полка тяжелой бомбардировочной авиации, которой командовал капитан Климов. Его включили штурманом в экипаж в составе лейтенанта Василия Ульянова и старшего техника Алексея Петрова.

«Экипаж дружных» (так его называли товарищи) отправили на Дальний Восток – укреплять восточные рубежи от возможного вторжения японцев. Фронтом там и не пахло. А молодые ребята рвались в бой. Григорий предложил товарищам неординарный план: купить самолет на собственные средства. Он был уверен, что в этом случае в отправке на фронт им не откажут. Друзья не только отдали все свои сбережения, но и распродали личные вещи. Григорию пришлось расстаться даже с любимым баяном. С помощью сослуживцев «экипаж дружных» собрал немислимую по тем временам сумму в 150 тыс. руб. и написал об этом рапорт Верховному главнокомандующему. Вскоре был получен ответ: «Благодарю за заботу о воздушных силах Красной Армии. Ваше желание будет исполнено. И. Сталин». Экипаж действительно получил самолет «Бостон А-20 G» за № 321609.

В составе 452-го бомбардировочного авиаполка, который являлся частью 218-й авиадивизии 5-й воздушной армии II Украинского фронта, «экипаж дружных» совершил более 80 боевых вылетов, освобождая Украину, Венгрию, Чехословакию, Австрию, Румынию. 8 декабря 1944 г., выполняя важное задание, самолет попал под зенитный огонь врага. Произошло это на территории Венгрии, когда вражеские позиции на железнодорожной станции Эстергом бомбил советский авиаполк. Командир экипажа Ульянов сумел вывести машину из-под шквального огня противника на одном моторе, но дотянул лишь до нейтральной полосы. Летчиков чуть не взяли в плен немцы: группа советских пехотинцев сумела отбить экипаж у противника. Штурман Булацкий получил тяжелое ранение – травму позвоночника. Почти девять месяцев Григорий Васильевич восстанавливался, но на всю жизнь остался инвалидом. Его признали негодным к летной службе. Но он не смирился с диагнозом, ежедневно тренировался и, как легендарный Маресьев,

вернулся к летной службе. Последний вылет экипаж сделал 13 мая 1945 г. За личное мужество и героизм Г. В. Булацкий был награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени, медалями, в том числе «За освобождение Будапешта» и «За освобождение Бухареста».

После окончания Великой Отечественной войны Г. В. Булацкого не взяли в гражданскую авиацию – врачи категорически запретили ему летать. Тогда комиссованный летчик решил продолжить учебу. Но на истфаке БГУ, где он по-прежнему хотел учиться, все места оказались заняты. Зато на отделении журналистики при филологическом факультете был недобор. В октябре 1946 г. фронтовик стал студентом филологического факультета БГУ. Важную роль в этом сыграло то обстоятельство, что во время учебы в старших классах средней школы Григорий печатался в бобруйской районной газете.

Учеба в университете для Григория Васильевича – фронтовика и орденоносца – дополнялась активной общественной работой: 25 апреля 1947 г. его, первокурсника, избрали председателем профкома БГУ. В те годы фронтовиков на студенческих скамьях было много, но немногие удостоивались подобного доверия коллектива. Кандидат филологических наук, студентка филфака сложных послевоенных лет Нина Александровна Сницерева вспоминала: «Особенно возрос авторитет Булацкого после того, как он возглавил профком университета. Как председателю, ему приходилось решать самые разные вопросы, от правильного рассмотрения которых в послевоенное время, по сути, зависела судьба студентов. Это и выделение талонов на обед, и вселение в общежитие, да и многое другое, что было жизненно важным. Григорий Васильевич, когда к нему обращались за помощью, всегда подходил к этому очень внимательно, обстоятель-

но изучал, кто нуждается в поддержке в первую очередь. Не было случая, чтобы остались без внимания и поддержки те, для кого профком оставался едва ли не последней надеждой».

Путь Г. В. Булацкого в науку начался в 1951 г., когда на защите дипломной работы он получил «отлично», заявил о себе как о вдумчивом исследователе, способном мыслить самостоятельно и неординарно. Отличные результаты учебы решили вопрос с распределением: выпускника университета оставили в Минске – 16 сентября 1951 г. он был

Отличники учебы, студентки 2-го курса факультета журналистики БГУ
А. Красноперко, Л. Берензон,
Н. Кедалова, Н. Сницерева

Комсомольско-профсоюзный актив факультета журналистики БГУ. 1946 г.

утвержден в должности ответственного секретаря многотиражной газеты БГУ «За сталінскія кадры». Так значилось в трудовой книжке. Но в действительности номера газеты выходили за официальной подписью – «Редактор Г. Булацкий». Григорий Васильевич редактировал газету до декабря 1952 г. За такой короткий срок было сложно достигнуть сколь-нибудь новых качественных характеристик в сложившихся формах выпуска официального ведомственного издания. Руководители периодических изданий тех лет были лишены самостоятельности, выполняли партийные директивы и указания. И все же Г. В. Булацкий сумел оживить университетскую газету, сделать так, чтобы она всесторонне отражала жизнь ведущего высшего учебного заведения Беларуси. Появились материалы, объединенные рубрикой «Из истории нашего университета». Из номера в номер в них рассказывалось о непростом пути, пройденном БГУ. Интересной стала подборка многотиражки «Их воспитал университет» о самых успешных выпускниках учебного заведения. Газета стала более привлекательной для читателей и благодаря тому, что в ней начали чаще публиковать литературные произведения,

нередко и фельетоны. Ранее в университетской прессе этот жанр отсутствовал.

Остановиться в профессиональном росте Григорий Васильевич не мог. Уже 14 декабря 1952 г. он поступил в аспирантуру, которую окончил досрочно, успешно защитив кандидатскую диссертацию. А в сентябре 1954 г. впервые вошел в студенческую аудиторию в качестве старшего преподавателя кафедры теории и практики советской печати отделения журналистики филологического факультета. Вот как о нем вспоминал знаменитый белорусский поэт, в 1950-е гг. студент филологического факультета Геннадий Буравкин: «Молодой преподаватель филфака Григорий Булацкий имел за спиной суровый опыт Великой Отечественной войны, горькую школу ранений и утрат, совсем непростую дорогу в науку. Для нас, “птенцов” той священной войны (а именно такими были все мои однокурсники), это было очень важно, ибо своим детским опытом мы, если не знали, то догадывались, что довелось пережить и увидеть таким вот рассудительным нашим старшим товарищам. А когда мы еще прочитали в студенческой многотиражке, что Григорий Васильевич вместе со своими друзьями В. Л. Ульяновым и А. М. Петровым отдал в свое время все свои сбережения на постройку боевого самолета и потом воевал на нем, то к нашему искреннему уважению присоединилось восхищение. Популярное тогда слово “герой” получило для нас еще одно конкретное человеческое воплощение».

За короткое время преподавательской работы Г. В. Булацкий смог зарекомендовать себя: не только на высоком профессиональном уровне читал лекции, проводил семинарские занятия, но и принимал активное участие в общественной жизни, выступал в периодической печати со статьями и рецензиями. 9 марта 1955 г. он был назначен заместителем декана филологического факультета, 2 ноября 1960 г. его избрали освобожденным секретарем

Обсуждение студенческого литературного альманаха. 1951 г.

парткома БГУ. Для того времени это была очень почетная и ответственная должность.

Главной профессиональной мечтой Григория Васильевича было создание в БГУ самостоятельного факультета журналистики. И для этого имелись все основания. В 1943 г., когда университет возобновил работу на ст. Сходня под Москвой, в нем был факультет журналистики, который по возвращении БГУ из эвакуации преобразовали в отделение филфака. Вместе с тем роль журналистики в жизни общества возрастала: появлялись новые средства массовой информации, выросла роль радиовещания, начало развиваться телевидение. Редакционные коллективы нуждались в профессиональных кадрах. Мечта Г. В. Булацкого еще больше окрепла, когда в 1964 г. он был избран деканом филологического факультета и заведующим кафедрой журналистики. Филфак в то время состоял из трех отделений: белорусского языка и литературы, русского языка и литературы, журналистики.

Однако инициативу ректор университета – известный физик, академик, специалист в области спектроскопии, люминисценции и квантовой электроники А. Н. Севченко – не поддержал. Сказал, как отрезал: «Зачем журфак? Любой физик может статью написать... Так что достаточно отделения». Легко ли было декану выступить против мнения ректора! К тому же в то время Григорий Васильевич получил заманчивое предложение возглавить Институт искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР, что открывало перед ним новые творческие и карьерные перспективы, и даже мог рассчитывать в дальнейшем получить звание академика. Но он продолжил бороться за журфак. Ему удалось отстоять свою точку зрения в кабинетах Министерства высшего и среднего специального образования БССР.

Григорий Васильевич стал первым деканом факультета журналистики БГУ

и занимал эту должность с 1967 по 1981 г. В его жизни начался новый яркий и плодотворный период, он в полной мере реализовал незаурядные организаторские и деловые качества. Он приложил много усилий, чтобы факультет стал полноценным самостоятельным учебно-научным подразделением. В короткий срок факультет удалось превратить в настоящую «кузницу кадров» для редакций газет и журналов, радио и телевидения, информационных агентств и издательств республики. Сложно перечислить все те учреждения и организации, куда направлялись на работу выпускники БГУ. На факультете были созданы четыре кафедры: истории журналистики, теории и практики печати, теории и практики радиовещания и телевидения, стилистики и литературного редактирования.

Факультет поддерживал тесные связи с коллегами из других университетов СССР. Участие в научно-практических конференциях, преподавательские стажировки, дружеские контакты были направлены на совершенствование учебного и научного процессов. Активизировалась научная деятельность преподавателей факультета, и примером для них был декан. В 1971 г. Григорий Васильевич защитил докторскую диссертацию на тему, которая была абсолютно востребована в системе советских реалий и его профессиональной сферы, – «В. И. Ленин и ленинская школа публицистики». В 1972 г. ему было присвоено ученое звание профессора. Г. В. Булацкий – автор около 200 научных работ, в том числе более 20 монографий, учебников, учебно-методических пособий. Под его руководством защищено более 40 кандидатских и при его участии – 3 докторские диссертации. В своих научных работах исследовал историю белорусской журналистики, публицистическую деятельность белорусских писателей, рабкоровское движение в Беларуси.

Первым, на кого Григорий Васильевич обратил внимание исследователя, стал видный партийный и советский деятель П. Н. Лепешинский. Немалую роль сыграл тот факт, что Пантелеймон Николаевич являлся земляком-белорусом – родился в д. Студенец Климовичского уезда Могилевской губернии. Член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», агент газеты «Искра», член организационного комитета по созыву II съезда РСДРП, в 1903 г. примкнул к большевикам. В 1907–1909 гг. П. Н. Лепешинский преподавал в Оршанском реальном училище, в 1918–1919 гг. был членом коллегии Наркомпроса, заведующим отделом реформы школы. Пантелеймон Николаевич стал одним из инициаторов разработки и автором «Положения о единой трудовой школе РСФСР» и «Основных принципов единой трудовой школы РСФСР» (1918). Под его руководством были созданы первые советские учебные планы и программы. Он отстаивал политехнический принцип обучения, соединения умственного и физического труда на основе активного участия детей в общественной жизни, включения их в рабочие процессы на производстве. Свои идеи Пантелеймон Николаевич пытался реализовать в Первой советской опытно-показательной школе-коммуне, основанной им (1918) в д. Литвиновичи Рогачевского уезда, где сам провел детство. В 1919 г. школа переехала в Москву, на ее базе была создана Московская опытно-показательная школа-коммуна. Многие идеи П. Н. Лепешинского были в дальнейшем использованы А. С. Макаренко.

Работа над книгой «Ленинской гвардии солдат» показала Г. В. Булацкому, насколько слабо разработана история журналистики. П. Н. Лепешинский в 1920–30-е гг. редактировал труды политической элиты, тем не менее широкой аудитории о его деятельности было известно мало. Не вызывало сомнений, что исследования необходимо продол-

жить. В результате кропотливой работы в архивах и библиотеках была написана книга «Первые рабселькоры Белоруссии», в которой исследовалась история рабселькоровского движения. Глава «Они были первыми» – рассказ о тех, кто в послереволюционные годы стал активным рабселькором. Большое внимание в главе уделено яркой личности Федора Ракушева. Глубоко проанализирована публицистика Павлюка Труса (кстати, студента БГУ). Начинал свою деятельность известный поэт с активного сотрудничества с газетами. Его первые работы были опубликованы в стенной газете педтехникума «Чырвоны прамень». Создали эту газету П. Трус, П. Глебка, М. Лужанин. В 1924 г. поэт печатался практически во всех периодических изданиях Минска. В книге Г. В. Булацкого рассмотрены публикации молодого белорусского поэта в 1920-е гг. Проанализирован в названном издании и публицистический опыт Веры Хоружей, которая в 1922–1923 гг. активно публиковалась в старейшей молодежной газете Беларуси «Чырвоная змена». По мнению автора, ее статьи написаны ярко, хорошим белорусским языком, в них чувствовалась твердая рука опытного публициста.

Следующая книга Г. В. Булацкого «К. С. Еремеев – революционер, публицист» в хронологической последовательности раскрывала биографию уроженца Минска, известного революционера. Автор показал мастерство Еремеева-публициста и Еремеева-писателя. Значимым по результатам научных исследований для Григория Васильевича стал 1973 год, когда в новой серии «Белорусские публицисты» вышли сразу три его книги. В них автор предстал серьезным исследователем – ученым-историком.

Затем в соавторстве с И. И. Саченко была подготовлена работа «Кузьма Чорны – публицист». В 1980 г. ее продолжением стала книга соавтора «Война и публицистика», изданная под редакци-

ей Г. В. Булацкого. В союзе с кандидатом исторических наук, членом Союза писателей Э. А. Корниловичем вышла книга «Платон Головач – публицист», в которой были использованы наработки «Первых рабселькоровцев Белоруссии». Вместе с С. В. Таланиной Григорий Васильевич подготовил работу «Вера Хоружая – революционер, публицист». Геннадий Буравкин так высказался о деятельности Г. В. Булацкого в то время: «Складывалась своеобразная “школа Булацкого”, которая дала дорогу в жизнь многим интересным исследователям. Я с удовольствием отмечал, что пишется история нашей национальной журналистики».

Собранный Г. В. Булацким богатый фактический материал, статьи, подготовленные его учениками, требовали обобщения. Исследовательскую работу необходимо было довести до логического завершения. В Беларуси не хватало учебников для тех, кто осваивал азы журналистского мастерства. Григорий Васильевич прекрасно понимал, что такие учебники нужно готовить самим. Те учебники, которые поступали на факультет журналистики из Москвы, обобщали пути развития журналистики на территории России. В них освещалось зарождение и становление печати в таких городах, как Петербург, Москва, других крупных промышленных центрах, но местный белорусский материал практически не попадал в поле зрения авторов. Разговор велся о столичных изданиях, как будто в союзных республиках не выходили газеты, не издавались журналы, не работали знающие свое дело высококвалифицированные кадры. Вопросы, касающиеся истории национальной журналистики, затрагивались фрагментарно.

Под руководством Г. В. Булацкого исследовательский коллектив в составе И. И. Саченко, С. В. Говина в 1979 г. создал первый в стране учебник «История белорусской журналистики». Он стал единственным учебником в Советском

Союзе, удостоенным премии Союза журналистов СССР. Выходу учебного пособия предшествовало издание «Хрестоматии по истории белорусской журналистики», составленной Г. В. Булацким и И. И. Саченко в 1974 г. Обе книги и сегодня не утратили своего значения. Это труды, в которых обобщен огромный фактический материал, объективно и всеобъемлюще раскрыта история белорусской журналистики с конца XIX до 70-х гг. XX в.

В годы работы на журфаке БГУ Григорий Васильевич выступал в качестве научного консультанта 12-томной «Беларускай савецкай энцыклапедыі», был членом редколлегии «Весніка БДУ». Его трудовые достижения на правительственном уровне были оценены орденом «Знак Почета».

Г. В. Булацкий стал основателем целой династии в белорусской журналистике. В 1948 г. он женился на студентке Галине. В их семье родилось трое детей: Вячеслав, Сергей и Наталья. Продолжателем дела отца, преподавателем, стал Вячеслав Григорьевич Булацкий. Еще во время учебы на факультете журналистики БГУ он начал сотрудничество с главной редакцией вещания для молодежи Белорусского радио, с 1975 по 1981 г. был редактором вещания для детей и молодежи Белорусского телевидения, за цикл передач радиостанции «Беларуская маладзёжная» стал лауреатом премии Союза журналистов БССР. В 1981 г. Вячеслав Григорьевич защитил диссертацию «Публицистическая, революционная деятельность В. А. Радуса-Зеньковича» на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Работал преподавателем, старшим преподавателем, доцентом кафедры телевидения и радиовещания. В 1996 г. возглавил кафедру телевидения и радиовещания БГУ.

Сергей Григорьевич Булацкий активно работает в белорусской журналистике, был заместителем министра информа-

ции, генеральным директором телеканала «НТВ-Беларусь».

Павел Вячеславович Булацкий – третье поколение легендарной фамилии и достойный ее продолжатель. Он лауреат премии «Телевершина», руководитель и ведущий программы Первого национального телеканала «Мужской характер», директор канала «Беларусь 5». В 2019 г. на ассамблее Европейского вещательного союза (ЕВС) в Женеве Павел Булацкий наряду с представителями Франции, Ирландии и Болгарии был избран в состав комитета, который во многом формирует телевизионную политику европейских компаний. Впервые в истории отечественного телевидения белорус вошел в состав ЕВС. Право голоса в весомой спортивной управленческой структуре – это доверие со стороны Европы и большое достижение для всей страны.

Григорий Васильевич и Галина Николаевна Булацкие воспитали не только своих детей. После смерти в 1944 г. брата Григория Васильевича они взяли на воспитание троих племянников, а потом и дочь его сестры – Аду. Всех приняли как родных детей, выучили, устроили в жизни. Племянница Григория Васильевича Мария Павловна Тарасова вспоминала: «После войны было очень тяжело, всем тяжело было, и если бы не дядя, мы бы не выжили». Помогал Григорий Васильевич и своим землякам: благодаря ему многие из д. Мочулки и Петровичи получили высшее образование. При этом Г. В. Булацкий был очень скромным человеком: о том, что он воспитывает восьмерых детей, не знали преподаватели факультета и даже многие близкие ему люди.

Григория Васильевича не стало 8 февраля 1999 г. Время, как сито, отделяет

мелкое от крупного, позволяет оценить масштаб личности. Автор данного очерка увидела перед собой не только талантливого организатора и исследователя, отца белорусской журналистики (уверена, это словосочетание необходимо использовать без кавычек), но и потрясающего Новатора и Человека.

Белорусский государственный университет всегда был центром сосредоточения талантливых и увлеченных своим делом людей. Как в бурлящем котле, в его недрах рождается огромное количество идей, далеко не все из которых воплощаются в конкретные проекты. Но Г. В. Булацкий инициировал и претворил в жизнь идею создания нового факультета, даже вопреки первоначальному мнению ректора. Современное информационное пространство Республики Беларусь невозможно представить без профессионалов-журналистов, подготовленных и воспитанных своей малой альма-матер – факультетом журналистики БГУ.

Есть успешные люди, которые мощно движутся вперед, как ледокол, разрушая препятствия на пути к заветной цели. Григорий Васильевич – созидатель. Он сумел объединить, обогреть своим опытом, профессионализмом, интеллектуальной аурой огромное количество талантливых людей, помогал молодым выйти на широкий жизненный простор. Г. В. Булацкий воспитал детей, племянников, внуков, всю жизнь помогал родным и землякам. Воспитанники его главного детища – факультета журналистики – сформировали школу национальной журналистики, создали и совершенствуют отечественное информационное пространство, формируют образ Беларуси в мире.

Светлана Леонидовна Луговцова

**Выдающийся исследователь
белорусского Средневековья
и раннего Нового времени**

**Доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой,
заместитель декана
двух факультетов БГУ**

Александр Петрович ИГНАТЕНКО

10.02.1932 – 24.05.1998

Александр Петрович Игнатенко – один из видных отечественных специалистов по экономической и социально-политической истории Беларуси XVII–XVIII вв. Две его монографии, в которых раскрываются особенности ремесленного производства городов Беларуси и социальные конфликты в среде белорусского крестьянства и мещанства, до сих пор не утратили научной значимости. Большой вклад доктор исторических наук, профессор внес в развитие источниковедения истории Беларуси. Результатом его педагогической деятельности стала не только подготовка тысяч профессиональных учителей и научных работников, но и издание большого количества разнообразной учебно-методической литературы, разработка новых учебных дисциплин, подготовка кадров высшей квалификации.

Вся профессиональная деятельность А. П. Игнатенко связана с историческим факультетом Белорусского государственного университета: выпускник истфака, затем аспирант, некоторое время работал старшим лаборантом и почти 40 лет жизни отдал кафедре истории БССР, которую возглавлял с 1975 по 1978 и с 1989 по 1994 г., преобразовав ее с началом независимости в кафедру истории Беларуси. Также некоторое время являлся заместителем декана заочного и исторического факультетов. Научные и педагогические заслуги ученого-белорусоведа отмечены многочисленными наградами, но прежде всего он оставил о себе глубокое уважение и добрую память, которые хранят его студенты, коллеги и ученики.

Будущий историк родился в д. Студенец Климовичского района Могилевской области в обычной крестьянской семье, которая одной из первых в 1929 г. вступила в колхоз. В 1938 г. шестилетний Саша пошел в 1-й класс начальной школы в родной деревне. Однако постижение азов знаний уже вскоре пришлось прерывать – началась Великая Отечественная война, которая драматически отразилась на семье Игнатенко. Отец Петр Титович был призван в ряды Красной армии, участвовал в боевых действиях и погиб на фронте в декабре 1943 г. Мать Мария Фроловна с детьми оказалась под немецко-фашистской оккупацией. После освобождения осенью 1943 г. Климовичского района советскими войсками семье пришлось пережить все тяготы послевоенной разрухи и голода. Трагическая память о войне повлияла на жизненные принципы Александра, оставила неизгладимый след в его сознании. Непростой военный и послевоенный опыт сформировал целеустремленную личность, готовую к ответственному и тяжелому труду.

Освобождение Беларуси от немецких войск позволило юноше продолжить прерванное войной обучение. Уже в 1944 г. Александр окончил начальную школу и продолжил учебу в средней школе соседней деревни Савиничи. Полученный аттестат зрелости стал пропуском на исторический факультет Белорусского государственного университета – в 1950 г. он стал студентом. В студенческие годы особенно ярко проявились способности Александра Петровича к учебной и научной работе. В 1955 г. он с отличием окончил исторический факультет с присвоением квалификации «историк». Успехи молодого специалиста не остались незамеченными, так как уже на студенческой скамье он проявил себя перспективным исследователем. Сразу по окончании университета А. П. Игнатенко поступил в аспирантуру по специальности «история СССР». Его научным

руководителем стал один из недавних выпускников истфака, быстро утвердивший свой авторитет в среде белорусских историков того времени, – Л. С. Абецдарский. В 1957 г. в журнале «Ученые записки БГУ им. В. И. Ленина» (выпуск 36) была опубликована первая научная статья молодого ученого – «Участие белорусского народа в борьбе против шведских захватчиков в годы Северной войны». Обучение в аспирантуре было завершено в 1958 г.

В ноябре 1958 г. на историческом факультете была создана кафедра истории БССР, которую возглавил Л. С. Абецдарский. На этой кафедре выпускник аспирантуры в качестве старшего лаборанта начал свой путь педагога и ученого. Молодого сотрудника сразу подключили к реализации серьезных научных проектов. В 1959 г. кафедрой был составлен и издан тематический указатель советской литературы за 1945–1958 гг., посвященный истории Беларуси, в подготовке которого активно участвовал Александр Петрович. Подобная библиографическая составляющая труда историка была продолжена: в 1965 г. университетской библиотекой была подготовлена рукопись тематического указателя советской литературы за 1959–1965 гг. по истории Беларуси. В данном проекте А. П. Игнатенко выступал уже в качестве научного редактора. Вот только рукопись так и не была издана. В эти напряженные годы, когда было необходимо закрепиться на кафедре и завершить написание кандидатской диссертации, наконец-то сложилась и личная жизнь. В 1960 г. Александр Петрович вступил в брак с Зинаидой Ермолаевной Короткой, и уже в 1961 г. в семье родился сын Сергей.

В сентябре 1961 г. старший лаборант был избран на должность преподавателя, а в декабре 1963 г. – старшего преподавателя кафедры истории БССР. Большой объем организационной работы, занятия со студентами, а также процедурные

формальности ограничивали возможности Александра Петровича в подготовке к защите кандидатской диссертации. Тем не менее исследовательская работа продолжалась. Более того, в 1963 г. он опубликовал первую научную монографию: «Ремесленное производство в городах Белоруссии в XVII–XVIII вв.». Научным редактором книги выступил известный белорусский специалист по экономической истории Зиновий Юльевич Копысский. По его мнению, в монографии А. П. Игнатенко «впервые в белорусской советской историографии прослеживается процесс разложения цеховой системы и зарождения в ремесленном производстве в XVIII в., особенно во второй половине столетия, элементов капитализма, что проявилось в появлении крупных мастерских, в применении наемного труда». В исследовании были обоснованы те подходы к периодизации экономической истории Беларуси XVII–XVIII вв., которые и сейчас доминируют в отечественной исторической науке. А. П. Игнатенко подчеркивал рост и специализацию ремесленного производства на белорусских землях в первой половине XVII в., отмечал значительный упадок городского ремесла во второй половине XVII – первой половине XVIII в., вызванный многочисленными войнами и увеличением феодальной эксплуатации населения. Вторая половина XVIII в., по мнению автора, стала периодом восстановления не только ремесленного производства в городах, но и всей экономики Беларуси.

Подробный анализ развития городских ремесел и цеховой системы, проведенный в монографии, показал, что даже в конце XVIII в. ремесленное производство в белорусском городе все еще основывалось на традициях феодальной эпохи. Выход данного исследования открыл новое имя в отечественной школе экономической истории. Неудивительно, что в декабре того же года в БГУ А. П. Игнатенко успешно защитил диссертацию

на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Основные черты экономического развития городов Белоруссии в XVII–XVIII веках». Александр Петрович был одним из первых представителей плеяды историков, с которыми в 1960–70-е гг. связано возрождение славных традиций белорусской урбанистики раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.). К сожалению, 1963 год был отмечен для историка не только профессиональными достижениями, но и личной трагедией – в июле умерла мать.

Сфера научных интересов А. П. Игнатенко не ограничивалась исследованием проблем эпохи феодализма. Уже в 1960-х гг. он заинтересовался вопросами революционных событий, крестьянского и рабочего движения в Беларуси начала XX в., выступал с рецензиями на научную, учебно-методическую и художественную литературу. Его работы печатались в таких журналах и газетах, как «Ученые записки БГУ», «Коммунист Белоруссии», «Народная асвета», «Літаратура і мастацтва», «Беларусь», «Настаўніцкая газета», «Маладосць», «Веснік БДУ. Серыя 3», «Советская Белоруссия», «Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук», «Вопросы истории», «Звезда», «Во славу Родины».

Характерной чертой А. П. Игнатенко как исследователя было крайне внимательное отношение к работе с первоисточниками и историографией. Уже на начальном этапе своего творческого пути он зарекомендовал себя серьезным археографом. В 1963 г. увидело свет издание «Русско-белорусские связи. Сборник документов (1570–1667 гг.)», в подготовке документов для которого Александр Петрович принял активное участие. В сборник вошло 466 документов, которые отражали развитие торговых отношений между Великим княжеством Литовским, Речью Посполитой и Русским (Московским) государством. Вместе с тем изданные источники дают важную,

а иногда и уникальную, информацию о персональном составе дипломатических миссий, логистике и транспортных коммуникациях в регионе Восточной Европы, интенсивности межгосударственных отношений. Специалисты и сегодня отмечают высокий уровень археографического описания документов, качественное составление комментариев и географических указателей. Логическим продолжением этой работы стало издание в 1972 г. сборника документов «Русско-белорусские связи во второй половине XVII века (1667–1686 гг.)».

О глубоких познаниях А. П. Игнатенко в области источниковедения и историографии свидетельствует подготовленное им и изданное в 1965 г. пособие «Введение в историю БССР: Периодизация, источники, историография». Уже значительно позднее в своей работе со студентами исторического факультета БГУ он всегда подчеркивал, что каждое утверждение о событиях прошлого должно основываться не на идеологических или политических установках и взглядах, а на конкретных исторических фактах и документах.

Еще одной сферой профессиональной деятельности А. П. Игнатенко была учебно-методическая работа. В 1967

и 1968 гг. им совместно с Львом Антоновичем Михайловским и под редакцией Петра Захаровича Савочкина (на тот момент декана исторического факультета БГУ) было издано пособие, которое содержало методические указания по дисциплине «История СССР» для учащихся курсов по подготовке к вступительным экзаменам на гуманитарные факультеты университета. В учебное пособие 1968 г. вошли также контрольные задания по дисциплине. Для своего времени оно стало почти образцовым с точки зрения научной и методической составляющих.

Свои богатые знания и опыт в подготовке к изданию исторических источников Александр Петрович применил при составлении хрестоматии по истории Беларуси, изданной в 1977 г. в соавторстве с Владимиром Никифоровичем Сидорцовым. Учебное пособие было предназначено для студентов исторических и гуманитарных факультетов университетов и педагогических институтов Беларуси. В его текст полностью или частично вошло 406 документов, которые охватывали период с VI в. н. э. до 1917 г. Структура издания основывалась на программе по истории БССР для высших учебных заведений республики. В свою очередь, подбор документов должен был показать студентам «борьбу белорусского народа против иноземных захватчиков, социального и национально-религиозного угнетения», а также отразить «стремление Белоруссии к воссоединению с Россией». Подобные идеологические установки определили некоторую тенденциозность в выборе для публикации тех или иных документов, что, например, ярко проявилось в главе III «Освободительная война белорусского народа в середине XVII века». Тем не менее изданные источники комплексно освещали социально-политические, экономические и духовно-культурные процессы, которые протекали на белорусских землях с древних времен до начала XX в. Несмотря на определен-

Выступление на заседании кафедры.
Слева направо: В. А. Сосно,
И. В. Марченко, Д. Б. Мельцер, В. В. Чепко,
А. П. Игнатенко, А. В. Кузнецова.
Начало 1970-х гг.

ное влияние идеологии, «Хрестоматия по истории Белоруссии: с древнейших времен до 1917 г.» и на данный момент сохраняет научное и учебное значение. Да как ее автор, рожденный и воспитанный в переломные периоды советской истории, мог не учитывать «политику на историческом фронте» – он с июля 1947 по октябрь 1959 г. был членом ВЛКСМ, а в марте 1964 г. стал членом КПСС.

А. П. Игнатенко участвовал и в составлении хрестоматии с подбором документов по истории Беларуси советского периода. Изданная в 1972 г., она охватывала период с 1917 по 1971 г. Второе, переработанное и дополненное, издание этого учебного пособия вышло в свет в 1984 г. Оно было подготовлено В. Н. Сидорцовым в соавторстве с А. П. Игнатенко и содержало документы за 1917–1983 гг.

Характерно, что учебно-методическая деятельность Александра Петровича не ограничивалась только исторической наукой, но простиралась также в область филологических знаний. Так, в соавторстве с филологом Надеждой Семеновной Можейко в 1968 г. он подготовил учебное пособие «Древнерусский язык», предназначенное для студентов исторических факультетов университета и педагогических институтов. В 1970 г. оно было переиздано. Позднее вышло еще два дополненных издания этого учебного пособия (1978 и 1988 гг.), по которому не одно поколение университетских студентов филфака и истфака постигали первооснову трех восточнославянских языков.

Работая на историческом факультете Белорусского государственного университета, А. П. Игнатенко читал курсы лекций по истории БССР, источниковедению истории БССР, белорусской культуре эпохи феодализма и др. В январе 1967 г. он получил ученое звание доцента по кафедре истории БССР. Значительный вклад внес Александр Петрович в методическое обеспечение учебного процесса как

С коллегами на кафедре. Слева направо:
В. А. Сосно, Е. Л. Абецедарская,
И. В. Марченко, А. П. Игнатенко,
Д. Б. Мельцер. Вторая половина 1970-х гг.

на истфаке БГУ, так и на исторических факультетах педагогических институтов республики. В 1970–80-е гг. он являлся составителем программ по общим и специальным учебным дисциплинам по истории Беларуси, разрабатывал тематику практических занятий, методические указания по выполнению курсовых и дипломных работ, различные методические рекомендации для студентов-заочников. В июне 1980 г. историку было присвоено ученое звание профессора. А в следующем году под редакцией А. П. Игнатенко и его коллеги Валентины Владимировны Чепко вышло новое учебное пособие – «История БССР», предназначенное для студентов исторических факультетов высших учебных заведений республики. Для этого издания Александр Петрович написал введение, а также главы, посвященные войнам середины XVII в., экономическому положению белорусских земель во второй половине XVII – XVIII в., событиям в Беларуси во время революции 1905–1907 гг.

Плодотворная научная и педагогическая деятельность ученого повлияла на его административную карьеру. В марте 1966 г. он стал заместителем декана заочного факультета БГУ, а в ноябре этого

А. П. Игнатенко на торжественном заседании коллектива факультета

года декан истфака П. З. Савочкин предложил стать своим заместителем. На этой хлопотной должности Александр Петрович проработал почти 9 лет (до августа 1975 г.). После смерти в июле 1975 г. Л. С. Абецедарского А. П. Игнатенко стал исполнять обязанности заведующего кафедрой истории БССР. В таком статусе он находился до марта 1978 г., когда кафедру возглавила доктор исторических наук, профессор В. В. Чепко.

Историк был востребован на общеперсональном уровне. Он являлся председателем проблемного научного совета БГУ по истории Беларуси, входил в состав специализированного совета университета по защите кандидатских и докторских диссертаций в области исторических наук, где занимал должности ученого секретаря и заместителя председателя. Активная и плодотворная работа А. П. Игнатенко в сфере высшего образования неоднократно оценивалась различными наградами: в 1970–80-х гг. он был награжден грамотами БГУ, Почетной грамотой Министерства высшего и среднего специального образования БССР (1974), Почетной грамотой Министерства высшего и среднего специаль-

ного образования СССР (1982), знаком «За отличные успехи в работе высшего образования СССР» (1985), медалью «Ветеран труда» (1985).

Несмотря на большой объем административной и учебной работы, А. П. Игнатенко продолжал заниматься научной деятельностью. Материал, накопленный за предыдущие годы, позволил обратить пристальное внимание на возможность исследования внешнеэкономических связей белорусских земель во времена Речи Посполитой. Так, в 1969 г. в сборнике «Вопросы истории БССР» была напечатана довольно обширная научная статья «Русско-белорусские торговые связи во второй половине XVII века». В дальнейшем в центре внимания историка оказались социально-политические процессы на белорусских землях в период Речи Посполитой. В 1974 г. из печати вышла новая монография Александра Петровича – «Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией: вторая половина XVII – XVIII в.». И хоть ее название отражает идеологическую атмосферу времени, тем не менее содержание исследования стало значительным вкладом в изучение отечественной истории раннего Нового времени.

Книга состоит из двух разделов. В первом автор рассматривает экономическое и политическое положение белорусских земель с середины XVII до конца XVIII в. Проанализировано состояние сельского и городского хозяйства, отмечены основные причины, которые привели его к глубокому кризису. Также довольно точно показаны факторы, которые вели Речь Посполитую к политическому упадку. Охарактеризовано социальное положение белорусских крестьян и мещан. Основной акцент был сделан на рассмотрении усиления феодальной эксплуатации крестьянства, причин и последствий шляхетско-мещанских конфликтов. Бесспорным является вывод о крайне негативном влиянии на

хозяйственную жизнь белорусского населения самовольства арендаторов и злоупотреблений со стороны администрации фольварков и имений. К сожалению, практически полностью остались вне исследования буржуазных отношений и экономический рост на белорусских землях во второй половине XVIII в., о чем ранее писал сам Александр Петрович. А методологическая установка на поиск классовой борьбы привела к тому, что замалчивались факты взаимовыгодного сотрудничества шляхты и мещанства. Автор остановился на процессах усиления в Речи Посполитой национальных и религиозных противоречий. Конечно, попытки доказать существование у шляхты Речи Посполитой в XVII–XVIII вв. сознательной политики, направленной на «уничтожение» белорусского языка и культуры, а также на полную полонизацию «народных масс», сегодня не выдерживают научной критики. Тем не менее отход в Речи Посполитой от принципов религиозной толерантности и активные процессы полонизации в Великом княжестве Литовском историк показаны очень убедительно. А. П. Игнатенко сделал важный вывод, что и в конце XVIII в. крестьянское население и большинство мещан Беларуси, независимо от конфессиональной принадлежности в повседневной жизни, по-прежнему пользовались родным белорусским языком. Исследования последнего времени доказали, что подобный вывод можно сделать и в отношении мелкой шляхты.

Второй и основной раздел книги посвящен борьбе белорусского народа против социального и национально-религиозного гнета. Хронологически эта часть монографии охватывает 1660–1790-е гг. Автор рассмотрел примеры ухода белорусского населения на земли Российского государства, формы социального протеста в последней трети XVII в. Показано также влияние украинского казачества,

как и восстания под предводительством Степана Разина, на крестьянское движение в Беларуси. А. П. Игнатенко на основе разнообразных документов и в контексте политических процессов в Речи Посполитой проанализировал народные выступления на белорусских землях первой половины XVIII в. (в частности, Кричевское восстание 1740-х гг.). Практически все выступления крестьян и мещан трактовались как проявление классовой борьбы и доказательство стремления белорусов к «воссоединению» с Россией. Однако богатый материал источников, приведенный в исследовании, показывает, что чаще всего в их основе лежали не некие абстрактные политические идеи, а вполне конкретные социальные мотивы: спасение от голода и разорения, стремление получить экономические льготы, нежелание выполнять новые повинности, месть своевольным и жестоким арендаторам и т. д. Также историк обратил особое внимание на события восстания 1794 г. на землях Беларуси. Он подробно рассмотрел политическую ситуацию в Речи Посполитой, позицию белорусского крестьянства в отношении

Коллектив кафедры истории БССР.
Слева направо: И. В. Марченко,
Я. Ю. Нестерович, С. С. Бобровник,
Д. Б. Мельцер, А. П. Игнатенко,
В. Г. Рудкин, В. А. Сосно, В. К. Плешевич.
Середина 1970-х гг.

сторон конфликта, его участие в боевых действиях, попытки шляхты привлечь крестьян к поддержке идей восстания. Некоторые исследователи отмечают, что именно благодаря этой монографии «в историографии впервые прозвучал белорусский контекст восстания Тадеуша Костюшко».

В целом монография А. П. Игнатенко стала важным шагом в исследовании социально-политической истории Беларуси XVII–XVIII вв. Даже с учетом очевидного идеологического влияния книга отразила разнообразные формы социальных конфликтов в среде белорусских крестьян и мещан, поставила вопрос о необходимости изучения политической позиции народных низов в период раннего Нового времени. С некоторыми ее положениями можно и нужно спорить. Однако именно научная дискуссия позволяет приблизиться к максимально объективной реконструкции исторического прошлого белорусских земель. И Александр Петрович, без сомнения, во многом ее инициировал для нового поколения белорусских историков.

В феврале 1976 г. в Белорусском государственном университете состоялась защита докторской диссертации А. П. Игнатенко по теме «Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией (вто-

рая половина XVII – XVIII в.)». Однако две критические рецензии, а также околонаучные интриги привели к тому, что ему пришлось дополнительно доказывать научную значимость своего исследования уже в Москве, в Институте истории СССР АН СССР. Тем не менее, несмотря на все сложности, в 1978 г. Александр Петрович официально получил ученую степень доктора исторических наук по специальности 07.00.02 «История СССР». В определенной степени, в чем он и сам признавался своим друзьям, в его пользу сыграла политическая значимость темы «воссоединения» народов Беларуси и России. В сентябре 1978 г. А. П. Игнатенко был избран на должность исполняющего обязанности профессора кафедры истории БССР.

Научная работа Александра Петровича после защиты докторской диссертации приобрела новые направления: он был востребован в качестве научного редактора. Так, стал редактором книги своего коллеги и близкого товарища В. Н. Рябцевича под интригующим названием «О чем рассказывают монеты». Это прекрасно изданное, глубоко научное исследование стало сразу же после публикации архипопулярным среди студентов и широкой читающей публики (вышло в 1977 г. и было сразу же переиздано в 1978 г.). Молодой доктор наук провел научное редактирование монографии академического историка З. Ю. Копысского «Источниковедение аграрной истории Белоруссии» (1978). В 1985 г. в одном из ведущих научных журналов СССР «Вопросы истории» в соавторстве с Игорем Вацлавовичем Оржеховским и Иваном Афанасьевичем Литвиновским он опубликовал статью, посвященную традициям изучения проблем отечественной истории в Белорусском государственном университете.

А. П. Игнатенко ярко проявил себя в подготовке кадров высшей квалификации. Под его научным руководством кандидатские диссертации защитили

Выпускной экзамен по истории СССР.
1974 г.

10 молодых историков, многие из которых влились в преподавательский коллектив родного истфака или пополнили ряды исследователей других вузов республики (Владимир Аркадьевич Сосно, Александр Геннадьевич Кохановский, Валентин Григорьевич Рудкин, Александр Константинович Дубовик, Леонид Михайлович Нестерчук и др.). Именно под влиянием научного «кредо» учителя А. Г. Кохановский и В. А. Сосно стали одними из ведущих отечественных специалистов по социально-экономической истории Беларуси XVIII – начала XX в.

Общественно-политические перемены конца 1980-х гг., распад СССР и создание суверенной Республики Беларусь неоднозначно повлияли на интеллектуальную деятельность А. П. Игнатенко. С одной стороны, рушились традиционные методологические подходы к изучению прошедших эпох, появлялись новые концепции белорусской истории, многие из которых ученый не принимал. С другой стороны, плюрализм мнений позволял продолжать научную и учебную деятельность без идеологического и политического давления. Наконец-то был признан его вклад в развитие кафедры истории БССР, которой он отдал уже более 30 лет своей жизни. В 1989 г. Александр Петрович вновь стал ее заведующим. В 1992 г. он был награжден Почетной грамотой Министерства народного образования Республики Беларусь. В должности заведующего А. П. Игнатенко работал до 1994 г., когда на основе кафедры истории Беларуси (так стала называться бывшая кафедра истории БССР) были созданы две новые кафедры: истории Беларуси древнего времени и средних веков и истории Беларуси нового и новейшего времени. После реорганизации Александр Петрович остался профессором кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков, которую возглавил кандидат исторических наук, доцент Павел Олегович Лойко.

Ученый все годы активно продолжал заниматься разработкой методических вопросов в сфере высшего исторического образования в республике. Вместе со своим учеником В. А. Сосно он предлагал и апробировал в аудиториях новые методы активизации познавательной деятельности студентов (в частности, применение наглядно-демонстрационного материала при преподавании курса по истории Беларуси периода феодализма). В 1988 и 1989 гг. при его участии были разработаны учебно-методические рекомендации по дисциплине «История СССР» для слушателей подготовительного отделения и подготовительных курсов. А в соавторстве с Яковом Юльяновичем Нестеровичем в 1990 г. А. П. Игнатенко издал учебное пособие для студентов-историков «Социально-экономическое развитие БССР (1944–1960 гг.)». В 1994 г. вместе с еще одним своим учеником В. Г. Рудкиным профессор опубликовал учебно-методическое пособие «Метадычны даведнік па курсу “Гісторыя Беларусі” для студэнтаў спецыяльнасці Г.05.01».

В середине 1990-х гг. Александр Петрович стал принимать самое активное участие в написании учебных пособий по истории Беларуси для абитуриентов. В 1994 г. совместно с Я. Ю. Нестеровичем было опубликовано учебное пособие «Гісторыя Беларусі». Для него ученый написал восемь глав, посвященных широкому кругу проблем: от истории первобытного общества на белорусских землях до развития культуры Беларуси в XVII–XVIII вв. В следующем году Александр Петрович стал одним из авторов учебного пособия «Дапаможнік па гісторыі Беларусі для паступаючых у вышэйшыя навучальныя ўстановы» (второе издание вышло в 1997 г.). В этой книге он раскрыл различные аспекты социальной, политической и экономической истории белорусских земель от древних времен до конца XVIII в. Еще через год А. П. Игнатенко в составе коллектива авторов

представил учебное пособие для лицеев, гимназий и школ с углубленным изучением гуманитарных дисциплин «Гісторыя Беларусі». В условиях острой нехватки новой учебной литературы по истории Беларуси эти пособия были востребованы не только абитуриентами, но и студентами отечественных университетов. Все они имели достаточно высокий научный уровень. Всего ученый опубликовал около 100 научных и учебно-методических работ.

Оставив заведование кафедрой, А. П. Игнатенко сконцентрировался на ежедневной работе университетского преподавателя. Он читал лекции и вел семинары, руководил написанием курсовых и дипломных работ, возглавлял секции научных студенческих конференций. В научном плане продолжал сбор материалов по истории Северной войны 1700–1721 гг. на землях Беларуси, задумав подготовить монографию по этой малоизвестной проблеме (к сожалению, работа так и не была им завершена). Александр Петрович являлся научным руководителем плановых тем, которые выполнялись на кафедре истории Беларуси древнего времени и средних веков. Например, в 1994 г. он руководил НИР «Пытанні гісторыі Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён», в рамках которой написал два раздела для курса лекций: «Утварэнне Вялікага Княства Літоўскага» и «Эканамічнае разціццё і сацыяльныя адносіны на Беларусі ў XIV–XV стст.». В новых экономических условиях А. П. Игнатенко являлся руководителем научных тем, которые финансировались за счет республиканского бюджета. С декабря 1993 по декабрь 1995 г. на кафедре под его руководством выполнялась научно-исследовательская работа «Анализ этнокультурных и политических процессов на территории Беларуси в эпоху Средневековья и Нового времени». Основные результаты одного из этапов работы легли в основу учебного

пособия «Гісторыя Беларусі», изданного в 1994 г. под редакцией А. П. Игнатенко и Я. Ю. Нестеровича.

Историк всегда стремился демонстрировать коллегам пример трудолюбия и ответственности. На занятиях увлекал студентов за собой в малоизведанные области белорусской истории, показывая возможности их научного постижения. И хотя не все его взгляды в 1990-е гг. разделялись молодежью, Александр Петрович за счет своего огромного исследовательского багажа, безусловно, оставался на факультете одним из авторитетных представителей «старого» поколения профессуры. Иногда на его занятиях разгорались горячие споры, но, как талантливый педагог, он всегда умел перевести предмет дискуссий в конструктивное русло исторических фактов и научных доказательств. А. П. Игнатенко всегда был увлечен новинками белорусской историографии, участвовал в их обсуждении, аргументированно отстаивал свою научную позицию. Мог быть вспыльчивым и резким, но всегда быстро успокаивал себя и оппонента. В этом ему помогало природное чувство юмора, умение не только усердно работать, но и выкраивать время для отдыха на природе, в кругу родных и друзей.

Жизненные испытания и напряженный труд неуклонно подрывали здоровье ученого, никогда не отличавшегося отменными природными данными. Во время весеннего семестра 1997/98 учебного года А. П. Игнатенко читал специальный курс «Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі IX–XVIII стст.» студентам 3-го курса исторического факультета БГУ, специализировавшихся по истории Великого княжества Литовского. Однако принять у них зачет по своей дисциплине профессор не успел – жизненный путь Александра Петровича Игнатенко прервался 24 мая 1998 г.

Владимир Алексеевич Подолинский

**Выдающийся ученый
и талантливый педагог,
основоположник нового научного
направления в Беларуси
в области биохимии
и радиобиологии**

**Доктор биологических наук,
профессор, первый заведующий
кафедрой биохимии, декан
биологического факультета БГУ**

Анатолий Тимофеевич ПИКУЛЕВ

10.10.1931 – 28.08.1993

***И**звестный ученый в области биохимии и радиобиологии, доктор биологических наук, профессор Анатолий Тимофеевич Пикулев – первый заведующий кафедрой биохимии биологического факультета БГУ с 1964 по 1993 г. Его усилиями при кафедре была создана научно-исследовательская лаборатория биохимии обмена веществ. Анатолий Тимофеевич внес существенный вклад в развитие биологического факультета, работая в должности декана с 1973 по 1980 г. Более 30 лет изучал радиационно-биохимические сдвиги в центральной нервной системе при действии различных видов ионизирующего излучения в относительно малых дозах. Ученый входил в состав научно-методического объединения биологии и географии Министерства народного образования БССР, научно-методических советов университета и биологического факультета, советов по присуждению ученых степеней при институтах биоорганической химии и радиобиологии АН БССР и МГУ, редакционных коллегий журналов «Вестник БГУ» и «Нейрохимия». Он был членом Национального комитета биохимиков СССР, Европейского общества нейрехимиков, председателем Минского городского биохимического общества и др. А. Т. Пикулев удостоен почетного звания «Заслуженный работник народного образования БССР», премии Евразийской ассоциации университетов (посмертно).*

Анатолий Тимофеевич Пикулев родился в семье служащих в казацкой станице Глазуновской Кумылженского района Сталинградской области. Отец Тимофей Львович работал в системе связи, после войны возглавлял почтовое отделение. Мачеха трудилась провизором в аптеке. Благодаря такту и сердечности этой женщины ребенок чувствовал искреннее теплое и заботливое отношение к себе. После ее смерти отец Анатолия Тимофеевича вновь женился на своей первой жене (родной матери мальчика). В семье было трое сыновей.

В 1938 г. родители определили Анатолия на учебу в Зотовскую семилетнюю школу, но там он окончил только первый класс. До 1944 г. продолжил образование в Усть-Бузулукской школе Сталинградской области, затем семья переехала в с. Калининское Херсонской области. След в истории семьи Пикулевых оставили события Великой Отечественной войны: оба брата Анатолия Тимофеевича погибли, отец прошел всю войну и имел боевые награды. Уже будучи взрослым человеком, А. Т. Пикулев вспоминал, как тяжело его семья и земляки переживали тяготы военного времени, часто голодали, обычным делом были блюда из лебеды и желудей.

В 1945 г. вернувшийся с фронта отец перевез семью обратно в станицу Усть-Бузулукскую. Здесь через три года Анатолий окончил среднюю школу. Проблемы выбора профессии у него не было, так как заранее было принято решение продолжить образование в Сталинградском медицинском институте. Поступление в 1949 г. открыло перед молодым человеком новые горизонты, учеба определила круг профессиональных интересов. Студенческие годы прошли в упорном постижении знаний на лечебном факультете (этот факультет был открыт в 1935 г. вместе с институтом). Учеба давалась легко, способного юношу выделяли преподаватели, его успехи в учебной и научно-

исследовательской деятельности были отмечены Сталинской стипендией. Студент А. Т. Пикулев принимал активное участие в общественной жизни, его избрали сначала секретарем комсомольского бюро курса, а вскоре и секретарем комитета ВЛКСМ института. В 1951 г. А. Т. Пикулев был принят кандидатом в члены КПСС, через год стал членом партии.

После окончания института в 1955 г. Анатолию Тимофеевичу была присвоена квалификация врача. Однако связь с альма-матер не была прервана: молодой специалист решил связать свою дальнейшую судьбу с наукой. Он поступил в аспирантуру по кафедре биохимии, которую в то время возглавлял талантливый ученый, выходец из Ленинградской школы биохимиков профессор Николай Всеволодович Окунев. В аспирантские годы А. Т. Пикулев основательно и увлеченно изучал липидный состав эластина артерий при атеросклерозе. Результаты его научно-исследовательской деятельности были положены в основу кандидатской диссертации, которую выпускник аспирантуры успешно защитил в 1958 г. Состоявшегося ученого распределили на работу в Кемеровский государственный медицинский институт на должность ассистента кафедры биохимии. Уже через год он стал доцентом этой кафедры, а еще через два был утвержден в ученом звании доцента. Здесь же в Кемеровском мединституте работала ассистентом кафедры патофизиологии и супруга Анатолия Тимофеевича – Тамара Николаевна Афанасьева. Знакомство молодых людей состоялось еще в студенческие годы, когда оба, увлеченные наукой, встретились на научной конференции в Саратове. Несколько лет они переписывались, затем поженились.

С 1961 г. научная и педагогическая деятельность А. Т. Пикулева связана с Белорусским государственным университетом. Ректор заявление одобрил: приказом от 24 июля 1961 г. А. Т. Пику-

лев был утвержден в должности доцента и уже 1 сентября приступил к работе.

Коллеги Анатолия Тимофеевича позитивно восприняли появление в своих рядах молодого и перспективного сотрудника. Так, кандидат биологических наук, доцент Л. В. Кахнович вспоминала: «Впервые я познакомилась с Анатолием Тимофеевичем после его переезда в Минск на кафедру физиологии и биохимии растений, где он до создания кафедры биохимии и биофизики работал. На кафедре появился молодой, красивый, “кудрявый” сотрудник, уделявший очень большое внимание организации и постановке учебных занятий и точности их выполнения. Нам, еще молодым сотрудникам, было это интересно, а главное полезно».

Анатолий Тимофеевич с энтузиазмом и интересом включился в работу, живо реагируя на предложения коллег участвовать в различных научно-исследовательских проектах, а также в подготовке студентов по новым специальностям. Как раз в это время на биологическом факультете началась подготовка специалистов-биохимиков под руководством Л. С. Черкасовой, которая подобрала коллектив сотрудников-энтузиастов. Новая специализация студентов-биохимиков проходила практическую «обкатку» на базе лаборатории биохимии Института физиологии АН БССР. В подготовку биохимиков включился и Анатолий Тимофеевич. Именно благодаря совместным стараниям Л. С. Черкасовой и А. Т. Пикулева в 1964 г. на биологическом факультете БГУ была открыта кафедра биохимии и биофизики, первыми сотрудниками которой стали А. Т. Пикулев, Т. В. Былич и С. И. Мохорева. Позже к ним присоединились профессор Л. С. Черкасова, ассистенты М. Ф. Кукулянская и И. П. Хрипченко. Курс биофизики читал заведующий лабораторией Института фотобиологии АН БССР доктор биологических наук С. В. Конев, а курс

Во время учебы в аспирантуре, с Н. В. Окуневым

радиобиологии – директор Института фотобиологии доктор химических наук А. А. Шлык.

С самого начала существования кафедры Анатолий Тимофеевич ревностно отстаивал ее интересы. Так, М. Ф. Кукулянская вспоминала: «С Анатолием Тимофеевичем мы почти одновременно начали работать на факультете, когда кафедры биохимии еще не было. Кафедра была молодая, и заведующий прилагал массу усилий, чтобы она приобрела свое “лицо”. Анатолий Тимофеевич был “одержим” работой. На факультет он приходил рано, с толстым неподъемным портфелем, полным новинками изданий по биохимии, которые читал всегда первым на факультете. И все, что находил в свежей научной периодике, тут же адресовал каждому в соответствии с научными интересами. Иногда и ругал, что что-то “просмотрели” или еще не читали». А. Т. Пикулев пристально следил за развитием научных исследований в области биохимии: за тезисами съездов

А. Т. Пикулев с женой Тamarой
и дочерью Ириной

и конференций, выступлениями советских и зарубежных ученых, докладами диссертантов. Об этой особенности ученого вспоминал его коллега, доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой зоологии И. К. Лопатин: «Как интересно было обсуждать с ним прочитанные книги или журнальные новости. Невозможно было получить в библиотеке только что вышедший “Новый мир” или “Знамя” – он их брал первым и сразу советовал, что нужно было прочитать, а затем и обменяться впечатлениями».

Много сил было положено на то, чтобы обеспечить профессиональный рост сотрудников кафедры (на момент создания ее коллектив был самым молодым на факультете) и высокий уровень подготовки студентов. Как результат – сотрудники кафедры успешно защищали кандидатские диссертации, получали признание среди ведущих ученых-биохимиков СССР и за рубежом. Кафедра биохимии БГУ очень скоро вошла в группу лидирующих на факультете по важнейшим показателям, в том числе по привлекательности среди студентов. Чтобы специализироваться на ней, лучшие студенты проходили конкурсный отбор. Во многом это стало результатом самоотверженной работы, авторитета профессора А. Т. Пикулева. При кафедре была создана научно-исследовательская лаборатория биохимии обмена веществ, в совет по защите диссертаций ввели специальность

«биохимия». Научные результаты сотрудников и аспирантов кафедры позволили значительно расширить зарубежные связи с коллегами из прибалтийских республик, России, Украины.

Анатолий Тимофеевич уважал свой труд и труд коллег, поддерживал творческую атмосферу и теплые личностные отношения как на кафедре, так и в научной лаборатории. Свои поступки и решения он соизмерял с целесообразностью, с максимальной эффективностью работы кафедры в подготовке кадров, в проведении исследований и их практической значимости. В результате создал научную школу. Развивая собственную область исследований, Анатолий Тимофеевич всегда поддерживал новые научные идеи и направления. Он, как ученый и руководитель, умел налаживать отношения между людьми и смог собрать на кафедре сплоченный коллектив высококвалифицированных сотрудников, никого из них не лишив научной индивидуальности и возможности профессионального роста.

В БГУ А. Т. Пикулев начал изучать влияние относительно малых доз ионизирующей радиации на процессы азотистого метаболизма в животном организме и роли нейроэндокринной системы в механизмах опосредования ее действия. Результаты своих научных изысканий он активно публиковал в советских и зарубежных журналах, коллективных монографиях – «Роль надпочечников в биохимических сдвигах при действии малых доз ионизирующей радиации» (1969), «Метаболические сдвиги в митохондриях облученного организма, связанные с циклом трикарбоновых кислот» (1977). Опыт многолетних исследований был обобщен Анатолием Тимофеевичем в докторской диссертации «Влияние ионизирующего излучения в относительно небольшой дозе на обмен глютаминовой кислоты в животном организме», защищенной в 1970 г. во Львовском государ-

ственном университете им. И. Франко. В 1972 г. ему было присвоено ученое звание профессора.

Проводимые под руководством А. Т. Пикулева фундаментальные исследования получили признание не только в СССР, но и за рубежом. За время руководства кафедрой профессор получил данные по действию ионизирующей радиации в относительно небольшой дозе (0,1–0,5 Гр) и открыл закономерности радиационно-биохимических сдвигов в центральной нервной системе. Им установлены временные и дозо-зависимые изменения в обмене веществ в центральной нервной системе при действии различных видов проникающей радиации. Анатолием Тимофеевичем предложена концепция о характере биохимических процессов в центральной нервной системе при действии ионизирующей радиации в относительно малых дозах, согласно которой сдвиги в обмене веществ в головном мозге обусловлены не только прямым действием радиации, но являются следствием опосредованного радиационного эффекта через эндокринную систему, приводящим к дискоординации в системе ферментов из-за их различной адаптивности к гормональным сигналам. Исследования, проводимые под научным руководством профессора А. Т. Пикулева, приобрели особую актуальность после катастрофы на Чернобыльской АЭС. Они послужили концептуальным базисом для выяснения ранних и отдаленных последствий в изменении наиболее чувствительных звеньев обмена веществ в результате облучения в относительно малой дозе и разработки на этой основе новых перспективных лекарственных препаратов различной природы, обладающих радиопротекторным и антиоксидантным действием. Результаты успешной тридцатилетней научно-исследовательской деятельности А. Т. Пикулева в БГУ нашли отражение в его многочисленных публикациях: их к началу 1990-х гг. насчитывалось

свыше 300. Не менее продуктивным было регулярное участие ученого в работе всесоюзных и международных съездов, симпозиумов, конференций, где представляемые им доклады получали положительную оценку коллег и впоследствии имели практическое применение.

Успешную научную работу А. Т. Пикулев сочетал с плодотворной педагогической деятельностью. Глубокая эрудиция, совершенное владение методами биохимических исследований, неиссякаемая энергия привлекали к профессору студентов и аспирантов. Анатолий Тимофеевич был замечательным лектором-профессионалом. В его лекциях всегда освещались новейшие открытия биохимии, рассматривались возможности преодоления противоречий и трудностей на пути к биохимическому знанию. Эта эрудированность очень помогала ему при чтении лекций. Студенты сразу получали сведения о новых работах, открытиях, были в курсе дискуссионных вопросов биохимии и смежных наук. По словам же коллег, он был требователен не только к качеству читаемых им самим лекций, но и к лекциям сотрудников кафедры: «Когда мы начинали читать лекции, то всегда одну лекцию прочитывали на заседании

Сотрудники кафедры биохимии.
Заведующий А. Т. Пикулев –
в первом ряду снизу, посередине

кафедры, обсуждали ее и должны были учесть в дальнейшем все замечания и по содержанию, и по плану, способу изложения материала и прочее. Анатолий Тимофеевич требовал строить лекцию так, чтобы в ходе нее обязательно общаться со студентами, считал, что студента надо “заставить”, чтобы он из-за самолюбия работал, а не только по обязанности».

Анатолий Тимофеевич щедро делился знаниями не только со студентами БГУ. На протяжении ряда лет систематически читал общие и специальные курсы в Могилевском технологическом институте и Дагестанском государственном университете (в период с 1977 по 1979 г.), а также в вузах Польши и Болгарии. В 1978 г. университетский профессор выезжал в командировку в Социалистическую Республику Румынию с целью «обмена опытом и чтения лекций». Анатолий Тимофеевич стремился, чтобы практика студентов БГУ проходила не только в различных белорусских вузах и научных организациях, но и за пределами республики. В частности, благодаря стараниям А. Т. Пикулева для студентов впервые была организована производственная практика на заводе химреактивов в г. Олайне (Латвия). Такую практику он считал полезной для подготовки раз-

носторонних, квалифицированных биохимиков.

Под научным руководством Анатолия Тимофеевича были подготовлены и защищены 32 кандидатские и 1 докторская диссертация. Сам он, разносторонний и эрудированный ученый, хорошо чувствовал время, понимал, какие именно научные идеи могут получить развитие в дальнейшем. Среди его учеников – заведующий кафедрой биохимии БГУ кандидат биологических наук, доцент Игорь Викторович Семак. Он так вспоминает своего учителя и коллегу: «Одно из самых дорогих жизненных достояний каждого человека, а тем более занимающегося наукой, – его учителя. Годы аспирантуры под его руководством оставили в моей памяти неизгладимый след. Я многому научился у этого человека, не терпящего в работе штампов и шаблонов, необыкновенно принципиального и порядочного, удивительно талантливого и работоспособного, умеющего постигать исследуемую проблему до самой ее сути».

Существенный вклад в развитие биологического факультета А. Т. Пикулев внес, работая в должности декана с октября 1973 по апрель 1980 г. За этот период на факультете произошли значимые события: была создана кафедра общей экологии, гидробиологии и охраны природы (1974), получили развитие несколько новых направлений научных исследований, факультет перебазировался в новый учебный корпус на улице Курчатова, что решило комплекс проблем, связанных с нехваткой учебных и лабораторных помещений. Декан А. Т. Пикулев прилагал все усилия для успешного развития факультета, регулярно ходатайствовал перед ректоратом о приобретении нового современного оборудования, открытии кафедр и лабораторий. Так, под его руководством на факультете были открыты научно-исследовательские лаборатории и новые специальности «генетика» и «биохимия», по которым готовили ка-

Сотрудники НИЛ биохимии обмена
веществ с А. Т. Пикулевым

дры для научных учреждений и производственных предприятий.

Много времени А. Т. Пикулев посвящал учебно-методической и общественной работе. Он руководил учебно-методическим центром университета, был председателем совета по защите диссертаций при БГУ, членом научно-методического объединения биологии и географии Министерства народного образования БССР, научно-методических советов университета и биологического факультета, научных советов «Радиобиология», «Биохимия» и «Нейро-гуморальные основы регуляции» при АН БССР, членом советов по присуждению ученых степеней при институтах биоорганической химии и радиобиологии АН БССР, Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова, членом редколлегий журналов «Вестник БГУ. Серия 2» и «Нейрохимия». Он также входил в Национальный комитет биохимиков СССР, был членом Европейского общества нейрохимиков, почетным членом Югославского общества им. Пуркинье, председателем Минского городского биохимического общества и др.

Талантливый ученый, педагог и организатор, А. Т. Пикулев всегда оставался доступным для общения человеком. Так, его коллега доктор биологических наук, профессор Л. В. Камлюк вспоминала: «Я часто встречалась с ним и его женой Тамарой Николаевной в доме академика Петра Фомича Рокицкого, известного ученого в области общей биологии, генетики, биометрии и селекции животных, который на протяжении девяти лет заведовал кафедрой зоологии позвоночных БГУ, а также лабораторией теоретической генетики Института генетики и цитологии АН БССР. Теплая домашняя обстановка располагала к интереснейшим беседам об истории развития биологической науки, искусстве, литературе. Анатолий Тимофеевич был активнейшим участником этих бесед».

О встречах в доме П. Ф. Рокицкого до сих пор вспоминает супруга профессора А. Т. Пикулева Тамара Николаевна, которая много лет проработала в Минском медицинском институте на кафедре патологической физиологии. Бывала на них и единственная дочь Пикулевых Ирина, где с увлечением следила за научными спорами и рассуждениями взрослых. Атмосфера семьи ученых, близкое общение с коллегами родителей, но главное – внимательное, системное отцовское воспитание принесли свои плоды: Ирина Анатольевна пошла по стопам отца. В 1981 г. она с отличием окончила биологический факультет БГУ и решила связать свою жизнь с наукой: «Отношение к жизни, работе, трудоголизм, выбор профессии – все это из семьи, от папы и мамы. Папу всегда волновали мои научные успехи, и он был бы очень горд тем, чего я достигла как ученый. К сожалению, до этого времени он не дожил, но я всегда о нем вспоминаю, когда публикую свои научные статьи. Сейчас я занимаюсь холестерином в головном мозге, т. е. комбинацией того, чем папа занимался, когда был аспирантом и когда стал профессором». Имея ученую степень кандидата химических наук, сегодня Ирина Анатольевна живет в США. Она профессор одного из университетов Кливленда, успешно занимается научной и преподавательской деятельностью.

Несмотря на глубокую увлеченность наукой, профессор А. Т. Пикулев всегда находил время для своих близких. Коллеги и друзья помнят Анатолия Тимофеевича как прекрасного семьянина, любящего супруга и отца. Среди семейных традиций Пикулевых была обязательная ежегодная поездка на родину Анатолия Тимофеевича в Волгоградскую область. Здесь он с удовольствием проводил время, знакомил свою дочь Ирину с местной культурой, рассказывал о своих корнях. Любимым местом для отдыха среди прочих у А. Т. Пикулева была дача в Кры-

жовке недалеко от Минска, где семья проводила время вдали от городской суеты. На десяти дачных сотках Пикулевы организовали и свой огород, на котором выращивали картофель, клубнику и разнообразную зелень. Природу и физический труд на земле Анатолий Тимофеевич рассматривал как прекрасную возможность с пользой провести время в кругу семьи, поддерживать в тонусе свое здоровье. Имея проблемы со здоровьем, А. Т. Пикулев часто по направлению «лечкомиссии» выезжал вместе с супругой на Рижское взморье для санаторного лечения. Однако продолжительная борьба с недугом не увенчалась успехом, и в возрасте 61 года он ушел из жизни.

Отзывчивость, умение работать в коллективе, доброжелательное отношение к людям снискали профессору А. Т. Пикулеву заслуженный авторитет и уважение коллег, научной и педагогической общественности. Его многолетняя плодотворная работа неоднократно была отмечена на разных уровнях. Так, в 1970 г. он был удостоен медали «За доблестный труд». Позже за «активное участие в совершенствовании учебного процесса, чтение лекций, оказание помощи в научных исследованиях и подготовке кадров в вузах страны» А. Т. Пикулева наградили почетным знаком «За отличные успехи в области высшего образования СССР». В 1986 г. профессор БГУ и сотрудники кафедры биохимии были награждены дипломом Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов и Государственного комитета СССР по науке и технике за цикл работ по исследованию механизмов биологического действия лазерного излучения и участие в создании многоцветной терапевтической лазерной установки ЛТУ-1. Научно-педагогические и административные заслуги Анатолия Тимофеевича оценены двумя

почетными грамотами Верховного Совета БССР (1973, 1976), Почетной грамотой Министерства высшего и среднего специального образования БССР (1981). В 1990 г. ему было присвоено звание «Заслуженный работник народного образования Белорусской ССР». В 1994 г. за цикл научных работ «Малые дозы ионизирующей радиации и обмен веществ в центральной нервной системе» профессору уже посмертно была присуждена премия авторитетной и влиятельной международной организации университетов – Евразийской ассоциации университетов.

Память об А. Т. Пикулеве сегодня чтят сотрудники и студенты биологического факультета БГУ: одна из лекционных аудиторий кафедры биохимии (ауд. 420) носит имя профессора. В ней размещена библиотека ученого, переданная в дар кафедре его женой Тамарой Николаевной Афанасьевой.

А. Т. Пикулев внес весомый вклад в развитие биохимии не только в Беларуси, но и далеко за ее пределами. Работы ученого отличает высокий научный уровень, а также стремление максимально актуализировать важность биохимических исследований. Его научное наследие и сегодня во многом определяет основные направления развития кафедры биохимии биологического факультета БГУ, процесс подготовки специалистов данного профиля. Это был очень цельный, сильный, бескомпромиссный и талантливый человек – парень из глухой казацкой станицы, который «сделал себя сам». Он всегда стремился быть полезным – для семьи, для науки и студентов, старался помочь людям. До сих пор коллеги и ученики А. Т. Пикулева вспоминают о нем с теплотой и благодарностью.

Ирина Геннадьевна Бочило

**Основатель белорусской научной
школы топохимии
монокристаллов и полифосфатов**

**Член-корреспондент АН БССР,
доктор химических наук,
профессор БГУ**

**Евгений Аркадьевич
ПРОДАН**

10.02.1932 – 02.01.1993

Выходец из семьи трудовых эмигрантов из Украины в г. Торонто (Канада), выпускник Черновицкого университета прошел тернистый, но плодотворный путь ученого. Евгений Аркадьевич Продан вошел в историю белорусской науки как доктор химических наук, профессор, член-корреспондент АН БССР, автор 350 научных публикаций и 25 открытий. Он изучал свойства конденсированных фосфатов, кинетики гетерогенных реакций и неорганической топохимии, разработал основы синтеза трипротонированных кристаллических солей трифосфорной кислоты и способы получения ее средних, кислых и двойных солей. Эти соединения широко применяются в медицине, пищевой промышленности, производстве удобрений. Евгений Аркадьевич создал кинетическую модель изо- и анизотропной реакции в кристаллах, обосновал модель химического превращения монокристаллов.

Выпускник аспирантуры БГУ 1961 г. основную часть своего творческого пути прошел в Институте общей и неорганической химии АН БССР, но плодотворно занимался исследованиями и преподавал на химическом факультете БГУ. Он ученик университетского профессора М. М. Павлюченко и его школы физической химии и химии гетерогенных реакций в БГУ и Беларуси. Научные разработки ученого сохраняют свое значение в неорганической химии и промышленности. Соли АТФ потребляются растениями при образовании семян и плодов, влияют на их зимо- и засухоустойчивость, стимулируют развитие почвенных бактерий.

Многие выдающиеся ученые Белорусского государственного университета оставили яркий след в истории белорусской науки и при этом не были уроженцами Беларуси, а приехали в Минск из разных мест. Украинцем по происхождению был и Евгений Аркадьевич Продан.

Он родился в сложный и трагический для Украины период. Но не на украинской земле, а в семье украинских переселенцев-рабочих в г. Торонто в Канаде. Отец Аркадий Михайлович (1896–1960) и мать Елена Емельяновна (1888–1970) выехали на заработки в Канаду еще в 1912 г., но в 1937 г. вернулись в родное село Брусница Вашкивецкого повета в Северной Буковине (сейчас – Кицманский район Черновицкой области Украины). В селе семья проживала с 1937 г. до середины 1950-х гг. Здесь, в Бруснице, Евгений Аркадьевич в 1947 г. окончил семилетнюю школу, в 1950 г. – среднюю школу в соседнем селе Вашкивцы. Село Брусница (до 1946 г. Барбивцы) было довольно крупным (около 2 тыс. жителей) и известным еще с 1558 г. Оно располагается в живописной местности на берегах р. Черемош и Брусница в предгорьях Карпат в 39 километрах к северо-западу от Черновцов. В селе находится уникальный источник минеральных вод, по своему

составу похожий на известные воды в Ессентуках. Есть сведения, что еще в конце XIX в. местные жители знали целебную силу здешних источников минеральных вод. Правда, всерьез наука подошла к изучению свойств этих вод лишь в конце 1950-х гг. Возможно, любознательного парня из Брусниц свойства местной минеральной воды впервые могли вдохновить избрать стезю ученого-химика.

Известно, что население Буковины с середины XIX в. испытывало недостаток земель для ведения сельского хозяйства. Особенно острой эта проблема стала в начале XX в., когда много крестьян из Западной Украины выехали в поисках земли и средств к жизни за океан – в США, Канаду, Бразилию и Аргентину. Среди них оказались и родители Е. А. Продана. Крестьяне из Северной Буковины устремились в основном в Канаду, где в западных провинциях (Манитоба, Саскачеван, Альберта) было много свободных земель. В итоге и сегодня украинцы составляют 15 % жителей Манитобы, 10 % Саскачевана и Альберты. Ряд населенных пунктов этого региона Канады сохраняет украинский колорит (Маркемб, Форт Ву-ап, Даллас-Вуд, Канора, Ллойдминстер, Нипавин и др.). Некоторые потомки первых украинских колонистов стали видными политическими и военными деятелями Канады.

После окончания Первой мировой войны цены на зерно, основу развития хозяйства Западной Канады, упали. Это побудило по-прежнему многочисленных украинских мигрантов оседать в индустриальных центрах. Среди них в Торонто оказались Аркадий и Елена Проданы. Об этом этапе их жизни сведений практически нет. Известно, что уже в советское время Аркадий Михайлович Продан был рабочим-ремонтником в Черновицкой дорожно-мостовой конторе. В целом, по воспоминаниям коллег Е. А. Продана, тот практически никогда ничего не рассказывал о своей

Окрестности с. Брусница
в Северной Буковине

семье, возможно, чтобы лишний раз не напоминать о своем «эмигрантском» происхождении. Из автобиографии Евгения Аркадьевича известно лишь, что у него были сестра Ева и брат Эдуард. Сестра (1926–2000) работала в послевоенное время на трикотажной фабрике в Черновцах, а брат был инженером-гидрологом и проживал в г. Житомире. Ева Продан вышла замуж за священника, родила двух сыновей и уехала в канадский Эдмонтон с началом хрущевской оттепели. С сестрой Евгений Аркадьевич в условиях советской действительности вел осторожную нерегулярную переписку.

Неизвестна причина, побудившая семью Продан в 1937 г. вернуться на родину. Можно предполагать, что, как и многие уроженцы Западной Украины того времени, они надеялись, что за свои трудовые накопления смогут купить землю и развивать хозяйство на малой родине. К тому времени западноукраинские земли находились в составе разных стран. В родных местах Проданов доминировало крупное румынское землевладение при крестьянском малоземелье, что нагнетало социальную обстановку. Это разными способами использовала советская пропаганда. В Румынии в 1930-е гг. свирепствовал экономический кризис, политические права граждан были максимально ограничены. Однако цены на землю упали, и это вселяло надежды трудовым эмигрантам на покупку земли и развитие собственной фермы.

Военно-политические события 1939–1940 гг. привели к тому, что Румыния вынуждена была уступить Бессарабию и Северную Буковину Советскому Союзу. К 1 июля 1940 г. эти территории были заняты Красной армией. Началось насаждение советского строя, упразднение частной собственности.

В июне 1941 г. началась война с гитлеровской Германией и ее союзниками. С августа 1941 по март 1944 г. Северная Буковина была под контролем Румынии.

Румынское население региона (до 1/3 жителей) было в целом лояльно к «новой-старой» власти, тогда как украинцы оказывали сопротивление. В области действовала украинская самооборона, часть которой в 1944 г. поддержала ОУН-УПА, а некоторая часть – немногих советских партизан, а затем советскую власть. Как проходили эти годы для Е. А. Продана, неизвестно. В автобиографиях он опускал данный период своей жизни. Наверняка это было довольно сложное время. Тяжелыми стали и 1946–1947 гг., когда в регионе разразился голод. По воспоминаниям коллег Евгения Аркадьевича, тот несколько раз с неохотой упоминал, что в годы войны проживал в с. Брусница и ходил в немецко-румынскую школу. Поэтому он свободно владел (помимо украинского) английским, немецким и румынским языками.

В июне 1950 г. Евгений Аркадьевич с отличием окончил среднюю школу и поступил учиться на химический факультет Черновицкого университета. С 1918 по 1939 г. университет был целиком румынизирован, но в 1940 г. стал украинским. Тогда же был основан химический факультет в составе четырех кафедр (общей, неорганической, органической, аналитической химии). Университет в Черновцах располагал обширной научной библиотекой, собственным ботаническим садом, метеорологической и сейсмологической станциями. По-видимому, поступлению юноши в университет способствовало его членство с 1948 г. в ВЛКСМ, что было не так просто ввиду нюансов его биографии. Учеба в университете увлекла любознательного и целеустремленного молодого украинца. Годы учебы пролетели быстро, и Е. А. Продан получил по окончании университета диплом с отличием по специальности «неорганическая химия».

Во время учебы Евгений Аркадьевич познакомился с однокурсницей, также учившейся на специальности «неорганическая химия», Любовью Ивановной

Василишко – яркой, красивой и талантливой девушкой, которая увлекалась музыкой. В 1953 г. молодые люди поженились.

По окончании университета в 1955 г. молодожен направили на работу в Могилев на завод искусственного волокна. Здесь Евгений Аркадьевич стал мастером, затем старшим мастером водоумягчительной станции и антикоррозионного цеха, а Любовь Ивановна – инженером центральной лаборатории, затем инженером-исследователем. У молодой пары родилась дочь Ирина, а вскоре дочь Марина.

Завод искусственного шелка (вискозных волокон и материи) был построен в Могилеве еще в 1930 г. Почти 20 лет это было крупнейшее и передовое предприятие химической индустрии в Беларуси и одно из крупнейших в СССР. Вискозный «шелк» получил широкое применение в текстильной промышленности как замена более дорогим натуральным тканям, использовался для пошива парашютов. В годы войны завод разрушили, но он был отстроен одним из первых в Могилеве – в 1948 г. До 1962 г. предприятие носило название «Завод № 511» и считалось одним из наиболее значимых, важных для обороноспособности страны. Поэтому со всего СССР сюда направля-

ли наиболее способных молодых специалистов. Вот только в полуразрушенном после оккупации Могилеве и в 1950-е гг. проблема жилья, наряду со сложной экологической обстановкой из-за выбросов заводом в атмосферу сероводорода, была одной из острейших.

В сентябре 1957 г. руководство завода так характеризовало Евгения Аркадьевича: «Показал себя как способный и деловой инженерно-технический работник, хорошо справляющийся с полученной работой. Он всегда дисциплинирован, исполнительен и хорошо наладил дисциплину и технологический процесс водоумягчительной станции. Активно помогал в работе рационализаторов и изобретателей и сам вел научную работу, о результатах которой докладывал в АН УССР... как лучший профактивист, представлен к награждению грамотой ВЦСПС». Подобными эпитетами характеризовалась и Любовь Ивановна.

Трудности не отвлекли молодых ученых от занятий наукой. В январе 1958 г. Е. А. Продан поступил в аспирантуру по кафедре физико-коллоидной химии химического факультета БГУ по специальности «радиохимия». Его научным руководителем стал выдающийся белорусский ученый, специалист в области физической химии профессор Михаил Михайлович Павлюченко. По воспоминаниям коллег, аспирант Продан был очень увлечен наукой, стал близким сотрудником своего научного руководителя. В октябре 1958 г. его утвердили младшим научным сотрудником радиохимической лаборатории БГУ, основанной М. М. Павлюченко в 1957 г. Это определило перевод в заочную аспирантуру. Вероятно, такое решение было принято из-за безденежья и спартанских условий жизни – молодая семья в Минске ютилась в недавно построенном общежитии университета по улице Свердлова. Кроме того, Любовь Ивановна в 1958 г., невзирая на все трудности, также посту-

Корпус № 3 Черновицкого университета

пила в аспирантуру, чтобы посвятить себя науке.

В сентябре 1963 г. Евгений Аркадьевич защитил кандидатскую диссертацию на тему «Некоторые вопросы механизма реакций изотермической диссоциации твердых веществ: (система $\text{CdCO}_3 + \text{Q} \leftrightarrow \text{CdO} + \text{CO}_2$)». В скором времени (май 1965 г.) Любовь Ивановна также успешно защитила свою диссертацию, подготовленную под научным руководством профессора Н. Ф. Ермоленко и при активном участии мужа (тема ее работы «Исследование взаимодействия триполифосфата натрия с сульфатами кадмия, цинка, никеля и меди в водных растворах»). Еще в 1958 г. семейный научный «тандем» опубликовал в журнале по проблемам неорганической химии совместную статью «Исследование системы триполифосфатов натрия-сульфат цинко-водой» как результат обобщения большой экспериментальной работы. Это исследование получило благоприятный отклик выдающихся белорусских химиков того времени Н. Ф. Ермоленко, М. М. Павлюченко и Ф. Г. Осипенко. Позже Е. А. Продан и Л. И. Продан подготовили еще четыре статьи по данной тематике.

Первые этапы вхождения Е. А. Продана в науку в сентябре 1963 г. емко охарактеризовал ректор БГУ и выдающийся ученый-физик А. Н. Севченко: «Товарищ Продан Е. А. принимал активное участие в научных конференциях университета, научных семинарах кафедры и радиохимической лаборатории, часто выступая с научными докладами. Он выступал с докладами на II Украинском совещании по неорганической химии в 1955 г. и II Украинском совещании по физической химии в 1956 г. Им были представлены доклады на V Международный симпозиум по реакционной способности твердых веществ в Мюнхене и на Всесоюзной конференции по изучению реакций с участием твердых веществ в Новосибирске». И подчеркнул, что опыты,

Любовь Ивановна Продан. 1958 г.

наблюдения и выводы молодого ученого отличались смелостью мысли, тщательностью проработки и убедительностью.

Позже, в 1969 г., Евгений Аркадьевич и Любовь Ивановна издали работу «Триполифосфаты и их применение», которая, по признанию их коллег, стала одним из выдающихся трудов советских химиков в этой области на последующие десятилетия XX в. В данной работе, как и в кандидатских диссертациях ученых, речь шла о малоизученных на тот момент соединениях, о конденсированных фосфатах, которые уже тогда широко применялись в промышленности. Эти соединения стали объектом внимания в химической науке с 1895 г., однако проблемой оставались классификация и номенклатура фосфорных кислот и производных от них соединений. Так, проблемой было даже точное разделение соединений на метафосфаты и полифосфаты. Недостаточно были изучены также способности фосфатов к кристаллизации. Для установления структуры триполифосфатного аниона исследователи применили ядерный магнитный резонанс высокого разрешения, рентгеноструктурный анализ, инфракрасную спектроскопию, а также

гидролитическое расщепление в растворах и др.

Все это в целом соответствовало направлению гетерогенных реакций, которыми занимался профессор М. М. Павлюченко, а также гомогенных реакций, бывших предметом опытов его университетского коллеги профессора Н. Ф. Ермоленко. Евгений Аркадьевич и Любовь Ивановна Проданы установили, что в обычных условиях соли многих триполифосфатов вполне устойчивы, а разрушаться начинают именно при обезвоживании, особенно при высоких температурах. Было отмечено неравномерное распределение изотопов при облучении различных фосфатов. Эти наблюдения имели важное практическое значение. В частности, Евгением Аркадьевичем было проведено исследование поведения конденсированных фосфатов при хроматографии. Он установил различное поведение одних и тех же фосфатов в зависимости от содержания ионов водорода (в подвижном анионе). Особенно важное практическое значение имела разработка методов тонкослойной хроматографии, например применение кукурузного крахмала для приклеивания целлюлозных порошков к стеклу, а также использование радиоактивных индикаторов. Все это, в частности, имело очень большое значение при разработке методов быстрого анализа фосфатов.

В XX в. огромными темпами росло производство триполифосфата натрия, который применялся при создании синтетических моющих средств. Особенно большой интерес наблюдался к разработке пирофосфатов натрия и калия. Важным был поиск промышленных методов их производства, поиск ответа на угрозу загрязнения этими биологически активными соединениями окружающей среды. Ценным являлось наблюдение ученых, что в производстве при гидратации безводного триполифосфата натрия (например, на заводе в Виннице) важно поддер-

живать температуру и скорость реакции (так как при использовании воды наблюдался саморазогрев), и было предложено применять кусочки льда.

Также были изучены свойства АТФ, аденозинтрифосфорной кислоты и ее производных, соединений нуклеозидтриполифосфатов, нуклеотидов, участвующих в биосинтезе нуклеиновых кислот, важного компонента многих лекарств. Помимо применения в медицине и косметологии следовало определить возможности использования триполифосфатов в пищевой промышленности (например, при производстве колбас, предупреждении денатурации белков при хранении замороженных продуктов, для уменьшения гигроскопичности и слеживаемости хлебопекарных и картофельных продуктов, для умягчения воды и др.). Органические и неорганические производные триполи- и полифосфорных кислот применяются для производства инсектицидов, фунгицидов, биоцидов и иных ядохимикатов. Они важны в производстве синтетического каучука, латекса и химических волокон. Все эти свойства в 1969 г. были в целом описаны и системно представлены в работе супругов Проданов.

Если судить по сведениям анкетных данных, содержащихся в архиве БГУ, то Евгений Аркадьевич и Любовь Ивановна никогда не забывали свои украинские корни. Они свободно владели украинским языком, посещали научные мероприятия в Украинской ССР, навещали родные Черновцы и не прерывали связей с украинскими коллегами. Евгений Аркадьевич был увлечен туризмом и нередко летом выезжал в туристические походы с палаткой. Несмотря на случившийся развод, они прекрасно воспитали своих детей. Так, в 1985–1987 гг., во время обучения в аспирантуре БГУ, их младшая дочь Марина отмечала, что она украинка, свободно владеет украинским языком и активно участвует в украинской художественной самодеятельности.

Личный листок по учёту кадров

1. Фамилия: Горбан

родился 19 мая

СТ И К А

одоумлгчительной

№ 511

евича

№ 511 с августа 1955 г.

л себя как способный и
к, хорошо справляющийся
илинирован, исполнитель
технологии на водоумлг-

14591772

сть полу-
кончанин
и, указы
ствования

Белоруссии

у Белорусского государ-
университета им. В.И. Ленина
наук. сотрудника радио-
ной лаборатории

ГРИПОЛИФОСФАТЫ
И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ

СТАБИЛЬНО
в РЕЗУЛЬТАТЕ
СПОСОБНО
ОБЩАРИ
ОБЩАРИ

Горбу
в вази с
старшего
молото, у
1966 года
на выкан
радиохим

16

ПОВЕТЬЕВ Г.А. - проректор по науч-
ной работе, кандидат юридических на-
ук, доцент; ДОРСКИЙ С.А. - старший
преподаватель; ШАПРО М.А. - старший
преподаватель.

ПОВЕТЬЕВ Г.А. - проректор по науч-
ной работе, кандидат юридических на-
ук, доцент; СТЕПАНОВ В.И. - кандидат
философских наук, доцент; СТАРОВОЙЛОТ
В.И. - кандидат философских наук.

ПОВЕТЬЕВ Г.А. - проректор по науч-
ной работе, доцент; ПАВЛЮЧЕНКО М.М. -
доктор химических наук, профессор;
СТАРОВИЦЕВ Г.А. - доктор химических
наук, профессор; СВИРИДОВ В.В. - канд.
химических наук, доцент.

Отлично,
21.11.1961г. ПОВЕТЬЕВ Г.А. - проректор по научной
работе, доцент; ПАВЛЮЧЕНКО М.М. - док-
тор химич. наук, проф.; СТАРОВИЦЕВ Г.А.
доктор хим. наук, профессор; СВИРИДОВ
В.В. - канд. химич. наук, доцент.

Отлично,
4.11.1961г. ПОВЕТЬЕВ Г.А. - проректор по научной
работе, доцент; ПАВЛЮЧЕНКО М.М. - док-
тор химич. наук, профессор; СВИРИДОВ
В.В. - кандидат химических наук, до-
цент.

Перевести ПРОДАТА В.А. с записки доклада на научного
сотрудника им. доцента ассистента кафедры физический и
коллоидной химии с 25 июня 1964 года с окладом 300 рублей в
месяц.
Основание: резолюция ректора.

Ректор БГУ - профессор

(А.Савченко)

верно:

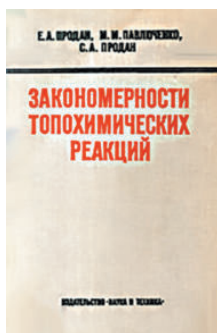
7

В 1969 г. семья распалась. Причиной, со слов коллег, стало то, что Евгений Аркадьевич влюбился в аспирантку С. А. Слышкину, которая писала диссертацию в Институте общей и неорганической химии (ИОНХ) АН БССР, куда известный ученый перешел работать, оставив БГУ в феврале 1966 г. Он по приглашению своего учителя стал научным сотрудником возглавляемой тем созданной лаборатории минеральных солей и удобрений. Любовь Ивановна до выхода на пенсию в январе 1989 г. продолжала работать в БГУ, была доцентом кафедры общей химии и внесла огромный вклад в дело подготовки будущих химиков и биологов в университете. Помимо работы на химфаке она регулярно читала лекции по общей и неорганической химии на биологическом факультете, опубликовала около 50 научных работ, получила несколько патентов на изобретения. Видимо, в пику бывшему мужу в 1971 г. она вступила в ряды КПСС, тогда как Е. А. Продану в подобном было отказано. Впрочем, по воспоминаниям коллег, он в ряды партии никогда не стремился.

Вторая жена Евгения Аркадьевича Светлана Анатольевна Слышкина в 1968 г. подготовила и защитила кандидатскую диссертацию о влиянии радиоактивного распада и газовой фазы на кинетику термического разложения карбонатов. В этом браке родилось двое детей – дочь Елена и сын Аркадий. Между тем Евгений Аркадьевич сохранял тесные отношения с дочерьми Ириной и Мариной. Любовь к науке и творчеству Евгений Аркадьевич сумел привить своим детям. Старшая дочь Ирина в 1977 г. окончила химический факультет БГУ, аспирантуру в Белорусском технологическом институте и в 1988 г. защитила кандидатскую диссертацию по неорганической химии, работала научным сотрудником кафедры технологии неорганических веществ БГТУ. По воспоминаниям коллег, Ирина Продан-Ясель поддержи-

вала связи с тетей в Канаде, куда и уехала с семьей в 1991 г. Вторая дочь Марина в 1980 г. окончила факультет радиофизики и электроники БГУ, в 1980-е гг. работала младшим научным сотрудником в НИИ биофизики и биотехнологий (лаборатория экспериментальной биологии) БГУ, занимаясь разработкой устройств для научных исследований в пищевой промышленности, получила несколько патентов на изобретения. Затем училась в аспирантуре по кафедре биофизики, но была вынуждена ее оставить после рождения дочери. В дальнейшем ее захватило хобби – танцы. В 1990-е гг. она занялась бизнесом и вместе с мужем уехала в г. Нефтеюганск в России, где открыла школу спортивных балльных танцев. К слову, ее старшая сестра Ирина также в Ванкувере стала заниматься спортивными танцами и живописью. Младшая дочь Евгения Аркадьевича Елена закончила первый курс химического факультета БГУ, затем перевелась в БНТУ и стала архитектором. Позже переехала жить в Черногорию. Сын Аркадий учился на радиофизическом факультете БГУ, в последующем занялся бизнесом.

Евгений Аркадьевич работал в БГУ с октября 1958 по февраль 1966 г. – сначала младшим, затем старшим (с сентября 1964 г.) научным сотрудником радиохимической лаборатории БГУ, а также (с июня 1964 по февраль 1966 г.) ассистентом кафедры физической и коллоидной химии БГУ. За годы аспирантуры в БГУ (1958–1962) подготовил 15 научных публикаций в серьезных научных изданиях в области химии: «Журнал неорганической химии», «Украинский химический журнал», «Доклады АН СССР», «Доклады АН БССР» и др. Профессор М. М. Павлюченко, как заведующий кафедрой физической и коллоидной химии БГУ, в духе времени так характеризовал своего ученика: «Товарищ Продан Е. А. ведет большую научно-исследовательскую работу. Им получены ценные ре-

Обложки книг Е. А. Продана

зультаты по ряду вопросов механизма реакции термического разложения твердых веществ и сделаны важные теоретические обобщения по этим вопросам»; «...активно участвует в общественной работе... Выступал перед колхозниками с чтением лекций на антирелигиозные темы и выезжал со студентами на уборку урожая».

Из документов и воспоминаний коллег Е. А. Продана по университету и лаборатории ИОНХ АН БССР известно, что приоритетом для ученого всегда оставалась научно-исследовательская деятельность. Он был человеком «выдающегося трудолюбия». Его научные публикации высоко ценили коллеги как в Советском Союзе, так и за рубежом. Впрочем, очевидно, что на карьере сказывалось наличие сестры в Канаде, а также факт рождения и жизни в «буржуазном мире». Так, Евгению Аркадьевичу было отказано в 1968 г. в приеме в КПСС, не разрешали выезжать за границу. По словам коллег, «он сидел как мышка, избегая активной общественной и тем более партийной деятельности; занимался сугубо научными вопросами». Несмотря на обстоятельства жизни, он не был конфликтным человеком. Все отмечали его исключительную эрудированность и углубленность в свои исследования.

Евгений Аркадьевич много занимался экспериментальной работой, был

в курсе актуальных тенденций и дискуссий в научном мире, так как свободно читал и переводил зарубежные труды с ряда иностранных языков. С огромным удовольствием он оформлял итоги научных исследований в статьи, чего, по признанию коллег, нередко ученые-практики избегали. Его поглощала исследовательская цель, в достижение которой он умел привлечь молодых ученых. Так, под его научным руководством с 1968 по 1985 г. защитилось 16 кандидатов химических наук.

Несомненно, велик вклад Е. А. Продана в развитие белорусской химической науки и промышленности. Практически до конца жизни, с февраля 1966 по декабрь 1992 г., он работал в лаборатории твердофазных реакций ИОНХ АН БССР. В 1975 г., после смерти М. М. Павлюченко, Евгений Аркадьевич возглавил эту лабораторию, которая стала заниматься изучением полифосфорных соединений. В последующем работа лаборатории сместилась в направлении изучения физико-химических взаимодействий триполифосфатов щелочных металлов и аммонийных солей, в том числе в различных газовых средах.

В ИОНХ ученый продолжил работать над написанием докторской диссертации, защита которой состоялась в 1974 г. Она была посвящена исследованию закономерностей топохимических превраще-

ний карбонатов и триполифосфатов. Во многих аспектах работа и сегодня не потеряла актуальности. Евгений Аркадьевич развивал исследование кинетики и механизма топохимических реакций с участием твердых тел, которое ранее инициировал М. М. Павлюченко. Е. А. Продан редактировал ряд научных сборников серии по гетерогенным реакциям, начало изданию которых положил его учитель. В докторской диссертации была обобщена обширная программа исследований лаборатории в ИОНХ. Звание профессора, как знак признания заслуг выдающегося ученого в деле подготовки научных кадров в области неорганической химии, было присвоено в 1985 г. А уже в следующем году Евгений Аркадьевич был избран в члены-корреспонденты АН БССР.

В последние годы жизни Е. А. Продан сосредоточился на изучении топохимии кристаллов, чему посвятил обширную монографию, опубликованную в 1990 г. Она до сих пор востребована. В ней ученый представил итоги многолетних изысканий в области топохимических реакций – взаимодействия веществ в твердом состоянии, преимущественно на границе поверхностей. Евгений Аркадьевич создал кинетическую модель изо- и анизотропного распространения реакции в кристаллах и обосновал модель химического превращения монокристаллов; очертил закономерности влияния температуры и давления на скорость этих реакций; разработал принципы синтеза трипротонированных кристаллических солей цепочечной трифосфорной кислоты, средних, кислых и двойных кристаллических солей трифосфорной кислоты. Сегодня в Научно-практическом центре НАН Беларуси по материаловедению налажено опытное производство искус-

ственных изумрудов. Технология таких изумрудов сейчас развивается в шести – восьми странах мира, в том числе и в Беларуси. Их производство составляет коммерческую тайну. Продукция востребована на мировом рынке, поскольку стоимость таких изумрудов в десятки раз ниже, чем их природных аналогов. Помимо использования в ювелирном деле изумруды необходимы для твердотельных лазеров. Опытная лаборатория топохимии с такими лазерами есть в БГТУ.

Исследования, которыми всю жизнь занимался Е. А. Продан, востребованы в производстве синтетических моющих средств и удобрений. В 1970–80-е гг. вышел ряд его работ о полифосфорных удобрениях, важных для сельского хозяйства республики. Для белорусской и мировой науки особенно значим вклад Евгения Аркадьевича в установление общих закономерностей влияния температуры и давления на скорость обратимых топохимических реакций, разработку теоретических основ синтеза новых полифосфорных соединений, новых способов получения средних, кислых и двойных кристаллических солей АТФ. Евгений Аркадьевич и его ученик В. В. Самусевич подготовили работу «Стабильность и реакционная способность фосфорных солей» – она была издана в 1994 г., уже после смерти Евгения Аркадьевича.

Список научных работ выдающегося ученого-химика насчитывает более 350 позиций, в том числе 5 монографий, 25 изобретений.

К сожалению, на пике научной карьеры, в конце 1992 г., Е. А. Продан поразил тяжелый недуг, и после недолгой болезни он скорпостижно скончался 2 января 1993 г. в Минске.

Виктор Адамович Кохнович

**Один из основоположников
научной школы аналитической
химии в Беларуси**

**Доктор химических наук,
профессор БГУ**

**Ольга Романовна
СКОРОХОД**

12.07.1915 – 25.06.1994

Профессиональная деятельность выпускницы химического факультета БГУ Ольги Романовны Скороход с 1939 по 1986 г. прошла в стенах альма-матер, на университетской кафедре аналитической химии. В университете она защитила кандидатскую и докторскую диссертации, стала профессором. В 1945–1946 гг. ей, молодому и «неостепененному» на тот момент преподавателю, в условиях послевоенной разрухи было доверено возглавить кафедру аналитической химии. Ольга Романовна внесла огромный вклад в развитие методов химического анализа, была одним из пионеров внедрения современных методов тестирования студентов в учебном процессе. Опубликованные ею сборники заданий по методам количественного анализа в аналитической химии внесли заметный вклад в процесс преподавания химии в вузах Беларуси. Она исследовала молекулярную, ионообменную и лигандную сорбцию соединений на ионитах, опубликовала 120 научных работ. Под руководством О. Р. Скороход 9 ее воспитанников защитили кандидатские диссертации.

Ольга Романовна занималась активной общественной деятельностью на химическом факультете: была членом ученых советов, председателем методической комиссии и членом группы народного контроля, председателем первичной организации Педагогического общества БССР на химическом факультете, членом комиссии Республиканского смотря научных работ студентов при Министерстве образования БССР. Заслуги О. Р. Скороход в науке и высшем образовании отмечены правительственными медалями и почетными грамотами.

Первой женщиной, достигшей высот в химической науке, была профессор Ольга Романовна Скороход. С февраля 1945 по июль 1986 г. она работала на кафедре аналитической химии химического факультета БГУ, проводя уникальные исследования и готовя кадры для химической науки, производства, образования республики. Ее жизнь и деятельность – уникальный пример сочетания в женщине незаурядных качеств ученого и высокого предназначения жены и матери.

Родилась Ольга Романовна в белорусской крестьянской семье в м. Брагин Речицкого уезда Минской губернии. О ее родителях известно очень мало. В автобиографии она указывала, что отец был крестьянином. В годы Первой мировой войны его призвали в российскую императорскую армию, а в 1916 г. он погиб на фронте. Мать также была крестьянкой, однако, по всей видимости, получила образование в местном народном училище, так как выделялась среди односельчан образованностью и общественной инициативностью. Можно предположить, что она, как и молодой муж, прониклась революционными взглядами (с 1905 г. в Брагине существовала группа РСДРП). После революции она возглавила Брагинский сельский совет, затем была членом Брагинского райисполкома и Гомельского окружного исполкома, а с 1935 г. до смерти в ноябре 1941 г. работала бухгалтером Брагинского районного отдела образования. Мать О. Р. Скороход стала активным деятелем советской власти на Полесье. Вообще, фамилия Скороход распространена на Киевщине и в Брагине.

Брагин – древнее поселение на стыке владений киевских и черниговских князей, а затем ВКЛ и Московского государства, письменные сведения о котором восходят к XII в. Город часто страдал от набегов татар и в войнах 1241, 1506, 1535, 1648 гг., поэтому не был крупным поселением и сохранял аграрный характер до середины XX в. В XVI – середине

XVIII в. им владели князья Вишневецкие, в 1603 г. здесь жил будущий российский царь-самозванец Лжедмитрий I. На время рождения Ольги Романовны в местечке проживало 5 тыс. жителей, из которых 52 % составляли еврей-мещане, а остальные – крестьяне-белорусы. Имелись двухклассная церковно-приходская школа и четырехлетнее народное училище. Брагин олицетворял собой рядовое местечко из белорусской полесской глубинки.

Контекст ранних лет биографии О. Р. Скороход весьма драматичен: отец погиб на фронте молодым, а мать осталась вдовой с двумя малолетними дочерьми и не вышла повторно замуж. Всю свою энергию и любовь она направила на воспитание дочерей (у Ольги была сестра, имени которой, как и родителей, она нигде в документах не упоминала), а также на самообразование. Данные качества, несомненно, мать сумела привить и своей дочери. Возможно, этому способствовала и местная легенда: в окрестностях Брагина, недалеко от места замка Вишневецких находится большой «камень любви», где якобы Лжедмитрий I предложил Марии Мнишек стать его супругой. И они поклялись в верности до смерти. По местному поверью, если молодожены посидят на камне, также до смерти останутся вместе и будут верны друг другу. И действительно, семейная жизнь Ольги Романовны Скороход и ее мужа, также ученого-химика профессора И. Г. Тищенко, подтверждает силу брагинской легенды.

Ольга Скороход в 1929–1930 гг. училась в Брагинской средней школе, которая тогда была 10-летней. В сложное время, когда Брагин до конца 1926 г. входил в состав РСФСР, Полесье потрясала то борьба с антисоветскими отрядами различных «атаманов», то эпидемии тифа. Ольга была вынуждена помогать матери в ведении домашнего хозяйства, постигая до 1928 г. школьную программу на дому. С вхождением этой территории в состав

БССР в Брагине была открыта средняя белорусская школа, старшие классы которой и стала посещать девочка. В это время, в 1928 г., ее мать была выдвинута на административные должности, в 1928–1931 гг. закончила бухгалтерские курсы в новооткрытом сельскохозяйственном техникуме в Брагине. В этом техникуме с сентября 1930 по август 1933 г. училась и Ольга Скороход, в итоге получив профессию старшего техника-молоковеда. В августе 1933 г. она была направлена на работу в г. Сенно Витебской области, год проработала в райпотребкооперации, затем поступила на химический факультет БГУ.

По всей видимости, девушка предпочла учебу в Минске, а не в более близком к Брагину Киеве, так как сказались учеба в белорусских школе и техникуме, а также некоторое знакомство с Минском, когда ехала устраиваться на работу в Сенно. Схожим был путь в Белорусский государственный университет и другого уроженца Брагинщины – известного белорусского ученого-химика профессора М. М. Павлюченко.

С сентября 1934 по 15 августа 1939 г. Ольга Романовна училась на химическом факультете БГУ по специальности «аналитическая химия». В то время кафедра аналитической химии в БГУ только складывалась во главе с профессором Николаем Федоровичем Ермоленко. Аналитическая химия – направление в химической науке, которое занимается качественным и количественным анализом веществ и при этом использует не только химический инструментарий, но также физический, физико-химический, математический, биологический, а сейчас – и современные информационные технологии. Все это требовало наличия оборудования, которым в то время университет практически не располагал. Во многом развитие аналитической химии в предвоенные годы опиралось на высокий теоретический уровень профессуры и энтузиазм и увлеченность студентов,

Сенно. Начало 1930-х гг.

с применением самого передового для своего времени спектроскопического, рентгенографического и иного оборудования. Само наличие в БГУ с 1934 г. кафедры и специализации в области аналитической химии означало переход химии как научной и учебной дисциплины на качественно новый уровень. После того как в марте 1938 г., ввиду угрозы репрессий, Н. Ф. Ермоленко уехал в Киев, кафедру возглавил молодой кандидат химических наук, доцент, выпускник химфака БГУ 1933 г. Александр Федорович Будкевич. Помимо него на кафедре работали ассистенты Феликс Михайлович Лагуто и Софья Аврамовна Левина (аспирантка Н. Ф. Ермоленко). Конечно, кафедра очень нуждалась в пополнении. Лучшей среди первых выпускников кафедры была Ольга Романовна Скороход, с отличием закончившая химфак. И она была оставлена на кафедре для научной работы. Подкреплялось это, безусловно, огромным интересом к предмету, знаниями и энтузиазмом самой Ольги Романовны. Сохранилась справка БГУ от 29 января 1948 г., которая подтверждает, что она с сентября 1939 по июнь 1941 г. работала ассистентом кафедры аналитической химии. Тогда аналитическая химия читалась на 4-м и 5-м курсах и была среди более десятка читаемых дисциплин по сути дополнением к курсу физико-

химического анализа (43 часа лекций на 4-м курсе и 40 часов на 5-м, но с немалым количеством практических занятий – 252 и 140 часов соответственно). В автобиографии Ольга Романовна указывала, что она «...работала в должности старшего лаборанта и одновременно почасового ассистента кафедры аналитической химии до 22 июня 1941 г.».

Всего на химическом факультете, согласно архивным документам, перед войной было около 70 научных сотрудников. Тогда факультет испытывал острый недостаток учебников, приборов, реактивов, учебных площадей и лабораторий. Нехватку специалистов университет ликвидировал путем взращивания своих кадров. Уже в 1940 г. диссертации защитили 2 аспиранта, готовили свои работы к защите еще 5 аспирантов (в том числе Д. К. Мицкевич, Л. И. Малишевская, С. Г. Олифсон, Н. И. Карпович). Из документов известно, что поступать в аспирантуру собиралась и О. Р. Скороход. Но все планы, личные и общеуниверситетские, нарушила война.

Позже о своей жизни в годы войны Ольга Романовна писала скупой: «Во время ВОВ жила на родине в г. пос. Брагин в семье родственника – связного партизанского отряда. Нигде не работала. Занималась домашним хозяйством... на моем воспитании находились двое малолетних детей сестры». В феврале 1945 г. она писала, что ее шурин (муж сестры) руководил вооруженной подпольной организацией. По всей видимости, обстоятельства вынудили Ольгу Романовну с родственниками в 1943 г. уйти в партизанский отряд. Нельзя не обратить внимание на тот факт, что время смерти ее матери (ноябрь 1941 г.) совпадает с истреблением оккупантами брагинского гетто и захваченных местных подпольщиков. Со слов О. Р. Скороход известно, что с августа по декабрь 1943 г. она находилась в партизанском отряде им. Г. И. Катовского, действовавшего на территории Брагинского

и Хойникского районов Полесской области. Этот партизанский отряд не был крупным, однако оказал значительную помощь в освобождении района от захватчиков. Так, еще 23 сентября 1943 г. п. Комарин на берегу Днепра стал первым районным центром БССР, освобожденным от нацистских захватчиков. Брагин был освобожден 23 ноября 1943 г. в ходе тяжелой кровопролитной битвы (погибло 3,5 тыс. советских солдат).

Ольга Романовна с декабря 1943 по февраль 1945 г. работала учителем физики и химии Брагинской СШ, а с августа 1944 г. также являлась завучем этой школы. Однако вскоре после освобождения Минска и с возобновлением работы БГУ вернулась в родной университет. Приказом по университету 28 января 1945 г. ее зачислили в штат в качестве старшего лаборанта, но уже новым приказом от 27 февраля 1945 г. назначили ассистентом кафедры аналитической химии. И такой карьерный взлет объяснялся просто: кафедра испытывала огромную потребность в преподавателях (на кафедре числился лишь ассистент Лиза Абрамовна Гельфер, которой приходилось выполнять всю учебную нагрузку по аналитической химии и количественному анализу на химическом и биологическом факультетах). До возвращения из армии в 1946 г. доцента А. Ф. Будкевича и ассистента И. М. Конюшко (выпускник 1938 г.) фактически работа кафедры держалась на энтузиазме и усилиях двух ассистенток – Л. А. Гельфер и О. Р. Скороход. Похоже, в те трудные времена кафедре аналитической химии было сложнее всего: не только кадровый дефицит мешал учебной деятельности, но отсутствовало важное для аналитической химии оборудование. И в дальнейшем, вплоть до 1960-х гг., ситуация по объективным причинам оставалась для кафедры сложной. Только усилия сотрудников кафедры, их профессиональный энтузиазм позволяли сохра-

нять столь важное научное и учебное направление.

Несмотря на трудности и вызовы времени, Ольга Романовна в августе 1945 г. поступила в аспирантуру химического факультета БГУ. Заведующий кафедрой общей химии профессор Н. Ф. Ермоленко, который тогда вернулся в БГУ и продолжил курировать становление аналитической химии в университете, так отзывался о ней (май 1945 г.): «В БГУ вернулась в 1945 г. на свое прежнее место. Ольга Романовна является исполнительным, аккуратным работником, хорошо справляется с педагогической работой... принимает активное участие в восстановлении кафедры. <...> Из нее получится хороший научный работник и преподаватель». И действительно, в июне она сдала вступительные экзамены и в августе 1945 г. была зачислена в аспирантуру БГУ (из-за дефицита всего и вся в то сложнейшее время на ее личном аспирантском листке не было даже фотографии).

Во время обучения в аспирантуре (1945–1948) Ольга Романовна углубленно изучала аналитическую химию (капельный анализ, микрохимический анализ, поларография, спектроскопия, колориметрия, нефелометрия), а также штудировала (в дополнение к немецкому) английский язык. В сентябре 1947 г. она подготовила свой первый научный доклад и статью «Колориметрия и нефелометрия – методы химического анализа». Под руководством Н. Ф. Ермоленко аспирантка написала кандидатскую диссертацию на тему «Взаимное вытеснение кислот и собирательная адсорбция», которую успешно защитила через несколько лет по завершении учебы – 24 марта 1953 г. Ее исследование посвящено давно известному в науке явлению взаимного вытеснения кислот. Например, сильные кислоты (соляная кислота, бромоводород, азотная кислота, хлорная кислота, серная кислота) вытесняют слабые кислоты в обменных реакциях. Сильные кис-

лоты, в отличие от слабых (кремниевая кислота, угольная, сернистая, фтороводородная и др.), полностью растворяются в воде. Огромный интерес в то время вызывали не вполне изученные поверхностные взаимодействия в гетерогенных реакциях. Этими темами занимались в БГУ М. М. Павлюченко и Г. Л. Старобинец. Были актуальны исследования взаимодействия высших кислот в коллоидной химии. Однако научный интерес О. Р. Скороход был обусловлен необходимостью решения практических задач, в том числе для понимания и управления механизмом взаимодействия на границе двух сред. В целом установление закономерностей в адсорбции при вытеснении кислот было и остается сложной задачей, требующей способностей к абстрактному моделированию. Со всем этим на примере ряда взаимодействий Ольга Романовна отлично справилась и установила ряд ценных закономерностей.

Наверное, требовался огромный молодой энтузиазм, оптимизм и увлеченность жизнью и своим делом, чтобы преодолевать трудности быта, заниматься наукой, диссертацией, выполнять большую преподавательскую нагрузку без

Аспиранты химфака БГУ в лаборатории под руководством профессора Б. В. Ерофеева. Послевоенные годы

Ольга Романовна Скороход

необходимых для аналитической химии средств. И при этом создавать семью, любить и созидать. На факультете Ольга Романовна познакомилась с молодым преподавателем кафедры органической химии, фронтовиком Иваном Григорьевичем Тищенко. Он закончил химфак в 1938 г., работал в сельской школе в далекой Мордовии, в 1941 г. ушел на фронт, затем практически сразу после демобилизации пришел на химический факультет БГУ. Как и Ольга Романовна, он участвовал в восстановлении университета и Минска. Практически одновременно

оба учились в аспирантуре. В начале 1951 г. молодые ученые вступили в брак.

Со слов профессора Ф. Г. Осипенко известно, что аспиранты уделяли большое внимание новейшим достижениям науки своего времени, увлекались методами химического анализа при помощи доступного оборудования. Практически в одном ритме молодые ученые провели необходимые опыты и исследования и подготовили к защите свои диссертации. В апреле 1953 г. И. Г. Тищенко защитил кандидатскую диссертацию (месяцем позже Ольги Романовны), а в мае 1953 г. оба получили научное звание и стали работать доцентами кафедр органической и аналитической химии. В апреле 1953 г. Иван Григорьевич был назначен деканом химического факультета и находился в этой должности до ноября 1965 г. И деканство, и подготовка докторской диссертации вряд ли бы стали возможными без поддержки и понимания со стороны супруги, Ольги Романовны.

Несмотря на то что Ольга Романовна занималась вопросами неорганической и физической химии в приложении на методы анализа, а Иван Григорьевич – органической химии, во многом их научные интересы пересекались, что было предтечей современной интеграции внутри науки. Так, в 1961–1966 гг. вышло несколько их статей об избирательной адсорбции смеси кислот, об окрашенных комплексах тетро-гидрооксилино-фуранонов. В 1961 г. они получили патент на новый электро-гетерохимический способ определения молибдена. Способ был очень востребован в промышленности.

В 1955 г. у О. Р. Скороход (фамилию после замужества она не поменяла) и И. Г. Тищенко родилась дочь Елена. Вместе с молодой семьей некоторое время проживала мать Ивана Григорьевича, заботилась о внучке и быте супружеских ученых. В скором времени семье была предоставлена новая квартира на буль-

Практические занятия
по органической химии
на химическом факультете. 1951 г.

Преподаватели химфака БГУ
в лаборатории. 1953 г.

варе Луначарского (ранее они проживали в доме по Войсковому переулку).

В 1950-е гг. химический факультет БГУ испытывал массу проблем. И хотя восстановление зданий университета было в основном завершено к 1950 г., но, как и прежде, остро не хватало места для лабораторий и даже для регулярных занятий. Декан И. Г. Тищенко заботился об экономном расходовании химреактивов, которые сотрудники лабораторий могли получить лишь с его личного разрешения. Отчасти эту проблему решал основанный в 1947 г. НИИ химии БГУ, а также использование возможностей АН БССР, где по совместительству трудились практически все профессора-химики БГУ того времени. В Минске многие здания из жилищного фонда долгие годы стояли разрушенными, дефицит жилья, а также продуктов, медикаментов, одежды, обуви был тотальным. Студенты проживали по 8–10 человек в комнате и, по воспоминаниям профессора Г. А. Браницкого, нередко были голодными. Выручали посылки от родителей, а также то, что на столах в университетской столовой всегда был бесплатный хлеб.

Ольга Романовна и Иван Григорьевич были рачительными хозяевами (все-таки оба из крестьянской среды) и в отношении факультета, и в частной жизни, а также scrupulous исследователями, чуткими талантливыми педагогами. Ольгу Романовну в апреле 1970 г. так характеризовал декан химического факультета (1965–1973) Ф. Н. Капуцкий: «За время работы в университете О. Р. Скороход проявила себя высококвалифицированным специалистом-химиком, успешно работает в области научных исследований и ведет большую педагогическую работу. Знает и любит свое дело. Чтение лекционных курсов по общей и неорганической химии, спецкурса по методам химического анализа, проведение семинарских занятий и лабораторных занятий, руководство курсовыми и диплом-

ными работами всегда осуществляет на высоком научно-методическом уровне». О высоком профессионализме и верности своему делу Ольги Романовны говорит тот факт, что к 1970 г., еще до получения ею ученой степени доктора химических наук, под ее научным руководством было защищено 5 кандидатских диссертаций по аналитической химии и методам исследования как в неорганической, так и органической химии. С 1953 по 1970 г. О. Р. Скороход вела масштабную исследовательскую деятельность и подготовила к печати 58 научных работ, еще 7 работ были в печати. В ее исследовательском активе имелось 1 авторское свидетельство на изобретение.

И еще одна черта ученого – незаурядность научной составляющей всей многогранной работы. Исследования Ольги Романовны проводились главным образом в области молекулярной сорбции ароматических кислот, сорбентов и их химических качеств, сорбции жирных кислот под влиянием температуры, избирательной сорбции бензольной и других органических кислот. В 1970 г. была защищена докторская диссертация на тему «Исследование сорбции слабых органических электролитов на ионообменных смолах». В этой работе отразилось влияние научной школы старшего коллеги – профессора БГУ Г. Л. Старобинца, выдающегося специалиста в области физической и аналитической химии Беларуси того времени. С 1955 по 1989 г. Григорий Лазаревич возглавлял кафедру аналитической химии БГУ и, очевидно, направлял работу растущего коллектива сотрудников. С 1960-х гг. О. Р. Скороход стала все больше внимания уделять проблемам физической химии и применению ее возможностей в аналитической химии.

В целом в 1960-е гг. во всем мире исследование электролитов приобретало популярность. Изучались как физические, так и химические свойства этих материалов. Во многом характеристики

ЛИЧНЫЙ ЛИСТОК

Учету кадров

Скороход

отчество Романовна

д. число и м-ц рождения 1915, 18 июля

п. Брагин

(село, деревня, город, район, область)

село вбб, БССР

г. Гродно

б. Соп. происхождение из Кремень

Вотиска

на Кривале и 10 по Гродненскому вост. университету

на 27 февраля 1945.

83.

Заместитель зав. Скороход ассистент кафедры
оперативной работы на предприятиях (БССР, Гродно)

партизет №

вступления) и/карточка

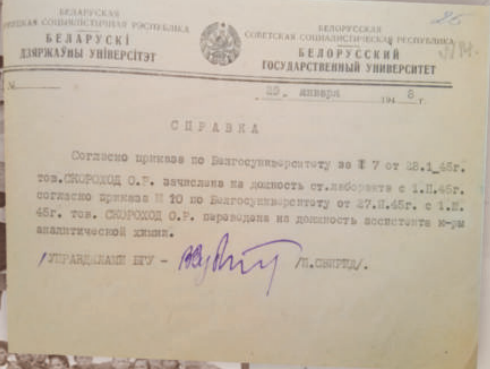
и № билета

Год поступления	Год окончания или ухода	Если не окончил, то с какого курса ушел	Какую специальность получил в результате окончания учебного заведения, указать № диплома или удостоверения
1930	1933		Техник-машинист
1934	1939		Машинист

СССР владеете

Автобиография
Олесь Романовна.
в 1915 году в м. Брагине Гродненской области.
БССР в семье крестьянина.
1930 года училась в Брагинской средней школе.
1931. поступила и в 1933. окончила Брагинский техникум.
Один год (1933-1934) работала
Сенко Витольдовской вбб. по специальности Техника по
делу при Райпотребсоюзе.

СССР
Копия
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ТЕСТАЦИОННАЯ
МИССИЯ
ДОЦЕНТА

СПРАВКА

Согласно приказу по Белгосуниверситету от 17.04.45г.
тов. СКОРОХОД О.Р. зачислена на должность студента с 1.04.45г.
согласно приказу от 10 по Белгосуниверситету от 27.04.45г. с 1.04.
45г. тов. СКОРОХОД О.Р. переведена на должность ассистента и-и
аналитической химии.

/ИЗДАНИЕ БУ - [подпись] Л.С.С.С.С.

/подпись/

и условия взаимодействия органических электролитов (прежде всего различные органические соли, кислоты, фенолы, амины и др.) не были описаны и систематизированы. А ведь такая систематизация необходима в химическом производстве ряда технологий, для прогноза свойств и процессов синтеза органических соединений, а также их применения в условиях электромагнитного, электрического, фотоэлектрического воздействия. Интересен результат подобных исследований и для бурно развивавшейся тогда космической, приборостроительной и других сфер промышленности. И важно было эту проблематику донести студентам на занятиях по аналитической химии. В то время, по инициативе В. В. Свиридова и Н. Ф. Кунина и при поддержке ректора А. Н. Севченко, усилилось сотрудничество химического факультета и кафедры физики твердого тела и полупроводников физического факультета БГУ. Результатом подобного плодотворного взаимодействия двух факультетов в 1978 г. на базе лабораторий химического факультета возник НИИ физико-химических проблем (ФХП) БГУ. Это позволяло химикам включать в свою работу новые приборы и возможности для исследования.

Ольга Романовна стремилась всегда идти в ногу со временем. По воспоминаниям коллег, эта черта ее научного кредо разнилась с настороженностью и недоверием к новым в химии физико-математическим методам ее супруга И. Г. Тищенко. Она и далее развивала обозначенное в докторской диссертации направление исследований, опубликовала учебное пособие «Методы химического анализа (качественный анализ)», а также пособие «Химический анализ: основы методов концентрирования и разделения веществ» (1980). Оба пособия послужили не одному поколению студентов-химиков и внесли весомый вклад в подготовку

высокопрофессиональной белорусской школы химиков.

В ноябре 1972 г. Ольга Романовна получила ученое звание профессора и в этом качестве продолжала работать на кафедре аналитической химии БГУ до июля 1986 г. Ее устремленность ко всему новому в профессиональной сфере проявлялась повсеместно. Так, после двухмесячной стажировки на химическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова в 1974 г. внимание исследователя привлекли возможности применения ЭВМ как для моделирования в химическом анализе, так и в учебном процессе. Тогда это было совершенно новое направление. Тем не менее уже в 1976 г. она приступила к подготовке «Сборника вопросов и ответов для программированного опроса по аналитической химии». В данном случае поддержку этому начинанию оказал ее супруг профессор И. Г. Тищенко. Как уже отмечалось, Ольга Романовна самостоятельно изучила английский язык, чтобы в оригиналах знакомиться с новинками научной литературы. Знание языка пригодилось в 1979 г., когда на химфак БГУ приезжал (по приглашению директора НИИ ФХП БГУ (1978–1987) Г. А. Браницкого) с курсом лекций по использованию тестов в учебном процессе американский профессор Теодор Ашфорд. В итоге уже в 1980 г. студенты химфака одними из первых в БГУ и Беларуси стали проходить тестирование по учебным курсам на ЭВМ. Значительный вклад в это начинание внесла вместе с О. Р. Скороход и доцент кафедры неорганической химии Г. А. Кожушкова.

Дочь Ольги Романовны и Ивана Григорьевича Елена Ивановна Тищенко по примеру родителей также пошла в науку. Уже в годы учебы на химическом факультете БГУ (1972–1977) она специализировалась по органической химии. По окончании учебы в качестве научного сотрудника изучала биохимические процессы в НИИ биоорганической химии (первый

Сотрудники лаборатории
физико-химических проблем НИИ ФХП БГУ

такого рода институт в Советском Союзе, основанный в Беларуси в 1974 г.), затем биохимии АН БССР.

Авторитет Ольги Романовны среди коллег был непререкаем. Регулярно при переизбрании на должность профессора кафедры аналитической химии она получала самые благоприятные отзывы. В апреле 1986 г. ректор БГУ академик Л. И. Киселевский в ходатайстве университета в Совмин БССР о назначении О. Р. Скороход персональной пенсии отмечал ее большую методическую работу по совершенствованию преподавания общих и специальных курсов, как активного члена совета химического факультета и совета по защите диссертаций, популяризатора научных знаний. Она являлась членом комиссии Республиканского смотра научных работ студентов при Минвузе БССР. Ольга Романовна Скороход награждена медалями «За многолетний плодотворный труд», почетными грамотами Верховного Совета БССР и Минвуза БССР.

За годы работы в университете О. Р. Скороход подготовила 120 научных публикаций, в том числе 2 монографии и несколько пособий, стала автором нескольких изобретений. Под ее научным руководством успешно защитили

кандидатские диссертации 9 аспирантов. Учениками профессора считают себя И. Б. Станкевич, М. М. Григорович, Т. П. Бабаевская, Р. Г. Грученков, В. И. Шаповалова, М. Л. Павлович и др.

В июне 1986 г. О. Р. Скороход подала заявление об уходе из университета на пенсию. К тому времени ей исполнилось 70 лет. Через год умер супруг, профессор И. Г. Тищенко. Судьбой Ольге Романовне было отмерено еще 7 лет жизни.

Вклад незаурядной женщины-ученого в историю университета и химического факультета не предан забвению. Продолжают исследования и педагогическую деятельность новые генерации ее учеников – сотрудников кафедры аналитической химии БГУ. На кафедре изучаются свободнорадикальные превращения биологически активных веществ, функционирование ионоселективных электродов на основе жидких ионообменников, совершенствуются методические основы компьютеризации общих и специальных курсов по аналитической химии. Плодотворно работают лаборатории НИИ физико-химических проблем БГУ по исследованию неорганических сорбентов, химии свободнорадикальных процессов, химии конденсированных сред и др. Например, лаборатория физико-химических методов исследования НИИ ФХП во главе с доцентом Л. С. Ивашкевич занимается изучением диффузионных и обменных процессов на межфазовой границе ионселективного электрода и исследуемого раствора, а также разработкой новых ионселективных электродов и взаимосвязей в химических процессах с их участием, анализом морфологии поверхности методом электронной микроскопии. В итоге была установлена структура около 50 биологически активных соединений, что востребовано в мировой химической науке.

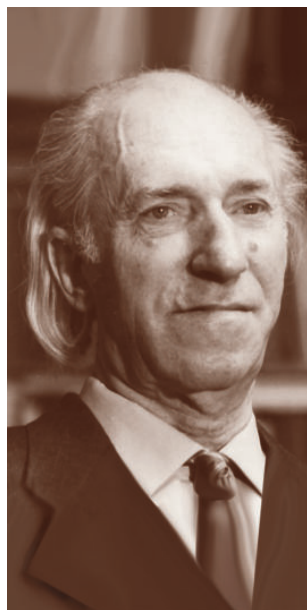
Виктор Адамович Кохнович

**Выдающийся лингвист,
основоположник отечественной
славистики, основатель научной
школы методики преподавания
русского языка
в белорусской школе**

**Профессор, доктор филологических
наук, доктор педагогических наук,
первый заведующий кафедрой
теоретического и славянского
языкознания БГУ**

Адам Евгеньевич СУПРУН

24.10.1928 – 18.08.1999

Адам Евгеньевич Супрун – крупнейший филолог-славист второй половины XX в. Его профессиональное становление прошло в г. Фрунзе (сегодня – Бишкек): заведующий кафедрой русского языка Киргизского государственного университета занимался проблематикой славянских числительных, разрабатывал вопросы преподавания русского языка в национальной школе, написал учебники русской грамматики для многих поколений киргизских школьников.

В 1966 г. ученый возглавил недавно созданную кафедру общего и славянского языкознания БГУ, изучал многие проблемы: от лексики и грамматики славянских языков до этимологии и психолингвистики. В центре же преподавательской работы находились славистика и историческое языкознание, а главным лекционным курсом на протяжении десятилетий являлся старославянский язык. С 1969 г. А. Е. Супрун сотрудничал с Научно-исследовательским институтом педагогики Министерства образования БССР, внес немалый вклад в создание методики изучения русского языка белорусскими школьниками в условиях двуязычия.

Адам Евгеньевич опубликовал около 450 работ, в том числе более 30 книг. Под его руководством было защищено свыше 60 кандидатских и 10 докторских диссертаций.

В Белорусском государственном университете традиционно уделяется большое внимание изучению славянских языков, истории и культуры славянских народов. Однако если основы отечественной исторической славистики были заложены еще в 1920-е гг., то становление университетской школы исследований в области славянского языкознания затянулось на несколько десятилетий. В 1922 г. на педагогическом факультете – «новом рассаднике высшего образования» – было создано лингвистико-литературное отделение. Оно состояло из четырех секций, среди которых была и польская. В непростое время становления университета эта секция не смогла развернуть широкой научной деятельности. Яркий след в истории белорусской лингвистики оставил выдающийся филолог Н. Н. Дурново. В 1928–1929 гг. он возглавлял кафедру славянского языковедения и читал лекции по курсу «Сравнительная грамматика славянских языков». Заметному оживлению университетской науки способствовало создание в 1939 г. филологического факультета. В довоенное время славистические исследования велись исключительно в рамках белорусистики.

После окончания Второй мировой войны, в условиях социалистических преобразований в Центральной Европе, в СССР резко возрос интерес к славянским странам и славянским языкам. Не осталось в стороне и белорусское научное сообщество. К началу 1960-х гг. в Институте языкознания им. Якуба Коласа Белорусской академии наук завершилось формирование сектора общего и славянского языкознания. Кафедра общего языкознания функционировала и в Институте иностранных языков. Только БГУ так и не создал самостоятельной организационной единицы славистического направления. Несистематическое преподавание славянских языков осуществлялось силами сотрудников кафедры общего и русского языкознания.

На повестку дня вставал вопрос о необходимости развития университетской славистики. Весной 1966 г. была образована кафедра общего и славянского языкознания, а на должность ее заведующего был приглашен доктор филологических наук Адам Евгеньевич Супрун. На протяжении 33 лет – вплоть до своей смерти в 1999 г. – он определял развитие университетской лингвистической и славистической науки.

Сегодня опубликовано немало воспоминаний коллег и учеников А. Е. Супруна. Регулярно выходят статьи, посвященные разным аспектам научного наследия ученого. Однако обобщающий труд, который позволил бы проследить в деталях жизнь этого выдающегося человека, до сих пор не написан.

Адам-Ростислав Евгеньевич Супрун-Белевич родился 24 октября 1928 г. в г. Полтаве. Его отец Евгений Яковлевич преподавал математику, а мать Ирина Николаевна – французский язык. Будущий лингвист и педагог был младшим ребенком в семье. Размеренная жизнь закончилась 22 июня 1941 г. В автобиографии А. Е. Супрун писал: «Вследствие внезапного занятия города немцами семья не успела эвакуироваться. Во время оккупации не учился и не работал». С фронта не вернулся старший брат.

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны родители Адама Евгеньевича в поисках лучшей доли переехали на юг Киргизии, в шахтерский город Кон-Янбак. Там в 1947 г. юноша экстерном окончил среднюю школу и поступил на физико-математический факультет Среднеазиатского государственного университета (так в то время назывался Ташкентский университет). Очень быстро разочаровавшись в своем выборе, в 1948 г. молодой человек поступил на факультет языка и литературы Киргизского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе в г. Фрунзе (сегодня Бишкек). Он сразу

стал выделяться среди товарищей своей одаренностью и трудоспособностью.

Первое послевоенное десятилетие было временем последнего наступления яфетической теории Н. Я. Марра – антинаучной теории происхождения, истории и «классовой сущности» языка. Практически все крупные лингвисты подверглись нападкам политического характера. Однако А. Е. Супрун находил возможность изучать не только работы сторонников «нового учения о языке», но и труды попавших в опалу языковедов В. В. Виноградова и А. С. Чикобава. Обучаясь на втором курсе, талантливый студент увлекся темой «Число и язык». Именно эта проблематика на долгие годы стала определяющей в научных изысканиях уже состоявшегося филолога-слависта.

В 1951 г. пединститут в г. Фрунзе претерпел ряд преобразований, и в 1952 г. Адам Евгеньевич окончил уже филологический факультет Киргизского государственного университета по специальности «учитель русского языка и литературы».

Молодой специалист был распределен в Киргизский государственный заочный институт, где проработал два года, преподавая историю русского литературного языка. А. Е. Супрун успешно совмещал педагогическую деятельность с научными занятиями. В том же 1952 г. он поступил в аспирантуру по кафедре русского языка своей альма-матер. Начинаящий ученый приступил к исследованию на тему «Слова с корнями числительных в современном русском литературном языке». Научное руководство осуществлял крупнейший лингвист-тюрколог, академик Киргизской академии наук Игорь Алексеевич Батманов. В 1955 г. А. Е. Супрун блистательно защитил кандидатскую диссертацию в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова и был принят на работу в родном университете.

Всего за шесть лет Адам Евгеньевич прошел путь от старшего преподавате-

А. Е. Супрун в студенческие годы.
Фрунзе. Конец 1940-х гг.

ля до заведующего кафедрой русского языка. В разное время он читал курсы по старославянскому языку, исторической грамматике русского языка, сравнительной грамматике славянских языков, преподавал украинский и польский языки. Как следует из характеристики, подписанной ректором и председателем профкома Киргизского государственного университета, «лекции Супруна, которые пользуются популярностью у студентов, построены на большом фактическом материале и отражают последние достижения науки».

Значительная педагогическая нагрузка не помешала Адаму Евгеньевичу увлеченно заниматься наукой. Продолжив изучение проблем исторической морфологии и синтаксиса, он опубликовал монографии «О русских числительных» (1959) и «Старославянские числительные» (1961). Положительные рецензии на эти книги написали корифеи мировой лингвистики Б. О. Унбегаун и А. Вайан. Ученый не оставлял без внимания вопросы лексики славянских языков. Он проанализировал македонский перевод

«Слова о полку Игореве», опубликовал в журнале «Литературный Киргизстан» серию статей о киргизских переводах славянских писателей. Занимаясь историческим языкознанием, А. Е. Супрун углубился в изучение полабского языка – ныне мертвого славянского языка, на котором до XVIII в. говорило население западных от р. Эльбы земель. В 1962 г. вышла первая работа исследователя, посвященная этой тематике, – «Полабские числительные». Стремясь воздать должное работе предшественников и коллег-современников, он составил и издал первую в Киргизии библиографию лингвистической русистики – «Русское языкознание в Киргизии (1946–1958). Указатель литературы» (1960).

В киргизский период своей жизни Адам Евгеньевич заинтересовался проблемами лингводидактики. Ученый опубликовал несколько статей, посвященных методике обучения студентов-русистов славянским языкам. Однако центральное место в кругу научных интересов лингвиста заняли актуальные для двуязычной Киргизии вопросы преподавания русского языка в национальной школе. А. Е. Супрун неоднократно участвовал в научно-практических учительских конференциях. В 1959–1969 гг. он входил в состав редколлегии журнала «Русский язык в Киргизской школе» и активно печатался на его страницах. Адам Евгеньевич издал ряд методических материалов для учителей, в том числе монографию «Имя числительное и его изучение в школе» (1964). В 1961 г. уже признанный филолог-славист стал одним из авторов школьного учебника по русскому синтаксису для 7-х и 8-х классов. Пособие выдержало 25 переизданий.

Не вызывает удивления тот факт, что к середине 1960-х гг. А. Е. Супрун имел солидный авторитет в научной среде. Известный лингвист С. М. Толстая, супруга крупного специалиста в области истории славянских языков Н. И. Толстого, вспо-

минала: «Я впервые услышала имя Адама Евгеньевича, произнесенное – с самого начала и навсегда – с особой, “серьезной” интонацией, от Никиты Ильича Толстого. Это было в начале шестидесятых... Для Никиты Ильича очень скоро Адам Евгеньевич стал в ряд наиболее авторитетных коллег-славистов его поколения, таких как В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев. Помимо собственно научных заслуг Адама Евгеньевича в разных областях славистики, Никита Ильич высоко ценил в нем чувство ответственности за состояние отечественной науки и готовность служить общему делу».

Естественно, что ученый такого масштаба не мог не дорожить внутренней свободой. Л. А. Шейман, выдающийся киргизский литературовед и специалист в области лингводидактики, писал: «Доводилось видеть, как он с достоинством... отвечал на агрессивно-самоуверенные реплики лиц, облаченных всякими регалиями и официальными полномочиями, привыкших к беспрекословному согласию и повиновению». Конфликты с чиновниками от образования и науки значительно осложняли жизнь деятельного заведующего кафедрой.

Несмотря на загруженность работой, Адам Евгеньевич находил время на подготовку докторской диссертации. К началу 1965 г. он завершил исследование на тему «Славянские числительные (становление числительных как особой части речи)». Впоследствии он вспоминал: «Как раз в тот день, когда я закончил перепечатку и занимался переплетом своей диссертации, чтобы везти ее на обсуждение в Ленинградский университет, где я собирался ее защищать, я получил телеграмму от А. Н. Севченко (ректора БГУ. – *Авт.*) с предложением прибыть на консультации. Вслед за этой телеграммой я получил другую телеграмму от Никиты Ильича Толстого, который активно рекомендовал мне принять предложение о переезде в Минск, а потом и письмо

Виктора Владимировича Мартынова (заведующего отделом общего и славянского языкознания Института языкознания Академии наук БССР. – *Авт.*), из которого я понял... что речь идет о консультациях по вопросу о создании кафедры».

А события в столице Беларуси разворачивались следующим образом. В 1963 г., после окончания V Международного конгресса славистов, директор Института языкознания им. Якуба Коласа АН БССР М. Р. Судник обратил внимание ректора БГУ А. Н. Севченко на необходимость создания в составе ведущего учебного заведения республики славистической кафедры. Аналогичные пожелания высказывались и на филологическом факультете университета. В начале 1965 г. вопрос о создании специализированного подразделения был решен. Н. И. Толстой и В. В. Мартынов – ведущие слависты Москвы и Минска – рекомендовали пригласить на должность заведующего вновь создаваемой кафедры широко известного в профессиональных кругах лингвиста из далекой Киргизии.

Стоит опять обратиться к воспоминаниям Адама Евгеньевича: «Отвезя свою диссертацию на обсуждение в Ленинградский университет, я на обратном пути заехал в Минск. Это была середина февраля 1965 года. Мне “повезло”: университет был закрыт на карантин. Тем не менее я прорвался через кордон швейцаров к Антону Никифоровичу (Севченко. – *Авт.*) и имел беседу с ним и с Алексеем Арсентьевичем Волком, который в то время был заместителем декана, и с Дударовой, в то время парторгом Университета. Речь шла о создании новой кафедры и о том, что меня приглашают ее возглавить. Было решено по обоюдному согласию, что такая кафедра будет создана не в этом, 1965 году, а в 1966 году, когда я, по-видимому, защищу свою диссертацию, а следовательно, ректорату будет легче решить квартирные вопросы

и вообще довести нужную подготовку к созданию кафедры».

Следующий год выдался очень напряженным. Обязанности заведующего кафедрой, преподавательская деятельность и руководство аспирантами забирала немало времени и сил. Тем не менее А. Е. Супрун не оставлял без внимания вопросы организации нового славистического центра. Он дважды приезжал в Минск, регулярно переписывался с заведующим кафедрой общего и русского языкознания БГУ М. Г. Булаховым. Оба специалиста соглашались с тем, что профилем нового подразделения филологического факультета должно стать общее и славянское языкознание.

Адам Евгеньевич не прекращал активной научной деятельности по «доводке» диссертации к защите. 24 февраля 1966 г. на заседании ученого совета филологического факультета Ленинградского государственного университета он успешно защитил докторскую диссертацию, которая подвела итоги многолетнего изучения славянских числительных. Официальными оппонентами выступили три крупных слависта: Ю. С. Маслов, И. А. Дзендзелевский и Н. А. Мещерский. Все они высоко оценили работу исследователя.

А уже в апреле, как вспоминал ученый, «было опубликовано объявление о конкурсе на должность заведующего кафедрой общего и славянского языкознания, профессора. В это время как раз подоспел и срок моего конкурса во Фрунзе. Я там не подал заявление, подал его в Белорусский университет, и в июне я был избран на должность заведующего кафедрой общего и славянского языкознания. Кафедра получила первого официального работника».

По приезду в Минск Адам Евгеньевич сразу приступил к своим прямым обязанностям и с головой окунулся в решение множества вопросов обустройства педагогической и научной деятельности кафедры. Ученый без устали повторял, что

«решающую роль в работе кафедры играют кадры». Уже в 1966/67 учебном году «на кафедре оказалось четыре аспиранта, несколько почасовиков и пять штатных работников». В дальнейшем кадровый потенциал кафедры общего и славянского языкознания, в 1989 г. переименованной в кафедру теоретического и славянского языкознания, неуклонно возрастал. На протяжении десятилетий в центре внимания заведующего неизменно находилась «необходимость поддержания... правильного соотношения возрастного состава, то есть постоянное привлечение молодых работников». А. Е. Супрун пригласил на кафедру много талантливых исследователей, ставших основоположниками ряда научных школ БГУ. По воспоминаниям коллег и учеников, он «был человечным и выдержанным». Не приходится удивляться словам немецкого слависта Х. Яхнова о том, что «сотрудники уважали и ценили Адама Евгеньевича – это было заметно не только в сфере профессионального общения, где отношения заданы служебной иерархией, но и в личных отношениях».

С первых дней работы в БГУ А. Е. Супрун обращал пристальное внимание на организацию учебного процесса. Уже в 1966 г. студенты филологического факультета получили возможность изучать польский, сербохорватский и болгарский языки. В 1967 г. заведующий кафедрой разработал и внедрил новую систему семинаров, предусматривающую совместное обучение студентов разных курсов. А. Е. Супрун был одним из инициаторов включения в учебные планы высших учебных заведений страны курса «Введение в славянскую филологию». Во многом благодаря активной деятельности известного лингвиста в 1993 г. в БГУ открыли специализацию по зарубежным славянским филологиям. Славистический цикл, преподавание которого обеспечивала кафедра теоретического и славянского

языкознания, охватил практически все славянские языки.

Важнейшим направлением деятельности А. Е. Супруна неизменно оставалась преподавательская работа. В 1967 г. молодому доктору наук было присвоено звание профессора. В 1971 г., подводя в университетской многотиражке первые итоги функционирования славистической кафедры, ученый так обозначил приоритеты: «...аб іх, аб нашых былых, сённяшніх і будучых, абавязкова самых любімых вучнях, цяпер... галоўныя думкі. Для іх мы працуем, аб іх клапацімся, імі ганарымся і іх поспехам радуемся». В разные годы А. Е. Супрун читал такие ключевые для филологического образования курсы, как «Старославянский язык», «Введение в славянскую филологию», «Методы исследования языка», «Лексикология». Воспоминания доктора филологических наук, профессора Н. Б. Мечковской, студентки 1960-х гг., доносят до нас образ незаурядного лектора: «Адам Яўгенавіч любіў чытаць лекцыі і рабіў гэта лёгка і бліскава, бо быў універсітэцкі прафесар ад Бога: ведаў свой прадмет дасканала і разумей, што трэба студэнтам. Разам з тым яго лекцыі былі шырэйшыя за звычайныя

А. Е. Супрун и профессор Ю. С. Маслов.
Ленинградский государственный
университет, 1970 г.

А. Е. Супрун с выпускниками семинара.
Минск, 1971 г.

вучэбныя курсы: у іх гучалі сапраўдныя праблемы “дарослай” навукі».

Значителен вклад А. Е. Супруна и в дело подготовки высококвалифицированных специалистов. Первая кандидатская диссертация, написанная на кафедре общего и славянского языкознания, была защищена в 1969 г. Всего выдающийся исследователь подготовил 64 кандидата и 10 докторов наук. Одна из учениц, К. Глыбовская, с теплотой и благодарностью рассказывала: «Он передавал нам не только методологические навыки, но и свои представления о научной этике. Научное руководство Адама Евгеньевича не сводилось к мелочной опеке, не исчерпывалось исправлениями текста работы. Он не требовал еженедельного отчета. Адам Евгеньевич учил нас различать стоящее и нестоящее в научной литературе, регулярно консультировал нас, помогал определить направление».

В умении выбрать направление научного поиска Адаму Евгеньевичу не было равных. Исследовательские интересы лингвиста были чрезвычайно широки, научная деятельность тесно переплеталась с преподавательской работой. Вскоре после переезда в Беларусь, в 1969 г., А. Е. Супрун опубликовал итоговый труд «Славянские числительные. Становление

числительных как особой части речи». В рецензии Ю. А. Карпенко, вышедшей через год в главном профильном журнале «Советское славяноведение», было отмечено: «Данная монография – лучшая из существующих по славянским числительным». Работа получила высокую оценку и зарубежных специалистов.

А. Е. Супрун продолжал начатые еще в Киргизии исследования в области полабского языка. Он занимался описанием этимологии отдельных слов и выражений, толкованием фразеологизмов, исследованием общих вопросов лексической семантики древнего языка. Большая серия статей, посвященных полабской проблематике, завершилась выходом учебного пособия «Полабский язык» (1987). Примечательно, что положительные отзывы на эту работу были даны не только советскими и зарубежными лингвистами, но и профессиональными этнографами. В 1989 г. журнал «Советская этнография» опубликовал рецензию С. Э. Бокариуса, в которой говорилось: «Хотя монография предназначена главным образом для филологов, она интересна также для этнографов, культурологов, историков. Дело в том, что автор, сосредотачиваясь на собственно лингвистической проблематике, привлекает также материалы по истории и культуре носителей этого, ныне не существующего, языка, создавая достаточно широкий культурно-исторический фон... работы, подобные работе А. Е. Супруна, открывают перед этнографами новые дополнительные возможности исследования».

Ученый внес немалый вклад в разработку и иных проблем палеославистики. В наибольшей степени его привлекали вопросы реконструкции древнейшего состояния языков. В своих трудах А. Е. Супрун использовал новейшие лингвистические методы, а особенности славянских языков исследовал на широком сопоставительном фоне. Результаты своих многолетних изысканий он обобщил в ряде

книг: «Старославянский язык» (1991), «Праславянский язык» (1993), «Церковнославянский язык» (1999).

В «золотой фонд» белорусской лингвистики вошел и учебник «Введение в славянскую филологию», написанный А. Е. Супруном в соавторстве с его учеником А. М. Калютой. Книга, опубликованная в 1981 г. и переизданная в 1989 г., получила широкую известность в СССР и за рубежом.

Адам Евгеньевич Супрун – один из основателей белорусской школы психолингвистики. Его первые статьи, посвященные этой тогда еще малоизученной проблематике, увидели свет в конце 1960-х гг. В 1974 г. он вместе со своей супругой, профессором Анной Петровной Клименко, принял участие в создании фундаментальной коллективной монографии «Основы теории речевой деятельности», подготовил важный раздел по психолингвистическому изучению лексики и семантики. В последующие десятилетия Адам Евгеньевич анализировал феномен интертекстуальности – явления, благодаря которому более ранний текст включается в более поздний и таким образом получает новое осмысление. Ученый разработал теорию текстовых реминисценций (отсылок к известным текстам) и обосновал универсальный характер категории интертекстуальности. Некоторые результаты своих изысканий он включил в пособие «Лекции по теории речевой деятельности», изданное в 1996 г. Одна из рецензий на эту книгу носила говорящее название: «Очень сильно».

Приступив к работе в Белорусском государственном университете, Адам Евгеньевич сразу же взялся за изучение титульного языка республики. Уже через год после переезда в Минск известный лингвист опубликовал ряд статей на белорусском языке. Спустя непродолжительное время ученый занялся разработкой фундаментальных и прикладных проблем белорусистики. В 1993 г., осмысляя

путь, пройденный белорусской славистикой, он так определил значимость этого направления исследований: «...при всей важности материального развития общества филологи всегда сталкивались с тем, что в большом историческом плане решает все-таки духовное развитие. А белорусская славистика, как нам кажется, служит духовному развитию своего народа, а с ним – и славянства, и Европы, и мира». В центре профессиональных интересов ученого находилась проблематика сопоставительного изучения белорусского языка с другими языками. Результаты сравнительно-типологических исследований легли в основу изданной в 1983 г. монографии «Лексическая типология славянских языков». Основоположник университетской славистики был инициатором и руководителем работ по созданию белорусского частотного и ассоциативного словарей, участвовал в составлении «Этымалагічнага слоўніка беларускай мовы».

В конце 1980-х гг. А. Е. Супрун обратился к проблемам лингвистики текста. Он занимался анализом лексической структуры древних и поэтических произведений. В 1990-х гг. вышла серия статей, посвященных лексико-грамматической структуре полабских песен. Ученый опубликовал ряд исследований по лингвистике стихотворений А. Ахматовой, А. Блока, А. Вознесенского, Б. Пастернака и других русских и советских поэтов. Не оставлял без внимания и произведения белорусских авторов.

Первый заведующий университетской славистической кафедрой оставил глубокий след не только в лингвистике, но и в педагогической науке. В 1969 г. он стал работать по совместительству в Научно-исследовательском институте педагогики Министерства образования БССР, где в скором времени возглавил сектор обучения русскому языку. Под руководством ученого в течение почти двух десятилетий велись исследования, свя-

занные с разработкой вопросов содержания и методики обучения русскому языку школьников в условиях белорусско-русского двуязычия. А. Е. Супрун возглавил авторский коллектив по написанию учебника по русскому языку для 4-го класса средней школы с белорусским языком обучения. Учебник увидел свет в 1972 г. и выдержал пять переизданий. Адам Евгеньевич опубликовал ряд книг по проблемам лингводидактики: «Лингвистические основы изучения грамматики русского языка в белорусской школе» (1974) и «Содержание обучения русскому языку в белорусской школе» (1987). В 1982 г. он защитил вторую докторскую диссертацию – уже по педагогическим наукам – на тему «Лингводидактические проблемы содержания обучения русскому языку в белорусской школе». Защита состоялась в Москве, в Научно-исследовательском институте преподавания русского языка в национальной школе Академии педагогических наук СССР. Методические работы А. Е. Супруна получили широкое признание в профессиональном сообществе. Он по праву считается основателем научной школы методики преподавания русского языка в Беларуси, а многие его идеи и сегодня находят применение в практике школьной работы.

Сфера деятельности Адама Евгеньевича не ограничивалась научной

и педагогической работой. Ученый эффективно выполнял и многочисленные научно-администраторские функции. Он являлся членом ряда специализированных советов, в том числе Научно-методического совета Министерства просвещения СССР, Совета по координации исследований в области педагогических наук БССР. В 1975–1992 гг. он возглавлял редакционную коллегию журнала «Вестник БГУ. Серия 4, Филология. Журналистика. Педагогика».

Значимым направлением деятельности А. Е. Супруна на протяжении десятилетий оставалась работа по аттестации научно-педагогических кадров. Возглавляя Научно-методический совет филологического факультета БГУ, он сумел внести немалый вклад в развитие науки как Беларуси, так и всего Советского Союза. В своих мемуарах выдающийся славист писал: «Мы гордимся тем, что через нашу кафедру проходили защиты очень хороших, крупных специалистов, в том числе я хотел бы отметить защиту докторской диссертации Юрия Дерениковича Апресяна». Страницы биографии Адама Евгеньевича, связанные с проведением защиты диссертации всемирно известного лингвиста, заслуживают особого внимания. Подготовка этого мероприятия требовала от заведующего кафедрой общего и славянского языкознания не только организационных способностей, но и немалого гражданского мужества. Ю. Д. Апресян, автор фундаментальных трудов по семантике, в начале 1970-х гг. выступил в поддержку невинно осужденных и подвергавшихся гонениям коллег, за что был уволен из Института русского языка и на долгие годы ограничен в проведении полноценных научных исследований. Когда в 1983 г. московский славист Н. И. Толстой посчитал возможным добиться официального признания заслуг Ю. Д. Апресяна, то, по воспоминаниям С. М. Толстой, «обратился за поддержкой именно к Адаму Евгеньевичу.

А. Е. Супрун и Н. С. Можейко. Минск, 1987 г.

Все дальнейшее сделал Адам Евгеньевич. Защита была проведена в Минске, без всякого шума, в то время, когда проходил Международный съезд славистов, и все внимание научной общественности, в том числе и чиновников от науки, было приковано к съезду».

Знаменитый ученый-лингвист БГУ регулярно совершал поездки в научно-образовательные центры как СССР, так и зарубежных стран. Начиная с первой половины 1970-х гг. он много преподавал в университетах Польши, Болгарии, Венгрии, Югославии, Дании, Австрии, Германии и Испании. Адам Евгеньевич с успехом представлял белорусскую лингвистическую науку на самых значительных лингвистических и славистических форумах. Его доклады неоднократно звучали на международных славистических конгрессах, а также конференциях, которые организовывала Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы. А. Е. Супрун принимал участие и в работе советско-американской конференции по русскому языку, проводившейся в 1981 г. в США.

Многогранная деятельность А. Е. Супруна получила высокую оценку. В 1970 г. он был награжден медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина». В 1982 г. ученый и педагог стал отличником народного просвещения. В 1990 г. указом Президиума Верховного Совета БССР основателю университетской славистики было

А. Е. Супрун в своем рабочем кабинете.
1990-е гг.

присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Белорусской ССР».

Адам Евгеньевич Супрун не прекращал работы до последних дней своей жизни. Он умер 18 августа 1999 г. Уже через год на филологическом факультете БГУ были проведены первые Супруновские чтения. Научные встречи белорусских и зарубежных специалистов, посвященные разным аспектам творческой деятельности выдающегося слависта, проходят каждые два года. Университетское сообщество чтит память об ученом, внесшем значительный вклад в развитие отечественной и мировой лингвистики.

Александра Владимировна Вайтович

**Один из основателей
современной белорусской школы
уголовного права**

**Доктор юридических наук,
профессор БГУ,
заслуженный юрист БССР**

Иван Станиславович ТИШКЕВИЧ

01.01.1919 – 07.04.2001

Иван Станиславович Тишкевич – выдающийся ученый-правовед, доктор юридических наук (1970), профессор (1971), заслуженный юрист БССР (1971), участник Великой Отечественной войны – стоял у истоков теоретико-правовых разработок современной белорусской школы уголовного права в сфере борьбы с преступностью. Выпускник Минского юридического института стал первым аспирантом этого учреждения. Иван Станиславович 25 лет (1963–1988) заведовал кафедрой уголовного права БГУ, а в 1972–1973 гг. исполнял обязанности декана юридического факультета.

Ученый-правовед, автор свыше 120 научных трудов. С его участием был издан первый национальный двухтомный учебник «Уголовное право БССР» (1978). Профессор лично руководил студенческим кружком по уголовному праву, под его руководством было подготовлено 6 кандидатов юридических наук. Заслуженный юрист БССР.

Заведующий кафедрой уголовного права И. С. Тишкевич наладил тесное взаимодействие коллег-преподавателей с правоприменительной практикой. С участием Ивана Станиславовича были подготовлены и опубликованы комментарии к Уголовному и Исправительно-трудовому кодексам БССР. Профессор на протяжении многих лет был членом научно-консультативных советов при Верховном суде и Министерстве юстиции республики, входил в методический совет Прокуратуры БССР, участвовал в законопроектных работах Республики Беларусь, в частности в подготовке проекта нового Уголовного кодекса.

Иван Станиславович Тишкевич родился в семье крестьянина-бедняка в д. Настолье Речицкого уезда Минской губернии (сегодня – г. Хойники Хойникского района Гомельской области). Его родители работали в колхозе с момента его организации. В 1927 г. начал обучение в белорусской семилетней школе № 1 г. п. Хойники, а в 1937 г. с золотой медалью окончил Хойникскую среднюю школу и был направлен райкомом комсомола по спецнабору в 1-е Ленинградское авиатехническое училище им. К. Е. Ворошилова. Однако через год (1938) был отчислен в связи с резким ухудшением зрения. Приехав на родину, И. С. Тишкевич поступил в Минский юридический институт (бывший Белорусский государственный юридический институт в ведении Наркомата юстиции). Но учебу Ивана Станиславовича прервала Великая Отечественная война. В начале войны погибли его молодая жена и ребенок. Некоторое время – в июле – августе 1941 г. – он работал в г. п. Хойники исполняющим обязанности следователя прокуратуры Хойникского района Полеской области.

В связи с немецкой оккупацией в конце августа вместе с истребительным батальоном И. С. Тишкевич эвакуировался в Курск, где в сентябре 1941 г. добровольно вступил в ряды Советской армии. Службу проходил в звании рядового и в должности стрелка сначала в 64-м, а затем в 381-м запасном стрелковом полку в г. Курске, Воронеже, Пугачеве. В апреле 1942 г. командованием Приволжского военного округа боец был направлен в Вольский район Саратовской области на строительство № 61 в системе Народного комиссариата путей сообщения СССР. Затем до августа 1944 г. трудился на строительстве № 62 в г. Татарске Новосибирской области, выполняя обязанности путевого рабочего. И даже в таких условиях военного времени Иван Станиславович в августе – сентяб-

ре 1944 г. смог продолжить учебу в вузе иного профиля – в Днепропетровском институте инженеров железнодорожного транспорта, который находился в то время в г. Новосибирске. Однако после переезда института обратно в Днепропетровск осенью 1944 г. И. С. Тишкевич был снова призван в ряды Советской армии и в октябре направлен в Первое офицерское училище связи Войска Польского в г. Замостье Польской Народной Республики.

После окончания училища, получив звание лейтенанта, в рамках правительственной командировки в мае 1945 г. офицер был направлен на работу в отдел информации (контрразведки) Люблинского военного округа для борьбы с «контрреволюционными бандами». Служил сначала оперуполномоченным, старшим оперуполномоченным и затем начальником секретариата отдела контрразведки «Смерш». За годы службы в армии И. С. Тишкевич был награжден орденами и медалями Польской Народной Республики.

В декабре 1946 г. удалось уволиться из армии в запас по собственному желанию для продолжения учебы в Минском юридическом институте (МЮИ). К учебе Иван Станиславович приступил в январе 1947 г. Студент, прошедший столь сложный жизненный путь, был востребован в общественно-политической жизни института. Его избрали секретарем курсового комсомольского бюро, членом комитета комсомола. В 1949 г. он был принят в члены партии.

В июле 1948 г., с отличием окончив учебу, И. С. Тишкевич поступил в аспирантуру юридического института, став первым аспирантом в истории учреждения. Параллельно с работой над диссертацией, с сентября 1949 г., преподавал курсы по теории государства и права, а также по уголовному праву. Учеба в аспирантуре была завершена в 1951 г., и в ноябре того же года Иван

Выпуск 1948 г. Минского юридического института

Станиславович был принят на должность старшего преподавателя кафедры советского уголовного права родного института. Общественная нагрузка возросла многократно: он являлся нештатным лектором Ворошиловского райкома КП(б) и Минского горкома КП(б)Б, был избран членом партбюро института. По совместительству пришлось до октября 1952 г. выполнять и ответственные административные обязанности заместителя декана МЮИ. А уже в октябре 1952 г. молодой юрист был назначен деканом. Более того, с декабря 1952 по август 1953 г. И. С. Тишкевич исполнял обязанности сначала заместителя директора по научной и учебной работе, а затем директора Минского юридического института. Примечательно, что против назначения Ивана Станиславовича директором активно выступал его научный руководитель, опасаясь, что такой карьерный взлет

ученика задержит защиту кандидатской диссертации (он называл данное решение «порочным»). Однако административная работа не помешала в апреле 1953 г. в Харьковском юридическом институте им. Л. М. Кагановича успешно защитить диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Понятие приготовления и покушения в советском уголовном праве».

С июля 1953 г. И. С. Тишкевич снова стал работать «всего лишь» в должности старшего преподавателя кафедры уголовного процесса МЮИ, хотя публикация его диссертации в союзном издании неопровержимо подтверждала признание научных успехов ученого-правоведа и его притязания на лидерство в формировании послевоенной научной школы уголовного права БССР.

В октябре 1954 г. был издан приказ Министерства высшего образования

СССР № 1048 «О реорганизации Минского юридического института в юридический факультет Белорусского государственного университета». С ноября 1954 г. И. С. Тишкевич стал старшим преподавателем кафедры уголовного права и процесса уже юридического факультета БГУ. В сентябре 1956 г. он занял должность доцента этой кафедры, получив через два года соответствующее ученое звание. Новый качественный рост профессиональных и личностных достоинств университетского правоведа пришелся на июнь 1963 г., когда Иван Станиславович был избран заведующим кафедрой уголовного права и процесса, которая в 1965 г. была реорганизована в кафедру уголовного права.

За время работы сначала в юридическом институте, затем в БГУ И. С. Тишкевич читал курсы лекций по советскому уголовному праву (Общей и Особенной частей) на дневном, вечернем и заочном отделениях. Начиная с 1956 г., в связи с включением в учебный план курса прокурорского надзора, стал читать курс лекций и проводить практические занятия по учебной дисциплине «Прокурорский надзор в СССР» на всех отделениях факультета.

Педагогическая работа ученого была неразрывна с его научно-исследовательской деятельностью. Здесь следует обратить внимание на то, что в конце 1940-х – начале 1950-х гг. поддерживалась идея принятия единого уголовного закона для всего Советского Союза – Уголовного кодекса СССР. Белорусские правоведа вообще и Иван Станиславович в частности приняли участие в обсуждении проектов «Основных начал уголовного законодательства» (таким было предварительное название закона) и «Основ судопроизводства Союза ССР и союзных республик». И. С. Тишкевич в своих научных изысканиях затронул проблемный вопрос о том, являются ли руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР источником права. Однако идея

принятия общесоюзного Уголовного кодекса должной поддержки не получила, и законотворческая деятельность пошла по традиционному пути – пути принятия базового общесоюзного уголовного законодательства, на основе которого предстояло сформировать уголовные кодексы союзных республик.

В работах И. С. Тишкевича получили развитие результаты его диссертационного исследования о стадиях умышленного преступления. Общим итогом такой работы стала монография «Приготовление и покушение по советскому уголовному праву». Без преувеличения можно утверждать, что труды Ивана Станиславовича дали стимул научным изысканиям в этом направлении на всей территории СССР и способствовали закреплению единообразного применения закона при уголовно-правовой оценке неоконченного преступления. Во второй половине 1950-х гг. И. С. Тишкевич обратился к проблемам уголовно-правовой регламентации и уголовно-правовой оценки таких явлений, как необходимая оборона и причинение вреда при задержании преступника. Анализ обозначенных обстоятельств, исключаящих общественную опасность и преступность деяния, он на-

И. С. Тишкевич с женой
и дочерью Валентиной. Минск, 1950 г.

чал с изучения ошибок в следственной и судебной практике.

На рубеже 1950–60-х гг. белорусскими юристами значительное внимание уделялось научной оценке отдельных норм и институтов уголовного права в законопроекте будущего Уголовного кодекса БССР. Введение в действие в 1961 г. Уголовного кодекса БССР послужило поводом для написания и издания первого белорусского комментария к этому уголовному закону. Авторский коллектив, состоявший из ведущих преподавателей уголовного права в БГУ (доцентов И. И. Горелика, М. Н. Меркушева, И. С. Тишкевича и В. А. Шкурко), подготовил первое, а затем и второе издание такого чрезвычайно важного для практических работников труда.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. вопросы о понятии и сущности обстоятельств, исключающих преступность деяния, об условиях правомерности необходимой обороны и задержания лица, совершившего преступления, о крайней необходимости изучались многими криминалистами. Вместе с тем именно работы И. С. Тишкевича заняли особое место среди публикаций, затрагивавших эти проблемы. Как и ранее, в основу университетский ученый положил большой практический и законодательный материал. Произошло своеобразное осмысление всех предыдущих исследований, воплощенное в лучших традициях дореволюционных и советских криминалистических трудов. Автор попытался ответить на все дискуссионные вопросы, относящиеся к правомерности необходимой обороны. В целом многолетнее изучение Иваном Станиславовичем таких обстоятельств, исключающих общественную опасность и противоправность деяний, как необходимая оборона и задержание преступника, увенчалось в 1969 г. успешной защитой докторской диссертации на тему «Защита от общественно небезопасного посягательства и меры по

задержанию преступника». Проведенное в рамках докторской диссертации социологическое исследование (результаты анкетного опроса 647 следователей, прокуроров, работников органов МВД и иных юристов-практиков, а также 1209 граждан-неюристов) позволило ученому выявить причины редкого использования права на необходимую оборону. По итогам диссертационного исследования он впоследствии опубликовал ряд трудов, среди которых особо выделяется монография «Условия и пределы необходимой обороны».

В 1971 г. И. С. Тишкевичу было присвоено ученое звание профессора. В том же году он получил почетное звание заслуженного юриста Белорусской ССР. Вновь, как ранее в МЮИ, на короткий период (с марта 1972 по апрель 1973 г.) пришлось в качестве декана возглавить факультет – на этот раз ставший родным юрфак БГУ. В это же время на протяжении всего 1972 г. он без отрыва от деканских забот проходил стажировку в Верховном суде БССР и в соответствии с планом стажировки активно изучал кассационную и надзорную практики, составлял «Обзоры судебной практики Верховного суда БССР» за оба полугодия и их редактировал, консультировал судебных работников по конкретным уголовным делам. Как член научно-консультативного совета при Верховном суде БССР И. С. Тишкевич активно участвовал в обсуждении спорных вопросов применения уголовного законодательства СССР и БССР, проектов руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР и Пленума Верховного суда БССР. Наряду с мотивированными выступлениями в прениях по некоторым вопросам он по просьбе председателя совета давал и письменные заключения. Материалы судебной практики ученый постоянно использовал в процессе преподавания уголовного права и в научно-исследовательской деятельности. В 1970-х гг. под-

готовил и читал спецкурс «Должностные преступления» (на государственно-правовой специализации), проводил спецсеминары по этому спецкурсу.

В 1980-е гг. И. С. Тишкевич посвятил исследования практике применения уголовного закона при совершении посягательств на отношения собственности. Им был издан ряд монографий, отражающих проблемы уголовно-правовой охраны личной собственности граждан и социалистической собственности: «Личная собственность граждан под охраной закона: уголовно-правовые аспекты» (1983); «Уголовная ответственность за посягательства на социалистическую собственность» (1984); «Уголовно-правовая охрана личной собственности граждан» (1988).

После обретения Республикой Беларусь независимости Иван Станиславович уделил особое внимание участию в формировании нового уголовного законодательства, которое отражало бы масштабные перемены в жизни общества и произошедшую переоценку охраняемых уголовным законом ценностей. Последующие изменения в правовом регулировании отношений собственности и новая судебная практика нашли отражение в монографии, посвященной уголовно-правовой оценке хищений имущества.

Иван Станиславович Тишкевич 25 лет успешно возглавлял кафедру уголовного права (до декабря 1988 г.), создавая исключительно творческую атмосферу в научно-педагогическом коллективе. Кафедра неоднократно награждалась грамотами за успехи в социалистическом соревновании. Умелое руководство, высочайшая профессиональная квалификация, творческий подход, талант и самоотдача Ивана Станиславовича вывели кафедру уголовного права в число лидеров среди белорусских научных подразделений, занимавшихся фундаментальными и прикладными исследованиями. По воспоминаниям учеников профессора, это была кафедра равных коллег не-

зависимо от возраста и научного опыта. А отступления от этого правила осуждались и пресекались. И. С. Тишкевич руководил кафедрой по принципу, высказанному У. Шекспиром: «Первейшая наука мастерства – не признавать свое же совершенство». При этом профессор всегда оставался исключительно требовательным к себе.

Иван Станиславович успешно руководил аспирантами и соискателями, подготовил шесть кандидатов юридических наук. Ему удалось создать собственную научную школу уголовного права. Продолжая лучшие традиции классической профессуры, он очень требовательно, мудро и в то же время по-товарищески относился к своим воспитанникам, приучая к крайне непростому, но интересному процессу постижения проблем и особенностей юридической профессии. Ученый щедро делился своими знаниями, опытом и научными идеями с учениками и коллегами, пользуясь исключительным авторитетом и уважением в трудовом коллективе и среди студентов.

Иван Станиславович все годы работы в БГУ оставался востребованным в общественной жизни университета: неоднократно избирался в состав партийного комитета БГУ и партийного бюро юридического факультета, в состав профсоюзных органов, руководил головной группой народного контроля БГУ; участвовал в работе научно-консультативных советов при Верховном суде БССР и Министерстве юстиции БССР, методического совета Прокуратуры БССР.

За успехи в научной, педагогической деятельности и за участие в общественной работе И. С. Тишкевич неоднократно награждался почетными грамотами, в том числе Верховного Совета БССР, Министерства высшего и среднего образования БССР, Минвуза СССР, общества «Знание», ректората, партийного и профсоюзного комитетов БГУ. Среди весомых наград университетского правоведа –

И. С. Тишкевич среди студентов.
Декабрь 1982 г.

юбилейные медали СССР «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «60 лет вооруженных сил СССР», а также медаль «Ветеран труда» и памятный знак «Двадцать пять лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1971 г. он был удостоен почетного звания «Заслуженный юрист Белорусской ССР» (одним из первых на факультете).

Юридическую теорию И. С. Тишкевич всегда успешно сочетал с практикой, занимая различные должности в судебной системе. Так, в 1951–1957 гг. он являлся народным заседателем в Народном суде 3-го участка Ворошиловского района, а в 1953–1955 гг. – председателем культурно-просветительной комиссии Ворошиловского районного Совета депутатов трудящихся. В разные годы возглавлял комиссию содействия сберегательному делу и госкредиту по юридическому факультету и был членом методкомиссии, выполнял обязанности председателя

и заместителя председателя участковой избирательной комиссии, являлся председателем профсоюзного бюро юридического факультета, состоял членом местного университета. В 1959–1961 гг. Иван Станиславович, будучи членом президиума обкома, принимал участие в работе Областного комитета профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений. На научном поприще являлся заместителем председателя совета по присуждению ученых степеней по экономическим и юридическим наукам БГУ, председателем общественной редакции издательства «Юридическая литература», редактором раздела уголовного права в издаваемом Верховным судом БССР «Обзоре судебной практики БССР», заместителем главного редактора «Вестника Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина. Серия 3, Философия. История. Экономика. Право»), членом президиума секции государства и права научно-технического совета Министерства высшего и среднего специального образования СССР и научно-консультативных советов при Верховном суде и Министерстве юстиции республики.

И всюду участие не было формальной обязанностью опытного ученого-юриста, а приносило практическую значимость. Так, Иван Станиславович работал над подготовкой предложения о внесении изменений и дополнений в действующие общесоюзные уголовные законы, принимал участие в обсуждении данного вопроса на совместном заседании Верховного суда БССР и кафедр уголовного права и уголовного процесса БГУ. И. С. Тишкевич активно занимался информационно-просветительской деятельностью: выступал с лекциями на правовые темы перед работниками прокуратуры и суда, слушателями общественных университетов правовых знаний, студентами других факультетов и перед населением. Он принимал участие в работе по военно-

патриотическому воспитанию молодежи, даже был награжден Почетной грамотой БГУ как корреспондент многотиражной газеты «Беларускі ўніверсітэт».

Современные белорусские юристы признают, что сегодня невозможно представить изучение уголовного права без работ Ивана Станиславовича. По своей значимости они занимают особое место в научной юридической литературе. Труды профессора И. С. Тишкевича прежде всего отличает фундаментальность подхода к исследуемым проблемам. Всего он опубликовал свыше 120 научных и научно-педагогических работ, в том числе 11 монографий, двухтомный учебник по Уголовному праву БССР, учебные пособия по истории государства и права БССР, основам советского права, Комментарии к УК и ИТК БССР (написаны в соавторстве) и др.

Иван Станиславович обладал даром ученого. На правовые проблемы, которые предъявляла жизнь, он мгновенно откликался не только в теоретических изысканиях, но и в научно обоснованных практических рекомендациях. Поэтому его исследовательская деятельность, которую отличала значимость и новизна постановки проблемы, постоянно находилась на пике актуальности. Кроме того, научные исследования И. С. Тишкевича в свое время сыграли исключительно важную роль, став основой преемственного развития белорусской уголовно-правовой науки, научных представлений о преступлении и наказании, основательным фундаментом для генерирования новых перспективных идей и решений. Работы ученого сохранили актуальность и до настоящего времени, что подтверждает их подлинную научность и достоверность. Поэтому его труды представляют несомненную ценность и для современной отечественной науки уголовного права.

В воспоминаниях своих учеников и коллег Иван Станиславович остался открытым и доброжелательным, понимающим и любившим юмор, но сдержанным по натуре человеком. Ему были присущи такие качества, как справедливость и заботливость. Поэтому он всегда становился на сторону критикуемого. Таково было гуманистическое кредо ученого как личности. И конечно же, Иван Станиславович трепетно любил и заботился о своей семье. Он был дважды женат. Первая жена с ребенком погибли в начале войны. Вторая супруга – Тишкевич Зинаида Федоровна (1925 г. р.) – заведовала лабораторией советского законодательства на юридическом факультете БГУ. Она была верной и преданной «хранительницей научного дара» профессора. В семье родилось трое детей: дочери Валентина (1949) и Елена (1958), сын Станислав (1952).

Скончался Иван Станиславович 7 апреля 2001 г. Его ученики и коллеги бережно хранят память о незаурядном ученом и чтят традиции, заложенные им на кафедре. В 2014 г. были изданы избранные труды профессора. Вышла серия публикаций, посвященных изучению его вклада в развитие отечественной юридической науки. В память об ученом к столетнему юбилею со дня его рождения на юридическом факультете БГУ кафедрой уголовного права был проведен республиканский круглый стол «Актуальные проблемы развития уголовного законодательства и теоретические взгляды профессора И. С. Тишкевича». Родственники профессора через прокуратуру Гомельской области передали личные вещи, награды, документы из личного архива, на основании которых на родине И. С. Тишкевича в Хойникском краеведческом музее открылась экспозиция, посвященная знаменитому земляку.

Андрей Анатольевич Торканевский

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателю.....	4
Интеллектуальная элита Беларуси	6

ИЗ ПЛЕЯДЫ ПЕРВЫХ...

Ольга Дмитриевна АКИМОВА Один из первых белорусских ученых-альгологов	9
Федор Оскарович ГАУСМАН Выдающийся ученый-медик, организатор терапевтического образования в Беларуси, действительный член АН БССР	20
Лев Павлович РОЗАНОВ Выдающийся ученый-медик, основоположник физиологических исследований в Беларуси	31
Иосиф Бенцианович СИМАНОВСКИЙ Выдающийся организатор, теоретик и практик библиотечного дела в Беларуси и СССР, библиограф	40
Евгений Константинович УСПЕНСКИЙ Государственный деятель, один из организаторов высшей школы Беларуси, независимый ученый-физик	57
Анатолий Владимирович ФЕДЮШИН Пионер изучения фауны Беларуси и основатель белорусской зоологической научной школы	68

СТОЯВШИЕ У ИСТОКОВ НОВЫХ НАУЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ

Юрий Станиславович БОГДАНОВ Выдающийся ученый в области теории обыкновенных дифференциальных уравнений, создатель авторских методик преподавания математики	91
Владимир Гаврилович ВАФИАДИ Основоположник белорусской научной школы электрофизики и исследований в области оптической локации	104
Георгий Георгиевич ВИНБЕРГ Ученый-биолог с мировым именем, основатель белорусской научной гидробиологической школы.....	118
Иван Васильевич ГУТОРОВ Партизан, ставший исследователем творчества народных мстителей.....	129
Мария Андреевна ЖИДОВИЧ Независимый языковед, определивший становление научной школы истории белорусского языкознания	140

Гилер Маркович ЛИВШИЦ Один из основоположников мирового кумрановедения, выдающийся исследователь религий и атеизма	150
Андрей Григорьевич МЕДВЕДЕВ Один из создателей школы белорусского почвоведения, основоположник важных отраслей почвоведения	161
Иван Павлович МЕЛЕЖ Студент, аспирант, старший преподаватель Белорусского государственного университета, ставший народным писателем БССР	170
Илья Григорьевич НЕКРАШЕВИЧ Выдающийся физик, создатель научной школы в области радиотехники и физической электроники	181
Федор Макарьевич НЕЧАЙ Один из основоположников белорусского антиковедения	194
Алексей Исаевич СИДОРЕНКО Историк, воплотивший в себе лучшие качества университетского педагога	206
Василий Иванович СТЕПАНОВ Выдающийся философ и организатор преподавания философии в Беларуси	217
Владимир Антонович ТОМАШЕВИЧ Ректор, определявший пути послевоенного восстановления БГУ	225
Лука Васильевич ШАШКОВ Один из основоположников и организаторов педагогической науки в Беларуси	238

ТАЛАНТЫ, ТВОРИВШИЕ НА РУБЕЖЕ ДВУХ ЭПОХ В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ

Григорий Васильевич БУЛАЦКИЙ Организатор и многолетний руководитель факультета журналистики БГУ	253
Александр Петрович ИГНАТЕНКО Выдающийся исследователь белорусского Средневековья и раннего Нового времени	261
Анатолий Тимофеевич ПИКУЛЕВ Выдающийся ученый и талантливый педагог, основоположник нового научного направления в Беларуси в области биохимии и радиобиологии	271
Евгений Аркадьевич ПРОДАН Основатель белорусской научной школы топочимии монокристаллов и полифосфатов	279
Ольга Романовна СКОРОХОД Один из основоположников научной школы аналитической химии в Беларуси	289
Адам Евгеньевич СУПРУН Выдающийся лингвист, основоположник отечественной славистики, основатель научной школы методики преподавания русского языка в белорусской школе	299
Иван Станиславович ТИШКЕВИЧ Один из основателей современной белорусской школы уголовного права	310

Научное издание

*Белорусский государственный университет:
100 лет на благо Отечества*

Король Андрей Дмитриевич
Бочило Ирина Геннадьевна
Бурачонок Александр Вячеславович и др.

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА БЕЛАРУСИ.
ОСНОВОПОЛОЖНИКИ БЕЛОРУССКОЙ НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (1919–2001)**

Редакторы *Е. А. Логвинович, Н. В. Яненко*
Художник обложки *Т. Ю. Таран*
Художественный редактор *Т. Ю. Таран*
Технический редактор *В. П. Явуз*
Компьютерная верстка *О. В. Гасюк*
Корректор *Н. В. Яненко*

Подписано в печать 25.06.2021. Формат 70×100/16. Бумага мелованная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 25,8. Уч.-изд. л. 31,7.
Тираж 90 экз. Заказ 230.

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.